Всемирная история

Алексей ШИШОВ

ВИЛЬГЕЛЬМ I ЗАВОЕВАТЕЛЬ

ГИБЕЛЬ КОРОЛЕВСТВА АНГЛОСАКСОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Незаконнорожденный сын герцога Нормандии, с детских лет познавший, что такое угроза смерти, а в шестнадцать лет ставший венценосцем. Прямой потомок морских разбойников, который с оружием в руках отстоял свое право носить корону… Вильгельм Завоеватель… Покоритель Англии… Человек, деяния которого не на одно столетие определили жизнь Западной Европы. О нем и о его жизни рассказывает эта книга.

- Алексей Васильевич Шишов
  -
  - От автора
  - Часть 1. Пути викингов. Нормандия. Судьбоносность незаконнорожденного Вильгельма. Его грезы об английской короне
  - Часть 2. Смерть короля Эдуарда и воцарение Гарольда. Нормандское вторжение через Ла-Манш. Битва при Гастингсе
  - Часть 3. Покорение Англии. «Книга Страшного суда». Бремя чужой короны. Война во Франции. Наследство и наследники
  - Литература
  - Иллюстрации

Алексей Васильевич Шишов
Вильгельм I Завоеватель. Гибель королевства англосаксов

© Шишов А.В., 2019
© ООО «Издательство «Вече», 2019
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019
Сайт издательства www.veche.ru

От автора

Судьба героя этого исторического повествования удивительна и поучительна. Незаконнорожденный (бастард) сын герцога Нормандии, с детских лет познавший смертельную опасность для собственной жизни, в шестнадцать лет стал полноправным венценосцем. Прямой потомок морских разбойников с оружием в руках отстоял свое право владеть короной и быть самодержцем в Нормандии, части французской земли, завоеванной для себя викингами из Скандинавии. Вряд ли его подданные и хронисты в начале его жизненного пути могли подозревать, какое великое будущее ждет рыцарствующего герцога.

Герцог Вильгельм Нормандский к 1066 году навел в собственных владениях образцовый для рыцарского Средневековья порядок. Им были разрушены замки баронов, построенные в период его несовершеннолетия. Введены строгие наказания за нарушения «герцогского мира». Создана единая разветвленная структура местной администрации, во главе которой стояли виконты. Пройдет время, и титул виконта будет отнесен к высшей аристократии ряда европейских стран. В этих отношениях герцог Вильгельм значительно упредил последующие мероприятия французских королей. Можно сказать, что он в своем государственном реформаторстве шел заметно впереди среди прочих монархов и обладателей больших феодов Западной Европы XI столетия.

Вильгельму Нормандскому, утвердившемуся на отцовском престоле, стало тесно в границах Французского королевства, с монархами которого он не раз встречался на полях брани. Молодое, здоровое самолюбие юного венценосца, мечтающего о великой будущности, подвигло герцога Вильгельма к безумной, как казалось современникам, авантюре – совершить военный поход на противоположный берег пролива Ла-Манш и сокрушить мечами наемного войска, в основе нормандского, Английское королевство.

Из Франции в Англию никто не вторгался со времен римских завоеваний тысячу лет. Эту многовековую традицию нарушил герцог Вильгельм Нормандский, поставивший перед собой великую цель – добыть королевскую корону. Завладеть ею означало завоевать Англию, страну народа англосаксов. Вторжение герцогского войска в Туманный Альбион оказалось настолько хорошо продуманным и подготовленным, да еще проведенным в удобнейшее время, что одной большой битвы при Гастингсе оказалось достаточно, чтобы Вильгельм через шесть

недель короновался в Вестминстерском соборе.

В летопись европейского Средневековья в 1066 году вошел удивительный факт: герцог Вильгельм с удивительной легкостью покорил Английское королевство, самое сильное государство на Британских островах. Оно пала к ногам Завоевателя с поразительной быстротой и с тем, чтобы не стать для истории «птицей Феникс». После этого судьба Англии резко меняется: нормандцы мечом и огнем принудили ее народ к повиновению, страна, в которой вводились феодальные порядки, зажила под гнетом «Книги страшного суда», а ее военная сила увязла в длительных военных конфликтах на континенте, на земле Французского королевства. Три века местная аристократия говорила на языке завоевателей.

Можно утверждать, что первой страницей летописи новой Англии стало именно нормандское завоевание. Страна как бы приобщилась к Европе – к ее политической и экономической жизни, культуре, дипломатии и, разумеется, к континентальным войнам. Островная отчужденность Британии от европейских дел безвозвратно ушла в прошлое. Теперь ее с континентом связывало много общих проблем и военных конфликтов.

Судьбоносность Вильгельма Завоевателя для современной Великобритании заключается и в ее государственном языке. Если бы не нормандское завоевание, современный английский язык не существовал бы таким, каким мы его сегодня знаем. Он мог бы слегка отличаться от нижнегерманского и голландского языков. Внесение в него французского «оттенка» заметно изменило язык народа англосаксов. Отсюда можно сделать вывод: если бы не деятельность одного человека на поприще завоеваний, то английский язык, вероятнее всего, не стал бы являться сегодня самым распространенным в мире.

Судьбоносность Вильгельма Завоевателя в истории Британии и Франции заключается еще в одном неоспоримом историческом факте. После его смерти в Европе в течение четырех веков прошла серия больших и малых войн между английскими и французскими королями. Камнем же преткновения для них стала Нормандия и другие владения английской короны на территории современной Франции.

Точкой отсчета этой исторической кровавой драмы, растянувшейся на четыре столетия, стал 1066 год, год вторжения нормандцев на остров через пролив Ла-Манш. Это была целая эпоха, когда Западная Европа делилась на сторонников или противников двух исстари враждующих монархий. В итоге англичане были изгнаны с континента, а французский флот на стал сильнейшим на морях, омывающих Европу. Будущая

«владычица морей» осталась островной державой, а Франция «консолидировала» нынешнюю свою территорию.

Государство, созданное Вильгельмом I Завоевателем, из островной Англии и материковой Нормандии исторически долго не могло существовать на политической сцене Западной Европы. Поскольку Нормандия географически являлась французской землей, то в конце концов она и стала частью, областью собственно Франции. Англии же в Средневековье пришлось в итоге довольствоваться территориальными приращениями за счет своих островных соседей – Уэльса, Шотландии и Ирландии. На Европейском же континенте английской короне стала принадлежать только Гибралтарская скала, стерегущая вход из Атлантики в Средиземноморье.

Вильгельма Нормандского постигла та же династическая судьба, как и многих подобных ему завоевателей. Обладатель двух корон оставил после себя трех сыновей-наследников, не привив им высокого чувства братства. И Роберт Коротконогий, и Вильгельм Рыжий, и Генрих по жизни пошли своими путями, и когда те пересекались, между братьями уже открыто вспыхивала вражда, которая для истории заканчивалась печально и кроваво. Но с другой стороны, наследники Вильгельма Нормандского в жизни старались равняться на великого родителя, на его жизнь, полную поучительных примеров для властвования средневекового рыцарствующего правителя, «варвара-цивилизатора».

Личность Вильгельма Завоевателя, дело его жизни и итоги правления завоевателя Англии по сей день спорны для исследователей. Эта спорность подогревается крайне малым числом достоверных документальных источников той эпохи и большим числом самых противоречивых исторических версий о судьбоносности этого незаурядного человека. Вильгельм так и не стал национальным героем ни Англии, ни Франции, ни родины его предков Скандинавии. Однако, с другой стороны, он лично и его деяния не одно столетие определяли жизнь Западной Европы, как Британских островов, так и континента.

Данная книга является не чем иным, как новым прочтением биографии Вильгельма Завоевателя, обладателя двух корон – герцогской Нормандии и королевской Англии. Каждая новая эпоха требует такого освещения жизни великих личностей мировой истории. Их судьбоносность прослеживается сквозь века, а разбираться в событиях нынешнего дня человеку думающему свойственно с поиска истоков того, что его волнует, тревожит и увлекает.

Алексей Шишов,

военный историк и писатель, лауреат Международной литературной премии им. Валентина Пикуля и Всероссийской историко-литературной премии им. Александра Невского

Часть 1. Пути викингов. Нормандия. Судьбоносность незаконнорожденного Вильгельма. Его грезы об английской короне

На протяжении трех столетий – в XIII, IX и X веках – Западную Европу захлестнули три волны «варварских» нашествий, каждая из которых пришлась на разные части света. Это были кочевые племена воинственных венгров, пришедших с восхода солнца, не менее воинственных арабов, которые из североафриканского Магриба (Туниса, Алжира и Марокко) вторглись через Средиземное море на итальянский юг и Пиренейский полуостров, захватив там почти все территории современных Испании и Португалии. Воинство под зеленым знаменем ислама стало второй волной.

Третья «варварская» волна обрушилась на север Европы (и не только ее север) из Скандинавии. Викинги-язычники, предки современных датчан, норвежцев и шведов (на Руси их звали свеями), были одновременно и воинами, и торговцами, и поселенцами. Они двинулись сперва на восток, на владения Новгородской Руси. Затем пошли по северному маршруту на запад – в Исландию, Гренландию и Северную Америку.

Викинги (или норманны) из норвежских фиордов искали новые земли на все четыре стороны света. Самовластным свободным ярлам (князьям) в конце IX столетия стало ясно, что им не ужиться с королевской властью на земле Норвегии, что их скоро выбросят с земель фиордов и что надо куда-то уходить. Пожалуй, в поисках местожительства больше всего повезло ярлу Оттару из Нидароса, известному персонажу исторических писаний той эпохи.

Повезло, однако, ярлу не сразу. Сперва он отправился на восток и оказался в устье реки Двин-о (Северной Двины), берега которой стали заселять новгородцы. Однако завоевателям не удалось закрепиться там: они были изгнаны с большим уроном в открытое море. Так что поселений викингов на берегах Белого моря российская история не знает. Вождь морских разбойников из норвежского Нидароса не отчаивался: он пошел походом на запад, чтобы там найти новые для себя владения, которые предстояло взять силой.

Оттар, пользуясь политической разрухой в Западной Европе, обосновался со своей дружиной и семьями викингов на

французском побережье Ла-Манша, в устье реки Луары. Пришельцы без больших трудностей сломили сопротивление местных жителей и стали обладателями нескольких удобных морских баз. Долгие годы после ярл Оттар со своими викингами терзал атлантическое побережье Европейского континента набегами флотилий драккаров, прежде всего современной Франции.

Умелый морской разбойник не боялся подниматься вверх по реке Лауре на сотни километров, каждый раз забираясь все дальше и дальше в глубинку французской территории. Оттар с дружиной, заметно пополнившейся новобранцами-викингами, изгнанными, как и сам ярл, из норвежских фиордов, брал штурмом, грабил и сжигал такие большие города, как Тур, Нант, Орлеан. Хроники тех лет не находят достаточно слов для описаний бедствий, причиненных Оттаром-вестфольдингом.

Оттар при жизни сталл хорошо известен в северной части Европы. Некоторое время ярл был близок к королю саксов Альфреду Великому и не раз бывал в Англии. Просвещенный король вошел в историю еще и тем, что составил описание жизни Оттара в Нидаросе и неудачного завоевательного похода нурманнов на лесные берега Двин-о, в Поморье, земли русичей в современной Архангельской области. Благодаря этому описанию ярл Оттар и вошел в историю.

Укрепившись в устье Луары и усилившись новыми отрядами викингов и драккарами, Оттар ворвался в реку Сену и захватил землю Брэй, расположенную в бассейнах рек Эптэ и Анделль, притоков Сены. Эта земля стала его новым владением. Ярл превратился в сеньора-«короля», никогда не оставлявшего, даже для вида, замашек морского разбойника. Он не уставал разбойничать на морских и речных берегах Франции и Англии, повсюду ища добычи, пленников-рабов и славы викинга.

Оттар кончил жизнь на поле брани. Уже будучи глубоким стариком, в 911 году, бывший хозяин Нидароса пал в битве при Бодансфиэльде, в Англии, близ реки Северн. Созданное его кровавыми трудами феодальное владение Брэй просуществовало до начала XII века, то есть более трех столетий. Оно было отобрано у потомков Оттара французским королем Филиппом Августом.

Ярл Оттар стал героем не одного литературного произведения. Писатель-историк Валентин Иванов отмечал: «Ни одна хроника, ни одна летопись не может сообщить ни одного дела, которое Оттар или его потомки совершили для блага людей…»

…В IX веке главный удар викингских атак с моря пришелся

на Британские острова, северную Францию и Голландию. Собственно Британия стала переживать грабительские набеги данов – собственно датчан и норвежцев еще с конца предыдущего столетия. Тех и других обычно называют норманнами. На Англию, на ее англосаксонские королевства нападали датские викинги, норвежцы же ходили в морские набеги на Шотландию и Ирландию, в которой на побережье имелось немало богатых монастырей, плохо укрепленных и не способных к самозащите.

Викинги (норманны) на протяжении первых двух веков морского разбоя не подвергали нападениям с континента Англию. То ли ветер надувал паруса драккаров в ее сторону, то ли скандинавы не спешили ходить с оружием туда, где могли получить достойный отпор. Во всяком случае, впервые датские корабли были замечены в английских водах только в 789 году. Думается, что это была, если так можно выразиться, стратегическая разведка грабителей-данов, которые искали новые места с богатой поживой. Действительно, последующие события не заставили себя долго ждать.

В 793 году язычники викинги-датчане (или норвежцы) ограбили и разрушили монастырь в Линдисфарне, который считался главным религиозным и культурным центром Нортумбрии. Этот монастырь славился своим христианским благочестием и ученостью, а его монахи были известны далеко за пределами Британии. Их судьба в тот трагический день видится плачевной. Часть безоружных служителей монастыря викинги просто перебили. Часть людей, помоложе, увели на драккары в качестве рабов. Спастись, и то случайно, удалось немногим монахам Линдисфарне.

В Линдисфарнском монастыре пришельцы из Дании уничтожили много великолепных образцов рукописного искусства: евангелия отличались тонкостью работы, красками миниатюр и орнаментом. Рукописные книги не привлекали на удивление расчетливых грабителей, для которых самой ценной добычей являлось серебро в любом виде: сосудах, крестах, украшениях, слитках и даже… в виде прозаического лома.

Собственно говоря, когда серебряные вещи делились между участниками разбоя, то их часто просто ломали или разрубали на примерно равные части, то есть на доли. Подобные серебряные клады викингов, порой значительные по весу драгоценного металла, часто находили и продолжают находить в Швеции, Дании и других местах, где удачливые герои морского разбоя обитали хотя бы временно.

Когда викинги (норманны, варяги) уходили в новый разбойный поход, они тайно доверяли свои награбленные

сокровища не близким людям, а земле. Если люди гибли в битвах или с драккарами в штормовом море, то такие тайники превращались в клады для будущих поколений. Находили же их почти всегда случайно, если не считать сокровищ в захоронениях знатных викингов. Но такие курганы подвергались разграблению еще в далекой древности, и в наше время такие находки считаются счастливой случайностью.

Мерсийский король Офф, в то время, пожалуй, самый влиятельный из правителей англосаксов, упорно сопротивлялся викингам. Но после его смерти в 796 году набеги датчан на восточные берега Англии участились. Мореходные суда-драккары викингов (на Руси их звали варягами, а Балтийское море – Варяжским) от берегов Датского королевства шли на заход солнца по прямой, упираясь в конце пути в берега Англии.

Исследователи считают, что скандинавское давление на Британские острова, то есть на собственно Англию, Шотландию, Ирландию и прочие территории, усилилось в 830–840-е годы. Вторжениям викингов, которые носили откровенно грабительский характер, в то пору стало подвергаться все побережье Британии. Не менее легко норманны на своих неглубоко сидящих в воде дракарах (или пешими дружинами) проникали внутрь островов по рекам, озерам и шхерам.

На Британских островах воинственные пришельцы из Скандинавии столкнулись с потомками германцев, давно, со времен Рима, растерявшими свою воинственность и, несомненно, высокие боевые навыки. Историк Ганс Дельбрюк пишет о населении Англии к началу вторжениям на ее берега норманнов так:

«Германцы, жившие на Британском острове, называли себя, поскольку мы можем это проследить, “англы” или “англы племя”, “англы род”, а не англосаксами или саксами. Обозначение англосаксы” – более ученого происхождения, и в старых источниках употребляется крайне редко. В эпоху покорения англосаксов норманнами современники говорят не о саксах и норманнах, а об англах и франках.

(Историк) Фриман с самого начала называет государство и народ “Англия” и “англичане” и полемизирует против употребления “англосаксы”, так как это вызывает представление, что английская нация только из смешения англосаксонских и норманнских элементов. В действительности это, по его мнению, та же нация… только впитавшая в себя некоторые чуждые элементы – бриттов, датчан, норманнов, но не настолько чувствительно, чтобы претендовать на беспрерывную преемственность.

Правильным является противоположное понимание, а именно, что английский народ со своим своеобразным характером и языком возник только благодаря норманнскому завоеванию и господству правящего, по-французски говорящего слоя, над прежней германской государственностью, которая, конечно, благодаря остаткам покоренного древнебританского населения и влияния церкви впитала в себя также и романские элементы.

Как ни мала была численность офранцуженных норманнов и французов, действительно населенных покорителем и его преемниками, все же они правили и придавали свой характер, свои обычаи, свои законы и свой дух – подобно тому, как некогда немногочисленные франки, занявшие при Меровингах внутреннюю Галлию и слившиеся с покоренным населением в одно целое.

Может быть, англосаксонский элемент количественно продолжал дольше жить, чем галльско-романский во Франции, но процесс по существу был тот же. Поэтому лучшим определением этого положения является название этого периода не английским, а англосаксонским; тем не менее, обозначение “англосаксонский” не особенно удачно, так как англы являлись частью саксов, хотя это нельзя обосновать древнейшими источниками…»

Но прежде чем норманнское завоевание «обновило» англосаксов и собственно Британию, им пришлось пройти долгий путь исторических, обычно кровавых военных испытаний. Нормандия, возникшая на севере Французского королевства, станет последним испытанием на морских путях завоевания Англии. Самый сильный удар саксы и англы в их числе получили с берегов современных Дании и Норвегии.

Однако «осваивать» Англию с ее многими королевствами викинги-даны и норвежцы стали не сразу. Для начала они захватили и колонизовали Шетландские и Фарерские острова, которые явились удобной базой для морских разбойников. Там можно было передохнуть после трудного перехода по штормовому Северному морю, когда люди изматывались, сидя на веслах. Острова могли стать в случае опасности надежными убежищами. Там производился необходимый ремонт драккаров (менялись сломанные в бурю мачты, конопатились щели в бортах и днищах судов, менялись паруса и весла).

Туда же свозились награбленное добро, обращенные в рабов пленные: в этом случае Шетландские и Фарерские острова становились на морских путях разбойного народа данов (вернее – его части) перевалочными пунктами. В укромных местах до поры до времени прятались сокровища. И в местах стоянок драккаров

викинги устраивали шумные пиршества по случаю удачных набегов и взятия богатой добычи.

Все же не Англия была желанной землей в поисках богатой добычи для викингов из Скандинавии, а Ирландия. Она и стала основным объектом для набегов норвежцев (в первую очередь) и отчасти датчан. Викинги (норманны) в середине IX века захватили прибрежные районы Ирландии, а также северные районы Шотландии и ее западное побережье, более заселенное, чем восточное. Они так прочно обосновались на северных островах Британии и в северо-восточном шотландском Кейтнессе, что в этих областях говорили на диалекте норвежского языка еще в XVI–XVIII веках.

Одним из самых известных набегов викингов той поры историки считают нападение на густо населенный остров Иона в 795 году. Годом раньше был разграблен остров Ратлин. Монастырь на острове Иона, богатый и хорошо укрепленный, морским разбойникам удалось разграбить только в 802 году.

Когда же «Зеленый остров» перестал давать «достойную» добычу, морские разбойники обрушились в набегах на северное побережье Франции, заходя по рекам все на тех же драккарах в самую глубь страны, добираясь по реке Сене до города Парижа. Огибая с запада Европейский континент, норманны стали грабить берега и южной Франции.

Викинги (норманны) в истории смотрятся как рачительные и умелые грабители, поскольку это было их родовым мастерством. Города, монастыри и селения грабились ими нещадно. Захваченных в плен людей обращали в рабство, вывозя в Скандинавию. Даны повсеместно восстанавливали языческую веру и истребляли христианское духовенство.

Страх перед викингами, неожиданно появлявшимися у морских берегов на своих прославленных драккарах целыми флотилиями, был огромен. Та европейская эпоха полнится такими событиями. Одного слуха о появлении дружин викингов было достаточно, чтобы местное население, бросая все и унося с собой немногое, бежало в леса (благо их было много), болота и горы, ища там спасения от жестокого воинства.

Опустошив французские побережье, даны с 30-х годов IX столетия участили набеги и на берега Англии, на такие ее исторические области, как северная Нортумбрия, южные Уэссекс и Суссекс, западные Мерсия, Кент и Эссекс. Набеги морских разбойников сопровождались убийствами местных жителей, грабежом и сожжением их селений. Англия стала желанной добычей для викингов в силу своей раздробленности, государственной слабости, то есть многоцарствия.

Первыми на английскую землю пришли викинги-норвежцы. Они стали подступать к ней из Уэльса, на который, начав с острова Англси, стали совершать набеги из Ирландии, в любое время года беспрепятственно преодолевая внутреннее море Британских островов – Ирландское. В 868 году викинги удачно для себя разграбили королевскую резиденцию самого могущественного валлийского правителя – Гвинедда, взяв в его замке богатую добычу и без особо чувствительных потерь в людях вернувшись на «Зеленый остров».

Затем, в 870 году, дублинский король (столица современной Ирландии город Дублин был основан викингами) Олаф обосновался в южной шотландской области Стратклайде, захватив здесь Дамбартон. Отюда норвежские викинги стали совершать набеги на северо-западные прибрежные районы Англии.

Всего за два первых десятилетия X века норвежцы заселили, частично потеснив местных жителей, побережье северо-западной Англии. Дублинские викинги (норманны) в 902 году с боем захватили Виррел, сделав их своим опорным пунктом на английском берегу (в его северной части, Камбрии) Ирландского моря. Поныне названия скандинавских поселений с типичными окончаниями на -би, -скейл и -твейт во множестве встречаются в Камбрии и прибрежных областях Ланкашира.

Датчане, в отличие от викингов-норвежцев, оказывали усиленное «давление» со стороны моря на побережье южной и восточной Англии, сделав эти области местом их разбойных «интересов». Но так продолжалось недолго, всего несколько десятилетий. Начиная с середины IX столетия даны стали заниматься не просто грабежом прибрежных поселений, а «освоением» новых земель на английской территории. «Освоение» (вернее – колонизация) шло с прицелом на длительное время, или, лучше, навсегда.

Датские викинги действовали как средневековые захватчики, покоряя местное население – англосаксов мечом и огнем. Первоначально даны закрепились в северо-восточной части Англии – в 850 году в Тенете и в 854 году в Шеппи. Местные жители, как правило, встречало новых хозяев земли с оружием в руках, но викинги демонстрировали не только известное в истории бесстрашие, но и умение сражаться, и лучшее оружие нападения и защиты, и лучшую тактику ведения боя на суше и на воде.

Датское вторжение в Англию приняло «глобальный» характер после того, как «великая армия» данов прекратила завоевания в северной Франции и повернула армаду своих мореходных судов к

побережью восточной Англии. Сюда датские викинги вторглись в 865 году. Удача сопутствовала им. В 866–867 годах вторжению норманнов подвергся Йоркшир, центр которого Йорк в ту эпоху являлся одним из самых крупных английских городов. Норманны захватили его в 866 году. Англосаксы повсеместно оказывали завоевателям отчаянное сопротивление, но часто не могли ни защитить себя, ни изгнать данов «за море».

Южная область Англии Уэссекс успешно отразила сильные датские вторжения 838 и 851 годов. Но викинги не унимались, настойчиво добиваясь желаемого, благо морской путь к английским берегам им был уже хорошо изведан. Обращенные в бегство, они, спустя несколько лет, вновь собирались в поход, но уже с большими силами.

В 871 году мужественно державшийся перед угрозой постоянного вражеского вторжения через пролив Ла-Манш уэссекский король Альфред (правивший с этого года по 899 год) оказался в критическом положении. Его войско было обескровлено, а много прибрежных поселений разорено и сожжено. Альфред был вынужден согласиться на выплату дани морским разбойникам-данам. На такой шаг он пошел ради спасения собственного королевства.

Решив вопрос дани с Уэссекса, то есть с южной Англии, датские викинги обрушились на Мерсию, центральную историческую область Англии. Она была завоевана язычниками данами в 874 году. Мерийский король Бургред был разбит в решающей битве при Рептоне (его воины, вооруженные топорами и деревянными щитами, не выдержали ярости атакующего врага) и бежал из Англии в Италию, в папский Рим, где нашел приют.

Мерсийский престол достался Кеовульфу, который, не продолжая войну, согласился стать данником датских викингов. Тех вполне устраивал исход дела: если раньше они силой оружия добывали себе военную добычу, то теперь она приходила им в руки в виде богатой дани с нового короля Мерсии. Кровь за нее проливаться не приходилось.

В 877 году мерсийские области к востоку и северу от Уртлинг-Стрит перешли под власть чужеземцев-датчан. Даны, опираясь на силу своего оружия, стали хозяевами этих земель англосаксов, которые с известной ненавистью относились к завоевателям.

Теперь предводителей данов стала не устраивать дань, которую они получали с южного Уэссекса уже на протяжении шести лет. В 877 году сильное войско викингов совершило внезапное нападение на Уэссекс. Король Альфред не успел собрать ополчение и, спасаясь от преследователей, с остатками

личной дружины бежал в известные природной глушью сомерсетские болота.

Укрывшись там, король Альфред через верных ему людей сумел собрать ополчения подданных, стянуть их воедино и возобновить войну с завоевателями. После этого противники сошлись в битве при Эдингтоне, которая состоялась в 878 году. Королевское войско (местные ополчения и личные дружины уэссекской знати) нанесло «знатное» поражение датским викингам: те не устояли под яростью нападавших.

За этой победой англосаксов Уэссекса последовали переговоры между сторонами и заключение мира. Однако этот мир победным для короля Альфреда назвать трудно: к датчанам переходила область, получившая название Данелаг – область датского права. После этого наступление датских викингов на Уэссекс остановилось: они основательно закрепились на южном берегу Англии.

Следует заметить, что датчане, как и викинги-норвежцы, прочно закреплялись на завоеванных землях не только Британских островов. На новые места жительства из Скандинавии приходили переселенцы. Что же касается английского Данелага, то исследователи до сих пор спорят о соотношении здесь в конце IX столетия датского и англосакского населения. Ряд историков считают, что викинги-даны стремились к политической власти на завоеванных местах, а не к заселению их сородичами.

Такой авторитетный ученый, как Джереми Блэк, в своей «Истории Британских островов» отмечал касательно последствий уступки короля Альфреда завоевателям следующее: «Концентрация датских топонимов в отдельных частях Данелага свидетельствует о плотной, но фрагментарной колонизации. Изучение ДНК населения этой области показывает сохранение викингской наследственности до наших дней».

Последующие события в Англии продемонстрировали, что уступка викингам Данелага была лишь тактическим ходом короля Альфреда. Ему требовалось в тот год остановить наступление датчан на Уэссекс. Вскоре, собравшись с силами, он перешел в наступление и в 886 году захватил Лондон, самый значимый город на берегах Темзы, то есть в южной Англии.

Король Альфред оказался заметной фигурой в начальном европейском Средневековье. Он стал, напрягая все свои возможности, укреплять Уэссекс, у которого при нем появился военный флот, пусть и не столь многочисленный, но способный заниматься крейсерством в проливе Ла-Манш и перевозить войска. В королевстве была устроена в важных пунктах сеть бургов, то есть укрепленных городов. Крепостная стена бургов

представляла из себя ров (часто заполненный водой), высокий земляной вал и деревянную стену на нем с башнями и воротами с подъемными мостами через ров.

Завоеватели-даны оказались не готовы к такому повороту событий на английском юге. Фортификационные новшества короля Альфреда и его флот послужили англосаксам самую хорошую службу: они отразили походы викингов на Уэссекс в 892–896 годах.

Викинги-норвежцы не смогли в те годы оказать помощь союзникам-датчанам: на «Зеленом острове» набирало силу сопротивление ирландцев норвежцам. В конце концов их прижали к базам на побережье и в 902 году изгнали из портового Дублина. Только через пятнадцать лет викинги смогли вернуть себе этот город, главную их точку опора на берегах Ирландского моря.

В истории средневековой Англии, перед ее завоеванием герцогом Вильгельмом Нормандским, король Альфред явился самой значимой фигурой на местной политической сцене. Британские исследователи достаточно единодушно дают его царствованию в Уэссексе самую высокую оценку:

«Альфред много сделал для создания настоящего христианского государства. Он составил свод законов, начал чеканить хорошую монету (явный признак процветающей державы), придал королевской власти христианский вид, поощрял образование и создал школы, чтобы из них выходили священники и миряне, способные стать мудрыми и справедливыми наставниками и судьями. Он установил в королевстве мир и правопорядок, благодаря которым оно смогло выстоять под натиском датчан и победить их.

Желая оставить свое имя в памяти потомков, Альфред приказал епископу Ассеру составить свое жизнеописание, “Житие короля Альфреда” (893 г.). В этой биографии автор особо подчеркивает набожность и терпение короля, представляя королевскую власть в истинно христианском свете».

Мудрый для своей эпохи монарх Альфред ушел из жизни в 899 году. Ему в истории повезло еще и тем, что его преемники наследовали тот политический курс, который он строил в последние годы своего недолгого царствования. Альфред оказался «светлым лицом» в английской истории Средневековья, когда Британии еще не грозил приход завоевателей с французского берега Ла-Манша.

Конец IX столетия видится временем консолидации сил жителей Британских островов перед нашествием викингов, предшественников норманнов. История Великобритании констатирует следующее: «Борьба с викингами сыграла

решающую роль в развитии английского государства, точно так же, как викингские вторжения в Шотландию отчасти способствовали усилению и возвышению королевства скоттов».

Противостояние вторжениям морских разбойников из Скандинавии, междоусобицы в самой Британии привели к исчезновению ряда царствующих англосаксонских династий. Именно последнее обстоятельству позволило, или, вернее, подтолкнуло Альфреда и его род объявить себя «английскими», а не только «уэссекскими» королями. Теперь царствующая в Уэссексе, то есть в южной Англии, династия стала претендовать на главенство во всей Англии. Но это главенство следовало еще и добыть силой оружия.

Английские историки прошлого и настоящего видят роль короля Альфреда в противостоянии нашествию викингов в том, что он исполнял роль защитника христианства и всех англосаксов от язычников-данов. Именно эта борьба, порой неравная, позволила ему создать новую модель государства в раннем европейском Средневековье. Оно получило при нем новое устройство, новую внутреннюю и внешнюю политику.

Преемники Альфреда на королевском престоле Уэссекса повели наступление на датчан и норвежцев, что в истории Великобритании можно вполне определенно назвать реконкистой. То есть речь шла об изгнании вооруженной рукой воинственных чужеземцев с земли англосаксов. Однако суть таких действий в равной степени шла и о присоединении к Уэссексу новых земель в Англии, а не о возвращении ранее утраченных. В ходе таких войн короли Уэссекса распространили свою власть почти на всю территорию современной Англии. То есть освободители становились в одночасье и покорителями.

Альфреду в истории повезло тем, что ему наследовали способные воители и умелые правители из его царствующего рода. Это были Эдуард Старший (правивший с 899 по 924 год), его сестра Этельфледа, правительница Мерсии с 911 по 918 год, Ательстан (правивший с 924 по 939 год) и Эдмунд, владевший королевской короной Уэссекса с 939 года по 946 год. Они сумели, по сути дела, объединить Англию и сделать ее опасной для скандинавов на Британских островах.

Создав сильное войско, основой которого являлось уэссекское ополчение свободных англосаксов, эти монархи захватили восточную Англию, а также отобрали у датчан Мерсию и Нортумбрию. Западная часть Мерсии вошла в состав Уэссекса в 918 году при Этельфледе. После этого Мерсия исчезла, как самостоятельное государство, с карты Англии.

Правительница Этельфледа оказалась на редкость

воинственной королевой из рода Альфреда, естественно, в масштабах английского Средневековья. Она присоединила к своим владениям Дерби и установила контроль над Лестером. Хотя хронисты, авторы англосаксонской хроники, и приписывают эти завоевательные деяния не ей, а ее брату, королю Эдуарду.

Пожалуй, впервые с начала своих вторжений на Британские острова викинги-даны оказались в таком незавидном положении. Они были побеждены, однако короли Уэссекса разрешили им удержать заселенные датчанами прибрежные земли. Область датского права – Данелаг сохранила свои законы. Но в итоге язычникам-датчанам в Англии пришлось принять христианство и признать верховную власть королей Уэссекса.

Расширение власти Уэссекса в Британии давалось его монархам с немалым трудом. Борьба за единство Англии в русле войн с викингами-данами смотрится в истории упорной и кровопролитной. Особенно много времени и сил ушло на завоевание северных районов, с графствами Мерсии все обстояло намного проще. Они не выдерживали ударов уэссекского войска и обычно после непродолжительного сопротивления признавали над собой верховную власть рода короля Альфреда.

Однако иначе обстояли дела в викингском королевстве со столицей в городе Йорке. Местные даны получили военную помощь с Зеленого острова от викингов Дублина. Однако Уэссекс к 920 году взял верх и на британском севере. По сведениям уэсекских хронистов, власть короля Эдуарда Старшего признали правители Шотландии, Йорка и той части Нортумбрии к северу от Тиса, которая не попала под власть датских викингов. Подчинились монаху Уэссекса и стратклайдские бритты, потомки древнего населения Англии, покоренные англосаксами.

Когда Эдуарда Старшего на престоле сменил не менее воинственный Ательстан, его стало не устраивать положение, когда датчане и шотландцы признавали только его главенство. Он во главе войска Уэссекса пошел на Йорк и в 927 году взял столицу английских датов. В 934 году венценосный полководец Ательстан пошел походом на Шотландию и несколько лет воевал в ее пределах.

Поход пешей армии Уэссекса на север Британии привел к тому, что оказавшиеся под ударом скотты, стратклайдские бритты и норвежские викинги Ирландии объединились в войне против короля Ательстана. Решающая битва уэссекцев и союзников произошла в 937 году при Брунанбурге. Королевская рать одержала в ней верх, после чего война утихла.

История не сохранила каких-то подробностей об этом сражении, кроме того, что победителем в нем стал король

Ательстан, который упрочил свою личную власть в Британии. Если судить по его хартиям, он стал с той поры считать себя монархом (верховным королем) всей Англии. Это дало ему право заключать союзы с государями Западной Европы, посылать к их дворам посольства.

Ательстан правил пятнадцать лет, не позволяя никому в Англии сомневаться в его верховной власти. Однако его смерть сразу же изменила политическую карту Англии. Король Дублина Олаф II, собрав на «Зеленом острове» сильное викингское войско, совершил поход в северные районы, объединился с местными данами и захватил не только город Йорк, но и графства северной Мерсии. Казалось, что главенству Уэссекса в Англии пришел конец.

Викинги Ирландии вместе со своим предводителем Олафом II опасно просчитались, начав войну из-за моря с Уэссексом. Война приняла затяжной характер, и в 954 году род короля Альфреда вернул себе город Йорк, вокруг которого в английское Средневековье постоянно горели военные страсти. Овладение Йорком было связано с одним немаловажным событием: его последний король из норвежских викингов Эрик Кровавый Топор (прозвище говорит само за себя) попал в хитроумно устроенную засаду и погиб в короткой схватке. Такое событие на войне позволило уэссекской династии стать действительно главенствующей на земле Британии.

После присоединения Йорка уэссекский король Эдред, правивший с 946 по 955 год, мог с полным правом считать себя английским монархом. Достойных соперников у него не находилось, викинги-даны на него меч больше не обнажали. Англосаксы на местах признали верховную власть Эдреда и исполняли королевские указы без особых возмущений его самоуправством.

Наследовавший престол Уэссекса Эдгар, правивший с 959 по 975 год, задумался над тем, как ему на законном основании стать монархом всей Англии. Эту проблему он разрешил в 973 году устройством пышной церемонии в Бате (уэссекском городе близ границы с Уэльсом), в котором он первым из всех властителей Британии короновался как король всех англичан.

К слову сказать, этот титул в истории Британских островов до него уже использовался дважды. Сперва так стал именовать себя король дублинских викингов норвежец Олаф II. Затем этим титулом пользовался в своих хартиях король Уэссекса Ательстан, «забывший», однако, узаконить это коронационной церемонией. Можно утверждать, что в данном случае и Олаф II, и Ательстан были прозаическими самозванцами, поскольку в мировую

историю королями Англии они не попали.

Считается, что коронация в городе Бате уэссекца Эдгара «имела огромное значение для формирования единой английской нации», основой которой являлись не бритты и датчане, а англосаксы. Историк Джэреми Блэк по этому поводу отмечал следующее:

«Вероятно, вследствие каролнгского влияния (французской династии, основанной Карлом Великим), особенно представлений о христианской империи, сформулированных Ионой Орлеанским и Гинкмаром Реймсским, которые оказали воздействие на Ательстана и Эдгара, в X веке в Уэссексе установилось понятие государственного устройства, отличное от прежних взглядов на государство, как на объединение королевств, характерных, например, для Мерсии времен Оффы.

В период от Альфреда до Эдгара были заложены основы английской державы, которая не определялась и не сдерживалась только очерченными этническими или географическими границами…»

При короле Эдгаре чеканка английской монеты получила новое звучание. Она «пересматривалась» каждые шесть лет. Качество чеканки каждый раз улучшалось, вес серебряной монеты фиксировался для той эпохи весьма строго. Эти несомненные достоинства делали английскую монету привлекательной европейской валютой, чего не могло быть, скажем, веком ранее.

Так расширившийся территориально южный Уэссекс стал гегемоном на английской земле. В истории Великобритании в скором времени появилась уэссекская династия, о чем будет рассказано ниже. Правда, уже в самом начале своего исторического пути она будет низвергнута мечом Вильгельма Завоевателя, пришельца с континентальной Нормандии, прямого потомка морских разбойников, скандинавских викингов.

История свидетельствует, что французская Нормандия, начиная с 911 года (дата создания герцогства), являлась настоящим военным лагерем, от нее исходила угроза и ближним, и дальним соседям. Из этой области современной Франции в XI веке Европу потрясло два предприятия. Одно был начато в середине столетия нормандским рыцарем Робертом Гвискаром по покорению южной Италии. Вторым предприятием стало завоевание самим герцогом Нормандским Вильгельмом I Англии в 1066 году.

Показательно, что оба этих похода начинались как морские экспедиции силами огромной мореходной флотилии с тысячными десантными войсками. То есть это был чисто варяжский тактический прием, прием скандинавских викингов, основательно

отработанный в эпоху Средневековья.

Нормандия к началу правления герцога Вильгельма действительно представляла собой большое феодальное владение, хорошо устроенное, как военная организация. Под давлением непрерывной военной опасности, грозившей от набегов кого угодно, герцоги Нормандии (сами совершавшие набеги не меньше других подобных себе и не менее воинственных сеньоров) должны были строить замки и бурги, сажая туда военных людей.

Эти военные люди становились вассалами высшей аристократической знати. Такой владелец давал своему военному человеку «феод» (или «лен»). Эти слова (по-латыни и по-французски; по-немецки) означили и заем, и кредитное обязательство. Так как у первых герцогов Нормандии не имелось казны, то они не могли вознаграждать своих воинов, приближенных к себе, денежным жалованьем. Определенная доля военной добычи в денежное вознаграждение за верную воинскую службу не входила. Да и к тому же она была случайной (по случаю войны или военного похода) частью награждения сеньорами своих вассалов.

Поэтому герцоги Нормандии, равно и как другие люди высшей знати, давали своим военнослужащим как бы взаймы, то есть в кредит, доходную статью. Причем заранее обуславливалось, что этот доход будет собирать само заинтересованное лицо. Чем больше соберет, тем больше получит от имени своего сюзерена (герцогов и графов).

Иначе говоря, правитель герцогства давал своему приближенному или отличившемуся воину «феод» или «лен». Это была награда владетельного феодала своему вассалу. По большей части она представляла из себя участок земли с поселениями крестьян (или ремесленников), которые обязывались кормить и содержать своего владельца продуктами своего труда.

Получение феода могло означать пост оберегателя речной переправы (моста, брода) или горного перевала на торговом пути. Такой военный человек обязан был охранять купцов от грабежа, но при этом он получал в качестве оплаты за оказанную услугу часть ввозимого товара. Феодом могли быть и обязанности судьи, за исполнение которых вассал получал определенный доход. Ему же поручалось взимание штрафов в своем судебном округе. Но все же феод в виде земельного участка и с крестьянами на нем являлись главным вознаграждением воина-вассала аристократии Европы, в том числе и герцогов Нормандии, начиная с 911 года.

Считается, что система награждения феодами сложилась в Западной Европе (и в Нормандии тоже) в XI веке, придя в

упадок через два столетия. Герцог Вильгельм I Завоеватель занимался устройством «феодализма» сперва на континенте, в Нормандии, а затем на острове, в Англии.

Иерархическая лестница различала феодалов по богатству и силе (военной). Высший их слой в лице сеньоров с титулами герцогов и графов (во Франции той поры) был вполне независимым от королей. Они не только собирали налоги в свою пользу, но даже чеканили собственную монету, как, например, это делали герцог Нормандский или граф Тулузский. Они имели сотни селений, города (в том числе портовые), десятки укрепленных замков и в случае войны или военного конфликта могли выставить тысячи воинов, в том числе своих вассальных феодалов, собственные дружины, крепостные гарнизоны, ополченцев и наемников. Число наемных воинов зависело от денежных возможностей правителя и того, что он мог пообещать наемным отрядам.

Нормандия, как и другие герцогства и графства, делилась на так называемые баронии (или замковые округа). Бароны являлись главными вассалами правителя Нормандии. Слово «барон» с французского переводится как «свободный». В Италии их называли «капитанами», в Испании – «богатыми людьми», а в Англии – «лордами». Бароны могли владеть не одним, а несколькими укрепленными замками, иметь несколько десятков селений и на войну водили за собой целый воинский отряд, конный или пеший.

Имелся еще и третий, самый низший слой феодалов, то есть владельцев феодов. Это были господские слуги, повышенные за заслуги в воинском звании. Поскольку они относились к числу самых небогатых владельцев феодов, то по своему положению они стояли намного ниже баронов. Такой мелкий вассал мог владеть одним небольшим поселением или частью его. Иногда феодом такого человека-воина была одна-единственная сторожевая башня.

Такие мелкие феодалы несли службу личного характера своему господину. Он мог явиться к нему для участия в военном походе один (то есть назывался «воином со щитом») или в сопровождении немногих собственных слуг, оруженосцев.

Такие самые мелкие феодалы служили всегда на коне, составляя личную дружину герцога или графа. Их называли «рыцарями», то есть всадниками. Рыцаря Средневековья отличало от простого конного воина дорогостоящее защитное вооружение. В него входили металлический шлем, тяжелый металлический панцирь или более удобная в бою и в походе кольчуга, которая представляла собой длинную рубашку из проволок с тесно

насаженными на них мелкими стальными кольцами. Отсюда и название – кольчужная рубашка.

Вассальная служба в Нормандии, как и во всем Французском королевстве, состояла из двух частей: военной и судебной. Военная часть состояла в защите крепостей герцогства и участия в военных походах или грабительских набегах. Однако в таких случаях вассал служил своему господину (сеньору) известный срок, обыкновенно 40 дней. Но не далее пределов известного округа, частью которого являлся данный ему за службу феод, прежде всего земельный.

Вассал имел право отказаться от участия в военном походе сверх установленного срока и вне окружных пределов. В противном случае его сюзерен, будь то герцог или граф, должен был как-то оплатить ему «сверхурочную» службу за время и дальность несения воинской службы в условиях военных действий.

Помимо разных военных случаев, вассал обязан был ежегодно прибывать ко двору своего сюзерена (в его «курию») к трем большим праздникам – Рождеству, Пасхе и Троице (или Пятидесятнице). В эти дни решались наиболее важные дела герцогства или графства. Помимо этого, вассал (рыцарь, барон) обязан был лично участвовать в судебных делах, где сеньор разбирал самого разного рода конфликты между своими вассалами.

В вассальные обязанности входил прием у себя сюзерена и его свиты, когда тот совершал объезд своих владений или охотился. В случае если сеньор оказывался в плену, его вассалы собирали со своего феода определенные денежные суммы для выкупа. Деньги с владельцев феода собирались господином и в целом ряде других случаев, как-то: выдачи замуж дочери (на приданое) или посвящения сына в рыцари (на застолье).

Самым спокойным, как то ни странно, временем управления Нормандии для ее герцогов являлось время войн и военных походов. Когда их не было, бароны и рыцари откровенно скучали, то есть тяготились мирным временем с его хозяйственными заботами и судебными тяжбами. Поскучав некоторое время, они начинали задираться со своими соседями, такими же владельцами феодов. Это в ту эпоху считалось особым правом частной войны, то есть такое не осуждалось «обществом». Возникали междоусобицы, месть за прошлые обиды и взаимные грабительские набеги, от которых страдали, в первую очередь, крестьяне и незащищенные селения.

Во всех этих случаях бароны или рыцари «от всей души» и без излишнего угрызения совести старались испортить врагу то, что

приносило ему личные доходы: портились посевы, вырубались виноградники и плодовые деревья, угонялись стада, все, что было только можно, предавалось всепоглощающему огню. Порой разрушения в феоде противной стороны носили вполне бессмысленный и дикий характер, как, например, порча колодцев и дорог, истребление мостов и диких животных в лесах. И избиение мирных людей.

Мелкий рыцарь, естественно, не мог совершить такой разбойный набег на своего врага-соседа, такого же мелкопоместного феодала. Он враждовал по-своему: устраивал засаду на повороте дороге, у брода, в овраге и лесной чащобе. Во всех случаях грабились проезжие купцы, по воле случая оказавшиеся в «зоне» феодальных междоусобиц. Торговых путников грабили дочиста или отбирали часть товаров, после чего отпускали в надежде когда-нибудь снова встретиться с ними на большой дороге.

Не менее наносила ущерб крестьянским хозяйствам господская охота. И герцоги Нормандии, и их феодалы жили охотой, как и войной. Север Франции в ту эпоху представлял собой лесной край, в котором в изобилии водились лисицы и зайцы, куницы и волки, кабаны и олени, медведи и зубры. По тогдашним законам правом охоты в лесах обладали только господа, но не крестьяне и горожане, которые не имели даже права прогонять охотничью дичь со своих полей и убивать ее, если она портила посевы. Во время охот вытаптывались возделанные нивы и пастбища. Известны случаи, когда король или герцог давали своему вассалу, как особую награду, право охотиться в известных лесах.

В средневековой Франции, в том же герцогстве Нормандия церковь являлась важным звеном установившейся феодальной системы. Ей надлежало вооруженной рукой защищать собственные немалые владения. Поэтому церковным иерархам приходилось опираться на собственных военных людей, которые становились их вассалами. Поэтому епископы и аббаты отправлялись на войны во главе конных отрядов рыцарей и слуг. Они носили богатые защитные доспехи, но, как духовные лица, не имели права проливать кровь человека. Поэтому копье или меч в их руках часто заменяла боевая палица или дубина.

Военное профессиональное обучение в эпоху Средневековья устоялось и носило наследственный характер. Сын рыцаря мог быть только рыцарем, сын барона – бароном, сын графа – графом, сын герцога – герцогом, сын-наследник короля – только королем. Феодал обязан был жизнью, долгом чести и прозой жизни учиться военному делу самым настоящим образом.

Вполне вероятно, что Нормандия так бы и осталась в мировой истории, в истории европейского Средневековья одним из герцогств Французского королевства. То есть крупным феодальным владением, подвластным королевской короне. Однако Нормандии было самой судьбой уготовлена иная судьба, чем, скажем, Бургундии или Лотарингии, тоже герцогствам. И все это было связано с имнем одного великого человека, имя которому Вильгельм Завоеватель.

…Вильгельм был незаконнорожденным сыном свирепого характером Роберта I Дьявола, герцога Нормандии. Это прозвище говорит само за себя – такие имена добрым людям не давались даже в Средневековье, чья история переполнена войнами и военными конфликтами, грабительскими походами и мятежами, заговорами и изменами, подлыми убийствами и жестоким обращением с подданными, в первую очередь с теми, кого покоряли силой оружия. То есть это был дух той эпохи, и ничего более особенного.

Роберта отличала жестокость на войне и буйный нрав в обыденной жизни. Все это множилось на вседозволенность владельца большого феода, не расставававшегося с мечом даже за праздничным столом. Для своего времени Роберт Нормандский был человеком знаменитым, воевавшим едва ли не со всеми соседями его родовых владений. Герцог по прозвищу Дьявол гордился тем, что является прямым потомком конунга (короля) викингов.

Неистового гнева Роберта Дьявола боялись не только соседи, владетельные феодалы. По сохранившемуся преданию, он как-то решил испытать подданных на отношение к своей личности и в лесу на дереве повесил золотой браслет, который служил повседневным, и потому запоминающимся украшением правителя Нормандии. Снять его с дерева не посмел никто до самой смерти герцога.

По другой исторической версии, потомки прозвали герцога Роберта Щедрым, или Великолепным. Основанием для этого стали легендарные поступки второго сына герцога Нормандии Ричарда II и его супруги Юдиты. Так, по преданию, он одарил безвестного и несчастного оруженосца, потерявшего кошелек, огромной суммой в сто ливров, чтобы тот мог совершить приношение при освящении аббатства Серизи.

Или приводится пример, что однажды в Иерусалиме правитель Нормандии, сам паломник, заплатил золотом за несколько тысяч (!) паломников (по монете за каждого), которые не могли оплатить вход в священный город. Здесь можно заметить, что такого количества золотых византийских монет

дорожный кошелек герцога, уже основательно поистратившегося в пути, вмещать в себя не мог. Можно еще добавить, что в ту эпоху в Западной Европе никто не чеканил золотых монет.

Все это только красивые легенды, сложенные после смерти Роберта Дьявола, известного еще и как Роберт Великолепный. Но во Франции своим труднопредсказуемым характером самоуправного и сурового владетельного феодала он мало походил на Роберта Щедрого.

По всей видимости, во Франции той эпохи владелец Нормандии отличался действительно дьявольскими делами и поступками. И соответствующим прозвищу характером удельного феодала, уповавшего в бренной жизни, прежде всего, на право меча и огня. Его не случайно сравнивали с древними викингами, давшими название родовым владениям на французском севере, на южных берегах пролива Ла-Манш. Под прозвищем Дьявол герцог Роберт Нормандский и вошел в историю не только своей страны, но и средневековой Европы. Хотя порой он и зовется в печатной строке Великолепным.

Матерью будущего английского короля была дочь зажиточного города Фалеза кожевенных дел мастера Герлева (Арлетта, Херлева, Арлева – так она еще упоминается в русскоязычных источниках), девица, блиставшая своей красотой, но не имевшая никакого отношения даже к низшему слою французской (в данном случае – нормандской) аристократии. Роберт Дьявол, тогда еще только юный граф Иемуа, однажды увидел ее и полюбил, как говорится, всем сердцем викинга.

Первая их встреча состоялась в 1026 (или в 1027) году. Версий о ней много. По одной из них, будущий герцог увидел Герлеву в хороводе танцующих женщин на площади города Руана. По другой версии, он увидел ее в жаркий день среди юных купальщиц. По третьей – Герлева была дочерью камергера правителя Нормандии… Все эти разно чтимые версии дошли до нашего времени в печатном виде.

В Нормандии сохранилось предание о том, как герцог Роберт Нормандский влюбился в простую девушку. Однажды он возвращался с удачной охоты в заповедных для прочих лесах и встретил девушку из Фалеза, которая вместе со своими подругами стирала белье в ручье. Они так задорно смеялись, что не заметили на опушке леса группу всадников, среди которых выделялся их властелин, засмотревшийся на одну из них. Это и была Герлева, так поразившая Роберта Дьяволя своей юной красотой, грациозностью движений и задорным, звонким смехом.

Роберту не составило больших трудов навести справки о виденной им у ручья девушке и ее семье, уважаемой в городе. Он

пожелал любви неизвестной ему красавицы и, по обычаю знатных викингов, послал одного из своих доверенных приближенных с предложением к семейству Герлевы отдать ему ту, которая пришлась ему по сердцу. Правящие в северной Франции викинги тогда редко придерживались христианских законов при создании семьи, уповая на свои древние обычаи.

Отец Герлевы, богатый кожевник (дубильщик кож, почитаемая тогда профессия) из числа местных долгожителей по имени Фулберт, не знакомый с частной жизнью норманнов, сначала, как христианин, был оскорблен притязаниями члена герцогской семьи на его дочь. Он к тому же верил в то, что ее красота и покладистый характер гарантирует девушке «хорошую партию» во взрослой жизни. В действительности так оно и случилось.

Однако конфликтовать с самим правителем Нормандии было опасно, и потому отец Герлевы стал искать себе советника. Такого человека Фулберт нашел в лице отшельника, жившего в лесах близ Фалеза и пользовавшегося большим почитанием среди фалезцев. Отшельник якобы сказал просителю совета:

«Наши герцоги не нуждаются в церковном освящении, дабы взять себе жену и произвести на свет доблестных баронов».

После совета со старцем кожевенных дел мастер согласился принять предложение Роберта и отослал к нему свою любимую дочь, «обряженную в брачный наряд». Та, «сияющая от счастья», покорно восприняла «подарок судьбы», став пока не «первой леди» Нормандии, но фактически вошедшей в герцогское семейство с сомнительными правами на то.

Роберт Дьявол поселил приглянувшуюся ему простолюдинку в своем замке, и Герлева стала наложницей (конкубиной) герцога, так и не сходив с ним под венец. Граф Иемуа в данном случае пренебрег христианскими обычаями, устроив свое семейное счастье чисто по неписаным законам норманнов, то есть викингов. Брачными «формальностями» они себя, даже приняв христианство, не обременяли. Впрочем, к этому их тогда никто и не обязывал.

Достоверно известно, что Роберт Дьявол, бывший далеко не ягненком, любил свою конкубину, и та уже вскоре могла оказывать на него известное влияние. У писателей прошлого и настоящего романтический союз герцога Нормандии с простой девушкой продолжает вызывать большой интерес.

У монархов и крупных феодалов Средневековья очень часто были внебрачные дети, многие из которых воспитывались в доме родителя или отдавались им кому-то из, как правило, родичей на «благородное» воспитание. Но лишь единицы из таких бастардов

с незавидным детством и дальнейшей судьбой получали в наследство отцовский трон, его корону и войско в придачу. Став взрослыми, им чаще всего приходилось в жизни полагаться только на самих себя.

Когда у них появился на свет ребенок, Роберт Нормандский сразу же объявил внебрачного ребенка своим наследником и назвал Вильгельмом. Он оказался незаконнорожденным, но единственным сыном правителя Нормандии, который, к чести ему, оказался заботливым отцом. Роберт, думается, не сразу посчитал своего первенца прямым наследником, но потом эта мысль утвердилась в нем, и он стал готовить маленького Вильгельма к будущему поприщу.

Некоторые исследователи считают возможным, что у него родилась еще дочь Аделаида. Но другие сомневаются в этом, ссылаясь на прямое свидетельство Роберта де Ториньи, который писал, что Аделаида не является дочерью Герлевы. Во всяком случае, герцог Роберт заботился о ней, как о своем ребенке, а его сын считал Аделаиду своей сестрой, хотя каких-то теплых между ними отношений историки не замечают.

Роберт Дьявол взял себе Герлеву в наложницы, еще не будучи наследником нормандского престола. После смерти своего отца в 1026 году он получил титул графа Иемуа. Герцогом же стал его старший брат Роберт II. Братья между собой не ладили и часто ссорились, порой по пустякам. Отношения их последние годы были крайне натянутыми. Может быть, поэтому Роберт-младший поселился сам в Фалезском дворце, больше напоминавшем замок, и привез туда полюбившуюся ему конкубину, не блиставшей родословной.

Роберт III Нормандский правил отцовским наследством совсем немного. В августе следующего 1027 года он неожиданно для окружения внезапно умер. Слухи о причинах его смерти ходили разные, говаривали (как бывало в таких труднообъяснимых случаях) и о возможном отравлении. Герцогское кресло пустовать не стало: Роберт-младший сразу же занял его на законных основаниях, и дворцовые разговоры о странной смерти старшего брата прекратились.

Ему досталась одна из самых развитых во всех отношениях областей Французского королевства, бывшая некогда графством, а потом ставшая герцогством. Экономическая жизнь средневековой Нормандии процветала благодаря торговле и портовым городам на побережье пролива Ла-Манш. Столица Руан смотрелась хорошо укрепленным городом. В Нормандии тогда было много богатых монастырей и шесть епископств – Эврё, Байё, Лизьё, Кутансе, Аврание и Сеэзе.

Нормандия граничила с королевским доменом (личным владением короля Франции) и с такими неспокойными соседями, как герцогство Бретань, графства Мэн и Анжу. С ними правителям Нормандии, в том числе и Роберту Дьяволу, приходилось постоянно конфликтовать, то есть вести чисто феодальные, рыцарские войны в приграничье.

…Вильгельм родился на севере Франции, в Фалезе. Часть своего детства он провел в столице герцогства городе Руане. Руан тогда был одним из самых больших городов Французского королевства и был достаточно надежно укреплен. История не сохранила ни точной даты его появления на свет, ни даже года рождения. Исследователи считают, что Вильгельм I Завоеватель начал отсчет своей бурной жизни около 1027 года (или 1028), но никак не позже.

Сведения о его детстве и юности до нас дошли самые скудные. Поэтому старинные хронисты, современные историки, писатели и публицисты вынуждены заниматься реконструкцией первых пятнадцати лет жизни короля Вильгельма Английского. Отсюда идут разночтения и дискуссии по самым разным страницам биографии одного из самых крупнейших политических деятелей и полководцев Европы во второй половине XI столетия.

Родители нарекли сына популярным в то время именем. На старом французском языке оно звучало как Гильом, на современном французском – как Гийом. Историческим прозвищем Вильгельма, добывшего себе вооруженной рукой английскую королевскую корону, стало Завоеватель.

Вообще, историй о его детстве известно совсем мало, поскольку в отцовском доме каких-то родовых записей не велось и родословная передавалась из уст в уста. Вне всякого сомнения, она также устно «переписывалась» в каждом новом поколении. Вполне вероятно, родители были безграмотны, и потому время не сохранило нам каких-либо документальных свидетельств, написанных их собственной рукой.

Можно утвердительно сказать, что незаконнорожденный сын герцога Нормандии получил какое-то начальное образование. Его учили «добрым обычаям» – почитанию родителей, самоуважению и почтительному отношению к церкви. Знал ли он азы чтения и письма, об этом можно только гадать.

Хронист-публицист Вас в «Романе о Ру» (увидел свет приблизительно в 1070 году), отходя от легендарного изображения Вильгельма Завоевателя, пишет о его детстве следующее:

«Ребенок рос, поскольку Господь возлюбил его и наставил к добру; герцог любил его не меньше, чем если бы он был рожден

его законной супругой; он приказал воспитывать его как благородного мужа и в богатстве; долгое время Вильгельм получал это образование именно в Фалезе».

…Герцог Роберт Дьявол не был послушным христианским заповедям человеком: время требовало от него иного подхода к бренной жизни могущественного феодала. И особой набожностью правитель Нормандии не отличался, иначе не носил бы хозяин руанского замка такого впечатляющего воображение (тогда и сегодня) прозвища. Прозвище Великолепный отец Вильгельма Завоевателя получил уже после своего ухода из жизни. Думается, что руку к этому приложили хронисты английского королевского двора.

Но в жизни даже самых жестокосердных по поступкам феодалов Средневековья случалось всякое. Как однажды случилось с воинственным, не дававшим покоя таким же, как и он, соседям, человеком. Неизвестно отчего, но однажды рыцарствующий правитель Роберт Нормандский вдруг «прозрел», отошел от прежней жизни и неистово обратился с мольбами к Богу.

Молить же Всевышнего ему было о чем: герцог по прозвищу Дьявол натворил за свою жизнь беззакония много, равно как жестокостей и пролития крови людей невинных. Кто-то из исследователей даже посчитал это заслугой его набожной незаконной супруги Герлевы, которая, как известно, имела на герцога (когда он был с ней рядом) большое влияние, наставляя на путь истинный.

Как бы там ни было, Роберт Дьявол вдруг воспылал страстным желанием совершить паломничество в Святую землю, в Палестину, помолиться там Гробу Господню и христианским святыням Иерусалима на покаяние. Каяться же герцогу требовалось действительно во многом содеянном, хотя многие грехи ему за определенную плату в звонкой монете его святейшеством папой римским были уже отпущены. И, как считается, на много лет вперед. То есть герцог не должен был испытывать душевный дискомфорт и часто вспоминать о своих нечестивых поступках.

В Средневековье такое отпущение любых грехов знатным и незнатным людям особых забот не составляло. Заплати хорошо известно кому – и ты свободен от любых грехов, которые уже совершил или будешь совершать уже сегодня, но уже с чистой душой. Подобных примеров история той эпохи знает сколько угодно, один другого поучительнее.

Но отправиться в дальний и опасный путь через Средиземное море просто так Роберт Дьявол не мог, поскольку требовалось

уладить дела в его герцогских владениях. То есть на всякий случай он вознамерился решить вопрос о престолонаследии, поскольку отсутствовать в Нормандии ему предстояло долго. Во время же даже короткого отсутствия хозяина огромного феодального владения могло случиться всякое.

С малолетним сыном-наследником, к тому же незаконнорожденным – бастардом, сильные соседи и даже собственные вассалы (сыновья викингов-датчан) могли поступить коварно и подло. И опять же в духе того времени, малопонятного нам сегодня, прежде всего, своими многоразовыми изменами правителям. Думается, что надежного приближенного, которого можно было со спокойной душой оставить для защиты семейства и родового замка, у герцога Роберта Дьявола просто не было.

В январе 1035 года в Фекане герцог собрал нормандскую знать (архиепископа Руанского, епископов и крупнейших баронов) и самым суровым образом заставил ее поклясться в верности своему наследнику, пусть и рожденному от простолюдинки. По преданию, Роберт Дьявол (он же в истории упоминается еще и как Роберт Великолепный!) грозно сказал своим вассалам в баронских титулах:

«Я не оставлю вас без господина. У меня есть мальчишка с левой руки, я точно знаю, что это мой сын. Если он, Бог даст, вырастет и станет разумным человеком, возьмите его господином себе, а я теперь же отдаю всю Нормандию в его владение…»

Есть среди хронистов той эпохи и другой вариант произнесенной в Фекане на собрании знати Нормандии речи. Герцог якобы произнес ее после того, как выслушал «опасения» собственных вассалов:

«Сеньоры, то, что вы говорите, верно; у меня нет ни ребенка, ни наследника, кроме того, которого вы видите перед собой. Если вы примете его, я дам его вам; он будет под защитой короля Франции. Конечно, он мал, но, с Божьей помощью, он вырастет и станет сильным».

Тогда, в Фекане, никто из собравшихся баронов, епископов и прочих знатных людей даже не заикнулся о том, что мальчик, одетый в герцогскую мантию, является для них бастардом. Это слово мятежные бароны бросят в лицо, когда Вильгельм станет совершеннолетним. А пока они вереницей, под строгим присмотром Роберта Дьявола, целовали его маленькую ручку и клялись в вассальной верности.

После этого он оставил 7-летнего Вильгельма у короля Франции Генриха I, который взял над маленьким наследником герцогского титула опеку. Надо сказать, что монарх данное герцогу обещание сдержал. Вильгельм, став взрослым и

влиятельным, никогда не упрекал своего венценосного воспитателя в чем-то дурном, в плохом обращении с собой. Он понимал, что для него, еще маленького, королевский дворец стал надежной защитой от удара кинжалом или смертельной дозы яда.

Так было давно заведено и так случалось при дворах европейских, да и не только европейских монархов. Французскому монарху тоже приходилось задумываться о судьбе своего наследника, который (желательно) имел бы если не верных, то хотя бы послушных феодалов, которые не вовлекались в военные заговоры против законного обладателя королевского престола.

Считается вполне вероятным, что, прибыв ко двору короля Франции, маленький наследник герцогской короны Нормандии принес короткую вассальную присягу. Так ли оно было в действительности, тому документальных подтверждений нет.

Уладив династические дела и утвердившись в думах за будущее сына-наследника, герцог Нормандский со спокойной душой отправился паломничество в Святую землю. За себя он оставил править герцогством сенешаля Осберна де Крепона, дядю бастарда Вильгельма. Тот тоже отличался суровостью, подписывая указы от имени герцога.

Надо отдать должное Роберту Дьяволу, который, отправляясь на Ближний Восток, то есть из Европы в Азию, позаботился не только о своем внебрачном сыне, но и о его матери, своей любимой наложнице Герлеве. Можно предположить, что герцог по каким-то веским для себя причинам серьезно опасался, что из Палестины он может и не вернуться.

Роберт Дьявол устроил (обеспечил) дальнейшую судьбу Герлевы так: в 1034 году она с приданым была выдана замуж за герцогского вассала Герпуина (Геллуэна, Эрлуэна), виконта де Контевиля. Теперь она могла чувствовать себя в известной безопасности от возможных посягательств на свою жизнь со стороны недругов отца своего первого ребенка.

У супругов жизнь, как считается историками, сложилась: на свет появилось два сына – Одо и Роберт. Во взрослой жизни они станут верными соратниками сводного брата Вильгельма в делах военных и мирских. Одо, предположительно, в двадцать лет станет епископом Байё.

Один из средневековых литераторов, Ордерик Виталий, около 1140 года так сообщает о том важном для жизни Нормандии событии: «Когда умер епископ Байё Гуго, герцог передал это епископство своему брату Одо. Последний после своего посвящения начал строительство собора Пресвятой Богоматери».

Ряд исследователей считают, что Герлева вышла замуж за виконта де Контевиля намного раньше. В первом же случае, вполне возможно, хронисты того времени попытались придать отношениям простолюдинки и самодержавного герцога некую романтичность рыцарского Средневековья.

Палестину и Иерусалим Роберт Дьявол, которого сопровождал целый отряд людей, умеющих владеть оружием, посетил без особых приключений, сохранил жизнь и свободу на чужой для него земле. Паломничество в Святую землю еще до долгоиграющей серии Крестовых походов было для европейцев делом опасным, поскольку их в Палестине особо никто и не ждал, а вот любителей из числа «нехристей» поживиться там находилось всегда немало.

Герцог Нормандский отправился на Восток с верными слугами, будучи «при деньгах и оружии». То есть он мог постоять за себя и с мечом в твердой руке, и кожаным кошельком с немалыми деньгами. Он побывал в Иерусалиме, других местах Святой земли и мог благочестиво возвращаться домой, будучи преисполненным христианского долга.

Достоверных сведений о его паломничестве не сохранилось, хотя средневековые авторы постарались описать посещение Палестины и путь в нее герцога Роберта Нормандского. Роберт Дьявол изображается то смиренным богомольцем, то человеком находчивым и не лишенным юмора. Так, в Риме он остановился перед конной статуей императора (Константина?), приказал купить очень дорогой плащ и накинуть его на плечи обнаженного монарха.

После этого он смеялся над римлянами: «…Эти римляне, которые оставляют своего господина раздетым и летом, и зимой, в то время как им должно было бы лучше чтить его и дарить ему по плащу каждый год».

Прибыв в Константинополь, герцог якобы приказал заменить подковы своего мула ненадежно прикрепленными золотыми украшениями. Когда они отваливались, то он запрещал своим людям поднимать их с земли. Считается, что таким образом герцог Нормандский хотел «пустить пыль в глаза» жителям столицы Византийской империи.

Но на обратном пути из Святой земли, из Иерусалима, то есть во время паломничества, молодой и крепкий здоровьем Роберт Дьявол умер в начале июня того же 1035 года. Причин смерти называется много (чаще говорилось об отравлении), но документально подтвержденных среди них нет. Он ушел из жизни в городе Никее, останки его покоятся и поныне в церкви (базилике) Успения Бородицы.

Версия об умышленном отравлении герцога имела довольно широкое распространение в Нормандии. В подтверждение этого приводился такой факт: такой же напиток выпил и один из спутников Роберта Дьявола, граф Дре Вексенский, который тоже умер там, в Никее. Один из хронистов называет отравителем человека из герцогской свиты, Рауля Мовэна, который якобы по возвращении домой был признан виновным и изгнан из Нормандии.

Так отец, которому было всего 25 лет от роду, освободил тронное место и герцогскую корону малолетнему сыну. Следует заметить, что при получении такой вести многие в городах и графствах Нормандии вздохнули свободно и открыто: у герцога Роберта была тяжелая длань и крутой нрав, он ревниво относился к любому непризнанию его полной власти над подданными, кем бы они ни были.

К тому же Роберт Дьявол (он же Щедрый), как и подобные ему владетельные феодалы Средневековья, был неравнодушен к чужому богатству и «чрезмерному» достатку. То есть мог запросто ограбить и купеческий караван на лесной дороге, и взять «повышенный» налог или обыкновенный побор с богатого горожанина. Пути личного обогащения в феодальной Европе учету и классификации просто не поддаются современным исследователям Средневековья. И о них обычно не писалось в официальных хрониках и эпистолярных трудах.

Так Вильгельм Нормандский (или Незаконнорожденный), он же Вильгельм Завоеватель стал седьмым по счету герцогом Нормандии. В отличие от него все его предшественники королевских высот, то есть корон, в своих грезах не видали, да и не стремились к этому. Их хватало только на то, чтобы удержать собственную корону и защитить ее от покушений родичей.

Так в возрасте около семи (или около восьми) лет Вильгельм наследовал отцовский престол, пока еще номинально считаясь герцогом Нормандии, одного из самых крупных феодальных владений французской короны. Но герцогом он стал для окружающих только номинально. У него было мало шансов удержать такую власть в детских руках.

Причин тому видится много, и достаточно веских. Прежде всего то, что мальчик являлся внебрачным сыном умершего правителя Нормандии (их могло быть много). То есть за его спиной не стоял какой-то знатный нормандский род или сильная богатством и связями семья. Поэтому многие лица из нормандской знати не признали прав малолетнего бастарда Вильгельма на герцогскую корону и не желали видеть его своим господином.

Однако среди разросшейся нормандской династии, среди ее многочисленных представителей не нашлось кандидатуры на герцогский престол, которая устраивала бы если не всех, то хотя бы большинство. Одним препятствовал занять светский пост духовный сан, другим – такая же, как у Вильгельма, незаконнорожденность, третьим – вассальная зависимость от других правителей. А кто-то из вероятных претендентов на корону Нормандии просто не смог заручиться серьезной поддержкой.

Самым опасным соперником для бастарда Вильгельма с точки зрения права являлся Николас, сын старшего брата отца герцога Ричарда III. Но он еще ребенком был определен родителями для духовной карьеры, жил и воспитывался в монастыре Сен-Уан. Повзрослев, он в 1042 году станет его аббатом.

На герцогский престол могли претендовать и двое младших единокровных братьев Роберта Дьявола – Можер и Вильгельм де Талу. Однако они в то время не обладали серьезным влиянием, не имели своих «партий». То есть в случае схватки за корону Нормандии им был не на кого опереться.

Вероятнее всего, герцог Роберт Дьявол хорошо продумал, как защитить сына, объявленного наследником, от возможных превратностей судьбы. Он на всякий случай оставил завещание, назначив опекунами малолетнего Вильгельма трех своих родственников, людей влиятельных в Нормандии, имевших надежные связи при королевском дворе и церкви и обладавших собственными сильными рыцарскими отрядами.

Так опекунами будущего основателя новой английской династии стали герцог Ален III Бретонский, Жильбер (Гилберт), граф де Брион и один из самых могущественных представителей нормандской знати Осборн де Крепон, он же сенешаль Нормандии. Эта тройка близких к Роберту Дьяволу людей должна была озаботиться судьбой своего воспитанника.

Хронисты называют еще одного человека в окружении совсем юного герцога, который играл при нем «значительную роль». Это был некий Турчетиль (Турчетил, Турольд), владевший землями в Нёфмарше. Он называется «кормильцем» Вильгельма, однако исследователями не установлено, как прямые обязанности исполнял этот нормандский барон.

Все же главную роль в признании малолетнего Вильгельма законным герцогом Нормандии сыграли не его опекуны, отцовские родственники. Этим человеком, бесспорно, являлся руанский архиепископ Роберт. Он был могущественным человеком, который кроме архиепископства Руана владел еще и

графством Эврё. В хрониках Роберт называется первым советником правителя Роберта Дьявола, его доверенным лицом в ряде конфликтных дел, когда в ход удачно пускалась тайная дипломатия.

Имеются утвердительные сведения, что именно архиепископ Руана, имевший хорошие личные связи с французским монархом, добился того, что Вильгельм был признан королем Генрихом I прямым наследником Роберта Дьявола. Вполне вероятно, что именно тогда малолетний Вильгельм был представлен королю, став при дворе и его воспитанником.

Как бы там ни было, положение подраставшего в королевском дворце Вильгельма продолжало оставаться шатким. Ему не раз приходилось опасаться вместе с опекунами за собственную жизнь. Когда ему было лет десять, то есть в 1037 году, умер его главный защитник и наставник руанский архиепископ Роберт. После этого ситуация вокруг малолетнего герцога стала меняться не в лучшую сторону.

Хотя о событиях того времени известно очень мало, все же хроники донесли до нас отрывочные сведения о той атмосфере, в которой подрастал будущий Вильгельм Завоеватель. Из этой отрывочной информации нам известно, что между родственниками Вильгельма началась кровавая борьба за то, чтобы иметь личное влияние на герцога, совершеннолетие которого близилось. И уже не за горами было его восшествие на отцовский престол и начала самостоятельного, вернее – самовластного правления Нормандией.

Вначале главная роль в окружении юного Вильгельма играл герцог Ален Бретонский. Но в 1039 году он умер, и достойной замены ему не нашлось. После этого главенствующую роль при герцогском «дворе» занял человек сильного характера – Жильбер де Брионн. Но в том же 1039 году он погиб от руки наемного убийцы. Его подослал Рауль Гассийский, один из сыновей покойного архиепископа Роберта.

Примерно в то же самое время погибает еще один из опекунов сына Роберта Дьявола – Турчетиль. Ряд историков именно его называют воспитателем юного герцога. Достоверные обстоятельства его смерти истории неизвестны, но в том, что это было злодейское покушение, сомневаться особо не приходится.

Вильгельм и подрастал, и мужал характером. За него до его совершеннолетия герцогством правили другие люди из королевского окружения (прежде всего опекун Жильбер де Брион), зачастую даже не «советуясь» с, казалось бы, истинным правителем огромных владений на севере Франции. Но такая ситуация могла быть только временной.

Ее король тогда тоже особо не влезал во внутренние дела герцогства, подчинявшегося ему в силу собственного могущества номинально. Он прекрасно понимал, что ставшие у власти в области Нормандии датские викинги до сих пор полностью «не офранцузились», и было не всегда ясно, к какому отечеству относят себя эти новоявленные феодалы. Тогда в Париже их еще считали неким чужеродным явлением на земле собственно Франции, и одно это давало Нормандии некое право на самобытность и автономию от королевской власти.

Впрочем, и многие другие исторические области современной Франции пользовались значительной автономностью не только во внутренних, но и внешних делах. Так что обладатели королевской короны жили в ту пору с большим беспокойством за свою династию. Внутри страны у них часто находились могущественные вассалы в лице не только герцогов, но даже графов.

Трудно сказать, как маленький Вильгельм воспринял известие о смерти отца. Равно как и то, что после получения печального известия большая часть Нормандии стала ареной баронской междоусобицы. В ней он лишился одного из своих опекунов: Жильбер де Брион был предательски убит на пустынной дороге. Тогда новым опекуном маленького герцога стал Рауль де Гасе, который быстро стал прибирать к своим рукам власть в герцогстве.

Надо отдать должное дееспособности Рауля де Гасе, который от имени герцога Вильгельма, совершеннолетие которого уже было не за горами, делал все, чтобы подавить своеволие местных баронов. Так, он подавил мятеж виконта Йемуа Турстэна Гоза, наследника скандинавского викинга, захватившего с помощью преимущественно французских наемников замок Фалез и отказавшегося подчиняться распоряжениям герцога.

Считается, что большая часть навербованных виконтом воинов являлись французами, а не нормандцами. Хронист Вильгельм Жюмьежский считает, что Турстэн Гоз «помчался на помощь королю Франции», то есть действовал по наущению Генриха I. Сейчас трудно сказать, являлся ли король инициатором этого мятежа, или просто позволил такому случиться.

Считается, что в этом военном походе верных рыцарей на освобождение Фалезского замка Вильгельм Завоеватель в 14 или 15 лет получил боевое крещение. Он стал свидетелем взятия замка: когда снаряды (камни) метательных осадных машин пробили в крепостной стене большую брешь, что позволяло начать штурм, Турстэн Гоз сдался на милость победителя и был изгнан из Нормандии. Но через несколько лет он вернулся туда,

сумев вернуть себе расположение правителя.

В том случае Рауль де Гасе быстро собрал герцогское вассальное ополчение, начальником которого он являлся. В самый короткий срок непокорный виконт Йемуа был вынужден подчиниться силе, которая исходила от юного герцога, вернее – от «правительства» при нем в лице Рауля де Гасе и командиров отрядов рыцарского ополчения.

Здесь надо отдать должное дяде Вильгельма по матери, Готье: он часто, когда чувствовалась атмосфера опасности, ночевал в спальне племянника, не расставаясь с мечом и кинжалом. Готье не раз спасал юного Вильгельма, тайно оставляя ненадежные дворцовые покои и прячась не только ночью, но и днем в хижинах бедных, но верных нормандцев.

Так что до своего совершеннолетия герцог познал многое зло окружающего его мира. Став взрослым, он удивительно легко разгадывал тайные замыслы близких людей, направленные против него лично и его семьи. Нельзя сказать, что Вильгельм Завоеватель читал тайные мысли людей из своего окружения. Но в том, что он верно угадывал «злые мысли», особо сомневаться не приходится.

Мальчик рано стал познавать жестокости феодального миропонимания. Он явился невольным свидетелем убийства сенешаля Осберна де Крепона, своего дяди по отцу: убийца с мечом в руках ночью ворвался в спальню Вильгельма, когда в ней находился сенешаль Нормандии. Случилось это, по разным сведениям, в 1040 или 1041 году. В одной из хроник это убийство называется гибелью в драке, случившейся в герцогской спальне в Водрее.

Эта череда утрат опекунов, близких людей наложила на мальчика отпечаток постоянной жизни в тревоге и страхе, в ожидании опасности, которую надо встречать в готовности противостоять ей. Известно, что свою привязанность к Осберну де Крепону герцог Нормандский, будущий король английский перенес на его сына, а потом и внука. Свое детство Вильгельм вспоминал как бродячую жизнь в постоянном поиске безопасного места пребывания, даже ночлега. Начало его долгой для той эпохи жизни можно назвать только печальным.

Именно в детские годы, в юности Вильгельм Завоеватель научился распознавать людей и приобредумение судить о человеческих способностях и наклонностях, характере, мере доверия к ним. Писатель Средневековья Ордерик Виталий скажет о том периоде жизни венценосного полководца: «Он копил в своем детском сердце мужскую силу».

…В Нормандию стали вторгаться соседи, владетельные феодалы Бретани. Это герцогство, говоря языком наших дней, претендовало на гегемонию в северной Франции, да и к тому же с Нормандией у бретонцев находилось много неразрешенных пограничных проблем. Они возникали по той простой причины, что в Средневековье демаркации границ не производилось. Ими в лучшем случае были реки или другие естественные, природные рубежи. Если же их не существовало, то на границе возникали кровавые распри из-за спорных пастбищ, сенокосов и прозаичных пустырей.

Феодальное соперничество между Бретанью и Нормандией не утихнет и тогда, когда Вильгельм достигнет совершеннолетия и возьмет правление герцогством в свои уже не юношеские руки. Воевать же много нормандцам придется против герцога Алена III Бретанского, который предъявил свои, пусть и сомнительные, права на Нормандию.

Здесь следует заметить, что такие феодальные войны в средневековой Франции больше напоминали разбойные набеги на соседа, и не всегда в ходе их осаждались рыцарские замки и города, больше напоминавшие большие крепости. Поэтому в военном противостоянии двух больших феодов Французского королевства вся их военная сила редко подвергалась полной мобилизации.

Политическая ситуация в верхнем эшелоне власти (среди родни Роберта Дьявола) в герцогстве с малолетним Вильгельмом во главе постоянно менялась. Это грозило ему и его «партии» серьезными бедами и утратами. Младшие единокровные братья отца, люди самолюбивые, Можер и Вильгельм де Талу стали быстро набирать силу, что укрепляло их амбициозность и увеличивало число сторонников. Естественно, что в таком случае уменьшалось число людей, которые стояли за бастарда, объявленного отцом законным наследником нормандского престола.

В 1037 (или 1038) году Можер утверждается архиепископом Руанским. Иначе говоря, он оказывается во главе церковной иерархии Нормандии. В то же время Вильгельм де Талу становится графом Аркеза, тогда для герцогства большого феода. То есть число подвластных ему рыцарей заметно увеличивается и

он становится в военном отношении сильней. С 1039 года имена Можера и Вильгельма де Талу в официальных актах Нормандии встречаются сразу после имени ее правителя, а тот находился еще на полном попечении.

На фоне их возвышения в герцогском семействе появляются и другие усиливающиеся личности, которые готовы были начать передел верховной власти в Нормандии. Особую опасность для подрастающего бастарда Вильгельма представлял Рауль Гассийский, убийца опекуна графа Жильбера де Бриона. Это был человек коварный, честолюбивый, готовый на любые поступки, в том числе на открытое убийство.

Правда, Раулю Гассийскому не удалось воспользоваться землями и недвижимостью убитого Жильбера де Бриона, прежде всего его замками. Он их не получил даже по суду, хотя усилий к тому было приложено немало. Да и денег поистратил тоже много. Крепкие замки Брионн и Вернон вместе с землями, крестьянами на них и титулом графа получил Ги де Брионн (Ги Бургундский), известный в истории как друг детства Вильгельма Завоевателя и его соратник. Он был сыном графа Рено Бургундского и Адели, дочери герцога Ричарда II.

Можно утверждать, что еще до совершеннолетия Вильгельма (когда ему исполнилось то ли шестнадцать, то ли пятнадцать лет) в самой Нормандии и на ее французских границах сложилось сложная ситуация. «Разрулить» ее в пользу герцогской короны мог только сам обладатель престола. Но для этого ему следовало показать волевой характер, последовательность в поступках, обзавестись надежной поддержкой короля Франции и самому обладать достаточной военной силой.

Внутри герцогства ситуация выглядела достаточно опасной: дело было даже не в самоуправстве баронов, размечтавшихся о личной свободе старшего в феоде и бесконтрольности поведения в собственных поместьях. За время несовершеннолетия Вильгельма в Нормандии появилось много новопостроенных рыцарских замков, в которых отсутствовали гарнизоны герцогских войск.

То есть в случае баронского мятежа правитель мог оказаться в крайне затруднительном положении: крепостная война с ее осадами и штурмами самых различных крепостей требовала больших воинских сил и еще больших затрат казны. У юного герцога Нормандии не имелось в наличии ни того ни другого. К тому же осада любой крепости, даже простого рыцарского замка, победно заканчивалась при основательной инженерной подготовке с использованием дорогостоящих боевых машин, которые требовали для обслуживания немало людей.

Вильгельм оказался в крайне затруднительном положении. Для него в начале правления любой незаконно возведенный замок вассала мог в один день превратиться в «осиное гнездо», место сбора недовольных вооруженных людей. Их в Нормандии хватало даже при Роберте Дьяволе, человеке решительном и не выбиравшим средств упрочения личной власти.

С другой стороны, к середине XI века у Нормандии сложились потенциальные противники (вернее – недруги), соперничавшие с герцогством за главенство на французском севере. Иначе говоря, речь шла о прозаическом феодальном противостоянии в государстве, в котором королевская власть виделась откровенно слабой. Монарх, как это показала судьба Генриха I, сам нуждался в военном союзничестве с владельцами крупных феодов и многочисленным мелким рыцарством, готовым встать под знамена парижского сидельца.

С Нормандией в то время враждовали Бретань и графство Анжуйское, правители которых желали завладеть рядом спорных территорий, в том числе графством Мэн. Предлога же для военного конфликта сторонам искать не приходилось: им могли быть, к примеру, неосторожно сказанные на застолье оскорбительные слова в адрес соседа. Или разбойное нападение на чужой купеческий караван на лесной дороге. К тому же у каждой из сторон имелись давние взаимные обиды, которые не забывались. Поводы для конфликтов давали и рыцарские турниры, в изобилии проводившиеся тогда по всей Европе.

В ту эпоху европейского Средневековья юноши любых сословий взрослели рано. Известно, что в 1042 году французский король Генрих I торжественно произвел юного 15– (или даже 14-) летнего герцога Вильгельма Нормандского в рыцари. С памятного дня посвящения в королевские рыцари для него началась взрослая жизнь.

…На формировании личности Вильгельма сказывалось то, что ни рано ушедший из жизни отец, и мать, которая по воле родителя оставила маленького сына, чтобы создать свою законную семью, после семи лет им не занимались. Опекунов же у подрастающего Вильгельма, причем людей самых разных, оказалось много, и о личном их бескорыстии говорить не приходится.

Опекунство каждому из них давало какие-то немалые выгоды: реальную власть в герцогстве, управление ее казной, возможность какое-то время принимать решения в личную пользу. К тому же опекуны стремились к тому, чтобы сохранить свое определяющее влияние на Вильгельма и после его совершеннолетия.

Мать Вильгельма, который часто находился в Париже, после

смерти Роберта Дьявола создала новую семью и потому с сыном общалась только по случаю. Она, выданная замуж за рыцаря, сеньора де Контевиля, жила счастливо. У супругов на свет появилось трое детей: сыновья Роберт и Одо, дочь Мюриэль. Вильгельм, став герцогом, поддерживал с братьями по матери самые тесные отношения.

Известно, что Вильгельм, став самовластным герцогом, не отказывал матери ни в каких ее просьбах, хотя Герлева ему ими и не досаждала. Ей довелось заниматься воспитанием сына только тогда, когда он был еще совсем маленьким и она жила в Фалезе. Судьба наследника престола и опекуны (сознательно) разлучили мать с сыном.

Надо сказать, что Вильгельм, утвердившись на престоле правителя Нормандии, благосклонно относился к братьям матери – Осберну и Готье. Они часто присутствовали на дворцовых торжествах, и в подписях под грамотами тех лет именуются как «дяди герцога». Дочь Готье стала женой влиятельного Рауля Тэссона, барона Сингле, подготовившего заговор и поднявшего в будущем мятеж против герцога, ставшего его родственником.

Следует сказать, что судьба маленького наследника герцогской короны во Франции не выглядит какой-то особенной и трагичной. Это был дух Средневековья, и судьбу Вильгельма Завоевателя в юности повторяли многие дети из семей крупных феодалов, которые оставались без родителя. Сыну герцога Роберта Дьявола еще повезло: ни один из опекунов не позарился на его престол, не пытался «приватизировать» земельные владения господина и «элитную недвижимость» в виде замков и торговых городов-крепостей.

…При дворе короля Генриха I сын Роберта Дьявола провел долгих девять лет, временами подолгу проживая в Нормандии, которую он любил. За это время он познал дух и секреты королевского двора, искусство придворных интриг, понимание опасностей, которые могли грозить ему в скором будущем. Но не это было самое главное в его воспитании без отца: он учился, как и его сверстники, азам военного дела, то есть рыцарству. Это и стало для него главной наукой в жизни, то есть наукой жизни.

Скорее всего, каждодневно он получал уроки владения личным оружием: мечом и боевым топором, копьем и кинжалом, стальным арбалетом и тугим луком. Учили его воины из числа умелых, опытных бойцов королевского войска. Вильгельм рано научился управлять конем, обученным нести на себе тяжеловооруженного всадника. Учили его биться в тяжелых стальных рыцарских доспехах, знать их секреты и слабые места. Физической подготовкой приходилось заниматься постоянно,

поскольку рыцарское дело было делом не слабых людей.

Уже в малолетстве у юного герцога имелись свои оруженосцы и слуги, которые владели оружием не хуже правителя. Многие из них по традиции эпохи являлись одногодками правителя, то есть мужали вместе с ним. Они и стали самыми преданными Вильгельму людьми, будучи часто немногим старше возрастом, и пройдя его жизненный путь бок о бок, деля между собой военные тревоги, радости и беды.

В будущем, став английским королем, Вильгельм I одарит многих их них аристократическими титулами, поместьями и замками на земле Туманного Альбиона. Он ценил верность и самопожертвование в битвах своих людей. Особенно тех, кого хорошо знал с непростого для незаконнорожденного сына крупного феодала детства. Они же платили за заботу о себе и своих семьях (фамилиях) верным служением и часто собственной жизнью.

До самого своего совершеннолетия (то есть до достижения 16 лет), когда Вильгельм обрел полную власть в Нормандии, юный герцог постоянно подвергался нападкам сверстников из аристократических фамилий за свое происхождение. Или, говоря иначе, Вильгельма не принимали в семейство высшей французской аристократии, как человека незаконно рожденного, только волей случая ставшего обладателем герцогской короны, да еще какой.

Именно при королевском дворе сын Роберта Дьявола впервые услышал жестокое слово «незаконнорожденный» (бастард), часто сказанное ему не за спиной, а в лицо. Может быть, благодаря этому он научился сдерживать собственные гневные вспышки, скрывать помыслы и ладить на людях со своими откровенными недоброжелателями. Но обид он никому не прощал; дело было только за временем расплаты. Так формировался характер человека, оставившего в истории XI столетия значимый след и на военном, и на политическом поприще.

Будь рядом отец, крутой нравом и обладавший немалым воинским отрядом и целым рядом сильных крепостными оградами городов и рыцарских замков, Вильгельм бы не стал изгоем среди своих сверстников, спесивых по происхождению. Герцог Роберт Дьявол мог заставить недоброжелателей уважать себя и своего наследника. Опекуны же отца заменить не могли, да и уходили они один за другим из жизни насильственной смертью.

Но об отцовском заступничестве говорить не приходилось, и юный Вильгельм Нормандский люто возненавидел всех, кто называл его в глаза или за глаза «незаконнорожденным». Своим аристократическим происхождением кичились многие из его

сверстников, обитавших, как и он, при королевском дворе. И тоже на правах воспитанников монарха Франции. Придет время, и кому-то из них правитель Нормандии и Англии жестоко отомстит за нанесенные когда-то в детстве обиды.

Такая жизнь до совершеннолетия обучила юного герцога запоминать многое и… умению постоять за себя, что тогда было совсем не излишней чертой характера даже знатного человека. Лучшей школой тому стали рыцарские турниры, сперва при блистательном дворе короля Франции, а затем при дворе герцога Нормандии, других крупных феодалов Французского королевства. Рыцарство смотрится в раннее Средневековье некой прозой и поэзией жизни любого феодала.

Детство и юность, прошедшая в постоянных стычках со сверстниками-аристократами, обстановка в собственном окружении наложили на характер Вильгельма I отпечаток скрытности, мстительности и жестокости. Дальнейший ход событий не раз покажет, что нормандский герцог, получив отцовскую корону и прочее наследство, обид детства не прощал и снисходительностью к своим недругам никак не отличался. Он был таким же, как все или почти все феодалы той эпохи. От родителей набожности тоже не наследовал, поскольку в вопросах веры следовал принципу практицизма.

Благодаря покровительству французского короля Генриха I юный герцог смог удержаться на нормандском престоле, которому угрожали не только сильные соседи (как, скажем, правители Бретани и Анжу), но и местные, собственные своевольные бароны, каждый из которых опирался на рыцарский отряд и имел хорошо укрепленный замок. Да и к тому же такое своеволие имело в среде нормандской знати родовые корни, которые уходили в не столь уж и далекий мир датских викингов.

Прямым их потомкам какая-либо узурпация полноты власти над собой приходилась совсем не по душе. Особенно когда такой феодал имел крепкий замок и некоторое число рыцарей, только и говоривших за столом о военной добыче и рыцарской славе. Отбитое у соседа стадо свиней или захваченный обоз соседских купцов могли стать строкой в победных песнях рыцарствующих норманнов, в балладах той эпохи.

Графов и баронов Нормандии можно понять: они гордились тем, что ведут свою родословную от викингов-датчан, заботясь о чистоте своей «голубой крови». Гордые эти люди сразу после получения известия о смерти герцога Роберта Дьявола стали бунтовать с оружием в руках против его незаконнорожденного наследника. По их убеждению, такой человек не мог начальствовать над «сыновьями датчан», покоривших

Нормандию.

Несколько раз противники и сторонники маленького Вильгельма вели между собой упорные и разорительные войны в герцогстве. Сам он не мог принять в них участие из-за своего малолетства, хотя и был «знаменем» для своей партии. Зыбкий внутренний мир в Нормандии был восстановлен только в 1042 году после взятия сторонниками наследника герцогской короны замка Арк. Замок был хорошо укреплен, и капитуляция его гарнизона произвела сильное впечатление на нормандское баронство. На какое-то время оно поубавило прежний пыл, поскольку уже давно не сталкивалось с такой силой сюзерена.

Тот 1042 год в истории французского Средневековья известен и тем, что в этот год юный герцог, достигнувший своего совершеннолетия, впервые надел стальные рыцарские доспехи, богато украшенные золотой насечкой, и сел на боевого коня, тоже одетого в защитное стальное снаряжение. И тоже богато украшенное, что отвечало высокому положению его хозяина. Теперь он появлялся всюду в сопровождении дружины своих сверстников, которые назвали себя рыцарями правителя Нормандии. Все они (или почти все) тоже являлись потомками викингов.

Свое совершеннолетие и обретение реальной власти герцога Вильгельм отметил следующим поступком: им был прогнан опекун Рауль де Гасе, который, как казалось многим, достиг вершин своего положения. Его подопечный в назидательных советах излишне назойливого старшего больше не нуждался: он рано стал принимать самостоятельные решения, проявлять твердость и известное упрямство. При королевском дворе такое незамеченным не осталось.

Не осталось незамеченным отстранение опекуна-временщика и в работах хронистов. Один из них, Вильгельм Жюмьежский, так описал венец постепенного переход власти в Нормандии в руки юного правителя:

«В расцвете счастливой молодости герцог Вильгельм начал добровольно взращивать в своем сердце поклонение Богу, отстранять от себя толпу бездарных, прибегать к советам мудрых, блистать как воинским искусством, так и в государственных делах».

Надо утвердительно сказать, что такое событие, как совершеннолетие герцога Вильгельма, стало днем торжества по всей Нормандии. Время баронской смуты ушло прочь, и теперь в стране, то есть в герцогстве, был полноправный хозяин, обещавший вырасти в сильного властелина. Этому радовались и горожане, и мелкие землевладельцы, и купечество, и немалая

часть местного баронства, которым часто доставалось от соседей. Все они истосковались по законности и безопасным дорогам за последний почти полный десяток лет.

Став в 16 лет полноправным правителем герцогства Нормандии, Вильгельм I сразу же взял в свои руки всю полноту власти, словно торопясь это сделать и не растерять в самом начале правления. Следует отметить, что юный герцог мог бы сдать на отлично экзамен по понятию смысла и технологии «царствования» на земле Нормандии.

Исследователи никак не могут определиться с тем, кто ему преподал высокий уровень науки управления. Таким учителем отец не успел стать. Королевский двор такой школой быть не мог. Опекуны менялись часто, больше занимаясь собой. Можно высказать версию, что юный Вильгельм обладал аналитическим умом, отчасти самостоятельно познавая искусство властвования унаследованным феодом.

Первым законодательным актом нового правителя Нормандии стал ордонанс против виновных в убийстве, поджигательстве и грабеже, то есть умышленных действия такого рода. Во французском Средневековье такими людьми были не прозаические разбойники (которых тоже было немало), а феодалы всех рангов, одетые в рыцарские доспехи. Их своеволие на проезжих дорогах трудно описуемо даже в балладах той эпохи.

После обнародования такого ордонанса правитель Нормандии со всей строгостью тогдашних законов повелел своим верноподданным сложить оружие, то есть сдать его властям в назначенные сроки. Оружие и воинские доспехи осели в замковых хранилищах-арсеналах герцогских замков, став частью его личной собственности. Таким образом, многие мятежники из числа баронов и их слуг получили желанную амнистию.

Одновременно с таким указанием герцога свыше даровалась амнистия участникам предшествующих «возмущений», благодаря чему многие жители из числа бывших мятежников вернулись к своим домашним очагам, превратившись из изгнанников и беглецов в добропорядочных мирян. Такие люди, естественно, пополнили число сторонников юного правителя Нормандии: они были обязаны ему лично многим. И потому бывшие мятежники, больше из рядовых подданных, теперь всегда были готовы с оружием в руках постоять за своего благодетеля.

Это сразу не понравилось родовитой чистопородной знати из числа соседей и, прежде всего, вассалам, многочисленным баронам. Сильный и крутой правитель Нормандии им был совсем не нужен и опасен. Они тоже кичились друг перед другом собственной родословной, шедшей от скандинавских викингов.

При этом они забывали, что наследником викингов являлся и их герцог. Довольно скоро нормандские бароны стали поднимать мятежи против своего сюзерена, пусть еще совсем молодого, но обладавшего герцогской короной и бывшего до поры до времени под покровительством короля Франции.

Вильгельм принял вызов, действуя поразительно решительно и победно. Но до окончательного умиротворения им Нормандии было еще далеко, и одними ордонансами, то есть нововведениями в законодательстве, успокоить герцогство было нельзя. Юный обладатель герцогской короны, воспитанный в духе рыцарской романтики, этого еще не понимал. В 1044 году Вильгельм едва не стал кровавой жертвой заговора местной аристократии, среди участников которого оказался друг его детства и дальний родственник Ги (Гвидо) Бургонский. Измена друга, известного своим честолюбием, «внесла коррективы» в миропонимание герцога.

Этот заговор был составлен герцогскими вассалами западной Нормандии. Считается, что его организатором являлся Рауль Тэссон, барон Сингле, главный замок которого находился в Тюри (ныне – Тюри-Аркур). Он вместе с другими заговорщиками поклялся «нанести удар Вильгельму» и заменить его на герцогском престоле «послушным» Ги Бургундским. Они связали себя взаимной словесной клятвой, известной в истории с давних пор.

Тот заговор имел широкое распространение. К нему даже примкнули виконты (должность их уже была наследственной) Нижней Нормандии из Бессена и Комантена – Ренуф де Брикессар и Неель де Сен-Совер, которому юный герцог поручил защиту южных и западных границ своих владений. То есть это виконт получил от него значительный числом рыцарский отряд, не считая пеших воинов.

На протяжении почти всей своей жизни Вильгельм как герцог и как король еще много раз столкнется с изменами и заговорами против себя на обоих берегах пролива Ла-Манш. В том году он получил только первый подобный урок. Но этот урок он хорошо усвоил, поняв, что больнее всего предают самые близкие люди, на которых он полагался если не во всем, так во многом.

Заговорщики решили совершить нападение на 19-летнего сюзерена, когда он отправится поохотиться в район своей резиденции замка Валони неподалеку от виконства Сен-Совера. Вечером к нему постучался придворный шут Голь, который случайно подслушал разговор заговорщиков, намеревавшихся то ли убить, то ли похитить своего герцога. Шут кричал Вильгельму:

«Откройте, откройте! Где Вильгельм? Почему он спит! Если

враги найдут его здесь, он не может скрыться из Котентена и не доживет до утра».

Вильгельм не стал требовать объяснений, быстро оделся, вскочил на коня и помчался по лесной дороге, стремясь покинуть территорию Котентена, который стал для него смертельно опасен. Добравшись до брода через реку Виру, он, не жалея лошади, поскакал в Фалезский замок, стараясь держаться берега моря. В Ри местный барон Губерт дал ему свежего коня и трех вооруженных сыновей в сопровождающие с советом не заезжать по пути ни в один город. В Фалез они прибыли без приключений.

Заговорщики, поняв, что их злодейский план раскрыт, бросились в погоню. Когда они, в свою очередь, добрались до Ри, местный владелец Губерт направил их по ложному следу, оказавшись, таким образом, действительным спасителем герцога Вильгельма Нормандского.

Заговорщики, как говорится, «остались с носом». Теперь им ничего не оставалось, как выступить открыто с оружием в руках против правителя, которому они в свое время дали вассальную клятву. Центром баронского мятежа стала Нижняя Нормандия к востоку от реки Орн, в то время как баронства Средней и Верхней Нормандии сохранили герцогу Вильгельму свою верность.

Первый «дружный» мятеж вассалов против юного герцога Нормандского случился в 1046 (или ранее) году. Тогда Вильгельму пришлось в первом в его долгой биографии бою биться как простому рыцарю. Мятежные бароны в тот год явно преувеличивали в собственных глазах свою значимость и силу, и потому были разбиты под стенами одного из замков. Укрыться за его стенами они не смогли и не успели, рассеявшись по округе. Лесными тропами уходили подальше, в собственные укрепленные жилища, наивно полагая, что люди герцога их там не достанут.

Первый бой был памятен для Вильгельма не столько одержанной победой (подобных викторий у него будет много), сколько тем, что он впервые показал «во всей своей красе» власть над подвластными ему нормандскими феодалами. И напомнил им, что он непременно станет на герцогском престоле подобием отца, Роберта Дьявола. Уже одно это страшило мятежных баронов.

Решающий и победный бой, по всей видимости (поскольку история не сохранила его описания), продолжительным не был. Хорошо организованная и устроенная рыцарская дружина герцога в конном строю смяла толпу баронов и их вооруженных слуг, которые после короткой рукопашной схватки бросились в разные стороны наутек. Часть мятежников, лишенных единоначалия, естественно, при преследовании попала в плен. Оттуда им

пришлось выкупаться, поскольку такая процедура приобретения личной свободы являлась доходной статьей герцогской казны.

После боя герцог Вильгельм устроил в замковой зале, освещенной десятками факелов, допрос мятежных феодалов, вернее, суд над ними. В будущем он не будет откладывать таких важных дел на завтра. И тут произошел случай, давший правителю Нормандии показать всю силу своего праведного гнева. Один из старых воинов (по своему положению сравнимый с мелкопоместным дворянином), вассал одного из мятежных графов, нарушивших присягу, данную Роберту Дьяволу перед отбытием того в паломничество в Святую землю, нагло бросил в лицо его сыну: «Я не намерен исполнять клятву незаконнорожденному!»

В диком гневе, на какую-то минуту потеряв самообладание, Вильгельм Нормандский приказал вырвать ему язык. Герцогские воины послушно, тут же в зале, на глазах у пленников-мятежников исполнили приказ повелителя. Воинственно настроенные вассалы, поднявшие оружие на своего господина, вмиг поостыли, поняв, что тот при всей своей юности крут на расправу. И что он может «отобрать» у непослушных его личной власти баронов не только какую-то часть тела, но и саму жизнь вместе с родовым имуществом, а баронское семейство сделать нищим.

Слух об этом быстро разлетелся по Нормандии, по его рыцарским замкам и торговым городским площадям. Там хорошо помнили герцога Роберта Дьявола, который таким образом не раз утверждал всю полноту, «самодержавность» своей личной власти над нормандцами. Слух разошелся и по Франции, залетев и в королевский дворец, и в замки аристократов. Было от чего призадуматься им, поскольку в герцогском семействе страны появилась еще одна, без всякого на то сомнения, сильная личность.

Вильгельм в тех событиях не надеялся на собственные силы, поскольку имел мало верных приверженцев среди нормандских феодалов. Он нашел верный выход из ситуации, попросив помощи у французского короля Генриха I, при дворе которого воспитывался и познавал науку жизни. В то время между династией Капетингов и нормандскими герцогами еще существовала традиционная дружба, основанная на взаимной военной и дипломатической поддержке. Такой союз был взаимовыгоден и крайне необходим.

Рыцарствующий монарх Генрих I, тоже большой любитель повоевать, быстро собрал большую армию собственных вассалов и не промедлил появиться на земле Нормандии. Он соединился с

войском герцога у Аржансона. Их противники в лице бунтующих против герцогской власти феодалов тоже не сидели сложа руки, успев собрать под свои знамена примерно 20 тысяч всякого вооруженного люда, в том числе и наемников из других земель Французского королевства. Это была по тем временам огромная военная сила, лишенная должной организованности, единого командования и жаждущая добычи.

Во главе мятежных баронов, прежде всего из Нижней Нормандии, стал клан Ричардинов. Именно он вынашивал планы свержения с престола бастарда или, по крайней мере, разделить с ним реальную власть. Взбунтовался город-крепость Руан, столица герцогства, вознамерившийся вырвать у юного правителя торговые и иные привилегии для себя.

Так, еще юношей, Вильгельм Нормандский проявил себя как воин-рыцарь и лидер, как жестокий деспот, не прощающий прошлых обид, которые хорошо помнились им. Многие заинтересованные люди во Французском королевстве после решительного подавления баронского бунта в Нормандии поняли простую для них истину.

Во-первых, то, что в обширной прибрежной Нормандии появился не просто новый обладатель отцовского престола, а сильный военный вождь, который вскоре будет мечом удовлетворять собственное честолюбие;

Во-вторых, новоявленный герцог Вильгельм I будет правителем и соседом не только суровым, но и справедливым (в рамках той эпохи), и что он сумеет постоять за себя и за свою фамильную честь, а значит – и за своих людей, не позволяя соседям наносить им разного рода обиды.

Действительно, достигнув совершеннолетия, Вильгельм Нормандский начал укреплять личную власть в герцогстве, то есть в собственных, наследственных владениях. Он не только сурово карал непослушных, но и миловал тех, кто должен был исправно платить в его казну подати или служить в его войсках-ополчениях. То есть людей, нужных ему. Герцог рано показал себя рачительным, расчетливым хозяином огромного феодального владения.

Вильгельм I силой оружия не сразу покончил с междоусобицей своевольных баронов, готовых при случае объединиться против своего сюзерена. Тому было много причин. И прежде всего то, что нормандское баронство – местное рыцарство, как и прочее другое в пределах не только Французского королевства, отличалось многочисленностью, что позволяло им раз за разом демонстрировать немалую военную силу.

Будучи овеян громкой боевой славой, герцог стал наводить в Нормандии должный порядок. Он действовал старым и испытанным средством для подавления бунтов вечно мятежных баронов, хорошо помнивших свою родословную. После победы в долине Дюн близ Каэна герцог не промедлил с отдачей многих приказов по разрушению родовых замков тех своих вассалов, которые не только подняли против него оружие, а просто казались подозрительными в тайных помыслах и словах, произносимых за пиршеским столом. Здесь сын заметно превзошел деяния своего отца по прозвищу Дьявол.

Ко времени начала принуждения нормандского баронства к признанию его самодержавной, абсолютной власти герцог уже имел хотя и небольшое, но хорошо по-рыцарски вооруженное войско, которое отличалось известной преданностью к правителю. Это было несомненной заслугой Вильгельма Нормандского, который в войнах Средневековья заявил о себе как полководец, вошедший еще при жизни в когорту великих исторических личностей.

Испытания же сыпались на его голову одно за другим. С 16 лет его видели чаще в рыцарском одеянии, чем с герцогской короной на голове. С мечом же он не расставался всю свою жизнь, имея все основания опасаться за нее: тайных недругов и явных врагов Вильгельму Нормандскому всегда хватало, а «рыцари плаща и кинжала», то есть наемные убийцы», стоили недорого. К тому же тогдашние алхимики и медики хорошо разбирались в ядах.

Из истории Нормандии середины XI столетия известны три сильных баронских мятежа, которые в наше время назвали бы антиправительственными восстаниями. Первый из этих обширных мятежей спонтанно вспыхнул в 1047 году, и герцог, который только-только вышел из юношеского возраста, понял, что одному ему с мятежными вассалами – нормандскими графами и баронами – просто не совладать.

Заговор 1047 года едва не закончился гибелью юного герцога во время охоты. Именно тогда верный шут Голь (Голе), случайно оказавшийся свидетелем клятвенного обещания гостей Ренуфа де Брикессара, виконта Бессена, предупредил своего хозяина о смертельной опасности, грозившей ему от рук казалось бы верных баронов. Вильгельм удачно ускакал от убийц, уже обнаживших оружие, и укрылся в собственном фалезском замке. Отсюда он стал действовать против заговорщиков, силы которых оказались значительными. Во главе мятежников стоял Ги Бургундский, граф де Брионн.

Тогда Вильгельм Нормандский лично обратился за помощью

к своему воспитателю в лице короля Франции Генриха I. Тот не отказал своему верному вассалу на севере страны, поскольку и сам не раз оказывался в подобной ситуации. Считается, что монарх встал на сторону герцога по той простой причине, что тот являлся его вассалом, которого король обязан был защищать.

Рыцарствующий король выступил в карательный поход во главе небольшой рыцарской армии, соединившись с герцогским войском севернее речки Мюанс. В том же 1047 году Генрих I и Вильгельм нанесли мятежником жестокое поражение в битве при Валь-эс-Дюне (Вал-э-Дюне, Долина Дюн), в десяти километрах от города Канна (современный департамент Кальвадос). Это была холмистая местность, по которой протекала речка Мюанс.

О численности королевско-герцогской (франко-нормандской) армии нет никаких сведений. Более того, нет даже каких-то приблизительных цифр, от которых бы можно было оттолкнуться при расчетах. О мятежниках же нам известно, что отряд Рауля Тэссона состоял из 140 рыцарей. Считается, что на стороне графа Ги Бургундского могло быть до 600 рыцарей (не считая их оруженосцев и вооруженных слуг), до 800 пеших воинов.

Отряды графа Ги де Брионна двигались разрозненно. В таком виде они совершили переправу через реку Орн. Когда отряды мятежных баронов вышли на холмистое плато, там их уже ожидал противник. Противники перед началом битвы расположились напротив друг друга на расстоянии полета стрелы: в их рядах было какое-то число лучников. Это историками считается вполне вероятно, но не достоверно. В таком положении стороны могли хорошо рассмотреть друг друга.

Битва при Валь-эс-Дюне, в которой с обеих сторон сражалось примерно по две тысячи человек, началась с взаимных атак под боевые кличи. Отряд рыцарей сражался с таким же рыцарским отрядом. Общей свалки, по всей вероятности, не было: все сражение «развалилось» на поединки конных рыцарей.

Ожесточенная битва проходила на равнине Дюн неподалеку от Кана. Король и герцог решили уже в самом начале сражения завладеть инициативой и настойчиво начали атаковать вражеские позиции. Мятежники стойко и удачно долгое время оборонялись от смелых наскоков союзной рыцарской конницы, которую поддерживали стрелки из луков и арбалетов, пешие копьеносцы. Порой поле брани походило на рыцарские турниры с бескомпромиссными поединками, в которых победитель становился обладателем стальных доспехов, оружия и боевого коня побежденного.

Есть предположения, что исход битвы в Долине Дюн у Каэна решила тайная дипломатия, основанная на тайных уговорах и

обещаниях, на подкупе. В конце того дня ряд предводителей инсургентов неожиданно для мятежного войска перешли на сторону короля и герцога вместе со своими воинскими отрядами. Картина битвы сразу стала меняться, и исход баталии оказался предрешен. Много мятежников пало, еще больше казалось в плену, из которого, по традиции той эпохи, следовало выкупаться за хорошие деньги или даже за земельные владения с крестьянами на них.

В одном из эпизодов сражения французский король, прочно сидевший в седле, сильным и удачным ударом копья был повержен на землю вместе с конем. Генрих I не погиб в той рукопашной схватке, поскольку помощь пришла к нему сразу: в общей свалке его с боков и тыла защищали верные оруженосцы и рыцари королевского двора.

Как свидетельствуют хроники, король Генрих I храбро сражался в первых рядах французских рыцарей и был ранен в том сражении, но поле брани не покинул. Нормандцы, вернее средневековые поэты-трубадуры, прославили подвиг французского монарха в песнях, сложенных здесь же, в Валь-эс-Дюне, Долине Дюн. В этих поэтических творениях Средневековья пелось, как он бился с мечом в руках и побеждал мятежников, защищая собственную честь и достоинство своего вассала в герцогской короне.

Герцог Вильгельм I Нормандский тоже не менее доблестно сражался в той битве: в ней, по сути дела, решалась его судьба. Случайность не позволила ему в тот день пленить коварного виконта Ренуфа из Бессена, которому удалось спастись бегством, бросив на поле боя копье и щит. Только укрыться ему было негде, и это он осознал довольно скоро.

Победа союзников была упрочена переходом на их сторону рыцарского отряда в 140 человек во главе с Раулем Тэссеном: он «вовремя» вспомнил о своей клятве вассала, данной правителю герцогства, и о том, что женат на дочери одного из братьев матери герцога. Такой численности рыцарский отряд для того времени являлся немалой силой и мог действовать вполне самостоятельно.

Хронист Вас, родом с острова Джерси и учившийся в Канне, автор истории герцогской Нормандии, написанной на французском языке, так описал отношение Вильгельма к Раулю Тэссону:

«Рауль Тэссон со своими рыцарями держался несколько в стороне от главных сил мятежников, так что король Генрих не понял, был ли он их союзником или противником. Король спросил герцога:

– Вильгельм, кто те люди, чье вооружение так богато украшено? Знаете ли вы их намерения?

– Государь, – ответил герцог, – думаю, что они на моей стороне. Их возглавляет Рауль Тэссон, а у него нет никакого повода быть мною недовольным.

Завязалась битва. Тэссон, вернее – его рыцари сомневались в том, что надо поднять оружие на короля Франции и своего герцога. Они требовали, чтобы он отказался от данной мятежниками клятвы, взял назад свое слово:

– Всякий, кто поднимет оружие на своего сеньора, потеряет свой фьев (то есть поместье). Мы этого не хотим…

В конце концов Рауль Теэссон перед самым началом битвы (а возможно, в ее разгаре) уступил настояниям своих рыцарей, у которых не было мотивов лишаться семейного достояния ради герцогской короны для Ги Бургундского. Пришпорив коня, он поскакал галопом к герцогу, приказав своему отряду не следовать за ним. Инсценировка, как казалось со стороны, рыцарского подвига, когда одиночка бесстрашно мчался на врага, оказалась полной. Анжуец родом мчался вперед с боевым кличем своей баронской семьи:

– Тюри! Тюри!..

Тюри было родовым, главным замком Тэссонов. Подъехав к Вильгельму, Рауль ударил его рыцарской перчаткой и со смехом сказал:

– Вот, я избавился от своей клятвы; я поклялся ударить вас; теперь я сделал это, таким образом, я не клятвопреступник. Пусть этот мой жест вас не оскорбляет.

После этого Рауль Тэссон поскакал к своему рыцарскому отряду и во главе его покинул ряды мятежного войска. Для свидетелей такого отступничества и потеря сильного числом союзника оказалось для баронов Нижней Бургундии тяжелым ударом. Но они, как люди мужественные, продолжили (или начали) битву.

Вильгельм весьма благосклонно отнесся к такому поступку здравого смысла в исполнении Рауля Тессена. Король и герцог видели, что на мятежников такого рода измена оказала самое деморализующее влияние: их предводители враз обеспокоились стойкостью в своих поубавившихся рядах. Они стали панически ожидать новых измен.

Рыцарствующий король Генрих I в битве едва не лишился жизни. Один из воинов Неля Сен-Севера (конный или пеший, неизвестно) ударом копья выбил его из седла наземь. Тот спасся благодаря прочности своей кольчуги. Монарха Франции, разумеется, добить не позволили рыцари, составлявшие его

личную охрану в сражении.

Герцог Вильгельм тоже воодушевлял своих баронов в рыцарских доспехах личным примером. Он не раз демонстрировал безрассудство отваги одиночного бойца. Прославил же он свое имя в тот день рыцарским поединком с бароном Ардре из Байё из отряда виконта Ренуфа де Брикессара. Ударом меча, нанесенным сплеча, он пронзил его незащищенную шею «между горлом и подбородком…»

Победа при Валь-эс-Дюне упрочила положение правителя Нормандии среди его вассалов. После сражения число незаконно возведенных замков в герцогстве заметно уменьшилось. Одни из них сносились по суровым приказам Вильгельма, другие спешно разрушались своими хозяевами, опасавшимися опалы правителя. Некоторые бароны выдали герцогу заложников (старших или единственных сыновей), вновь произнеся вассальную присягу. Вчерашние мятежники дружно мирились с ним. Среди них оказался и виконт Ренуф, лишенный своих фьевов: он был назидательно прощен герцогом и продолжил службу господину.

Когда мятежники побежали к ближайшему броду через реку Орн, их преследовали. У этой переправы беглецам пришлось столпиться. Некоторые из них утонули, и их трупы, унесенные речным потоком, забили желоб ближайшей мельницы. Виконт Неель де Сен-Совер (бежавший с поля битвы одним из последних) был схвачен, закован в цепи и ножные кандалы и брошен в темницу в Руане. Там его вскоре нашли мертвым. Если верить хроникам, он оказался единственным пострадавшим из пленников.

Хронисты отмечают удивительную гуманность юного герцога к побежденным мятежным баронам. Милосердие его в тот жестокий век сегодня видится удивительным. Но, думается, в основе этого милосердия лежал трезвый расчет: не мог же он своими руками истребить немалую часть собственной военной силы. Ему надлежало вновь подчинить ее себе. Хронист-публицист Средневековья Вас так охарактеризовал эту мудрую умеренность герцога-победителя:

> …Бароны помирились с герцогом.
> Они клялись ему и так одаривали его,
> Что он даровал и не отнял у них свое прощение
> И позабыл о их предательстве…

Что касается Ги де Брионна, «знамени» баронского мятежа против юного герцога Вильгельма и его кузена по родословной, то нет упоминаний о его личном участии в битве при Валь-эс-

Дюне. По своему положению его никто не обязывал участвовать в рыцарских схватках, и потому он вполне мог наблюдать за происходящим с какого-нибудь возвышенного места, в данном случае холма в Долине Дюн.

Ги Анжуйский удачно бежал в свой замок Брионн, окруженный каменной стеной и стоявший на острове, который разделял реку Риль на два рукава. Победитель Вильгельм гнался за ним, но беглецу удалось скрыться в надежном убежище. Кузен-предатель «прихватил» с собой в замок, как считается, и большинство собственных рыцарей и вооруженных слуг.

Большими денежными штрафами наказывалось мятежное руанское купечество. Герцог вполне милостиво отнесся к нему, прекрасно понимая, что от состояния торговли в Нормандии зависит и его собственное материальное благополучие. Купцы оказались благодарны судьбе: герцог не отбирал у них имущество, недвижимость и товары, не бросал их в нищету. И, что самое главное, обращался с ними так, как будто между богачами Руана и ним лично ничего не произошло.

Современник битвы Вильгельм Жюмьежский писал о большом значении битвы при Валь-эс-Дюне в подавлении мятежа баронов Нижней Бургундии для утверждавшегося на отцовском престоле Вильгельма. Он восторженно восклицал в своем историческом труде, дошедшем до нас в первозданном виде:

«Счастливая битва, когда в один день рухнуло столько замков, логовищ злодеев и преступников».

После битвы при Валь-эс-Дюне перед юным Вильгельмом не склонил голову разве что один «неразумный» Ги де Брионн. Герцог целых три года осаждал каменное убежище своего кузена на острове меж двух рукавов реки Риль. Замок Брионн был окружен грозно возвышающимися над округой стенами из камня, добытого в соседней каменоломне, а в центре возвышалась крепкая башня. Герцогу пришлось возвести кругом острова осадные башни, чтобы пресекать вылазки осажденных мятежников. Для сооружения башен были согнаны крестьяне из окрестных деревень и служители соседнего монастыря, ставшие на время послушными лесорубами и землекопами.

Ги де Брионн на протяжении трех лет грозил герцогу с высоты замковых стен. Вильгельм все это время не покидал долины реки Риль: вражеское гнездо находилось всего в сорока километрах от столицы Нормандии города Руана. Гарнизон и упорствующий до последнего хозяин Брионна капитулировали только в 1050 году, будучи сломлены голодом: блокада замка только ужесточалась, окрестности его были опустошены. И возможно, что за эти три года окрестные селения обезлюдели.

Показательно, что на мятежника Ги Бургундского не подействовали никакие уговоры осаждавшей стороны. Чего ему только не обещал герцог Вильгельм, почему-то благосклонно относившийся к человеку, отважившемуся занять его престол. Только одно условие капитуляции было неизменным: замок Брионн должен быть разрушен до основания и восстановлению не подлежал.

Герцог не стал брать сильный во многих отношениях замок на речном острове штурмом. Он взял его своим поразительным долготерпением. Падение неприступного Брионна удручающе и устрашающе подействовало на вольнодумное баронство и рыцарство Нормандии: герцог преподал им хороший урок сурового властвования. Его хватка сравнивалась с хваткой бульдога.

Все ожидали казни несговорчивого Ги де Брионна. Но герцог поразил всех своим великодушным прощением самого упорного мятежника в его владениях. Поверженный мятежник, с которым Вильгельм был знаком с детства, был одарен свободой, хотя и лишился немалой части земельных владений. Ги де Брионн беспрепятственно покинул Нормандию и отправился в родную для него Бургундию, где герцогом стал его брат. Он там тоже прослыл мятежником-неудачником. После этого пути Вильгельма с ним не пересекались.

Напрашивается вопрос: почему герцог Вильгельм видел в баронских замках большое зло для себя и почему он так стремился их разрушать? Ответ на этот немаловажный для рыцарского Средневековья в Западной Европе вопрос дает все тот же Вильгельм Жюмьежский. Описывая баронскую смуту в Нормандии 1037–1042 годов, он сообщает:

«Когда герцог был ребенком, многие нормандцы, забывая о своей верности ему, почти повсеместно возводили земляные укрепления, которые должны были стать для них надежными укрытиями».

Баронский, рыцарский замок, возведенный без обязательного разрешения на то герцогом, в те годы виделся всем символом стремления к личной независимости от правителя Нормандии. То есть каждый такой «самострой» отдавал духом мятежничества. Возводились и каменные замки, но это было доступно только самым богатым баронам и прочей состоятельной знати.

Разумеется, что далеко не все незаконно возведенные замки разрушались. В наиболее важных из них по местоположению и в приграничье ставились воинские гарнизоны, начальники которых подчинялись лично герцогу. Порой такие фортификации усиливались, достраивались. Бывшему владельцу в таком случае

приходилось жить с семьей по соседству в бурге – укрепленном деревянном доме, вполне напоминавшем рядовой рыцарский замок той неспокойной поры.

Последствия битвы при Валь-эс-Дюне историки прошлого и современного оценивают вполне единодушно: она завершила объединение Нормандского герцогства. Феодалы (виконты, бароны, рыцари) разных его областей больше не высказывали сепаратистских устремлений, и тенденция возвращения к ним в летописи этой части Французского королевства больше не проявлялась.

…Вильгельм искал всевозможные пути замирения баронской Нормандии и упрочения герцогской власти в ней. Он прекрасно понимал, что одним оружием власть упрочить нельзя, чему было много примеров из жизни Франции. Исследователи до сих пор не сходятся во мнении, кто подсказал ему мысль об установлении в герцогстве так называемого «Божьего примирения». Проект его появился на свет в 1047 году.

Такое нововведение в системе герцогской власти было вызвано двумя основными причинами, побудившими 20-летнего Вильгельма обратиться к силе духовной, то есть к силе церкви, на которую он мог опереться не всегда.

Первая причина заключалась в том, что Нормандии грозила волна народных возмущений. Она вызывалась «небесной карой» за случившийся неурожай и эпидемию «священного огня», как тогда назывались «рожистые воспаления». От них пострадала большая часть Французского королевства, в том числе и герцогство.

Второй причиной стало появление в Нормандии ученого священника из Лотарингии по имени Ричард из Сен-Ванна, аббата-бенедиктинца из города Вердена. Этот человек, будучи «чужеземцем», добился заметного влияния на архиепископа Руанского, что повлекло за собой ряд изменений в области литургии.

Итогом таких духовных изысканий герцога стал созыв знаменитого в то время Канского собора. Место для его проведения – Нижняя Нормандия было выбрано по политическим мотивам. Город Кан, вне всякого сомнения, вошел в историю Средневековья благодаря проведенному здесь собранию высокопоставленных светских и духовных особ Нормандского герцогства.

Канский собор был собран в 1042 (или в 1047) году. Постановления, принятые на нем почти одиннадцать столетий назад, дошли до нас в шести рукописях. Текст одной из них озаглавлен «Соборный декрет о мире, обычно называемом

Божьим перемирием, установленном герцогом Вильгельмом и епископами Нормандии».

Согласно решениям Канского собора, на земле Нормандии любые преступники строго наказывались за насилия, совершенные с вечера среды до утра понедельника и в церковные праздники. Наказаниями могли быть отлучение от церкви, денежные штрафы, изгнания сроком на тридцать лет. Что касается купцов и иностранцев, то их личная безопасность должна была соблюдаться круглый год.

Собор предписал священникам по воскресеньям и праздничным дням молиться за тех, кто соблюдал «Божье перемирие». От его исполнения освобождались в герцогстве только два человека – король Франции и правитель Нормандии: оба они по призванию являлись защитниками общественного порядка и закона.

«Божье перемирие», по своей сути, законодательно и духовно укрепляло в Нормандии герцогскую власть. Однако его исполнение сразу же натолкнулось на известное препятствие в лице тех баронов, которые силой оружия присваивали в селениях и на дорогах то, что им не принадлежало.

Дело доходило до того, что священники порой для исполнения решений Канского собора собирали ополчения из крестьян своего прихода. В подобных случаях рыцарские отряды барона-разбойника в схватках истребляли плохо вооруженных селян-ополченцев. Такое, к примеру, случилось с ополчением, собранным архиепископом Эймоном из Буржа: рыцари перебили храбрецов из числа крестьян, которые решили покарать их за многочисленные разбои, грабежи и прочие обиды.

…Получив отцовский престол, Вильгельм озаботился положением на границах герцогства. Здесь у него уже был серьезный противник в лице графа Анжуйского Жоффруа Мартелла. Спорная территория была хорошо известна – графство Мэн.

В противостояние Нормандии и Анжу король Генрих I из династии Капетингов не вмешивался. Ему вполне хватало военных забот в отношении таких крупных феодов Франции, какими являлись на то время Бургундия, Шампань и Блуа-Шартр. При этом Париж старался поддерживать в схватке за Мэн двух соседей равновесие сил, оказывая давление то на одну чашу весов, то на другую. Генрих I, как монарх феодально раздробленного государства, никак не желал усиления ни Нормандии, ни Анжу. В противном случае его династию вполне ожидали серьезные проблемы.

Такую политику короля Вильгельм Нормандский, думается,

вполне понимал. Поэтому он не увидел ничего случайного в том, что в конце 1049 (или в начале следующего) года король пригласил герцога с его нормандцами для участия в маленькой войне против графства Анжу, обладатель которого вышел из вассального повиновения монарху.

Целью похода королевской армии и нормандского рыцарства был избран замок Мулиэрн, находящийся в современном кантоне Лонгэ. Сегодня от него сохранились только развалины на холме, окруженном рвами. Каких-то детальных подробностей той королевской операции (значительной она не смотрится) против взбунтовавшегося против его власти владетельного графа история не сохранила. Зато хронист Вильгельм из Пуатье (описывавший события по воспоминаниям нормандских воинов) донес до нас некое описание рыцарских подвигов молодого герцога Вильгельма Нормандского:

«…Говорили, что он превосходил всех умом, умением и силой. Король охотно советовался с ним, когда ему нужно было принять решение, предпочитая его всем другим советникам.

Его упрекали только в одном: в безрассудстве, с которым он подвергал себя опасностям и без колебаний вступал в бой при встрече с противником, когда при нем было всего десять воинов».

Описанию подвергся один из подвигов, совершенный Вильгельмом под замком Мулиэрн. Однажды он взял с собой только четырех рыцарей и отправился с ними на разведку. Неожиданно на дороге нормандцы столкнулись с вражеским отрядом из пятнадцати конных воинов. Герцог, не колеблясь, бесстрашно бросился в бой и ударом копья в бедро сбросил одного из анжуйцев на землю. Когда остальные ударились в бегство, пять рыцарей-нормандцев преследовали их несколько миль и взял в плен семерых воинов графа Анжу.

Граф Жоффруа Мартелл после вторжения в Анжу союзников в лице короля Франции и герцога Нормандии нанес им ответный удар. Войско анжуйцев вторглось в Мэн и захватило города Манс и Шато-дю-Луар, крепости Алансон и Домфрон. После этого был взят важный город Тур, где был пленен его владелец граф Тибо III Блуасский. Захватив, по сути, большую часть графства Мэн, воинственный Жоффруа Мартелл переходить границу Нормандии не стал.

Герцог Вильгельм вновь призвал нормандских баронов под свои знамена: осенью 1051 года его войско подступило к крепости Домфрон, которую защищал сильный гарнизон анжуйцев. Нормандцы рассчитывали на фактор внезапности, но в их рядах нашелся изменник: он сообщил, что к крепости скрытно движется рыцарский отряд числом в пятьдесят человек во главе с

самим герцогом. Домфронский гарнизон оказался готов к отражению внезапного нападения: ворота в надвратной башне оказались наглухо закрыты, а лучники бдительно стерегли подходы к ним.

Считается, что таким изменником являлся граф Вильгельм д, Арк. Когда началась осада Домфрона, он тайно покинул осадный лагерь, не испросив на то разрешения герцога. Но это только догадки современников, поскольку прямых доказательств предательства история не знает.

Вильгельм, призвав в союзники голод, был вынужден начать осаду замка, стоящего на скалистом уступе. Его укрепления состояли из каменной стены, окружавшей площадь в два гектара. Домфрон своим устройством внешне походил на крепость Арк. Герцог, при всей своей молодости и отсутствии достаточного опыта, сумел мастерски образцово начать осадные работы: считается, что с фортификационным делом, то есть с крепостной войной, Вильгельм Завоеватель был ознакомлен профессионально.

Герцог Нормандский вел осаду неприступного Домфрона в 1051–1052 годах. Были устроены осадные укрепления из земли и дерева в виде валов и высоких сторожевых башен. Конные и пешие дозоры днем и ночью стерегли крепостные ворота, дороги и тропы, ведущие к Домфрону. Ожидалось, что Жоффруа Мартелл подаст помощь осажденному гарнизону.

Граф Анжуйский действительно подошел к крепости во главе сильного, в основе своем рыцарского отряда. Граф бросил вызов герцогу по всем законам рыцарствующих военных вождей. Посланный им Гарольд имел встречу с герцогскими военачальниками Рожером де Монтгомери и Вильгельмом, сыном Осберна. Гарольд от имени своего господина сообщил им, что утром нормандцы будут атакованы, назвал масть боевого коня, описал одеяние и герб Жоффруа Мартелла.

Его собеседники сделали ответный рыцарский жест, назвав масть коня герцога и описав его одеяние и герб. Это было сделано с единой целью: предводители двух армий должны были в ходе битвы узнать друг друга и сойтись в поединке. При этом никто не должен был мешать им выяснять отношения между собой.

Однако такой поединок не состоялся. Когда граф Анжу выступил из походного лагеря к Домфрону, к нему прибыл гонец с тревожной вестью: король Генрих I во главе своей небольшой армии направляется к захваченному анжуйцами городу Туру, чтобы вернуть его графу Блуаскому, своему давнему союзнику.

Жоффруа Мартелл приказал своим войскам сниматься с походного стана и идти к берегу реки Лауры. Изменением

ситуации решил воспользоваться герцог Нормандский: он с частью осадных войск двинулся на захваченный анжуйцами город-крепость Алансон. Расстояние до него составляло всего около пятнадцати лье, которые при хорошей организации марш-броска можно было преодолеть всего за одну долгую зимнюю ночь.

Внезапного нападение на Алансон не получилось: когда нормандцы подступили к городу, его защитники, анжуйцы и горожане, уже находились в готовности к бою на стене…

Весной 1052 года нормандцы вынудили гарнизон Домфрона капитулировать на милость победителя. Крепость и окружающие ее земли (часть графства Мэн) вошли в состав герцогства. Чтобы прикрыть Домфронт от возможных ударов анжуйцев, герцог приказал возвести в недалеком Амбриере пограничный замок, в месте слияния рек Майенны и Варенны.

…Военные поражения нормандской знати, исповедовавшие идеи прежней феодальной вольности, казалось, многому их не научили. Иначе говоря, аристократия Нормандии еще не «созрела» для полного повиновения властелину-бастарду. Среди графов и влиятельных баронов зрело недовольство усилением власти герцога, стремлением его подчинить своей власти все стороны жизни аристократии.

История не сохранила в хрониках свидетельств многих заговоров в Нормандии против ее правителя, герцогских наместников в лице виконтов и прочих начальствующих лиц. Вильгельм, еще в детстве познавший цену злому умыслу и предательству, по первым признакам решительно пресекал баронское недовольство. Таких людей он лишал средств к семейному существованию (отбирал поместья – фьевы), разрушал замки, лишал привилегий, изгонял из Нормандии, заточал в темницы. Карал мечом не часто, обычно разорял, что действовало на мятежников безотказно.

Известность получило дело Вильгельма Варленка, владевшего графством на юго-западной границе Нормандии. Он относился к родовой знати, являясь правнуком герцога Ричарда I, чем весьма гордился. В его рыцарской свите состоял юный Роберт Биго, тоже знатного рода, отчаявшийся в перспективе получения поместья и намеревавшийся отправиться на юг Италии, где тогда правили норманны. Там он хотел рыцарской службой где-либо добиться исполнения главного своего желания – получить надлежащий надел земли с крестьянами.

Однажды он пришел к своему сеньору графу Мортену и попросил отпустить его из свиты. Вильгельм Варленк, не желавший терять рыцаря, спросил юношу:

– Кто вбил тебе в голову такую идею оставить службу?

Роберт Биго ответил без всяких хитростей:

– Бедность, от которой я страдаю.

Граф Вильгельм Варленок многообещающе возразил ему:

– Если веришь мне, оставайся с нами, ибо через двадцать четыре дня в Нормандии наступит время, когда ты сможешь безнаказанно завладеть всем, что попадется тебе на глаза…

Немного времени спустя Роберт Биго по родственной протекции оказался на службе герцога, в его рыцарской свите. Тот, разумеется, нашел время лично побеседовать с новым человеком из своего повседневного окружения. Из беседы Вильгельм узнал о предложении, сделанном графом Авраншем своему рыцарю, пожелавшему удалиться от него.

Стало ясно, что в среде баронов готовится новый мятеж, душой которого является граф Вильгельм Варленк с герцогской родословной. Мотивы грядущих событий были понятны. Правитель Нормандии под благовидным предлогом вызвал к себе графа Авранша, и тому пришлось сознаться в предложении, сделанном одному из рыцарей собственной свиты.

Вильгельм Нормандский не стал карать человека, готовившего в его владениях новое баронское возмущение, новую смуту. Графу Авраншу был дан совет, звучавший как приговор:

– Ты решил нарушить мир, подняв в герцогстве мятеж, и вероломно лишить меня власти. Именно так ты заставил бедного рыцаря надеяться на возможность добычи. Но с Божьей помощью, на которую я уповаю, мир будет сохранен. Что же до тебя, уезжай из страны и не возвращайся, пока я жив.

Правнук легендарного герцога Ричарда I был в одночасье лишен поместья – фьефа и графских обязанностей. Ему пришлось покинуть Нормандию, и отправиться в поисках лучшей доли на юг Италии, в Апулию, где обитало немало выходцев из Нормандии. Из всей свиты Вильгельма Варленка теперь сопровождал один-единственный оруженосец. Ни один из рыцарей его фьева не последовал за своим уже бывшим хозяином.

С наследством изгнанного, теперь уже бывшего графа Авранша герцог поступил следующим образом. Он передал графство (управление им) своему сводному брату по матери Роберту, но он получил только часть освободивших поместий фьефа. Это была область Мортена. Остальные земли отошли под управление местного виконта.

Современники и историки, исследовавшие это дело, не нашли прямых доказательств подготовки баронского мятежа против герцога Нормандии. Возможно, такие сведения просто не сохранились. Поэтому их мнение о том известном в летописи

Франции случае таково:

«Только за неосторожные слова герцог лишил власти Вильгельма Варленка, графа Мортена».

«Из-за одного только разговора граф Мортена был лишен своей должности и изгнан из Нормандии».

«За одно лишь слово граф был лишен всего имущества, а затем изгнан».

Ордерик Виталий, занимавшийся изучением биографии Вильгельма Завоевателя, считал, что тот, обладавший еще только одной герцогской короной, продуманно проводил политику утверждения личной власти среди отцовской родни. Он опасался родню не сколько из-за ее знатности, богатства и рыцарских свит, сколько за родословную. Для него, бастарда, каждый прямой потомок первого герцога Нормандии таил в себе прямую угрозу: такие люди могли на законном уровне оспаривать у него престол. Поэтому Ордерик Виталий около 1110 года записал в своем труде:

«Именно таким образом он (Вильгельм Нормандский) жестоко усмирил надменных родичей своего отца и окружил почестями скромную семью своей матери».

Более серьезным оказалось столкновение бастарда Вильгельма с другим отцовским родичем – дядей Вильгельмом Басюком, внуком герцога Ричарда I и графом О. Этот человек из семейства Ричадсонов прямо угрожал ему отобрать власть. Дело дошло до открытого военного столкновения: около 1050 года герцог осадил замок дяди и принудил его сложить оружие. Вильгельм Басюк был лишен родовых земель, разорен и изгнан из Нормандии.

Показательно, что самым действенным методом борьбы молодого герцога Вильгельма являлось его законное право отправлять в изгнание любого аристократа. При этом тот (и его семья) лишался фьефа, то есть земельных владений. Изгнанник далеко не всегда мог восстановить на новом месте свое прежнее положение, часто превращаясь в обыкновенного рыцаря-наемника. Семья же в изгнании бедствовала вместе с ним.

В данном случае судьба оказалась благосклонной к родовитому Вильгельму Басюку. Явившись к королю Франции Генриху I, тогда уже имевшему натянутые отношения с правителем Нормандии, внук герцога Ричарда I встретил хороший прием и получил… графство Суассон. От такого подарка его отношение к бастарду Вильгельму Нормандскому лучше не стало: Вильгельм Басюк вобрал в себя известную долю самонадеянности, что не могло сослужить добрую службу.

Тот же поместьями изгнанника распорядился следующим

образом. Графство О было передано брату Басюка Роберту, другой брат, епископ Лизье Гуго, тоже сохранил расположение к себе правителя Нормандии. Так что большое семейство Ричардсонов большого недовольства решением герцога не высказало, а в итоге конфликта хозяина с вассалом один из крупнейших феодалов Нормандии оказался низложен.

Если военный конфликт с Вильгельмом Басюком выразился только в осаде замка владельца графства О, то столкновение Вильгельма Нормандского с Вильгельмом д'Арком, сыном герцога Ричарда II, больше напоминало маленькую феодальную войну времен рыцарского Средневековья. О ней мы знаем во многих подробностях из сочинения Вильгельма из Пуатье, источника, заслуживающего полное доверие. При этом четко просматривается позиция хрониста: неоспоримая правота действий герцога и сознательное очернение образа предводителя мятежников.

Дело обстояло так. Сын Ричарда II в 1038 году получил в качестве фьефа графство Талу в области О (Ко). Там он построил не просто крепкий замок, а настоящую крепость. Она представляла собой каменную стену с несколькими башнями, вход в которую шел под мощной квадратной надвратной башней. Крепость стояла на вершине обрывистого отрога в месте, где в реку Бетюн впадает речка Варена. То есть природа хорошо позаботилась о неприступности возведенного здесь фортификационного сооружения под названием Арк. Функционально оно больше всего походило на сильное пограничное укрепление.

После возведения такого феодального замка графство Талу стало называться графством Арк. Обладание такой мощной крепостью с достаточным гарнизоном придало Вильгельму д, Арк веры в собственное могущество: он стал называть себя в грамотах «графом волей Царя Небесного». Король же Франции величал себя в документах «королем Божьей милости».

Хронисты свидетельствуют, что граф д, Арк то был открытым противником бастарда Вильгельма Нормандского, то тайным вдохновителем разных смут, мастером политических интриг. Его характеризовали в таких словах: «Этого презренного и вероломного отпрыска прославленного рода не мог сдержать ни Божий, ни человеческий закон».

Дело доходило до того, что граф, как верноподданный вассал герцога, не впустил (!) своего господина в собственный замок и отказал ему в военной помощи. Такое сразу бы разгневало владельца с титулом герцога. Но Вильгельм, осторожничая, не сразу призвал коварного Вильгельма д, Арка к должному

повиновению, не сразу пошел войной на него.

В 1052 году герцог силой овладел замком Арк и поставил там собственный гарнизон. Так он «наложил руку» на замок дяди, который являлся не его прямой собственностью, а часть фьефа. Однако бастард Вильгельм по своей молодости недооценил графа д, Арка как своего противника. Тот подкупил герцогский гарнизон и возвратился в крепость, начав готовить ее к длительной осаде. Нанимались воины, свозились припасы, усиливались оборонительные сооружения.

Герцог узнал о случившемся, когда ехал по дороге на запад от замка. Его сопровождала небольшая рыцарская свита. Не слушая никаких советов, он повернул коня и поскакал к Арку. От бешеной скачки в его свите вскоре осталось на ногах всего шесть лошадей. Но и с таким числом всадников Вильгельм Нормандский переправился через реку Сену и оказался в области О, население которой в своем большинстве поддерживало графа. Те, кто этого не высказывал, подвергался ограблению людьми хозяина замка Арк.

Измена герцогского гарнизона посеяла панику среди тех, кто в Нормандии держал сторону Вильгельма. Его рыцари, находившиеся в те дни в столичном Руане, составили отряд в 300 всадников и поспешили на помощь герцогу. Этот отряд подступил к замку Арк, но слухи о численности вооруженных людей, собравшихся в нем, привел рыцарей в «шаткость», и они отступили от крепости в западном направлении.

Так герцог и встретился с рыцарским отрядом из Руана. Рыцари умоляли своего господина не спешить с активными действиями, а подождать подхода новых сил. Однако Вильгельм, сохранявший хладнокровие, ответил верным рыцарям:

– Когда они, изменники из гарнизона и графские мятежники, увидят меня, то не посмеют предпринять что бы то ни было против меня. Я напомню предателям о вассальской клятве, которую они давали мне с целованием креста…

Граф Вильгельм д, Арк, чувствуя собственное превосходство над бастардом Вильгельмом, вывел собранное им войско из крепости в поле, готовый вступить в битву. Но когда мятежники увидели герцога, восседавшего на коне в боевом рыцарском одеянии, то поспешили укрыться за крепостными стенами. То есть Вильгельм Нормандский не ошибался в том, какое впечатление производит он одним своим видом на мятежных баронов. Об этом хронисты писали не раз.

Один из них, авторитетный достоверностью исторической информации, Вильгельм из Пуатье, писал следующее: «Мы описываем события так, как они происходили, хорошо зная, что

потомкам будет трудно нам поверить».

Уверенный в себе, герцог готов был пойти на штурм сильной каменной крепости. Замок был «доступен» идущим на приступ только с одной стороны, но находящуюся здесь надвратную башню защищал сильный отряд лучников. Башня имела несколько этажей, что позволяло встречать каждую вражескую атаку ливнем стрел. Поэтому от такого плана герцогу и его военачальникам пришлось отказаться сразу.

Вильгельм решил по опыту взятия замка Брионн заняться осадой, чтобы заставить мятежников сложить оружие измором, то есть голодом. Графу, как было известно, не удалось за несколько дней запастись большими запасами провианта и фуража. Началась осада замка Арк. Войск в осадном лагере с каждым днем становилось все больше. Прибавлялось и боевых осадных машин: метательных, стенобойных.

Пока шла осада, в Нормандию вошла численно небольшая королевская армия Генриха I, который пришел на помощь сыну герцога Ричарда II, с которым находился в тайном сговоре, о чем Вильгельм узнал не сразу. Французов сопровождал немалый обоз, и поэтому они двигались вперед со скоростью самой тихоходной обозной повозки.

Когда королевская армия устроила себе походный лагерь у деревни Сент-Обен-ле-Коф, герцог Вильгельм во главе части своих войск покинул осадный лагерь под замком Арк, решил начать действия против тех отрядов королевских людей, которые отрывались в поисках провианта и фуража от главных сил. Или, говоря иначе, занимались грабежом местного населения и опустошением этой части Нормандии.

Однако такая тактика нормандцам успеха не принесла, хотя в конце октября 1053 года им удалось нанести поражение нескольким отрядам французов. Особенно чувствительной для герцога потерей стала гибель одного из лучших его военачальников графа Понтье Ангеррана II. Пока на удалении от осажденного замка происходили такие локальные бои, большой королевский обоз с провиантом сумел приблизиться к замку Арк и беспрепятственно со стороны осаждавших войти в него.

Король Генрих I удовольствовался таким большим тактическим успехом, продолжать войну с герцогом Нормандским не стал и отступил из его владений. Случившееся можно было соотнести с проигранным сражением в поле. Вильгельм не пал духом и лично возглавил осаду замка Арк. Он какое-то время жил в палатке под крепостными стенами врага, не раз участвуя в отражении вылазок осажденных, которые духом не падали.

Неизвестно, когда и почему граф Вильгельм д,Арк

капитулировал. Можно считать, что это случилось в начале 1054 года. Возможно, к этому времени в замке подошли к исходу запасы провианта, или гарнизон уже голодал. За время длительной осады в крепости осталось немного воинов, среди которых оказались и французы, сопровождавшие королевский обоз: они не успели вовремя покинуть замок.

Вероломный дядя герцога сложил оружие перед племянником, против которого он поднял столь серьезный мятеж, опираясь при этом на прямую поддержку со стороны короля Франции. Хронист Вильгельм из Пуатье при виде капитуляции остатков крепостного гарнизона описал финал осады Арка в таких словах:

«Какое печальное зрелище! Какой плачевный конец; одни на изголодавшихся кобылах, копыта которых более не цокают по земле и не вздымают пыль; другие еще носят сапоги со шпорами, но больше не походят на воинов; многие несут на согнутых от изнурения спинах седла своих коней; некоторые тщетно пытаются удержаться на ногах…»

Все ожидали сурового отношения герцога Вильгельма к побежденным мятежникам. Осажденные в Арке сторонники графа являлись к тому же еще и изменниками, клятвопреступниками. Но правитель Нормандии обошелся с ними так, как это было несколько лет назад при капитуляции Ги де Брионна. Он словно забыл о вероломстве родного дяди, отобрав у него только замок и графство, но предложив взамен «обширные и высокодоходные владения» в другой области герцогства. Более того, Вильгельм д, Арк не подлежал изгнанию из родной Нормандии.

Однако «раскаявшийся» побежденный не очень-то верил в милости своего племянника. Он предпочел покинуть с семьей Нормандию, отъехав к своему старому знакомому графу Булонскому Евстахию. При этом он опирался на известное расположение к себе короля Генриха I.

События вокруг замка Арт в 1053 и 1054 годах показали непрочность отношений Парижа и Руана в рамках единого государства. Пройдет несколько столетий, в течение которых Нормандия, как английское владение, станет камнем преткновения между королевствами Франция и Англия, причиной нескольких длительных войн между ними. Но эта эпоха кровавых раздоров начнется после триумфального похода Вильгельма Нормандского на противоположный берег пролива Ла-Манш.

Современники тех событий связывали «ожившую вдруг неприязнь» между герцогом Вильгельмом и королем Генрихом I с историей появления завоевателей-норманнов на севере Франции. Причем эта неприязнь видится хронистами взаимной. Вильгельм Жюмьежский по этому поводу писал:

«С тех пор как норманны стали возделывать поля Нейстрии, французы привыкли желать им зла; они побуждали своих королей выступить против них, утверждая, что норманны силой отняли земли, принадлежавшие их предкам».

В XII столетии поэт-хронист Вас напомнит современникам о исторической вражде жителей английской Нормандии и остальной части Французского королевства. Об этом почитатель герцога Вильгельма Вас скажет в стихотворном «Романе о Ру», одном из литературных шедевров Западной Европы в эпоху рыцарского Средневековья:

Долго длилась и долго продлится
И, кажется, никогда не прервется
Вражда и непомерная зависть,
Что питают французы к Нормандии…

…Молодому герцогу Нормандии оппозицию в семье потомков герцогов Ричарда I и Ричарда II составили не только светские феодалы, но и люди духовных званий. Особенно опасен для него стал архиепископ Руанский Мальгерий, сын Ричарда II. Он был из тех иерархов Римской церкви, которые открыто, публично обвиняли бастарда Вильгельма в несоблюдении канонических норм. Дядя «пренебрежительно» не появился на свадьбе племянника с Матильдой Фландрской, что только усилило их враждебность друг к другу и «подлило масла в огонь».

Однако всем было хорошо известно, что сам Мальгерий

отличался чрезмерной алчностью, растрачивал на личные нужды казну Руанского архиепископства, вел на редкость роскошный образ жизни, что никак не соответствовало его сану. Именно такая сторона жизни родного дяди позволила племяннику убрать дядю-«оппозиционера» с тернистого пути укрепления личной власти.

Дело обстояло так. Мальгерия обвинили в том, что он заключил сделку с демоном по имени Торе, который являлся к архиепископу по первому его зову. Верующие стали опасаться, что тот таким же образом начнет «вызывать дьявола, прочитав в книге магическую формулу». Герцог не стал брать под свою защиту такого крамольника из числа своей ближней родни, хотя сделать это он мог. И, таким образом, судьба «нечестивца» была решена.

На церковном соборе в городе Лизье, состоявшемся в 1055 году, в присутствии посланника (легата) папы Виктора II, архиепископ Руанский единогласно был признан недостойным сана и низложен. В защиту его не прозвучало ни единого слова.

Но это было еще полпобеды над церковной оппозицией. Вильгельм Нормандский настоял на том, чтобы на место изгнанного Мальгерия был избран его сторонник. Новым архиепископом Руанским стал монах из Фекана итальянец Мавреллий, человек, известный в церковных кругах Нормандии. Его избрание позволило снять накал отношений между герцогом и папством после свадьбы Вильгельма с Матильдой.

…В первые годы самостоятельного правления отцовским наследством вокруг юного Вильгельма сплотились те знатные нормандцы, которые были близки ему по духу и воинственности. И которые связывали свое нынешнее положение и будущее с верным служением своему господину. Тот на них опирался, на них мог положиться, им мог довериться в трудную минуту. Круг этих людей истории известен.

Это были: друг непростого детства Вильгельм Фиц-Осберн (его подписи стоят на многих официальных документах Нормандии той поры), дальний родственник Роже II Монтгомери, виконт Йемуа (называвший себя «нормандским из всех нормандцев»), герцогский оруженосец Роберт де Гранмениль, клирик Гильом из Пуатье. Они будут спутниками и соратниками Вильгельма Завоеватели на долгие годы.

Победы над мятежниками, особенно в битве при Валь-эс-Дюне укрепили политическое положение Вильгельма не только в собственном феоде, но и во Французском королевстве. Герцогская власть возвращалась в прежнее положение, и она снова становилась самодержавной в пределах собственно Нормандии.

Не случайно хронист Вильгельм из Пуатье писал о победе над мятежным баронством следующее: «Эта победа наконец надолго прекратила внутренние войны в нашей области». Речь шла о Нормандии. Сильная власть герцога-венценосца обеспечивала спокойствие и мир в его владениях.

…Казалось, юный Вильгельм должен был до конца жизни благодарить за оказанную военную и моральную поддержку своего благодетеля, в чьем дворце он воспитывался долгих девять лет. Ведь Генрих I обнажил свой меч в его защиту, не требуя от герцога ничего, кроме будущей верности.

Однако в отношениях между королем и герцогом, монархом и вассалом в будущем произойдет иное. Возмужав, Вильгельм I Нормандский еще до того, как захватит силой оружия английский престол, станет проводить вполне независимую от венценосца Франции политику, и нечасто будет считаться с его мнением и мнением королевского двора. Хотя и будет порой на пирах в нормандских замках поднимать с усмешкой здравицы за короля Генриха I Французского.

До открытой распри герцога с королем дело пока не доходило, но веская причина тому все же была. И опять же в полном соответствии духу той феодальной эпохи. В те годы король-воин Генрих I женился во второй раз – на Анне, дочери великого киевского князя Ярослава Мудрого. Так рыжеволосая княжна стала французской королевой. Она, в отличие от первой жены Генриха I, подарила ему долгожданного сына-наследника.

В историю Франции супруга короля Генриха I из далекой богатой мехами и витязями Руси вошла под именами Анна Французская, Анна Русская, Анна Киевская.

Новая королева Франции, пообвыкнув в королевском дворце и выучив язык французский, окунулась в мир придворной жизни. Сейчас трудно сказать, чем не приглянулся Анне Ярославне молодой герцог Нормандский. Возможно, своим взглядом на нее, или непослушанием мужу, или своим все более и более независимым характером. Как бы там ни было, однажды королева дала Вильгельму I новое прозвище – Побочный, которое закрепилось за ним среди людей разных придворных званий.

При этом дочь великого князя Киевского, видимо, забыла о том немаловажном для истории случае, что ее прославленный делами предок, Владимир I Святославич, был сыном «рабыни» ключницы Малуши, одной из многих наложниц сына великого воителя Святослава, но не законной жены! Анне Ярославне на чужой земле следовало бы быть более осмотрительной в подобных поступках, не давать поводов для вражды влиятельных феодалов с ней лично и ее венценосным мужем.

Как бы там ни было, но правитель Нормандии очень быстро узнал о том, что при королевском дворе у него появилось новое прозвище – Побочный, которое больно ударило по самолюбию герцога. И он возненавидел Анну, королеву Франции, за ее язык. Свое недружелюбие друг к другу они не скрывали, что выражалось во взаимных колкостях.

Но, ради справедливости, надо сказать, что не данное ему прозвище стало поводом и причиной скорой вражды с французским монархом, и что не эта «деталь» взаимоотношений между герцогом Вильгельмом и королевой Анной вбила клин в отношениях между Нормандским герцогством и Французским королевством. Причиной стала так называемая всеевропейская распря, которая повергла континент в редкий для истории Европы круговорот военных событий.

Когда при дворе дружно заговорили о том, что герцог Нормандский по прозвищу Побочный открыто начал высказываться о своей нелюбви к королеве, ее муж, естественно, стал врагом обидчика Анны Французской. Случай продемонстрировать королю свое новое отношение к бывшему воспитаннику не заставил себя долго ждать. Дело обстояло так.

В Нормандии вспыхнул очередной баронский мятеж. На этот раз король Генрих I не встал на защиту герцога, а во главе королевской армии пришел на помощь восставшим вассалам правителя Нормандии. Причина такого, скажем, неординарного поступка монарха заключалась в том, что он хотел иметь покорного герцога Нормандии, а не воинственного человека, которого приходилось постоянно опасаться, уже не говоря о том, что он постоянно оскорблял на словах королеву.

Ни мятежные бароны, ни пришедший им на помощь король Франции не рассчитали собственных сил. К тому времени герцог Вильгельм I уже обладал собственной немалой (по меркам Западной Еволпы) армией, хорошо вооруженной, обученной и организованной, с железной дисциплиной, которая цементировалась суровыми карами за непослушание герцогу. Ни королевские рыцари, ни ополчение мятежных баронов такими достоинствами в междоусобной войне, к их несчастью, не обладали.

Враждующие стороны сошлись в битве у Мен-Обена. Герцог Вильгельм в той непростой для него ситуации смог навязать королю и его союзникам сражение в чистом поле, хотя они имели хорошую возможность укрыться за крепостными стенами. Герцогское войско решительно атаковало неприятеля, нестройные ряды которого перед этим поредели от метко выпущенных стрел лучников и стрелков из арбалетов. Мятежные бароны и

королевское рыцарство стойкости в рукопашной свалке не проявили, обратившись в бегство от Мен-Обена. Их преследовали, рубили и кололи, брали в плен. То есть разгром побежденных оказался более чем полным.

Большое бесчестье получил сам король Генрих I. С немногочисленными рыцарями и воинами он бежал из Нормандии в Париж. Герцог Вильгельм поступил вполне разумно, что не стал преследовать венценосного противника столь далеко. В противном случае он наверняка мог получить в ответ враждебную коалицию других герцогов Франции, королевских вассалов.

Поражение в сражении у Мен-Обена дорого обошлось королю Генриху I. Почувствовав его видимую слабину, против его власти восстали вассалы в значительной части Франции. Феодалы не помышляли уничтожить своего законно монарха, желая лишь заметно урезать королевскую власть над собой. Теперь венценосец Генрих I Капетинг только и делал, что воевал: ходил в походы на мятежников, осаждал их замки и города-крепости. Но и самому тоже приходилось не раз обороняться от врагов.

После победной битвы при Мен-Обене герцогу Вильгельму I пришлось еще долго и часто воевать против собственных графов и баронов. В те годы казалось, что во Французском королевстве вассалы всех рангов поднялись с оружием в руках против своих сюзеренов, больших и менее значительных. Мятежи следовали один за другим – то в Нормандии, то в Бургундии, то в Бретани, то в Гаскони, то в Провансе, то в Аквитании, то во Фландрии…

Французский король и правитель Нормандии вновь стали на время союзниками. Выжить в мятежной стране и сохранить прежнюю власть они могли только объединившись. Тайная дипломатия процветала, и вчерашние недруги публично и делами демонстрировали дружбу и добрососедство. Но все это было временно: такие союзы рассыпались после первой неудачи.

В 1048 году Генрих I призвал Вильгельма I оказать ему помощь в «маленькой» войне с Жоффруа Мартеллом, графом Анжуйским. Так герцогство Нормандия оказалось вовлеченным в тяжелую, а самое главное – длительную войну с анжуйцами, которая продолжалась до 1054 года, то есть шла семь неполных лет.

Теперь герцогу Нормандскому приходилось осаждать и брать штурмом не только феодальные замки, но даже укрепленные города, которые в ту эпоху больше напоминали каменные крепости с многочисленными гарнизонами из городских ополчений. Однажды Вильгельму I пришлось вести осаду большого мятежного города Алансона, жители которого хорошо

подготовились не только к осаде, но и к активным военным действиям. Готовый к «возмущениям» Алансон осаждался не раз.

Алансонцы успешно отразили первый приступ войска герцога, который решил взять город без долгой «правильной» осады. Вооруженные горожане, ликуя от первой победы, уверенно ходили по городским стенам, с их высоты высмеивая и словесно издеваясь над своим правителем и его людьми. То есть, картинка смотрелась весьма обыденная для лет феодальных распрей Средневековья.

Горожане в ходе штурма пленили нескольких воинов герцога Вильгельма (или, что вполне вероятно, им достались тела убитых). Они были казнены, и два веселых алансонца на стене стали размахивать руками, которыми держали драные куски кожи, и кричать осаждавшим: «Кожа! Кожа!»

По другим сведениям, эти два горожанина с такими же криками колотили (руками или мечами?) по принесенным на стены шкурам. Тем самым осажденные алансонцы напоминали самолюбивому герцогу о кожевенном ремесле его деда.

Такая картина на крепостной стене и несшиеся оттуда оскорбительные крики вывели герцога из себя. Разъяренный Вильгельм приказал воинам вывести перед городскими стенами всех алансонцев, которые по разным случаям оказались у него в плену. Воинам было приказано вершить казнь над ними на виду всего города: сперва отрубались руки и ноги, а затем головы.

Все это демонстрировалась осажденным, густо толпившимся на крепостной стене. Горожане, казалось, замерли, смотря на то, как уходили из жизни их родные и близкие, просто знакомые люди. После такой публичной казни герцогские пращники перебросили кровавые члены в город, вызвав в нем панику.

Видя страшное замешательство в стане мятежных горожан, герцог послал свое войско на новый, но уже более яростный штурм. Они взяли укрепленный город Алансон и разграбили его, перебив много людей. Вильгельм Нормандский приказал разыскать тех двух веселых алансонцев, которые кричали со стены «Кожа! Кожа» и тыкали в его сторону руками. Но их не нашли, поскольку оба пали в бою, избежав тем самым страшной казни, которая уготовлена была им герцогом.

По другой версии, герцог Вильгельм, еще не остывший от нанесенного ему оскорбления, после штурма и взятия Алансона приказал привести к нему тридцать два защитника замка, которые были схвачены на стене, и отрубить им руки и ступни. Искалеченные таким образом алансонцы (или люди графа Анжуйского) были отпущены куда глаза глядят «в качестве примера» тем, кто вздумает насмехаться над правителем

Нормандии.

Как утверждают хронисты, крайняя жестокость была несвойственна бастарду Вильгельму Завоевателю. Такие случаи действительно редки в его герцогской и королевской биографиях. Однако алансонский случай описан едва ли не во всех биографических трудах о Вильгельме Нормандском. В одних им восторгаются, в других не приветствуют такую жестокость, обычную для той эпохи.

…Наведя должный порядок в герцогстве (но не сразу и с большими ратными трудами), Вильгельм Нормандский пожелал расширить свои и без того немалые владения. Но занялся он этим делом только после того, как окончательно «добил» своих противников в собственном феодальном уделе: графы и бароны окончательно замирились, недавние мятежные города исправно стали выплачивать наложенные на них огромные «штрафные» подати.

Дороги в Нормандии стали безопасны и для купцов, и для простолюдинов, чего давно не наблюдалось. Вновь оживились торговые причалы в портовых городах. Стала заметно полниться герцогская казна, поскольку сборы от торговли пошли в гору. Хозяева замков устраняли разрушения в их укреплениях, разумно не прекословя любому повелению сюзерена.

Историки потом скажут, что где-то к 1050 году герцогство Нормандия «объединилось» и «замирилось», то есть против власти герцога никто не поднимал ни рыцарского меча, ни дубины. Для Западной Европы XI столетия с ее жестокими нравами такая картина вполне выглядела идиллией. Теперь герцог Вильгельм мог подолгу жить в городе Руане, столице Нормандии, отдыхая от военных забот и ратных трудов. Но со своим рыцарским мечом он и не думал расставаться.

Вильгельм I совершает несколько чисто завоевательных походов в соседнюю Бретань и в провинцию Мэн, лежавшую к югу от Нормандии. Местные феодалы спайкой не отличались, равно как и желанием сражаться за соседа, во владения которого вторглись нормандцы. Больших сражений не случилось, города обычно открывали свои ворота и отдавались на милость развоевавшегося герцога Вильгельма. Иначе говоря, откупались без пролития крови.

Гарнизоны рыцарских замков тоже не отличались стойкостью и желанием держаться в осаде до последнего воина. Они просто «меняли место службы», то есть хозяина, плативщего им хорошее, еще большее жалованье. И не скупившегося на обещания, которые зачастую забывались сразу же после достижения желаемого. Казна Нормандии в те годы позволяла «покупать вражеские

гарнизоны», начиная с их начальников и кончая рядовыми воинами, самыми малооплачиваемыми из которых являлись лучники и пращники.

Покорив Бретань и область Мэн (на которую претендовал граф Жоффруа Анжуйский), герцог Вильгельм I умерил свои амбиции на Европейском континенте, то есть в пределах современной Франции. Вне всякого сомнения, он поступил весьма благоразумно, поскольку беспредельно увеличивать собственные территориальные владения за счет ему подобных феодалов становилось для него все более и более смертельно опасно. В коалиционной войне против Нормандии Вильгельм победить не мог.

Развоевавшись, он, на свое счастье, быстро осознал, что ему, если и дальше отбирать у соседей деревни с крестьянами, торговые городки и разрушать замки местных феодалов, придется столкнуться с коалицией воинственных аристократов против герцогства Нормандии. Это была серьезная угроза для герцогской короны, которую можно было запросто и потерять вместе с бренной жизнью. Поучительных примеров владелец Нормандии знал немало, и не только из истории, а еще и из настоящего времени.

Такая коалиция крупных феодалов Франции действительно стала создаваться, но «вызреть» не успела. Вильгельм I, «почувствовав» такое дело, дальше Мэна никуда в поход не пошел, успокоив, таким образом, и своих многочисленных недоброжелателей, и королевский двор, который со все возрастающей тревогой взирал на необузданного герцога Нормандского. Тот на глазах у всех из юного рыцаря-романтика при всем своем даровании полководца европейского Средневековья превращался в расчетливого венценосца средней руки.

…Когда Нормандия внешне «замирилась» и местные бароны на какое-то время утихомирились, Вильгельм решил, что ему пора создавать семейное гнездо, чтобы иметь наследника (или наследников), чтобы его род имел продолжение. Герцог-холостяк, покрывший свое громкое имя рыцарской славой, виделся всем завидным женихом. Собственно, так оно и было. Невест ему сватали уже не раз, но безуспешно: воинственному феодалу «все было некогда обзаводиться семьей». К тому же ему исполнилось уже двадцать лет, по тому времени он считался женихом уже «залежавшимся».

Разумеется, его супругой могла быть только аристократка, знатностью и положением не ниже его самого. Вильгельм по личному опыту знал, что такое быть среди французской знати

сыном большого феодала и матери, при всех ее достоинствах и красе, вышедшей из семьи пусть и богатого, но простого горожанина. Он не хотел, чтобы его сын (или сыновья) повторили отцовский путь в юности.

Думается, что наследник Роберта Дьявола знал всех подходивших ему невест в округе своих владений наперечет. Выбор же пал, пусть и не сразу, на Матильду, дочь Балдуина, графа Фландрского. Фландрия тогда являлась одним из самых больших феодов Французского королевства, а местные мастера-горожане сделали очень многое для торгового и ремесленного процветания графства, что и закрепилось за Фландрией в будущие столетия. Непустующая графская казна позволяла Балдуину обладать значительной военной силой и оказывать финансовую помощь будущему зятю.

Хронист Средневековья Вильгельм Жюмьежский, донесший до нас рассказ о сватовстве Вильгельма Нормандского к дочери правителя Фландрии, в своем писании сказал так:

«Узнав, что у Балдуина Фландрского была дочь по имени Матильда, происходящая из королевского рода, прекрасная телом и благородная душой, он, выслушав мнение своих советников, попросил ее руки у ее отца».

Разумеется, герцог мог найти себе невесту в семьях других европейских монархов: сам он видится в истории завидным женихом. Но советники убедили его в том, что «предпочтительнее породниться с соседними государями, и этот выбор определяется серьезными причинами».

Сватовство преследовало, прежде всего, политические цели. Сильная Фландрия могла стать полезным союзником на будущее: с начала XI века между ней и Нормандией не было пограничных сложностей и прочих военных конфликтов. Обе стороны вели активную торговлю, прежде всего на рынках Лондона. Союзничество купечества Нормандии и Фландрии в торговых делах, в ценообразовании на самые различные товары могло пополнить кошельки не только самих купцов-мореходов, но и казну их правителей.

В крови Матильды Фландрской текла кровь самого Карла Великого. Кроме того, она по своей матери, Адели, была внучкой короля Франции Роберта Благочестивого и племянницей правящего монарха, Генриха I. Вильгельму Нормандскому расположение французского монарха было крайне желательно: он не хотел враждовать со своим сюзереном, который шаг за шагом набирал вес в собственном королевстве.

Обретение такой жены с целым «букетом благородных голубых кровей» для бастарда Вильгельма видится в известной

мере делом чести. К тому же девица была красива, воспитанна, добродетельна, умела вышивать и была грамотна. Она могла вполне украсить герцогский замок в Руане и сделать жизнь рыцарствующего супруга счастливой, подарить ему наследника родового престола.

Поначалу сватовство нормандского правителя успеха не имело. Родители девушки, вероятно, видели себе иного зятя. Возможно, Вильгельм уже успел чем-то сильно обидеть правителя Фландрии, но, во всяком случае, граф Балдуин в отношении сватовства принял удивительно жесткую позицию. Его не сломила даже перспектива превращения любимой дочери из графини в герцогиню и союз с Нормандией, тоже северной областью королевства. По одной из версий, Матильда сама с презрением аристократки отвергла сватовство бастарда.

С другой стороны, исследователи не видят в личности Балдуина Фландрского в истории со сватовством к его дочери человека чрезмерных желаний. Скорее всего, он уже не раз конфликтовал со своим будущим зятем и, по всей вероятности, натерпелся от него немало личных обид, а фламандцы – «мелких» военных поражений. Ясно здесь только одно: на территорию графства войска Вильгельма I и его вассалов не заходили.

Вильгельм, получив оскорбительный отказ, не отступился и решил действовать вполне в духе того времени, но далеком от рыцарских традиций и романтики. Он в сопровождении нескольких верных людей тайно прибыл во Фландрию, в город Брюгге. Там в то время в «полной безопасности» находился граф Балдуин вместе со своим семейством. Здесь герцог и совершил, скажем прямо, дерзкое хулиганское нападение на свою будущую жену. Громкое дело, ставшее достоянием французской истории Средневековья, обстояло так.

Герцогу удалось сохранить инкогнито своего появления в Брюгге. Думается, при больших деньгах такое проблемой для него не стало. Он сумел подстеречь Матильду на церковной паперти, когда в ее окружении не оказалось вооруженных людей. Она только-только вышла из церкви, как подскочивший Вильгельм схватил ее и бросил девушку в грязь, после чего нанес ей несколько сильных ударов. Нападение закончилось тем, что сын Роберта Дьявола вскочил на подведенного ему коня и «быстро удалился» из города Брюгге и из самой Фландрии. «Хулигана» или не догнали, или не пытались догнать: о том хронисты умалчивают.

От понесенных побоев юная графиня «сделалась больна», то есть слегла в постель. В таком плачевном состоянии Матильда объявила своему отцу, который уже строил самые заоблачные

планы мести обидчику своего семейства, что выйдет замуж только за герцога Нормандии! И больше ни за какого аристократа королевства. Граф Балдуин пусть и не сразу, но, в конце концов, сдался на уговоры дочери.

Маленькая война между Фландрией и Нормандией в итоге бурных сцен с потоками искренних слез в девичьей спальне Матильды так и не состоялась. Впрочем, такая война в эпоху феодального Средневековья ничего особенного из себя бы не представляла: рядовой случай, рядовая распря феодальной аристократии. И не более того. Хронисты Западной Европы раздувать ее не стали бы, ограничившись скупыми строками в своих трудах.

В одной из хроник, но уже не XI, а XIII столетия история сватовства Вильгельма описана совсем иначе. Герцог выглядит куда более благородным. Когда ему, бастарду, передали слова Матильды, он, оскорбленный, вскочил на коня и во весь мах помчался в Лилль (далековато от Руана!), ворвался в зал графского замка, накинулся на юную девицу, повалил ее на пол и располосовал шпорой ее платье. После такого обхождения строптивая фламандка, укрощенная таким манером, признала Вильгельма своим повелителем, отдав ему свою руку и сердце.

Вполне романтическая история рыцарского Средневековья, достойная пера хрониста, преклонявшегося перед личностью Вильгельма Завоевателя. Таких историй, в которых трудно отделить надуманное от истины, о нем спустя не одно столетие будет написано немало. Может даже показаться, что хронисты-романисты соревновались между собой в освещении нюансов женитьбы будущего Вильгельма Английского.

Историки все же считают, что у якобы «несговорчивого» графа Балдуина V был прямой резон породниться не с каким другим обладателем огромного феода, а именно с герцогом Вильгельмом Нормандским. Суть крылась в военном конфликте Фландрии с английским королем Эдуардом Исповедником, который встал на сторону германского императора Генриха III во время конфликта последнего с Фландрией. Французский историк Мишель де Боюар по этому поводу высказался так:

«…Эдуард активно поддержал императора Генриха III во время его столкновения с Балдуином V; он отправил флот грабить фламандское побережье и устье Шельды.

Таким образом, графу Фландрскому, оказавшемуся между двух огней, было важно примириться с королем Англии. Он не мог найти для этой цели лучшего посредника, чем Бастард, отец и дед которого дали приют в Нормандии принцу Эдуарду во время его изгнания, длившегося четверть века».

…К этому можно добавить еще и то, что Вильгельму Нормандскому стоило трудов добиться от папы римского Льва IX разрешения на брак с Матильдой, дочерью графа Фландрии. Жених имел родство с невестой то ли в шестом, то ли в четвертом колене (?): генеалогическая путаница по сей день не позволяет исследователям точно определить степень родства. Церковь накладывала запрет на такие браки. Папское разрешение все же было получено, но с известным запозданием.

Брак герцога Нормандского с Матильдой Фландрской в те годы наделал много шума в семействе монархов Западной Европы. Церковный собор (около двадцати епископов и пятидесяти аббатов) в октябре 1049 года в немецком городе Реймсе под председательством папы Льва IV объявил этот супружеский союз «кровосмесительным». Вильгельм и Матильда, как высчитали в окружении папы римского, являлись потомками легендарного Роллона, герцога Нормандии, были кузенами в пятом поколении.

Собор в своем постановлении запретил графу Балдуину Фландрскому выдавать свою дочь за герцога Нормандского, а тому – жениться на своей избраннице. Но два правящих рода Нормандии и Фландрии не «откликнулись» на решение Реймского собора.

Такой «грешной» ценой герцог Вильгельм I добился права получить руку (вместе с богатым приданым) графини Матильды, которая считалась завидной невестой. Граф Балдуин V Фландрский помирился с состоявшимся зятем, и они стали не просто родичами, но еще и союзниками. Свадьба, по-рыцарски пышная, состоялась, по всей видимости (точных сведений нет), в 1051 году, в замке Эв. На ней присутствовал цвет французской аристократии, но, вероятнее всего, не было ни одного священнослужителя.

Стороны обговорили условия заключения брачного союза: это был династический брак. Нормандское посольство встретило Матильду с отцом на границе герцогства, у замка Эв. После свадебных застолий (хроники говорят, что большого числа знатных людей на свадьбе не значилось) новобрачные отправились в столицу Нормандии город Руан.

Там их встречали с радостью и цветами: свадьба правителя стала для руанцев хорошим поводом для праздничного настроения и веселых застолий. В таких случаях виновник торжества выставлял или оплачивал вино и прочее угощение для простого люда, в данном случае для горожан. Вильгельм в подобных случаях не скупился и был необычайно щедр, заботясь о собственном имидже в народе.

Исследователи считают, что герцог не просчитался в выборе невесты: они долгое время были счастливы, семья отличалась крепостью, жена подарила мужу не одного наследника и на многое из его супружеских проделок закрывала глаза. Однако исследователи сходятся в мысли о том, что герцог сохранял безупречную верность своей избраннице: после себя он не оставил ни одного бастарда! Для той эпохи это было крайне редким явлением для владельцев больших феодов.

Супруги имели, как считается, десять детей, о некоторых из них история знает крайне скудно. Сыновей было четверо, трое из них были старшими детьми – Роберт, Ричард и Вильгельм. Дочерей звали: Алиса, Агата, Констанция, Адель, Сесиль и Алисон. Некоторые из детей умерли в раннем детском возрасте. О судьбах дочерей Вильгельма и Матильды история донесла до нашего времени самые скудные сведения: хронисты той эпохи не баловали своим вниманием даже супругу Завоевателя Англии.

Семейная жизнь продолжалась тридцать два года. Герцогиня, а потом королева Матильда стала до последних дней верной спутницей Вильгельма I Завоевателя. Он не раз доверял жене ведение важных политических дел, считая ее соправительницей на английском престоле. К такому раскладу ведения государственных дел в семействе правителя со временем было приучено его окружение, и потому каких-то недоразумений не возникало.

Она фактически правила и Нормандией, и Англией во время долгих отсутствий мужа и в Руане, и в Лондоне. Он всегда отсутствовал на троне по самой уважительной причине рыцарского Средневековья: воинственный Вильгельм часто воевал по обе стороны пролива Ла-Манш. Таково было его время и бремя венценосца. Воевать же сын Роберта Дьявола не уставал до последнего года своей жизни.

О самой Матильде истории известно немного. Хронисты и исследователи сходятся в одном: дочь графа Фландрии была типичной половиной домов больших феодалов той эпохи. Она увлекалась охотой (сама из лука в диких зверей не стреляла) и верховой ездой, имела крепость духа и тела, отличалась неистовостью, имела право на собственное суждение при муже и была любимой и любящей матерью.

Один из историков XX века, француз Поль Зюмтор, по поводу судьбы Вильгельма Завоевателя и королевы Матильды заметил следующее: «Ничего романтического в жизни этой супружеской пары не было». Скорее всего, оно так и было.

…Вильгельм I действительно был смышленым феодальным владельцем, да еще к тому чрезмерно честолюбивым, готовым

пойти на все возможное и невозможное для утверждения собственного величия и расширения наследованного герцогства. Был человеком деятельным, желавшим много воевать во славу своей короны, ходить в победные походы, сражаться по-рыцарски не только на турнирах и побеждать, побеждать, побеждать…

Добившись руки графини Матильды Фландрской, герцог потерял другую руку – королевскую. В том же 1056 году он окончательно расстроил свои, казалось бы, крепкие отношения с недавним сильным покровителем в лице французского монарха. Генрих I, обеспокоенный постоянным усилением своего воспитанника и уже прежнего союзника, вознамерился привести его в должное повиновение. Король стал собирать воинские силы для похода в Нормандию, что секретом за семью замками ни для кого не было.

Считается, что за все время вражды с Вильгельмом Нормандским король Генрих I впервые преследовал столь решительные цели. Монарх решил довести дело «наказания и подчинения» своего формального вассала до логического конца. Поэтому его войска действовали по заранее выработанному плану военной кампании. Большая часть Нормандии должна была превратиться в театр военных действий.

Удар по герцогству наносился по трем направлениям. Войско во главе с опытным Жоффруа Мортелла (Молота) наступало на графство Эвре, имевшее ряд сильных замков. Сам король выступал из города Манта в западном направлении. Сильное войско под командованием королевского брата Эда, графов Валуа и Ги де Понтье должно было совершить вторжение в область Брэ.

Все эти три отряда, в основе своем рыцарских, двигались на город Руан, столицу Нормандии. Под его стенами армия короля должна была соединиться. Задумывалось взять Руан любой ценой (штурмом, голодом, измором, подкупом части гарнизона, возмущением горожан против правителя) и после этого «ликвидировать» самостийного Вильгельма, слишком часто вынимавшего меч из ножен, готового поспорить не только с любым обладателем феода во Франции, но даже с самим королем. Вассалом же Генриха I герцог являлся с первого дня нахождения на троне.

«Ликвидация» предусматривала под собой или гибель герцога, или заточение пленника в подземелья одного из замков Франции или изгнание куда угодно тому будет. В любом из этих вариантов на престоле Нормандии должен был появиться правитель из другой фамилии, не нормандской, а французской.

Король Генрих I, если верить хронистам, принял решение возвести брата Эда в герцогское достоинство и тем самым

«закрыть для себя проблему Нормандии». То есть речь шла о некой ликвидации одного из самых крупных феодальных владений Французского королевства, включении его земель во владения правящей в Париже династии. Иначе говоря, Нормандии готовили судьбу стать частью королевского домена. Такое действительно произойдет в истории, но гораздо позже во времени.

В жизни Вильгельма это был первый случай, когда он столкнулся с таким могущественным противником в лице не просто своего монарха, а еще и объединенных войск феодалов, поддержавших короля. Союзников в той междоусобице герцог не имел. Наступление на Руан королевской армии началось в феврале 1054 года.

Воевать герцогу довелось в тот год, как говорится, одновременно на два фронта. Ему пришлось разделить свои быстро собранные силы на две примерно равные части. Сам он стал во главе вассальского ополчения, набранного в Нижней Нормандии, двинувшись к левому берегу реки Сены. Рыцарским ополчением, набранным в Верхней Нормандии, начальствовали граф О Роберт и Готье Жиффар, барон (сеньор) Больбека.

Показательно, что каждой части армии Нормандии предстояло действовать в родных местах, то есть защищать их. Это заметно поднимало дух воинов, и к тому же они могли рассчитывать на полное содействие местного населения, не испытывая трудностей с провиантом и фуражом. Должно было сказаться и то, что нормандцы с французами не ладили друг с другом, хотя жили на земле одного королевства.

Силы сторон виделись явно неравными, и потому правителю Нормандии пришлось избегать больших сражений на полях собственного феода и на его границах. Избегать, но не отказываться от столкновений. Вильгельм I, продемонстрировав завидное искусство маневрирования, уклонился от большой решительной битвы, чего желали его недруги. Тем пришлось заняться «поиском» неприятеля, что неизбежно вело к распылению сил: Вильгельм тому не препятствовал, оставив для вражеских отрядов открытыми все дороги на Руан. Пойти же сообща по одной из них его противники не могли. Они традиционно двигались по сходящимся направлениям.

Считается, что тактика полководца Вильгельма Завоевателя во многом исходила из наследия скандинавских (или датских) викингов. Крайне подвижные отряды нормандцев создавали в умах неприятельских ощущение всеприсутствия. При ведении «малой войны» применялись уловки викингов, которые были мастерами внезапных нападений, устройства засад и заманивания

в них врага, умения выжидать благоприятных обстоятельств.

Самым ярким в той ситуации видится то, что герцог не уклонился от открытой борьбы на поле брани. Вильгельм Нормандский презрел старое правило в таких случаях укрываться за крепкими стенами каменных замков или откупаться казной и землей от более сильного противника. Тот едва ли ожидал от герцога инициативных, а самое главное – решительных поступков.

Вильгельм внимательно отслеживал через лазутчиков перемещения вражеских воинских отрядов, ожидая благоприятного случая для внезапного нападения на них. Во вражеском стане подкупались люди, которые могли выдать ценную информацию о планах королевского окружения на сегодня, завтра и ближайшие дни. Такие информаторы за хорошую плату находились всегда, даже среди нищенствующего рыцарства.

Правителя Нормандии больше всего интересовали перемещения вражеских отрядов на его территории. Он оказался не в силах одолеть всю королевскую армию в решающей битве, а вот разбить ее по частям мог вполне уверенно. Ему оставалось только выжидать случая, высматривать его и не торопить события в начавшейся войне Франции против Нормандии.

Вскоре ему откровенно повезло: брат короля самонадеянный Эд неразумно отделился с большим отрядом французских рыцарей от главных сил вторжения и, как сообщили герцогу лазутчики, находится под небольшим городком Мортемером (ныне Мортемер-сюр-Олн). Это было подарком судьбы для воинственного, но благоразумного сына Роберта Дьявола: часть вражеской армии сама по себе попала в засаду, которую ей никто не устраивал.

Самонадеянный принц Эд, форсировав реку Эпт, двигался по открытым пространствам, избегая по возможности лесных массивов. По пути сжигались нормандские селения, жители которых для устрашения избивались в большом числе. Это привело к тому, что местное население, давно привыкшее к превратностям феодальных междоусобиц, на этот раз возненавидело королевских людей уже не как обыкновенных грабителей и насильников.

Герцог со своим войском скрытно поспешил туда, благо хорошо знакомые проселочные дороги позволяли провести такое перемещение войска Нормандии. Следует заметить, что он удивительно умело организовал марш-броски, не дав своим воинам и коням оказаться сильно уставшими по прибытии к месту битвы: ситуация требовала ввязаться в нее с ходу.

Велась дальняя и ближняя разведка небольшими конными отрядами с проводниками из местных жителей, на которых можно было положиться. На всякий случай проводников предупреждали о карах, которые падут на их головы и семейства в случае измены или двойной игры. Французы, как это можно понять, таких проводников в том походе в Нормандию не имели. Их опять же подводила излишняя самонадеянность в собственном превосходстве.

Герцогом и его советниками учитывалось, что рыцари принца Эда в это время безоблачно отдыхали и шумно пировали на войне. Заняв без боя город Мортемер, они взяли в нем вооруженной рукой богатую военную добычу в виде вина, провианта и женщин. После этого Эд и его рыцари устроили пир, всю ночь напролет предаваясь пьяному разгулу. На заре немалая часть войска королевского брата безмятежно погрузилась в сладкий сон, держа, однако, оружие, доспехи и коней при себе. Достаточного числа дозорных выставлено не было.

В таком виде рыцарей Генриха I и застал подошедший к Мортемеру под покровом ночи неприятель. Один из герцогских военачальников, Готье Жиффар, предложил сигналом к атаке сделать поджог всего, что могло гореть в окрестностях вражеского стана. То есть речь шла о загородных строениях горожан. Такой план герцогу понравился.

Нормандцы неожиданно напали на вражеский стан у стен Мортемера. Королевские рыцари, сразу протрезвевшие и захваченные врасплох и не побеспокоившиеся о собственной безопасности, потерпели жестокое поражение. Враг в лице французских рыцарей воинами герцога, атаковавшими от лесной дороги, истреблялся безжалостно. В их рядах оказалось немало вооруженных местных жителей, жестоко мстивших грабителям и насильникам.

Как сообщают хронисты, отряд королевского брата Эда за десять часов боя (!) под стенами Мортемера так и не смог организоваться для дачи достойного отпора. После полудня уцелевшие королевские рыцари толпами обратились в повальное бегство. Их преследовали, насколько позволял ход уставших в битве коней. Большая часть отряда принца Эда была истреблена нормандцами, которые в битве серьезных потерь не понесли. Эд, к великому стыду старшего брата-венценосца, бежал с поля боя в числе первых.

Остальные люди короля в своем большинстве сошли с коней и сложили оружие, смирившись с судьбой рыцаря, оказавшегося в плену у такого же рыцаря, и с тем, что теперь надо откупаться за хорошие деньги, да еще выкупать собственные доспехи и оружие,

ставшие трофеями нормандцев. Но перед этим должен был состояться торг победителя с побежденным. Такие собеседования часто велись в ходе веселого пиршества или в мрачном замковом подземелье.

Хронист-поэт Вас в своем «Романе о Ру» восторженно писал: «Не было человека столь скромного положения, чтобы он не захватил бы в плен француза и двух или трех прекрасных боевых коней».

Вильгельм в той битве лишний раз убедился в силе действия на поле брани большого числа лучников: бронебойные стрелы с тупыми наконечниками пробивали любые стальные рыцарские латы. Победители захватили богатые трофеи (коней, доспехи и оружие) и много пленных, за которых ожидалось получение хорошего выкупа. Можно утверждать, что, по меркам феодального Средневековья, тот день принес победителям в битве у Мортемера огромные барыши: то есть им было что продать и за кого взять выкуп.

Среди знатных пленников нашелся родственник герцога Нормандского. Им оказался брат мужа его сестры Алисы. Вильгельм, скажем прямо, был удивлен такой приятной неожиданностью. Но чего не бывало в средневековых феодальных войнах! Можно сказать, что Ги де Понтье в том случае фатально повезло: худшее в плену его не ожидало. Обращались с ним по-родственному тепло и хлебосольно.

По красивому преданию, герцог Вильгельм, одержавший при городе Мортимере полную викторию, решил подшутить над королем, от которого отвернулась удача на войне. Он приказал одному из своих приближенных, Раулю де Тони, пробраться ночью как можно ближе к походному лагерю Генриха I и, оставаясь незамеченным, «сообщить» французам неприятную для них новость о полном истреблении отряда принца Эда, несостоявшегося кандидата на престол Нормандии.

Рауль де Тони блестяще по результатам исполнил поручение своего сюзерена. Он незамеченным для вражеских часовых подобрался к королевскому лагерю на дальность слышимости человеческого голоса, взобрался на дерево и с его высоты во весь голос прокричал «новость» о победе нормандского оружия. Новость заключали такие слова:

«Идите хоронить своих мертвецов! Отправляйтесь хоронить своих друзей, убитых при Мортемере!..»

Столь жесткое поражение от нормандцев произвело на разбуженных криками Рауля де Тони короля Генриха I и его вассалов жуткое впечатление. Такого успеха противной стороны никем в стане короля не прогнозировалось. Громкоголосого

вестника не стали даже искать, хотя он таился в ночи где-то совсем рядом с полевым лагерем французов. Рауль де Тони благополучно возвратился к своим, получив за такой подвиг на войне благодарственное слово повелителя и хороший кубок вина в придачу.

Французская армия поспешила уйти из ополчившейся против нее Нормандии, не забыв при этом сжечь по пути все, что горело, разрушив то, что представляло для противника какую-либо хозяйственную ценность. Одновременно грабились беззащитные селения и города, которые не смогли защитить себя во время королевского нашествия. Французы уходили с военной добычей, хотя ожидалась она гораздо большей.

Иначе говоря, проигравшая в войне сторона часть своих расходов смогла покрыть за счет мирного населения Нормандии. При этом творилось кровавое беззаконие: все, кто пытался защитить свое имущество и жилище, наказывались ударом меча или стальной стрелой из арбалета. Что было вполне в духе рыцарской Европы, романизированной в далеком будущем писателями и поэтами той же Франции.

Когда королевская армия спешно уходила из земель Нормандии, герцог Вильгельм не преследовал ее, как говорится, по пятам. Его конфронтация с Генрихом I интересна тем, что Вильгельм никогда не нападал непосредственно на своего монарха и на земли королевского домена. Более того, он никогда не замышлял плохого против личной безопасности своего бывшего опекуна. Думается, что король мог по достоинству оценить действительно рыцарское поведение своего мятежного вассала в герцогской короне.

Победа над рыцарями принца Эда окрылила владельца Нормандии. Он поспешил возобновить было затухшую феодальную войну с Жоффруа Анжуйским и его сильными союзниками в лице графов Мэна и Пуату. Те явно не ожидали такого хода событий, уповая на поход короля в непокорную Нормандию. Теперь нормандцы пришли к ним незваными гостями, жаждавшими военной добычи и славы для своего развоевавшегося правителя.

Герцог Вильгельм уже вскоре получил некоторое преимущество в ходе боевых действий против этого трио. У его противников не ладилось с единством сил, не говоря о проблеме единого военачальника, поэтому анжуйцам приходилось туго. Однако такой успех в очередной раз послужил Вильгельму откровенно плохую службу: король, находившийся в Париже, снова ополчился на него, желая взять реванш за недавнее отступление, равное поражению.

Конец 1054 года, как свидетельствуют хронисты, прошел в постоянных успешных столкновениях нормандцев со сторонниками короля. Больше всего досталось Жоффруа Мартелю, графу Анжуйскому, который не поспешил с вторжением в пределы Нормандии вместе с Генрихом I и его неразумным братом Эдом.

Вильгельм по давно уже отработанной им тактике поведения на чужих землях приказал построить замок Бретей, поставив во главе его гарнизона человека, на которого мог положиться, – на Гильома Фиц-Осберна. Тот получил приказ стойко держать оборону и избегать капитуляции под любым предлогом. Это отрезвляюще подействовало на самых ярых недругов Нормандии.

Между королем и герцогом завязались, чисто по-рыцарски, переговоры об условиях мира. Вильгельм отпустил без выкупа пленных, взятых в битве у Мортемера. Генриху I пришлось признать вассальную автономию Нормандии, неприкосновенность ее земель и границ. Собственно говоря, он лишь подтвердил королевским словом то, что уже было на самом деле.

Вильгельм получил право взять клятву вассальной верности у владельца графства Понтье, который по своему местоположению являлся своеобразным буфером между Нормандией и Фландрией. Для герцога это было очень важно: богатой и сильной в военном отношении Фландрией (ныне части современной Бельгии) правила его родня. Сейчас бы это назвали стратегическим успехом при подписании мирного договора, заключавшим в себе успех в завершенной войне.

Королю, которому не с руки было продолжать войну, пришлось взять на себя обязательство соблюдать нейтралитет, если между Нормандией и графством Анжу возникнет новый военный конфликт. И в довершение всего Генрих I со всей щедростью в знак дружбы «подарил» герцогу Вильгельму замок Тильер, находившийся по соседству с возведенным нормандцами замком Бретей. Так у правителя Нормандии на соседней территории появился «укрепленный район» из двух сильных замков. Это виделось, вне всякого сомнения, ценным приобретением на будущее.

Собственно говоря, король и герцог подписали не вечный мир, а вынужденное перемирие. Вильгельм удачно воспользовался передышкой для своего сюзерена в феодальной междоусобице, охватившей север Франции. Он, взяв в предлог фактический отказ Жоффруа Мартеля от перемирия, быстро вторгся в графство Мэн и захватил там замок Амбриер, который сразу же «освоил» гарнизон из нормандских воинов.

Такой ход герцога Нормандии сильно озаботил его соседа Эона де Поруэ, графа Бретани. Тот после некоторых раздумий пришел на помощь графу Жоффруа Мартелю, и они дружно осадили замок Амбриер. Но его гарнизон держался стойко даже при виде большого числа стенобитных и метательных машин неприятеля. Первый же приступ был отбит с большими потерями для штурмующих анжуйцев и бретонцев.

Более того, осажденные нормандцы умело поставили против вражеского тарана, который еще не успел пробить брешь в крепостной стене, свой таран, более мощный. Когда эти два тарана столкнулись в «единоборстве», то осадная машина анжуйцев разлетелась на куски.

Вильгельм вовремя подоспел на помощь осажденному гарнизону и снял блокаду с Амбриера. Полевого сражения под его стенами не случилось: союзники не пожелали остаться между двух огней – подошедшим войском нормандцев и осажденным гарнизоном, готовым ударить с тыла.

Эону де Поруэ и Жоффруа Мортелю пришлось ретироваться: на битву в поле под стенами замка они сообща не решились, хотя о превосходстве нормандцев в силах хронисты ничего не сообщают. Графу Бретани после такой неудачи откровенно не повезло: возвратившийся домой Эон был свергнут своим племянником, оказавшись в его руках почетным пленником с плохими видами на ближайшее будущее.

События вокруг замка Амбриера навели многих владетельных феодалов Франции, прежде всего ее севера, на мысль о том, что с воинственным герцогом Нормандии лучше не ссориться и не конфликтовать. У него оттого даже прибавилось в приграничье добровольных вассалов. Объяснялось такое просто: слабые тянулись к сильному.

Так, владетель Майенна, друживший с правителями Мэна и Бретани, сам принес ему вассальную присягу. Но Вильгельм прекрасно понимал, что тот ему верным соратником не станет и в первом же удобном для себя случае изменит клятвенному слову. В рыцарское Средневековье подобная клятва стоила немного. Но как бы там ни было, Майенн формально стал частью герцогства, и теперь нормандцам, как сюзеренам, приходилось заботиться о его безопасности.

…Правителю Нормандии, не расставшемуся с мечом, приходилось приглядывать за своими соседями, чтобы случайно по незнанию не оказаться в опасной ситуации. Больше всего его беспокоила Бретань. В 1057 году герцогской короной там завладел молодой Конан, взявший в плен своего предшественника Эона, с которым Вильгельм столкнулся у замка

Амбриера. Распрей между Конаном и Эоном воспользовался предприимчивый граф Жоффруа Мартелл, захвативший важный город Нант, который, однако, удержать в своих руках не смог.

Тем временем в условиях зыбкого перемирия Нормандия шла по пути неуклонного роста своего могущества. Именно так историки оценивали деятельность герцога Вильгельма I в те годы. Он строил замки и церкви, открывал новые аббатства, покровительствовал торговле, набирал новых воинов, жалованье которым выплачивалось регулярно. И тем самым нарушал равновесие сил на севере и западе Французского королевства.

В Средневековье церковная политика играла огромную роль. Вильгельм умел строить отношения с церковными кругами Нормандии. Он формально не вмешивался в назначение аббатов и епископов, но при этом внимательно следил, чтобы в их среде не оказались священники, недружелюбно к нему относящиеся. Священники имели известную личную неприкосновенность и достаточно высокие доходы.

В скором времени его ближайшим советником в церковных преобразованиях станет приор бекской школы Ландфранк. Хронисты называют его итальянцам, человеком ученым, известным теологом своего времени, с серьезными связями при дворе папы римского. Но такой необходимый советник у правителя Нормандии появится не сразу, а только со временем. Пока же эти два человека только присматривались друг к другу.

В 1057 году король Генрих I вновь сблизился с герцогом Анжуйским. Монарх видел близившийся закат графства Анжу и не мог допустить себе в ущерб возвышения Нормандского герцогства во Французском королевстве. Именно это положило конец его колебаниям: воевать или не воевать опять против своего вассала в лице бастарда Вильгельма.

У союзников созрел план вторжения в Нормандию, которое явилось для ее правителя неожиданностью. Королевская армия, усиленная отрядами анжуйцев, сосредоточившись в Мэне, весной выступила в поход, вторгнувшись в графство Йемуа. Герцог Вильгельм, не успевший собрать феодальное ополчение, укрылся за крепостными стенами родного Фалеза.

Неприятель стал грабить и жечь деревни в округе, а потом двинулся к устью реки Дива. В тех враждебных действиях участвовали вместе с королем многие его вассальные владельцы, и прежде всего Жоффруа Мартелл: их интересовала военная добыча, а не то, чем они могли досадить местному правителю. Хронист Вас заметил:

«Вильгельм позволил им опустошать поля, лишь бы только он мог держать в руках свои замки; поскольку так, говорил он, он

мог восстановить свои земли и возместить убытки, которые они понесли».

В случае поражения нормандский герцог мог лишиться не только своей казны, но и многих источников личных доходов. К тому же городам, взятым на меч королевским войском, пришлось бы выплачивать огромную контрибуцию, не считая повального грабежа более сильными пришельцами. Крестьянству грозил угон скота, разорение хозяйства и истребление, потрава посевов и «рубка» плодовых деревьев. Купечество автоматически лишалось складских запасов самых различных товаров. У рыбаков на военные нужды приватизировались любые суда и речные лодки, их запасное снаряжение – паруса, якоря, снасти и прочее судовое имущество.

Ситуация повторялась: герцог Вильгельм вновь не мог открыто противостоять неприятелю. На такое дело сил ему явно недоставало. Владельцу Нормандии опять пришлось маневрировать по собственным владениям и избегать решающей битвы в чистом поле. Шансов на победу в ней у него виделось откровенно мало: численно он заметно уступал союзникам. И рыцарей имел намного меньше, и лучников с копьеносцами тоже.

Будущий завоеватель Англии, маневрируя, вновь стал ожидать удобного случая для внезапного нападения на противную сторону. Такой случай ему вскоре представился. Платные лазутчики (а они у герцога были и в королевском стане) своевременно донесли, что король со всей своей силой и отрядами союзных феодалов собирается перейти через небольшую, но достаточно глубокую реку Див. При любом ходе такого форсирования водной преграды неприятель дробил свои силы на две неравные части.

Была одна особенность тех мест, которую французы, вероятнее всего, не знали: морское устье реки Див глубоко врезалось в сушу. Поэтому в ее нижнем течении каждые сутки попеременно «хозяйничали» сильные морские приливы и отливы. В первом случае переход через реку был опасен даже для всадников.

Теперь для нормандцев самым главным виделось не упустить такого случая: на театре войны второй такой реки, которая во время морского прилива становилась опасной для людей, можно было и не найти. Река Див в месте удобной переправы через нее стала западней для армии Генриха I и союзных с ним анжуйцев. То есть повторялась ситуация, в которую ранее попал значительный числом рыцарский отряд принца королевского брата Эда.

Вильгельм быстрыми марш-бросками по лесным дорогам

повел нормандское войско к месту ожидавшейся переправы. Часть пеших воинов была посажена на коней рыцарей, что ускорило движение. Всем в награду обещалась добрая половина военной добычи. Герцог сумел незамеченным подойти к неприятелю во многом благодаря тому, что в рядах вражеской армии не ожидали нападения. И потому королевские военачальники вели себя беспечно, не выставив боевого охранения и не ведя разведки. Они даже не взяли под охрану дороги, которые из округи вели к речной переправе.

Те места Вильгельм знал хорошо: болотистые речные берега легко могли стать смертельной ловушкой для вражеского войска. Чужаки не могли там спасительно для себя ориентироваться на местности. Когда королевские отряды оказались на подходе к реке Див, герцог быстро двинулся им вслед лесами, по пути собирая ополченцев из местных крестьян, вооруженных больше косами и вилами, страстно желавшими сразиться с теми, кто их еще вчера безжалостно грабил. Боевой настрой нормандцев превзошел все ожидания их военного вождя: его люди страстно хотели сражаться и побеждать.

Тем временем королевское войско, уже обремененное огромным обозом с военной добычей, близ Варавиля стало переправляться по старому деревянному мосту. В это время в речном устье начался прилив, и вода, поднявшись, обрушила мост, опасно расшатанный тяжелыми повозками. Чтобы его восстановить, требовалось время и подневольные местные жители, которых еще требовалось собрать угрозами с округи.

На свое несчастье король Генрих I, никем не тревожимый, успел до этого спокойно переправиться на противоположный, левый берег. На правом остался с большей частью обоза сильный численно арьергардный отряд под командованием Тибо III, графа Блуа и графа Сауссона. На другом возвышенном берегу от него оказался сам монарх со своей блестящей свитой в рыцарском одеянии. Она действительно красовалось на холме Бастамбур холеными конями и петушиными перьями, которые развивались на стальных шлемах.

Когда на глазах у всех мост через Див под тяжестью обозных телег рухнул, рыцари на его берегах стали в суматохе искать брод. Но Див оказался в устье не просто широкой рекой, но еще и глубокой во время прилива. Так что королевское войско оказалось разделенным надвое без всяких шансов в тот день на то, чтобы соединиться: течение унесло с собой обрушившуюся в воду часть мостового сооружения.

Герцог лично наблюдал с закрытой лесом позиции за происходящим у речной переправы. Когда узнаваемый издалека

король с передовыми отрядами оказался на противоположном берегу, Вильгельм приказал трубачам играть сигнал атаки. Арьергард королевской армии, еще остававшийся на исходной позиции на берегу Див, подвергся внезапному нападению войска Нормандии. Внезапность нападения оставляла французам совсем мало шансов отбиться от атаковавшего неприятеля. К тому же им не приходилось рассчитывать на помощь от лучшей части королевской армии.

Французы арьергарда, рыцари и простые воины, оказались захваченными врасплох и в первые минуты осыпаемыми стрелами, которые разили людей и их коней. Многих из французов жестоко перебили, другие «привычно» сдались на милость победителей. По свидетельству хронистов той поры, в Нормандском герцогстве еще никогда не бывало такой резни и такого огромного числа военнопленных, в том числе рыцарей. Победа в сражении получилась полной и более чем убедительной. Герцог Вильгельм I с полным на то правом торжествовал победу.

Пока французский арьергард безжалостно избивался на речном берегу, с другого берега Див, более высокого, за этим в полном отчаянии наблюдал сам король и его приближенные. Они смотрели на разгром королевской армии и, вполне вероятно, благодарили судьбу, что успели переправиться в составе авангардных сил на противоположный берег реки. Прийти на помощь своим возможности у них не оказалось: брода не нашлось даже для всадников, хотя его искали настойчиво. В желании же сразиться с нормандцами рыцарям королевского домена отказать было никак нельзя. Но все в тот день складывалось не в их пользу.

Хронисты пишут, что сам Генрих I рвался в бой, но бароны удержали его от стремления броситься на коне в речные волны, не зная брода. Заботясь о безопасности монарха, они и сами не хотели рисковать жизнью. На их глазах в плен сдавались, бросая оружие на землю и слезая с коней, многие известные рыцари Франции. В их числе оказался королевский военачальник граф Блуа.

Нормандцы на правом берегу Див шумно праздновали полную победу, издеваясь криками над неприятелем, который наблюдал за побоищем с противоположного высокого берега реки. Королю ничего не оставалось, как в тяжком молчании поспешить в обратный путь. Вместе с Жоффруа Мартеллом он, не делая привалов, удалился из пределов Нормандии. Герцог Вильгельм вновь не стал его преследовать, хотя прекрасная возможность для того была. Он позволил своему сюзерену вновь убежать из Нормандии вместе с союзниками.

Хронист Вас сообщает интересную подробность последствий этой битвы: «…Тогда король Франции, полный гнева и скорби, удалился; он более – не знаю, из покаяния ли – не носил ни щита, ни копья, и никогда не появлялся в Нормандии».

Виктория в устье реки Див у Варваля имела для Вильгельма неожиданное, важное следствие. Молодой владелец Мэна граф Герберт II разумно решил больше не конфликтовать с соседним Нормандским герцогством. В 1058 году он принес вассальную присягу победителю Вильгельму I в бесспорной выгоде для себя отныне быть союзником сильной Нормандии. Ко всему прочему герцог заключил с Гербертом договор, что если тот умрет, не оставив после себя наследника, то Мэн перейдет к нему.

В Руане и Париже принесение присяги графом Мэна восприняли как триумф нормандского оружия. Графство не без основания считалось «подбрюшьем» Нормандии, отчего во многом зависела безопасность самого герцогства, прежде всего южных границ. Говоря языком будущего, венценосный полководец Вильгельм добился у Варваля стратегического успеха.

Но это было еще не все. Вильгельм постарался связать союз с графством Мэн династическими узами. Он обручил своего нового вассала с дочерью Алисой, которой было еще далеко до совершеннолетия. До свадьбы невесту, пока жених не достигнет брачного возраста, отправили на воспитание и обучение в престижный женский монастырь. Сын герцога, 8-летний Роберт, обручился с сестрой графа Герберта, Маргаритой, которой тогда было двенадцать лет.

Так в среде владетельной аристократии Франции завязывался новый династический союз, от которого со временем ожидалось многое. Графство Мэн было важно для правителя Нормандии еще и потому, что борьба за него велась прежде всего с анжуйцами долгое время и шла с переменным успехом, с напряжением воинских сил и с большими тратами казны. Собственно говоря, на территории Французского королевства Мэн стал самым крупным приобретением в жизни Вильгельма Завоевателя.

В 1062 году Герберт II умер бездетным. Перед смертью он подтвердил ранее составленный договор, что в таком случае его наследником назначается герцог Нормандии. Но этого не признали вассалы и родственники ушедшего из жизни графа Мэна, который с ними по такому важному вопросу даже не посоветовался. Теперь Вильгельму пришлось отстаивать свои права на Мэн силой оружия. Во Франции началась еще одна маленькая феодальная война, которая отчасти перекроила карту королевства.

Против Вильгельма выступил дядя несостоявшегося зятя

герцога Готье, граф Манта во французском Вексене. Тот обратился за поддержкой к анжуйцами, но те оказались втянутыми в собственную междоусобицу. Через месяц военных действий на территории Мэна его столица город Манс капитулировал перед нормандцами. Графу Готье с супругой пришлось до скорого конца жизни стать против их воли почетными гостями в Фалезском замке герцога. Ходили слухи, что их там отравили.

Манс герцог, по сути дела, не осаждал, а блокировал со всех сторон в течение примерно месяца. В итоге городская торговля свелась к нулю, от чего больше всего пострадало местное богатое и потому влиятельное купечество. Они стали той силой, которая убедила горожан капитулировать перед правителем Нормандии чем быстее, тем лучше. Хронист Вильгельм из Пуатье оставил после себя рассказ о том, как перед победителем открывались городские ворота:

«Они (жители Манса) приняли его как просители, с великим уважением. Знатные, люди среднего положения, простолюдины делали все, чтобы умиротворить герцога. Они усердствовали, называя его своим сеньором, низко склонялись при его приближении; они принимали радостный вид и хлопали в ладоши».

После занятия столичного Манса герцог Вильгельм повел себя совсем не так, как от него ожидалось: он, показав себя блестящим дипломатом, не стал ставить Францию перед фактом присоединения графства Мэн к Нормандии, хотя в действительности так оно и было. У Вильгельма и Матильды подрастал старший сын Роберт, которого надлежало готовить к стезе государственного управления. Роберт и стал своеобразным «троянским конем» в отцовской дипломатии.

Обрученный с Маргаритой, наследницей ушедшего из жизни графа Герберта II, Роберт как нельзя лучше подходил для графской короны. Вильгельм публично (конечно на словах) отказался от официального сюзеренитета над Мэном. Сына он заставил принести оммаж и клятву верности графу Анжуйскому. Но эта церемония состоялась не в замке правителя Анжу, а «на границе», в Алансоне. Так графство Мэн, фактически ставшее частью герцогства, формально стало вассалом владельца Анжу.

Здесь надо сказать, что Жоффруа Мартеллу, графу Анжуйскому скрепя сердце перед самой смертью пришлось отказаться от давних притязаний на графство Мэн. Он осознал, что в одиночку Анжу не может противостоять Нормандскому герцогству. Теперь ему, как человеку настойчивому, предстоял поиск новых союзников, но найти их он так и не успел.

…В 1059 году монарх Франции присоединился к союзу врагов Нормандии, то есть к владельцам Анжу и Пуату. Король Генрих I Капетинг вновь собрал армию вассалов и оказался на границах Нормандии, идя по проторенным дорогам. Цель похода заключалась в наказании мечом «ослушника» и прибыльном восполнении расходов на внутреннюю войну во Французском королевстве. Но все это оказалось только высокими пожеланиями.

В последние годы своей жизни рыцарствующий король Генрих I все чаще стал «строить замки на песке», не считаясь с реальной расстановкой сил в собственном государстве. Власть монарха была во Франции далекой от желаемого. Считается, что касательно Вильгельма Нормандского им допускались серьезные просчеты, когда видимое выдавалось за желаемое.

Военные действия на этот раз велись вокруг замка Тимер, который несколько раз переходил из рук в руки. Наконец замок окончательно оказался в руках нормандцев. Король осадил его, одновременно начав переговоры со своим соперником. Инициатором переговоров оказался епископ Парижский. Тот с посланием короля отправился в аббатство Фекан, где в знак доброй воли Генриха I совершил обряд рукопожатия нескольким нормандским монахам.

Но и после этой многозначительной церемонии осада замка Тимер продолжалась. Его гарнизон держался стойко, уповая на то, что герцог Вильгельм не оставит своих воинов в большой беде. Судьбе было угодно, чтобы война короля с герцогом, война сюзерена с вассалом закончилась со смертью первого.

Король не смог выпутаться из сложившейся на театре войны ситуации. Казна полнотой не отличалась, и по этой причине он не смог быстро восстановить численность своей армии. Генрих I тяжело перенес поражение в Нормандии, с территории которой ему пришлось в очередной раз уйти. Он заболел, излечиться не сумел и в следующем 1060 году умер.

Это случилось 4 августа в Дрё. В тот день рыцарствующий монарх перестал выполнять предписания своего лечащего врача Иоанна из Шартра – полного отказа от пищи. Мучимый жаждой король добился, чтобы ему принесли воды. Выпив ее в большой дозе, он вскоре умер.

Через несколько недель после смерти короля Генриха I герцог Вильгельм Нормандский прибыл со свитой в Дрё. Он встретился с новым королем Франции Филиппом I и его матерью королевой-вдовой Анной Русской и, как законопослушный вассал, принес оммаж новому монарху, которому шел восьмой год.

В том же 1060 году, 14 ноября, не стало давнего непримиримого противника Вильгельма Нормандского графа

Жоффруа Мартелла. С его уходом из жизни на севере Франции установилось некое спокойствие: накал феодальных страстей на границах герцогства, на удивление всем, сразу пошел на убыль.

Он не оставил после себя прямых наследников. Трон Анжу достался его племяннику, тоже Жоффруа, по прозвищу Бородатый. Во Франции сразу почувствовали, что открытая враждебность между графством Анжуйским и герцогством Нормандским исчезла, оставив лишь след в хрониках и воспоминаниях участников той затянувшейся феодальной распри. Хронисты той поры называют причину:

«Новый граф, если и носил имя своего предшественника, отличался от него своим благочестием; он был богобоязнен и творил добро, чтобы достичь спасения небесного».

Вполне вероятно, что граф Жоффруа (третий владелец графства с таким именем) Бородатый при всем своем благочестии продолжил бы войну с Нормандией. Но он был занят борьбой с братом Фульком Глоткой, который с оружием в руках стал оспаривать отцовское наследство, доставшееся старшему из прямых наследников Анжу.

При Жоффруа Бородатом графство Анжуйское перестало ходить в лидерах в семье владельцев самых крупных феодов Французского королевства. Новому графу недоставало многих черт характера своего предшественника, носившего прозвище Мартелл, то есть Молот. Вильгельм Нормандский мог быть теперь уверен в том, что анжуйцы самостоятельно вести войну против него не смогут. И что союзников на такое дело в ближайшие годы они себе тоже не найдут.

…Во Французском королевстве неудачника рыцарствующего монарха Генриха I особенно не оплакивали. На престол торжественно взошел его наследник Филипп I Капетинг, который правил Францией на удивление долго, с 1061 по 1108 год. В день восшествия на престол ему было всего восемь лет. Естественно, что за него на первых порах правила вдовствующая королева Франции.

Филипп I был сыном Генриха I и княжны Анны Русской. После кончины отца он остался несовершеннолетним. Его мать, королева Анна из далекой Руси, не пожелавшая по многим причинам самой стать регентшей, назначила регентом сына влиятельного и сурового графа Балдуина V Фландрского, тестя нормандского герцога и дяди новоиспеченного монарха (его женой была Адель Французская, дочь короля Роберта Благочестивого).

Регент твердой рукой фактически правил раздробленным Французским королевством до 1067 года. После его смерти

обрадованный монарх Филипп I, освободившись от тяготившей его опеки Балдуина, дал полную волю своим страстям и таившимся в нем капризам.

Сразу после смерти Генриха I королева-вдова Анна Русская оказалась в затруднительном положении: война с Нормандией продолжалась без перспектив на скорую победу и требовала огромных расходов. Казна же постоянно пустовала. Мать малолетнего монарха сразу же нашла верный выход: она пошла на встречу с герцогом Вильгельмом, который тоже желал уладить отношения с Парижем. История не знает содержания их личной беседы. Но после нее королевский двор надолго отказался от новых попыток тревожить правителя герцогства Нормандии. Вдовая королева больше плохо не отзывалась о хозяине Руана.

Встреча Вильгельма I и королевы Анны Русской имела серьезные последствия для Французского королевства. Король Филипп I из рода Капетингов все свое царствование с молчаливого взаимного соглашения индифферентно будет взирать на грозную державу Англия – Нормандия, которая имела две столицы – портовый Лондон и провинциальный Руан и была на политической карте Западной Европы разделена на две части проливом Ла-Манш.

Граница Франции, сродни государственной меже, с герцогством на полтора столетия зримо пройдет по рекам Уаза и Эр. Эта черта наследственно оказалась незыблемой почти полтора столетия, хотя не раз пробовалась королевским воинством во всей его силе на прочность.

Всему есть свое время. В 1204 году король Филипп Август сотрет эту границу с политической карты Европы, завоевав Нормандию, то есть вырвав ее из рук Английского королевства. Тогда герцогство потомков скандинавских викингов окончательно станет частью Франции, ее исторической областью, сохранившейся до наших дней во многих своих особенностях. В том 1204 году имя Вильгельма Завоевателя, давно ушедшего из жизни, опять будет на слуху у французов и англичан.

Филипп I стал править королевством вскоре самостоятельно, но под строгим присмотром опекуна, человека сурового и властного. Его мать, вдовствующая королева, через несколько месяцев одиночества вышла замуж за Рауля де Крепи, который долгое время добивался ее внимания. Супруги покинули дворец в Париже и перебрали в замок де Крепи. Удалившись от королевского двора, Анна Русская, по сути дела, перестала заниматься какими-либо государственными делами. Теперь они творились без всякого ее вмешательства окружением подрастающего сына.

Вне всякого сомнения, новый монарх Франции оказался «удобен» для Вильгельма Нормандского своим позитивным нейтралитетом. По крайней мере на первых порах. Филипп, по многим свидетельствам той эпохи, изображался как человек, чрезмерно любивший покушать (обжора), развратник и ленивец. Но это было только частью, пусть и большой, личности венценосца, правившего одной из самых больших стран европейского Средневековья.

Те же хронисты изображают этого сластолюбивого толстяка с насмешливым складом ума и с язвительным остроумием не лишенным политической прозорливостью. Именно она помогала ему, королю из рода Капетингов, уверенно держаться на отцовском престоле. Естественно, что для такого монарха сепаратизм больших самовластных феодалов виделся смертельно опасным и подозрительным. Это касалось не только владельца герцогства «автономной» от Парижа Нормандии.

Через десять лет после своего коронования Филипп I, достигший совершеннолетия в 1067 году, стал воевать и совершил несколько удачных походов по своему королевству. В 1071 году французская армия вторглась во Фландрию и нанесла поражение войску Роберта Фландрского. Через три года успешно прошел поход в Корбию. Еще через два года король пошел походом в Бретань против английского короля Вильгельма I Завоевателя, пока еще сохранявшего титул герцога Нормандского.

Историки признают, что король Филипп I, в жилах которого от матери текла кровь русичей, в общем-то верно понимал интересы правящей династии Капетингов и Французского королевства, в действительности достаточно лоскутного государства, как и почти все крупные страны Европейского континента. Однако ему, как свидетельствуют хронисты, явно недоставало энергии и настойчивости для достижения собственных целей.

Отсутствие должной энергичности и последовательности в замыслах и действиях послужили королю плохую службу. Он на протяжении своего длительного, почти в полвека, правления так и не смог смирить своих крупных вассалов, обладателей герцогских корон. Они продолжали вести себя как самостоятельные государи, зачастую не обращая внимания на собственного монарха, которому приходилось считаться с ними и опасаться.

Более того, король Филипп I не чувствовал себя в относительной безопасности в собственных наследственных владениях. Он там не смотрелся грозным хозяином, способным постоять за верноподданных ни высочайшими указами, ни

оружием и угрозами наказания. Иначе говоря, герцоги и графы, прочие аристократы распространяли свою власть на земли самого короля, которому они обязаны были служить.

Дело доходило до того, что монарх Франции не мог выехать из столицы, чтобы на дорогах, ведущих в Париж, не натолкнуться на замки, самовольно построенные знатными разбойниками. У короля не хватало власти и военной силы, чтобы пресекать такой «самозахват» в его собственных владениях. В таких случаях на Филиппа I с высоты каменных замковых стен с усмешкой смотрели те, кто, казалось бы, должен искать милостей в приемной королевского дворца. Разбойные шайки таких аристократов грабили у самых ворот Парижа купцов и священников, без страха наказания вступая в рукопашные схватки с городской стражей.

Такая «аура» прозы королевской жизни, витавшая вокруг Филиппа I к концу его жизни, превратила короля Франции в бездеятельного и вечно сонного человека. Он довел себя до безобразной тучности и преждевременно одряхлел, стал мало заниматься государственными делами, что играло на руку только врагам Франции и крупным феодалам в герцогских коронах, в числе которых значился и владетель Нормандии.

Филиппа I историки сравнивают с его соседом германским императором Генрихом IV. Если тот не ладил с римским папой в вопросах о правах на немецких землях, что доходило до военных конфликтов, то французский монарх оказался «виновен» образом своей семейной жизни. Когда он достаточно успешно воевал во Фландрии, его женой стала Берта, дочь графа Фландрского. Супруги прожили совместно более двадцати лет. Когда королева состарилась, муж отправил ее в замок Монтрель, сделав ее там затворницей под крепкой стражей. Такое в ту эпоху чем-то особенным не смотрелось. Папских епископов возмутили последующие шаги монарха Франции.

Удалив из дворца законную жену, сделал предложение жене графа Фулька Анжуйского красавице Бертраде. Та, мечтая о короне и положении королевы, бросила мужа и обвенчалась с Филиппом I. Естественно, что во Франции началась новая война. Брошенный женой Фульк объединился с оскорбленными ранее графами Фландрскими, и союзники открыли войну с королем. От той войны, разумеется, больше всего доставалось мирному населению, больше селянам, чем горожанам, которые обитали за крепостными стенами.

Духовенство Франции, консолидировав свое мнение, потребовало от короля отказаться от незаконного сожительства с беглянкой Бертрадой. После отказа новоявленной супружеской пары исполнить это требование их в 1095 году отличили от церкви. В следующем году это отлучение было утверждено и провозглашено папой Урбаном II. Последнее несколько устрашило Филиппа, и он пообещал духовенству порвать отношения с законной женой графа Фулька Анжуйского. Но это было только на словах, хотя он формально развелся с Бертрадой.

Она продолжала царствовать в королевском дворце и быть женой Филиппа I. Папа, чтобы поддержать собственный имидж среди венценосцев Европы, вновь отлучил ослушника от церкви. После этого шага подобные отлучения от церкви французского короля имели место еще не раз, и все по одному и тому же поводу. Реакция на отлучения со стороны наказуемых папством не менялась.

Все же незаконную супружескую пару, как принято говорить сегодня, «достали». На Парижском соборе 1104 года Филипп и Бертрада торжественно обещали перед духовенством не возобновлять своего сожительства. Благодаря этой клятве их вновь вернули в лоно церкви. Казалось, что монарх Франции был поставлен на путь истинный, и в страну возвратилось некое спокойствие.

Однако Бертрада в замок графа Фулька Анжуйского не вернулась, а осталась в прежних покоях королевского дворца. Она жила с Филиппом, как с мужем, до самой его смерти, что продолжало вызывать возмущение духовенства, среди которого тоже было много подобных грешников. Служителей папы римского отличало от короля то, что они имели право сами замаливать совершенные грехопадения.

Историки, однако, не отрицают того исторического факта, что именно при сыне Генриха I и Анны Русской началось объединение Франции вокруг королевского домена. Филипп I при всей своей слабости в военных силах сумел удачными разбоями и рискованными операциями расширить свои личные владения, присоединив к ним Гатинэ, Корби, восточную часть Вексена и город Бурж. Правитель Нормандского герцогства смотрел на эти захваты спокойно, поскольку события происходили далеко от его границ.

…После смерти в 1060 году короля Генриха I и Жоффруа Мартелла положение во Французском королевстве изменилось в самую лучшую для Нормандии сторону. Тесть Вильгельма граф Фландрии Балдуин V крепко держал в своих руках регентство, проявляя завидное желание властвовать, при этом никак не

конфликтуя с мужем своей любимой дочери. Обстановка же в северной части Франции и расклад сил сложились так, как об этом рассказывалось выше.

В Анжу, давнем недруге Нормандии, начались кровавые усобицы в борьбе за немалое наследство графа Жоффруа Мартелла. Герцог Вильгельм не преминул этим воспользоваться и к 1064 году добился в ходе феодальных междоусобиц значительных успехов, в том числе территориальных. Фактически присоединенным оказалось графство Мэн. Нормандские войска захватили города Манс и Алансон (которые переходили из рук в руки), а также важные по местоположению замки Домфрен и Майен.

Каждое такое приобретение требовало немалых военных усилий, ходов тайной дипломатии, морального давления на оппонентов, твердости в достижении поставленных целей. Захватывать земли, замки и города чужие на земле собственно Франции видится для герцога Вильгельма делом опасным и хлопотным, о чем будет изложено ниже.

Под влиянием этих несомненных военных успехов сюзеренитет Нормандии признало герцогство Бретань. Рыцари-бретонцы охотно шли служить соседнему владельцу. Теперь у Вильгельма уже не было сильных соседей, желавших скрестить с ним оружие и завладеть приглянувшейся или спорной частью нормандской территории. Не стало у него и проблем с комплектованием военной силы: среди рыцарства Франции он пользовался популярностью как удачливый и щедрый военный вождь.

Герцог не «любил» ходить в должниках у военных наемников, которые своими мечами творили ему честь и славу рыцарского Средневековья. Здесь он слыл разбочивым и щепетильным человеком. Последующее завоевание Туманного Альбиона станет лучшим тому подтверждением.

С богатой Нормандией соседнюю «голодную» Бретань связывали давние тесные отношения еще со времени появления здесь викингов. Тем Бретань покорить не удалось, но их влияние здесь сохранилось. Бретонские бароны с удовольствием селились в приграничье Нормандии, становясь вассалами ее герцога. Бретонское рыцарство с не меньшим удовольствием шло на службу к Вильгельму, получая за то хорошую плату под надежную гарантию его слова.

Но после 1057 года отношения соседей стали портиться. Инициатива разрыва отношений принадлежала воинственно настроеному графу Бретани Конану II. Он, заручившись формальной поддержкой Жоффруа Бородатого, графа

Анжуйского, по-рыцарски бросил вызов герцогу Вильгельму, известив его о дне начала враждебных военных действий. Тот вызов принял, быстро собрав баронское ополчение.

Однако начинать войну правителю Бретани не пришлось: против него поднял мятеж вассал Руаллон, и графскому войску пришлось начать осаду замка в Доле, который к тому же являлся местом нахождения архиепископа. Герцог Вильгельм в первый объявленный день войны расчетливо повел свое рыцарство к Доле. Графу Конану II пришлось позорно бежать, спустившись с замковой стены на веревке.

Нормандцы настигли беглеца в Динане, где тот укрылся в местном замке. Здесь графу пришлось капитулировать перед герцогом Вильгельмом, которому он ключи от крепости преподнес на кончике копья. Победитель вернулся к себе в Нормандию: историки считают, что поход 1064 года оказался неоконченным в военном отношении. Но в отношении политическом Нормандия заимела в Бретани несомненную выгоду.

Граф Конан II вскоре ушел из жизни: его отравил собственный камерарий (камергер), человек явно вероломный. Согласно сообщениям хронистов, слуга покрыл ядом охотничий рог, седло и перчатки своего господина, который благоволил к нему, доверяя деликатные дела, о которых другие знать не должны. Смерть нашла графа сразу же: надев перчатки, он поднес ко рту руку и тут же скончался. По одной из сомнительных версий отравления, камерарий пытался найти убежище в Нормандии.

…После кардинальных изменений на королевском престоле, связанных со смертью Генриха I Капетинга и восшествием на престол Филиппа I под регенством графа Фландрии, герцог Вильгельм успокоился. От дальних походов за пределы Нормандии он вполне разумно отказался. Вполне возможно, что они уже не входили в его жизненные планы.

Казна Нормандии пустовала в силу непомерных военных расходов, и потому сборщикам налогов приходилось действовать все более энергично. Все же хорошо развитая торговля и ремесленные города раз за разом покрывали военные расходы герцогства. Здесь следует заметить, что лично сам правитель не сорил деньгами и в завидной для других владельцев больших феодов Франции роскоши не жил.

Герцог вполне удовлетворился блестящей викторией на берегах реки Див и фактическим присоединением к собственным владениям графства Мэн. Славы военного вождя прибавилось, собственные владения сохранены, соседи-феодалы устрашены,

число наемников, желающих служить под герцогскими знаменами, заметно увеличилось. Им у герцога Нормандского платили хорошо, и что самое главное – регулярно.

Герцогством, его частями управлялись от имени властителя виконты и епископы. Государственное казначейство постоянно совершенствовалось, равно как и система налогов, сбор пошлин. Считается, что государственное устройство Нормандии при Вильгельме выделялось в лучшую сторону по сравнению с другими крупными феодами Французского королевства.

Лично Вильгельм был богат. Основу его состояния составляла земля, то есть герцогский домен. Земельные владения его были разбросаны по всей Нормандии. В них входили обширные леса и торговые города. Герцог, к примеру, владел половиной городов Кан и Кутанс. Другой половиной этих городов владел епископ. Это было недвижимое имущество богатого владетельного феодала. Кроме того, он получал немалые доходы:

– с весьма прибыльных солеварен на морском побережье (их продукция развозилась по большей части Франции),

– от ловли осетров в реке Сене (тогда ее воды отличались редкой для больших рек чистотой),

– от использования мореходных и рыбачьих лодок, паромов через водные преграды на торговых путях и (ветряных и водяных) мельниц,

– с права на взимания значительных портовых, городских ввозных и торговых пошлин,

– с герцогских прав, связанных с замещением вакантных церковных должностей (хочешь подниматься в церковной иерархии – плати герцогу),

– с права собственности на все, что выбрасывается морем на берега Нормандии в результате кораблекрушений (такое случалось почти всегда после хорошего шторма в проливе Ла-Манш),

– с весьма доходной монополии на чеканку собственной монеты во Французском королевстве, пусть и плохой по качеству. При Вильгельме в Нормандии действовало два монетных двора, в городах Руане и Байё.

Интересно то, что даже в своей Нормандии Вильгельм не жил постоянно во дворце или каком-то одном замке. Герцогский двор, по определению одного из историков, больше напоминал кочевой табор в тысячу (с семьями) или где-то около этого людей самых разных людей, обслуживавших герцогское семейство. Это были управители, телохранители (оруженосцы), повара и раздатчики хлеба, врачеватели, вооруженные стражники, псовые охотники, люди других, порой экзотических для наших дней придворных

обязанностей.

Этот огромный табор на телегах переезжал из города в город, из замка в замок. Чаще всего семья герцога пребывала, разумеется, в Фалезском замке и столичном Руане. Двор следовал по дорогам за правителем, оглашая окрестности скрипом сотен самых разных повозок, груженных всяким добром, ревом мулов, ржаньем боевых коней, лаем охотничьих собак, детским плачем и криками людей. К такой кочевой жизни Вильгельм и его жена Матильда были привычны, и дискомфорта они от того не получали, хотя им приходилось знакомиться с тяготами такой походной жизни.

…В Нормандии установился мир и покой, о чем местным жителям уже и не мечталось. Хронисты и современники, как, к примеру, Гильом из Пуатье, свидетельствовали, что герцог был действительно любим народом. Когда он совершал поездки по своим владениям, крестьяне и горожане встречали его песнями и улыбками. Их правитель придерживался известных всем законов, с годами все реже занимался самоуправством, заботился о благополучии городов и торговли Нормандии.

Вильгельм окончательно покончил с баронской междоусобицей в герцогстве. Он терпимо относился только к частной войне (файде), когда речь шла о мести за убийство сына или отца. За порядком администрация правителя в лице виконтов смотрела строго, законы исполнялись неукоснительно. Система наказаний (штрафов) служила хорошим, постоянным источником пополнения герцогской казны.

Страна норманнов на севере Франции стала представлять собой для исследователей будущего огромный пласт интересного и поучительного материала. Французский историк Поль Зюмтер писал о герцогстве Нормандия начала 1060-х годов следующее:

«В течение десятилетия, предшествовавшего завоеванию Англии в 1066 году, Нормандское государство окончательно оформилось. В Нормандии тогда, в отличие от большинства других государств и территориальных княжеств Западной Европы, имелось руководство, достойное называться правительством. Вильгельм, используя в собственных целях феодальные отношения, построил из элементов системы, которая сама по себе является отрицанием идеи государства, государство, в котором действовало право в собственном смысле слова и существовали надлежащие средства для его исполнения».

Думается, что все-таки не государство Нормандия являлось конечной целью (ее вполне можно назвать великой) честолюбивого сына Роберта Дьявола. Он мечтал о большем в феодальном мире тогдашней Европы. Этим большим могла быть

для него только королевская корона, обрамленная звездопадом побед на полях брани. Современникам же в лице хронистов тогда казалось, что герцог Вильгельм, наладив мир с королевским Парижем, успокоился и больше не желает бурной жизни, опасных приключений и терзаний в помыслах.

Однако успокоился деятельный Вильгельм Нормандский на самое малое время. Он был не из тех людей, которые могли почивать на полученных лаврах и жить в относительном покое. Он стал думать о том, что ему предпринимать дальше, после того как он «разделался с французскими делами» и теперь ему совсем не был страшен королевский Париж.

«Замирились» с ним и правители Анжу, Мэна и Пуату: длительная феодальная война поставила их на грань разорения. Более того, герцог Вильгельм Нормандский фактически отобрал силой оружия у Анжуйской династии важный по местоположению Мэн. Вокруг этого графства в последующие годы еще не раз будут кипеть военные страсти.

Если на внешних границах Нормандии было относительно спокойно, то в ней самой, особенно в южной части, порой вспыхивали баронские мятежи. Много хлопот Вильгельму доставлял Роберт Фиц-Жере, обладавший крепким замком Монтрёй. Герцогу пришлось осадить его, но рыцари мятежника замок сдавать не собирались и держались стойко.

Тогда Вильгельм решил проблему злокозненного барона иным путем. Однажды вечером Роберт Фиц-Жере взял из рук любимой супруги Алисы, кузины герцога, яблоко, надкусил его и тут же испустил предсмертный вопль. В отравлении обвинили некую Мабиль де Беллем, услугами которой герцог пользовался не раз. Как бы там ни было, защитники замка Монтрёй капитулировали, получив за то личное прощение и право служить герцогу.

С другими мятежными баронами Вильгельм расправлялся весьма просто, то есть шел на прямую конфискацию их земельных владений, родовых поместий и замков. Это была суровая мера наказания за баронское непослушание. Так он поступил с Раулем де Тони и Гуго де Гранменилем. Тем пришлось изгнанниками отправиться в южную Италию, которой тогда правили норманны и у них там имелись родичи. Таким же образом герцог покончил с родом Фиц-Жере.

В 1062 году Вильгельму пришлось решать проблему Мэна, когда умер жених его дочери Алисы граф Герберт II. Детей у него, разумеется не было, но, помня про свою вассальскую присягу, он перед смертью обратился к мэнским баронам признать нового властелина в лице герцога Нормандии.

Но те, как только граф ушел из жизни, дружно воспротивились этому. Они избрали для себя правителем владельца Майенна Жоффруа, но тот не решился на такое опасное дело. Тогда мятежные бароны Мэна пригласили на престол графа Восточного Векена Готье де Манта. Тот, поддержанный Жоффруа Майеннским, сразу же отправился в город Манс, который открыл перед ним свои ворота.

Так желательный Мэн уплыл из рук герцога Нормандии. Чтобы вновь завладеть Мэном, ему пришлось отправиться в первый завоевательный поход. Это была «проба пера» перед завоеванием Англии. Война тянулась около двух лет. Подробностей о ней истории известно крайне мало. Герцог не стал штурмовать города Манс и Майенн, действуя в их окрестностях, то есть опустошая их. Жоффруа и Готье в итоге войны бежали прочь, а «неразумные» горожане Манса капитулировали.

С замком (бургом) Майенном было сложнее: засевшие в нем люди, хотя их силы были уже на пределе, не думали сдаваться нормандцам. Тогда, как гласят хроники, герцог пошел на хитрость. К воротам замка тайком были доставлены два мальчика, которые попросили у стражи поиграть с детьми Майенна. Им открыли ворота и впустили внутрь. Гости пронесли с собой под одеждой какое-то зажигательное вещество, устроив внутри замка пожар. Когда сторожевые воины со стен сбежались его тушить, Вильгельм приказал начать штурм.

Пылающий Майенн был захвачен и разграблен. Герцог в том случае демонстративно отказался от своей законной доли в военной добыче, отдав ее воинам. Оставшиеся в живых защитники замка укрылись в донжоне, крепостной цитадели, но на другой день они сложили оружие: положение виделось совершенно безвыходным.

Так Мэн был окончательно сокрушен. Герцог при его покорении не понес каких-то больших потерь в людях, казна его не опустела. Наоборот, поход оказался прибыльным из-за богатой военной добычи, которая в денежном выражении превышала понесенные материальные потери. Теперь Вильгельм мог подумать о новых планах, о своем будущем.

… Великие личности творят великую историю. Герцог Вильгельм Нормандский к 1066 году навел в собственных владениях образцовый для рыцарского Средневековья порядок. Стоит только удивляться, насколько прозорливо он занимался реформаторством, переустройством, всегда видя перед собой зримую цель. При этом он не «отсекал» от себя баронство, не шел по пути обнищания народа и пополнения таким путем

собственной казны. Но при этом Вильгельм, когда требовала ситуация, шел на «хирургические» меры для наведения должного благоустройства в Нормандии.

Им были разрушены замки баронов, в большом числе построенные в период его несовершеннолетия. Введены строгие наказания за нарушения «герцогского мира». Создана единая разветвленная структура местной администрации, во главе которой стояли виконты. Эффективность ее деятельности будет у всех на слуху еще при жизни Вильгельма. Пройдет время, и титул виконта будет отнесен к высшей аристократии ряда европейских стран, в том числе и Франции.

В этих отношениях герцог Вильгельм Нормандский значительно упредил последующие мероприятия французских королей. Можно сказать, что он в своем государственном реформаторстве шел заметно впереди среди прочих монархов и обладателей больших феодов. Трудно сказать, с кого он брал достойный пример. Но то, что пример с него брали многие монархи, – это достоверный исторический факт.

Судьбоносность Вильгельма Завоевателя в английской истории несомненна. Его след хорошо заметен и во французской истории. Обретя уверенность в себе, «сколотив» значительную военную силу и получив солидный политический вес в Европе, герцог с талантом полководца должен был идти по жизни дальше. Он не мог почивать на уже приобретенных лаврах и не думать о собственном будущем, о будущем его династии.

…Думается, герцогу не пришлось долго размышлять, куда повести нормандское воинство, пополненное наемными отрядами и рыцарями с их вооруженными свитами. Вильгельм I решил попробовать свои силы по ту сторону пролива Ла-Манш и поискать там новую корону, более подходящую для него. Он увидел на противоположном от Нормандии берегу слабую во многих отношениях Англию, которую венчала королевская корона.

Дело заключалось в том, что его двоюродная бабка была матерью английского короля Эдуарда. Или, говоря более точно, Вильгельм Нормандский приходился внучатым племянником Эмме, жене английского короля Этельреда II, впоследствии вышедшей замуж за нового короля Англии Кнута (Кнуда). И в Руане, и в Лондоне о таком родстве хорошо помнили, читали родовые хроники, но только один неистощимый на редкий авантюризм прагматик Вильгельм строил на том далеко идущие планы.

Поэтому герцог Нормандии во всеуслышание провозгласил себя полноправным наследником английского престола по той

веской причине, что король Эдуард Исповедник, почитаемый в стране, к своей великой горести, не имел прямого потомства. Вероятнее всего, в первые годы такие «чистосердечные признания» герцога мало кто принял всерьез.

Но не только такое немаловажное обстоятельство связывало Нормандию с Англией. Причем эта связь видится в европейской истории, начиная с 911 года, когда на континенте образовалось сильное и воинственное Нормандское герцогство. В ту пору король англосаксов Альфред мужественно вел борьбу с викингами-норманнами, которые надвигались на остров с двух сторон – с востока из Скандинавии (Дании и Норвегии) и с юга, с французского берега пролива Ла-Манш.

Исследователям эпохи Средневековья видится, что Англия неизбежно, рано или поздно, должна была достаться более сильному завоевателю. Вопрос был лишь в том, когда случится такое событие большой исторической значимости и кто из норманнских правителей станет наконец-то обладателем заманчивой английской короны. Верх в таком предприятии брался только на поле брани, поскольку англосаксы отдаваться на милость чужеземного завоевателя не собирались.

Новый английский король Этельфред II, правивший в 978–1016 годах, получил для истории от своих подданных прозвище Безрассудный. Он попытался отделаться от датских викингов, давно уже грабивших и Англию, и соседнюю с ней Ирландию, большим выкупом. С этой целью монарх наложил на своих подданных огромный по размерам налог, получивший название «датской подати». Роптали не только простолюдины, но и англосаксонская аристократия, которая тоже отдавала немалые денежные суммы на то, чтобы откупиться от безжалостных в набегах и грабежах викингов.

Однако отпетым морским разбойникам, раз за разом пересекавшими огромными флотилиями Северное море в западном направлении, такого выкупа через какое-то время оказывалось мало. Тем более, что «датская подать» обычно попадала в руки скандинавских венценосцев и их окружения, а рядовой «труженик» морских разбоев оставался ни с чем, что только разжигало их прозаическую жадность. И они дружно требовали новых походов на заход солнца в любое время года.

Венценосцам Дании и Норвегии приходилось с удовольствием исполнять волю своих подданных в лице свободных людей, для которых материальное благополучие было связано с морским разбоем, с походами на берега не только Северной Европы, но и на побережье солнечного Средиземноморья. Так что королевские труды Этельфреда II

Безрассудного желанной цели не достигали: он каждый год сталкивался с неистовой воинственностью и пугающей алчностью норманнов. Им во все времена всего было мало, особенно серебра в любом виде и бессловесных рабов.

Когда король Этельфред понял, что откупиться от викингов ему так и не доведется, он пошел на иное дело «хирургического характера». Он побудил англосаксов (знать и простой люд) в ночь святого Брикция (13 ноября 1002 года) безжалостно перебить несколько тысяч датчан, проживавших в Англии на положении завоевателей. Но в той предвестнице Варфоломеевой ночи были истреблены и многие англосаксонские семьи, замеченные в дружественных, даже соседских отношениях с датчанами.

Такое кровопролитие могло вызвать только естественную месть со стороны датского короля-викинга Свена Двубородого. Он быстро собирает большое мореходное войско и совершает новый поход на Англию, в ходе которого грабились не только прибрежные селения и города. Викинги заходили в глубь страны, и населению приходилось укрываться за стенами замков и в лесах. Браться за оружие и выходить на битву в чистое поле виделось англосаксами делом мало перспективным.

Король Этельред II Безрассудный, как ему казалось, нашел средство отражения разбоев скандинавов. Он решил построить военный флот для борьбы с датчанами. Народ Англии был обложен новым налогом, получившим название корабельной подати. Все эти усилия не дали желаемого ожидаемого результата: флотилии прирожденных мореходов с берегов Дании и Норвегии (она являлась тогда частью Датского королевства) легко справлялись в морских баталиях с противником в лице англосаксов.

Войну на море английский король проиграл, как говорится, вчистую. Он потерял при этом не только новопостроенные корабли, но и стольный город Лондон. Этельреду II пришлось бежать из страны на континент, найдя убежище у своего шурина Вильгельма, правителя Нормандии, вторгаться во владения которого мстители-датчане не решились.

В итоге того датского нашествия Англией завладел Кнут (Канут), сын Свена Двубородого, получивший за содеянное прозвище Великий. Он соединил в единое королевство три страны – Англию, Данию и Норвегию, охватившее своей территорией Северное море. Кнут Великий правил с 1019 года по 1035 год, так и не сумев сломить сопротивление англосаксов и их знати, заставив при этом бежать последнего потомка старой королевской династии Эдуарда III, получившего в истории прозвище Исповедника, то есть Благочестивца.

Последний венценосец Англии из англосаксонской фамилии спасся от завоевателей-датчан опять же на французском берегу, в Нормандии, у своей родни. Эдуарда Исповедника приютил не кто иной, как герцог Роберт Дьявол, у которого подрастал сын-наследник Вильгельм, будущий Вильгельм I Завоеватель. Беглец с острова и его немногочисленные спутники нашли надежное убежище при дворе нормандского правителя, который в случае чего мог защитить их от преследователей вооруженной рукой.

Долгие годы, будучи в Нормандии, Эдуард терпеливо ожидал своего часа. Он знал, что на родине о нем хорошо помнят, и что при избрании на престол нового монарха его имя внесут в списки самых вероятных кандидатов. А после этого все случится по воле Божьей. Не случайно в изгнании будущий король Англии Эдуард Исповедник много времени проводил в молитвах наедине сам с собой.

После смерти Кнута Великого его лоскутное королевство, естественно, сразу же развалилось, поскольку исторической перспективой существования оно не обладало, да и не могло обладать. В Англии началась междоусобица, главными действующими лицами которой оказались кланы эрла Мерсии Леофрика и эрла Уэссекса Годвина. То есть противостояли Север и Юг Англии.

Вдова Кнута Эмма и эрл Годвин высказались за то, чтобы посадить на английский престол короля Дании Хартакнута, сына Эммы. У вдовой королевы был в той игре большой козырь: государственная казна хранилась под ее контролем в Винчестере. Эрл Леофрик высказался за то, чтобы королевскую корону передать Харальду, сыну Эльфгифы, конкубины Кнута Великого.

Эльфгифа, проявив немалую силу воли, добилась того, чтобы ее сын в 1037 году был избран королем. Однако неблагодарный Харальд сразу же приказал вывезти из Винчестера английскую казну и драгоценности отца. Вдовой королеве Эмме пришлось бежать во Фландрию, которая стала убежищем для ее сторонников.

Продолжая вести борьбу за престол Англии, Эмма убедила старшего своего сына от короля Этельфреда II Альфреда, находившегося в изгнании в Нормандии, вернуться на остров и принять там корону. Альфред, не имевший достоверных сведений о событиях на противоположном берегу Ла-Манша, неразумно откликнулся на призыв матери. Когда он прибыл на английский берег, то там был задержан людьми местного эрла, причем большинство вооруженных спутников Альфреда были перебиты в схватке.

Альфреда похитили у эрла Годвина лондонские моряки,

которые стояли за Леофрика. Сын Эммы был жестоко изувечен и заточен в монастырь (замок) Или севернее Кембриджа. Там претендент на английскую корону вскоре умер. Когда впоследствии состоялся судебный процесс по делу об его убийстве, то осужден был епископ Ворчестера.

Молодой король Харальд I умер преждевременно в марте 1040 года. Получив такое известие, датский король Хартакнут наконец-то принял решение отправиться в Англию, чтобы занять там законно принадлежавший ему отцовский престол. Но сначала датский флот с воинами на борту пристал к берегам Фландрии, где нашла убежище вдовая королева Эмма, к которой большинство жителей Англии симпатий не испытывало. В Лондон сын с собой мать не взял из-за понятной осторожности.

Хартакнут прибыл на место в сопровождении 60 мореходных судов с воинами на борту. Процедура восшествия на престол обладателя датской короны прошла без особых осложнений. Но в 1042 году новоиспеченный монарх Англии, которому не было еще и 25 лет, внезапно умер. Дело было так, как это записано в «Англосаксонской хронике».

Король Хартакнут был приглашен на свадебный пир одного из боевых соратников своего отца. «Поднявшись с места, чтобы выпить (осушить кубок с вином), он вдруг упал на землю и стал биться в ужасных конвульсиях. Все, кто находился рядом, бросились на помощь, но он не произнес ни слова. 8 июня он умер».

Народ и большая часть знати выступила за то, чтобы новым избранным монархом стал человек англосаксонского происхождения, а не потомок датских викингов. Таким человеком мог быть только Эдуард, сын короля Этельфреда и Эммы, находившийся тогда в Нормандии, в добровольном изгнании. Еще до похорон Хартакнута лондонцы объявили сына Эммы своим новым королем. Вскоре он получил официальное признание.

Эдуард III Исповедник поспешил занять законно принадлежавший ему английский престол. Он возвратился из Нормандии в Лондон, тепло встреченный англосаксонским населением страны. Из города Руана, столицы герцога Роберта Дьявола, он привез с собой большое (или небольшое, как говорится в других хрониках) число норманнов, которые осели при королевском дворе, сослужив своему благодетелю в недалеком будущем самую «черную службу».

Из этих нормандцев больше всего известен Рауль Боязливый, сын графа Вексена, который был женат на сестре Эдуарда. Король сделал родича эрлом Херефордшира. Другим знатным нормандцам он поручил строительство крепостей на неспокойной

границе Англии с Уэльсом, феодалы которого занимались пограничным разбоем.

Королева-вдова Эмма, вернувшись из Фландрии, вновь заняла свой бывший дворец в Винчестере, где находилась королевская казна. По всей видимости, такое обстоятельство вызывало у ее сына чем-то обоснованную тревогу. И в 1043 году Эдуард Исповедник неожиданно совершил военный поход на Винчестер и захватил там казну Англии.

Была ли на то веская причина? Ряд исследователей считают, что да, была. Французский историк Мишель де Боюар пишет по этому поводу следующее:

«…Тогда ходили слухи, что вдова Кнута тайно поддерживала план вторжения в Англию Магнуса Норвежского, и даже что она передавала ему весьма крупные суммы денег.

Было известно, что король Норвегии собрал огромный флот и мечтал завоевать королевство, трон которого только что перешел к Эдуарду. Этот поход, безусловно, состоялся бы, если бы в тот момент не существовало угрозы вторжения в Норвегию датского короля Свейна Эстридсена.

В октябре 1047 г. Магнус внезапно умер. Его преемником стал его дядя Харальд Суровый, сводный брат Олафа Святого, который сделал карьеру в варяжской страже византийского императора и недавно вернулся в страну».

В силу вышесказанного англосаксонская королевская фамилия была многим обязана норманнам с французского берега Ла-Манша. Английские короли дважды находили надежное убежище при дворе герцога Нормандии, таким образом, спасаясь от датских викингов, которые грабили их страну. И потом короли англосаксов в лице Этельфреда II Безрассудного и Эдуарда III Исповедника возвращались обратно на родину все из той же Нормандии.

Эдуард Исповедник был во многом обязан клану Годвина своим восхождением на английский престол. Годвин стал при нем могущественным придворным, неким покровителем монарха, человека бесхарактерного, не умевшего быть властным и жестоким. Род Годвина, эрла Уэссекского, добился тогда многих почестей. Еще бы, Эдит, дочь Говина, в 1045 году стала королевой Англии.

Когда в 1050 году территория Английского королевства по новому административному делению была сведена в шесть областей, то правящими в них лицами стали старый Годвин и два его старших сына – Свен и Гарольд, а также Леофрик Мерсийский, Сивард Нортумбрийский и нормандец Рауль де Мант, племянник короля. Все они являлись предводителями, на

случай войны, местных ополчений, обладали значительной земельной собственностью, что давало им большой вес при дворе и в жизни Англии.

Род Годвинов контролировал южную Англию, тогда как северная Англия – Мерсия и Нортумбрия – находилась в ведении семейства эрла Леофрика. Между этими частями королевства англосаксов незримой чертой проходила линия размежевания, что скажется при завоевании страны нормандцами.

Годвин имел неприязненные отношения с Леофриком. Оба они невзлюбили прибывших в страну нормандцев. И те и другие вели при дворе закулисную игру, борьбу за влияние на короля Эдуарда Исповедника, который сам нуждался в опоре на сильного человека в своем окружении.

При Эдуарде Исповеднике немало нормандцев занимало административные должности, прежде всего шерифов. Пришельцы не знали местных обычаев и не говорили на языке той страны, куда переселились. Естественно, присутствие таких иноземцев вызывало недоброжелательное отношение к ним не только народа англосаксов, но и местной аристократии.

Проживавшие в Англии, прежде всего в городах Лондоне и Херефорде, нормандцы имели тесные связи с Французским королевством. Ситуация сложилась так, что по воле короля Эдуарда Исповедника во главе трех английских епископств были поставлены выходцы из Нормандии, а четвертое досталось тоже не англосаксу, а священнику из Лотарингии. Все они не теряли тесных связей со своей родиной на континенте.

Заняв отцовский престол, совсем еще молодой герцог Вильгельм I Нормандский все чаще стал на досуге задумываться о Туманном Альбионе и о его королевской короне, которую и наследовать-то в семье бездетного Эдуарда Исповедника было некому. К тому же он доподлинно знал, что по ту сторону Ла-Манша проживает много выходцев из его владений, на которых в случае чего можно было и опереться. В силу этого в герцогский замок стала сходиться самая разнообразная информация о делах в Англии, в достоверности которой получателю сомневаться не приходилось.

Чтобы воочию убедиться в реалиях тайных надежд, герцог в 1050–1051 годах посетил с визитом вежливости свою родню в Англии, став дорогим гостем для короля Эдуарда III Исповедника. Официальный визит в Дувр, дворец-резиденцию английского монарха, оставил у гостя самое радужное впечатление. И было от чего: Вильгельм встретил там немало нормандцев из числа придворных, шерифов, епископов и их служителей. Да и сам дух дворцовой жизни смотрелся герцогу

благоприятным, нормандским.

Историки спустя века заметят, что именно король Эдуард Исповедник «хорошо поработал» на Вильгельма I Завоевателя, упростив ему дело покорения Англии и утверждение в столичном Лондоне. То есть для какой-то части местной знати и богатых лондонцев завоеватель из Нормандии оказался «своим человеком». То есть далеко не все в покоренной Англии противились ему силой оружия, став, более того, его верными помощниками и подданными.

Так что встретили герцога Нормандского в Англии прекрасно, дружелюбно. Он имел не одну беседу с престарелым монархом, который жаловался племяннику на отсутствие наследника. Мог лично ознакомиться с военной силой королевства, оценить ее достоинства и слабости, побывать в феодальных замках, своим оком оглядеть лондонские укрепления и побывать в ряде портовых городов на юге страны.

Высокий гость вернулся домой в столичный Руан в самом благодушном расположении духа: ему казалось, что птицу удачи он держит если не в руках, то за хвост. Теперь важно было не упустить ее. Вильгельм стал старательно отслеживать события, происходившие в Британии, не жалея на то больших денег.

Вильгельм Нормандский, надо признать, реально оценивал свои шансы на корону Эдуарда Исповедника. Он знал, что витанагемот – совет англосаксонской знати и высшего духовенства королевства англосаксов – не поддержит его кандидатуру. Поэтому ему предстояло убедить в своих наследственных правах многих из тех, кто жил на противоположном берегу Ла-Манша. Как убедить, словом или оружием? Об этом следовало подумать, принять советы людей знающих.

Иными словами, герцог Вильгельм, не полагаясь на своих информаторов в Англии, лично провел под благовидным предлогом стратегическую разведку будущего завоевания. Такое в истории Средневековья случалось не часто. Уже одно это подавало надежды на успех завоевательного вторжения через пролив Ла-Манш герцогской рати.

В силу этого отдельные исследователи средневековой Англии выскажут версию о том, что между королем Эдуардом III Исповедником и герцогом Вильгельмом, «вероятно, был сговор», чтобы «онорманить» королевство с его англосаксонским населением и знатью. Но это только досужая гипотеза, поскольку прямых доказательств тому нет, и по истечении столь длительного времени уже не будет. Хотя в истории Средневековья случалось, скажем прямо, всякое, и даже не такое.

Однако разведывательный вояж герцога на ту сторону Ла-Манша, в Дувр, вскоре обернулся для будущего завоевателя обратной стороной медали. Он был встречен в Лондоне проживавшими там нормандцами с таким фурором, что это заставило призадуматься местных англосаксов из числа аристократов и отцов столичного города. Они, наверное, с хорошо понимаемой тревогой осознали, что в их на острове слишком много чужестранцев из соседней Нормандии. Их число только прибавлялось, и они все усиливались.

Можно утверждать, что наиболее прозорливые англосаксонские знатные люди усмотрели в новопоселенцах «пятую колонну». Мятежные события не заставили себя долго ждать. Эрл Уэссекса (южной Англии) Годвин, первый советник короля и самый могущественный феодал в стране, восстал против монарха Англии, но потерпел поражение на поле брани. В час риска его не поддержали те владетельные аристократы, на кого он сильно рассчитывал. В 1051 году Годвин вместе с сыновьями был изгнан из страны. Дело обстояло так.

Конфликт эрла Годвина с монархом начался из-за «плохой» встречи посланца герцога Нормандии к английскому двору Евстахия (Эсташа), графа Булонского, женатого на Годе, сестре короля Эдуарда Исповедника. Тот, прибыв в портовый город Дувр, на правах королевского гостя потребовал от горожан для себя и свиты «стол и кров». Те отказали, и случилась потасовка между жителями Дувра и свитой знатного человека из Франции.

Дело случилось кровавое: человек двадцать горожан было убито в драке, в которой мелькали мечи и свистели увесистые камни. Свита графа потеряла убитыми почти столько же, не считая раненых. Евстафию Булонскому с горсткой своих людей удалось бежать из негостеприимного Дувра. Он прибыл в Лондон с жалобой королю.

Король повелел эрлу Годвину наказать виновников из числа местных: город Дувр относился к его графству. Годвин отказался стать экзекутором англосаксов. Тогда монарх собрал государственный совет, который приговорил Годвина к изгнанию. Против эрла особенно яростно выступил Леофрик Мерсийский: он открыто обвинил своего соперника в причастности к убийству Альфреда, брата царствующего Эдуарда Исповедника. Однако такое обвинение каких-то веских доказательств не имело.

В ответ на такой королевский указ Годвин и его сыновья стали собирать в своих графствах вооруженные отряды ополченцев. Король в ответ приказал собирать ополчение Раулю де Манту, а также созвать ополчения в Мерсии и Нортумбрии. Англии не в шутку грозила гражданская война влиятельных

феодалов, в которой монарх мог быть только пешкой на шахматной доске.

О могуществе эрла Уэссекса, отца Гарольда (Харольда) и Тостига, пишется в известной «Хронике» Флоренция Вустерского: «Его до такой степени превозносили, как будто он правил королем и всей Англией». Действительно, чрезвычайно набожный король Эдуард Исповедник запомнился современникам человеком тихим и слабовольным. Эрл Годвин являлся лидером датской партии при королевском дворе, враждовавшей с выходцами из Нормандии.

Гражданской войны не случилось: противники медлили в действиях, и отряды ополченцев эрла Годвина разбрелись по домам. Король вновь утвердил указ об изгнании Годвина, и тому пришлось бежать с тремя сыновьями (в их числе был крайне честолюбивый Тостиг) на континент, во Фландрию. Граф Балдуин V дал им пристанище в городе Брюгге: Юдифь, жена сына эрла Тостига, приходилась родственницей правителю Фландрии.

Сыновья Гарольд и Леофвин добрались до портового Бристоля и там морем перебрались на Зеленый остров. Они укрылись в Ирландии, найдя здесь среди датских викингов надежное убежище. Те же викинги пообещали им свое участие в случае военной экспедиции в обратном направлении.

Эрл Годвин, сумевший вывезти свою казну, во Фландрии стал готовиться к реваншу, набирая наемников и нанимая корабли. Его сын Гарольд делал то же самой в ирландской столице городе Дублине, опираясь на помощь осевших здесь датских викингов.

В Англии, в Лондоне, оставалась дочь эрла Годвина, королева Эдита. Но ее супруг решил избавиться от жены, которую ему навязали. В том же 1051 году Эдуард Исповедник лишил ее всех земельных владений, ценностей и поместил в аббатстве Вервелл под строгий надзор аббатисы, которая приходилось монарху Англии сестрой.

Королю Эдуарду было тогда около 48 лет, у него не имелось наследника, сосланную Эдиту заменять другой королевой он не собирался. Безбрачие соответствовало истовому благочестию монарха с историческим прозвищем Исповедник.

Самыми близкими родственниками английского монарха по мужской линии являлись два племянника. Первым являлся бастард Вильгельм Нормандский. Вторым был Эдуард, сын Эдмунда Железнобокого и внук короля Этельреда II и его первой жены. Но принц Эдуард проживал далеко от Англии, в Венгрии, куда его забросила судьба, и какой-то опоры на родине не имел, и желаний возвращаться на родину не высказывал.

Так, как тогда казалось многим в самой Англии и на

континенте, рухнул могущественный клан Годвинов из Уэссекса, прибравших было реальную власть в королевстве к своим рукам. Но те, кто так думал, ошибались: Годвины не примирились со случившимся.

Уже через год изгнанники вернулись на родину. Влиятельнейший эрл набрал во Фландрии значительное войско и при помощи деятельного сына Гарольда с его датскими наемниками беспрепятственно появился в Уссексе. Местное население приветствовало их. Флотилия эрла вошла в устье Темзы и поднялась вверх по реке: столичный Лондон открыл перед Годвином свои ворота. Его врагам пришлось бежалть из Англии.

Эрл Годвин сразу же восстановил свое прежнее положение при дворе, не забывая о том, что его гонителями являлись нормандцы, осевшие в Лондоне и в большом числе находившиеся в окружении монарха. Государственный совет отменил «неправедное» решение об изгнании Годвинов из страны. Епископ Винчестерский Стиганд примирил эрла с королем, который только начал самостоятельно править в собственном королевстве, отправив по такому случаю свою бесплодную жену Эдит (Эдгиту) в монастырь.

Годвины и их сторонники из среды англосаксонской знати вскоре одержали важную для них победу. Но не над миролюбивым королем Эдуардом III Исповедником, а над сторонниками Нормандии на земле Англии. Многим нормандцам пришлось покинуть Альбион, прежде всего Лондон. Часть их все же осталась, преисполненная верности герцогу Вильгельму, который продолжал черпать от них интересующую его информацию о делах в Английском королевстве.

В тех событиях Годвин и его сыновья опирались на широкую народную поддержку. Поэтому совет при короле (витенагемот) под давлением принял решение изгнать «всех французов, кои учинили беспорядки, ввели дурные обычаи и злоумышляли против этой страны». Однако изгнать «всех» у клана Годвина не получилось: из Англии отъехала только часть нормандцев, преимущественно из Лондона. Но и в таком положении нормандская экспансия с континента была пресечена.

Тогда ожидалось, что герцог Нормандии предпримет какие-либо радикальные меры к защите соотечественников, которые «вдруг» стали подвергаться гонениям по ту сторону Ла-Манша. Но этого не случилось. Вильгельм Нормандский остался глух к подобным просьбам изгнанников. Объяснялось такое просто: он был занят схваткой с Жоффруа Мортеллом, графом Анжуйским, и о каких-то иных военных предприятиях не могло быть и речи.

Герцог даже не выразил протест по «дипломатическим каналам».

Вскоре после этого события, в 1053 году 13 апреля, эрл Годвин скоропостижно скончался от апоплексического удара в разгар пиршества при королевском дворе в Винчестере. Он был приглашен на прием вместе с сыновьями Гарольдом и Тостигом. Вопрос о разделе его наследства не вызвал проблем: Гарольд стал главой рода Годвина, поскольку его старший брат Свейн незадолго до этих событий умер, отправившись паломником в Святую землю.

Народ увидел в смерти Годвина небесную кару за убийство Альфреда, младшего брата короля Эдуарда Исповедника. Собственно говоря, уход из жизни эрла Уэссекса мало что менял во внутриполитической ситуации в стране. После этого клан Годвина, стоявший в конфронтации лицом к лицу с враждебным кланом Леофрика, возглавил отважный и инициативный Гарольд. За него стоял столичный Лондон с влиятельной корпорацией моряков Англии.

Отец оставил старшему сыну Гарольду огромные земельные владения и личную власть, то есть власть временщика в стране. Он стал Эрлом Уэссекса (южной Англии), а также Глостера и Херефорда, пользуясь любовью среди простых англосаксов. Брат Сивард оставил после смерти в 1055 году свои владения старшему Гарольду. Леофвин управлял Эссексом, Миддлсексом, Кентом, Сурреем и Суссексом. Брат Тостиг, высказывавший открытую ненависть к Гарольду, отошел от дел и забот клана, идя «своей дорогой». Брат Гирт управлял восточной Англией, в которую входил Оксфорд.

Гарольд, сын Годвина, тринадцать лет управлял Англией от имени безвольного короля Эдуарда Исповедника. Безволие монарха обычно связывается с его историческим прозвищем, хотя современники оставили нам самые противоречивые мнения о нем. Неоспоримо одно: это был венценосец, приветливый с народом, обладающий природной добротой, стремящийся быть справедливым, насколько это позволяло время.

Есть даже такое мнение: «…прозвище Исповедник было равносильно народной канонизации; возможно, он стал объектом народного поклонения еще до своей смерти». Действительно, англосаксы поминали ушедшего из жизни короля самым добрым словом, что свойственно любому народу.

Много лет живя в Нормандии, в городе Руане, изгнанник Эдуард много времени отдавал исполнению религиозных обрядов. Можно утверждать, что к исполнению государственных забот в ранге венценосца его никто не готовил. Не готовили его и быть рыцарем, военным вождем. Поэтому, когда он получил в

руки королевскую власть, рядом с ним обязательно должна была находиться какая-нибудь сильная личность, которая возложила бы на себя большую часть черновой работы по управлению Англией. Таким человеком и стал Гарольд из рода Годвинов.

Впрочем, жизнь временщика безоблачной не смотрится, а видится полной забот, тревог и опасностей. Эрл Нортумбрии младший брат Тостиг, человек на редкость завистливый, стал для него смертельным врагом. Родных братьев разделила взаимная ненависть друг к другу. Другого личного врага он приобрел во Франции в лице правителя Нормандии, помышлявшего об английской короне.

В те годы Гарольд показал себя перед народом англосаксов как победный полководец, чем значительно поднял свой престиж. Дело обстояло так. Король Северного Уэльса Гриффит (Груффидд ап Ллевелин) сумел силой оружия распространить свое влияние и власть почти на весь Уэльс, в южной части которого находился ряд небольших королевств (княжеств). После этого он стал совершать набеги на соседние английские земли, то есть занялся приграничным разбоем.

Эрл Гарольд по повелению короля Эдуарда Исповедника выступил в поход на Уэльс. В 1062 году он нанес Гриффиту полное поражение, чем еще больше возбудил ненависть к себе младшего брата Тостига, эрла Нортумбрии. Тогда войско англосаксов внезапно вторглось в Уэльс и в разгар зимы дошло до крепости Руддлан, едва не захватив там уэльского монарха. Северный Уэльс был опустошен, а гриффитский «пиратский» флот, стоявший на якоре в одной из бухт, подвергся истреблению.

На следующий год, весной, в поход через Северный Уэльс пошел эрл Тостиг с ополчением Нортумбрии. Гарольд с королевским войском двинулся ему навстречу через Южный Уэльс: местные аристократы (но не простые валлийцы) встречали его как освободителя от тирании Гриффита.

В начале августа валлийский король был убит заговорщиками из числа приближенных лиц во время попытки бежать из страны на корабле. Скорее всего, он хотел скрыться в Ирландии или Шотландии, где в эпоху Средневековья находили убежище изгои из Англии. Убийцы доставили Гарольду голову своего монарха и фигуру с носа корабля, на котором тот пытался бежать из Уэльса. За содеянное злодеяние их ожидала «заслуженная награда».

Два брата Гриффита, которые не последовали примеру старшего, принесли вассальную клятву верности королю Англии. Они обещали ему содействие в войнах на суше и на море, платить те налоги, которые до этого традиционно выплачивались

валлийскому королю. Гарольд от имени Эдуарда Исповедника передал братьям в управление две главные области Северного Уэльса – Гвинедд и Поуис.

Таким образом, задача «замирения» Уэльса Англией была решена без особого напряжения воинских сил и казны. Теперь валлийцы не ходили в разбойные набеги на земли королевства. Эрл Уэссекса оказался героем походов двух лет: именно он получил трофеи убийц Гриффита и сам их преподнес королю Эдуарду Исповеднику. Теперь на западных сухопутных границах Англии с Уэльсом стало гораздо более спокойно. Проблема Уэльса с его воинственно настроенным валлийским населением окончательно будет решена только в правление Вильгельма Завоевателя.

Гарольд решил проблему нормандцев, состоявших при дворе и на королевской службе. Многие из них выдвинулись в стране англосаксов во время опалы рода Годвина. Гарольд на правах временщика добился от Эдуарда Исповедника многих перестановок в государственном аппарате: «чистка» коснулась, прежде всего, иноземцев из Франции.

…Есть интересное свидетельство о жизни герцога Вильгельма I Нормандского после первого своего визита в Туманный Альбион. Он познакомился со знаменитым своей ученостью монахом-итальянцем, учителем Ланфранком, от которого не скрывал мечты завладеть Англией. Не скрывал и того, что не раз прочитывал и прорабатывал с позиций военного вождя «Записки Цезаря», особенно той их части, в которых рассказывалось о Галльских войнах и вторжении на Альбион.

Ланфранк родился в Ломбардии и был лет на тридцать старше герцога Вильгельма. Он получил прекрасное образование: вместе с теологией и философией изучал светские науки. В 35 лет покинул родину и перебрался во Францию, некоторое время преподавал в епископской школе Авранша. Около 1042 года он оставил мирскую жизнь и стал членом монашеской общины.

С герцогом Вильгельмом он познакомился в то время, когда осаждался замок Ги де Брионна. Любознательный герцог посетил аббатство Бек, и в ходе беседы с монахами излил свой гнев на Ланфранка, когда тот, как человек ученый, уличил правителя Нормандии в невежестве. Вильгельм приказал изгнать итальянца из монашеской общины.

Община была настолько бедна, что изгнаннику могли дать только старую хромую клячу. Случилось так, что в дороге Ланфранк встретился с герцогом, который ехал в сопровождении рыцарской свиты. Вильгельм посмеялся над жалкой лошадью и путником. На это монах заметил герцогу:

– Это по твоему приказу я, как могу, покидаю эти земли. Если хочешь, чтобы я уехал быстрее, дай мне лошадь получше.

Такие слова монаха несколько озадачили герцога:

– С каких это пор виновный, еще не искупив свою вину, просит подарка у собственного судьи?

Ланфранк воспользовался случаем, чтобы блеснуть известным красноречием. Завязалась беседа, которая закончилась взаимными объятиями, после чего Вильгельм отвез Ланфранка обратно в аббатство Бек. Герцога подкупил живой ум выходца из Ломбардии и то, что ученый монах бывает в Вечном городе, где у него имелись обширные связи в папском окружении. Постепенно итальянец вошел и в окружение правителя Нормандии, при этом он больше не уличал его в невежестве, демонстрируя большой такт и изысканную вежливость.

Монах-учитель стал обладателем герцогского признания в том, что он уже не первый год готовится к вторжению через Ла-Манш в Англию. Готовится не просто форсировать пролив, а еще и воевать на острове. Сомневающийся в успехе такого авантюрного предприятия Ланфранк до поры до времени хранил эту тайну в себе. Но отговаривать воинственного герцога от такой рискованной затеи не стал. Даже наоборот, монах стал тонко и осторожно наставлять Вильгельма Нормандского в предстоящих трудах.

Можно утверждать, что в воображении итальянца впервые замаячило одеяние если не архиепископа Англии, то одного из епископов страны, о которой Ланфранк много знал из бесед с Вильгельмом, с другими людьми. Так что игра в завоевание Английского королевства стоила для ученого монаха свеч. От ожидания такого подарка судьбы отказываться ему не приходилось. А вдруг так повезет в бренной жизни?

…Тем временем во Франции в 1861 году сменился король. Престол ушедшего из жизни Генриха I из династии Капетингов занял Филипп I, матерью которого была Анна Русская (Анна Ярославна). Ему досталась страна, в которой королевская власть из-за феодальных междоусобий сильно упала, в чем особенно был повинен герцог Нормандии. К слову говоря, король Филипп I правил долго, до 1108 года. Между Парижем и Руаном конфликтных ситуаций не возникало.

Стремясь к королевской короне, герцог Вильгельм проявил большую настойчивость и дипломатическую твердость. Еще в 1861 году, посетив Лондон с дружественным по-родственному визитом, он убедил бездетного короля Эдуарда III Исповедника поддержать его претензии на английский престол. То есть английский монарх якобы обещал молодому и напористому в

собеседованиях Вильгельму передать королевскую власть над страной после своей смерти. Об этой договоренности, как потом выяснилось, знали немногие близкие к герцогу люди.

Все это – историческое предание, поскольку документальных свидетельств такому обещанию история не знает. Оно и стало поводом говорить тогда и сегодня о том, что между двумя дальними родственниками существовал какой-то секретный сговор, который не имел прямых свидетелей, очевидцев. Так оно было или не так, сегодня можно только гадать по косвенным свидетельствам и спорить о том, было такое или не могло быть. Возможно да, возможно нет. Бывает же в истории всякое, и даже не такое.

Эдуард Исповедник согласился с доводами родственника из пределов Французского королевства, но перед самой смертью он изменил свое решение в пользу своего шурина Гарольда (Харольда) Годвина, графа Уэссекского. Тот имел на него сильное влияние, да и сам являлся самым могущественным человеком в стране. Такое королевское решение ни для кого секретом не являлось и, вполне вероятно, даже ожидалось.

Причины на принятие престарелым монархом такого волеизъявления видятся вескими. Вернее всего, он осознал, что правление нормандцами в лице герцога Вильгельма, коронованного безраздельным властелином Англии, принесет ее жителям много кровавых бед, междоусобицы и разорение целых областей. Как бы то ни было, но король Эдуард III Исповедник остался тверд в принимаемом решении. Он его ни отменял, ни корректировал.

Однако хитроумный и предприимчивый Вильгельм I, имевший проверенных агентов при дворе английского монарха, постарался заблаговременно нейтрализовать опасного конкурента в лице графа Уэссекского. И в этом помог ему чистейший случай. В противном случае, что видится вполне реальным, тот мог быть устранен, скажем, с помощью кинжала или арбалетной стрелы наемного убийцы. Или подкупленный слуга подсыпал куда-нибудь, лучше всего в кубок с вином, известный с эпохи Римской империи яд. Такое в Средневековье случалось не раз, и во Франции тоже.

…Вильгельм Нормандский имел все основания опасаться Гарольда Годвинстона, ставшего правой рукой короля Эдуарда Исповедника. Он видел в сопернике человека, обладавшего несомненным даром военного вождя и тонкого политика. Об этом тогда можно было спорить, если бы не знать действий Гарольда против правителя Уэльса Гриффита (Гриффидда ап Сейсилла). Дело обстояло так.

Англия на острове граничила в Средние века с вполне самостоятельными государствами – на севере с Шотландией и на западе с Уэльсом. В последнем в начале 1060-х годов утвердилась власть валлийского князя Гриффилда, сына Лльюэлина ап Сейсилла. Он опирался на поддержку норвежских викингов из ирландского города Дублина. Гриффилд со своей дружиной не раз вторгался на территорию Уэссекса (то есть в южную Англию), эрлом которого являлся Гарольд Годвинстон.

Чтобы защитить Уэссекс, его эрл, опираясь на короля Эдуарда Исповедника, решил совершить военную экспедицию в Уэльс и нанести валлийцам на их земле военное поражение. В 1063 году отряды англосаксов-ополченцев Годвина вторглись в земли Уэльса одновременно с суши и с моря. Большой войны не получилось: Гриффилд был убит своими же людьми, а его голова была доставлена Гарольду. Его воины разорили укрепленные жилища враждебных валлийских князей и взяли в плен жену Гриффилда.

Будущий король Гарольд Английский не стал присоединять к Уэссексу какие-либо территории валлийских князей, зная об их врожденной непокорности. Чтобы замирить Уэльс, он поступил иначе, позволив сводным братьям убитого вождя Гриффилда унаследовать его родовые владения – Гвинедд и Поуис.

Но те за такой великодушный дар были принуждены угрозой применения силы принести эрлу Гарольду Годвинстону (а в его лице – английскому монарху) клятвы верности вассала. После этого на границе между Англией и Уэльсом установилось относительное спокойствие, а торговые пути стали безопасны. Гарольд же продемонстрировал свои достоинства как дипломата и как военачальника, столь удачно спланировавшего и проведшего военный поход по суше и по морю. Вильгельм Нормандский на том событии в стране валлийцев сумел познать дарования своего соперника.

…В 1064 году Гарольд Годвинстон потерпел во время шторма кораблекрушение у берегов Нормандии (куда штормовыми ветрами отбросило его парусник), но ему с частью людей удалось спастись. По другим сведениям, корабль совершавшего экспедиционное плавание у берегов южной Англии графа Уэссекса во время ужасного шторма был выброшен на французский берег, но мог быть спущен обратно на воду (во время прилива), то есть снят с мели при помощи другого судна.

Как эрл Гарольд оказался в морском плавании? По наиболее вероятной версии, он решил посетить усадьбу в Бошеме, что на побережье Сассекса: она досталась ему от отца. Там он вместе с небольшой свитой сел на борт корабля, который оказался во

власти неблагоприятного ветра, отнесшего парусник к чужим берегам. Экипаж оказался бессилен изменить курс во время шторма: под напором ветра и волн судно оказалось неуправляемым людьми.

На берегу потерпевшие кораблекрушение, по «береговым законам» той эпохи, были взяты в плен местным владельцем Гви, графом Понтьеским. Его люди, сбежавшись на берег, схватили безоружных потерпевших кораблекрушение, связав их по рукам и ногам. Местный владелец, естественно, обращался со своей знатной «добычей» по-рыцарски вежливо, не забывая при этом о том, что на них можно поживиться, то есть получить достойный выкуп звонкой монетой.

По другой версии, граф Понтье, ссылаясь на «береговое право», потребовал от Гарольда Уэссекского огромный выкуп, угрожая в противном случае конфисковать корабль со всем его грузом. Владельца части французского побережья не смущало при этом то, что его невольным «гостем» оказался временщик английского короля, сам могущественный феодал с противоположного берега Ла-Манша.

Странным в той ситуации выглядит то, что Гарольд, человек лично состоятельный, не согласился сразу выплатить требуемый выкуп за себя и сопровождавших его лиц. Есть версия, что эрлу удалось как-то отправить одного из своих приближенных к герцогу Вильгельму за помощью, за защитой от «берегового хищника» графа Понтье.

Когда весть о том дошла до герцога Вильгельма, он за приличные деньги выкупил (или угрозой заставил отдать?) Гарольда Годвина из почетного плена вместе со спутниками. Покупатель был доволен совершенной сделкой, которая заметно облегчила его кошелек, больше, чем исторический удачник граф Гви Понтьеский, лишенный всякого благородства, воспетого в рыцарских балладах XIII столетия. Он без всякого сожаления продал пленника как действительно дорогой товар, и не более того. Тем более что иных планов в отношении английского графа предприимчивый Гви не строил.

Есть мнение, что Годвин Уэссекский из плена не выкупался. И что он был «отпущен» в замок герцога Нормандии графом Гви Понтьеским якобы по суровому требованию своего сюзерена. Тому пришлось подчиниться и освободить от своего гостеприимства всех потерпевших кораблекрушение ко двору герцога. Но, если судить по нравам того времени, такая версия имеет малую вероятность. Граф Понтье не мог не заработать на том кораблекрушении у его собственного морского берега.

Шурин английского короля оказался поистине «дорогим

гостем» герцога Вильгельма Нормандского: как-никак они были пусть и дальними, но все же родственниками по линии правящего монарха Англии. Им было о чем поговорить, о чем вспомнить и за обеденным столом, и в разговоре наедине друг с другом. Пленник не мог не понять, что его охраняют бдительно и что помыслы побега из герцогского жилища в Руане нереальны для исполнения.

Для начала герцог Вильгельм «подружился» с графом Уэссекса. Они якобы весело проводили время на пирах и охотах. Гарольд Годвин даже поучаствовал на стороне гостеприимного владельца руанского замка в войне того с Бретанью. Герцог предоставил своему гостю и его спутникам коней и оружие. Нормандцы двинулись на Динан, за стенами которого укрывался местный герцог Конан II, и осадили его, демонстрируя редкую дисциплинированность.

Хронисты уверяют, что воины Вильгельма в том походе не совершили ни одного грабежа. Стоит только удивляться, зная, что рыцари и наемники в эпоху Средневековья на чужой территории «кормились» за счет местного населения. Нормандское войско за собой больших запасов провианта не возило, и его предводитель на такую сторону походной жизни не тратился, накладывая контрибуцию на селения, города и местных владельцев. Бретонцы просто так кормить врагов не стали бы.

Гарольд мог видеть своего будущего соперника и победителя на войне. Канон II, осознав всю опасность своего положения, обратился за помощью к могущественному человеку во Франции – графу Анжуйскому. Тот послал подмогу, но она опоздала: крепостной гарнизон Динана слишком рано капитулировал. Вполне возможно, что его гарнизонных военачальников подкупили.

После этой победы герцог Вильгельм увел свое войско из Бретани обратно в Нормандию. Гарольд все время похода находился рядом с ним. За проявленную храбрость герцог посвятил графа Уэссекского в рыцари Нормандии и, как это требует обычай, одарил его оружием, мечом. Местные бароны восприняли такую церемонию, как признание аристократом из Англии себя вассалом герцога. Но за всем этим камуфляжем для Гарольда виделось одно: плен с его непредсказуемыми вариантами.

Вильгельм I, в конце концов, вынудил пленника торжественно поклясться в присутствии многочисленных свидетелей из числа баронов Нормандии, в том числе и священников, что тот поддержит его «законные» претензии на трон Англии, как прямого наследника бездетного Эдуарда

Исповедника. То есть герцог не стал скрывать от выкупленного пленника своих «прав» на престол Эдуарда Исповедника.

С этой клятвой у историков много вопросов. Они проистекают из того факта, что хронисты и мемуаристы того времени описывают принесение клятвы противоречиво. Так, Гильом из Пуатье договаривается до того, что англосакс якобы добровольно взял на себя обязанность временно представлять правителя Нормандии у себя на родине, в Англии. И что Гарольд признал его законным наследником бездетного короля Эдуарда Исповедника.

Гильом из Пуатье сообщает интересный и удивительный факт: Гарольд якобы передавал в залог своему новому сюзерену ни много, ни мало, а большой по тому времени портовый город Дувр, в котором размещался нормандский гарнизон (!). За это герцог великодушно давал полную гарантию сохранности личных владений графа Уэссекского.

Хронист Вас пересказывает популярную тогда среди завоевателей Англии историю, случившуюся в Бонневиле-сюр-Тук. Вильгельм Завоеватель приглашает Гарольда к столу, покрытому скатертью. Можно было только догадываться, что под ней что-то лежит. Герцог требует, чтобы граф дал ему при свидетелях торжественное обещание на верность вассала. Тот, ничего не подозревающий, дает клятвенное слово. Тогда Вильгельм сбрасывает со стола скатерть, и Гарольда охватывает ужас: на столе лежали святые мощи.

Так, мол, будущий король Гарольд Английский попал в хитроумно расставленную ловушку. Как говорится, слово не воробей, если вылетело, то обратно его никак не вернешь. Да еще произнесенное вслух при большом числе присутствующих в зале баронов и иных знатных людей Нормандии и Франции. Хронист как эпилог этой истории пишет, что Гарольд стал жертвой магической силы святых мощей, нарушив торжественную клятву.

У хронистов проскальзывает мысль, что герцог вел с гостем некий торг, пытаясь с ним о чем-то договориться. Но реалии пребывания в почетном плену вынуждали Гарольда принимать требования Вильгельма Нормандского, какие бы они ни были. Думается, что об этом спорить не приходиться. Иначе строптивый гость больше бы не увидел туманных берегов Альбиона.

Вильгельм обещал, что как только он станет обладателем английской короны, он сделает Гарольда Годвина эрлом Уэссекса, то есть вторым лицом в королевстве, которым тот уже был. То есть переназначит его на это место, приблизив тем самым к себе, как к монарху. Такое видится вполне реальным обещанием. Обещать же можно был все, что угодно.

Чтобы привязать к себе Гарольда, Вильгельм обручил с ним свою дочь Алису, некогда обещанную графу Герберту II Мэнскому. По преданию, юная дочь герцога Нормандии безумно влюбилась в англосакса, который был так хорош. Пленнику пришлось согласиться на обручение, другого выхода у него опять не было. Правда, дело до преждевременной свадьбы не дошло.

Можно считать, что герцог Вильгельм спешил решить возможные спорные вопросы перед своим восхождением на престол Англии. Король Эдуард Исповедник был болен и стар. Теперь дело было во времени: это понимали все. Правитель Нормандии в той ситуации сильно походил на шахматного гроссмейстера, видевшего многое на несколько ходов вперед.

Случилось все это в 1065 году на земле «гостеприимной» Нормандии. Граф Уэссекский принес клятву над святыми мощами. Нарушение такой клятвы считалось страшным святотатством, на что, собственно говоря, больше всего и надеялся нормандский правитель. В любом случае торжественное обещание, данное в храме, было на будущее веским аргументом в борьбе за английскую корону. Он же «познакомился и обручился» с будущей графиней Уэссекской. Однако об этом историческом факте хронисты упоминают с большой осторожностью, труднообъяснимой в наши дни.

Собственно говоря, Гарольду Годвину не оставалось другого выхода вырваться из плена на французском берегу Ла-Манша. В противном случае ему грозила неминуемая смерть. Он мог быть уморен голодом в темнице герцогского замка, задушен в собственной постели или отравлен за обеденным столом. Причем Вильгельм I сделал бы такое грешное дело без всякого пролития крови, чтобы снять с себя любые обвинения, да еще и при авторитетных «свидетелях».

В той ситуации заступиться за жертву кораблекрушения было некому. Да и любое требование официального Лондона на французском берегу могли просто проигнорировать или посланник мог запросто «пропасть» на лесной дороге. Пути тайной дипломатии во все времена были неисповедимы: у герцога среди лондонских нормандцев агентов-информаторов в последние годы всегда хватало.

Казалось, все складывалось для герцога Нормандии более чем удачно, и он мог с известным энтузиазмом смотреть на собственное будущее, которое ожидалось только блистательным. Вильгельм со всем великодушием и пышностью отпустил родственника домой на Британские острова. Считается, что это случилось где-то осенью 1064 года, не ранее и не позже.

Хозяина руанского замка что-то заставило отпустить такого

гостя, которого в герцогской семье уже называли зятем. Да еще дать ему в сопровождающие герцогского заложника Хакона, который приходился эрлу племянником, пробывшего в Нормандии двенадцать лет. Это был поистине щедрый дар. Хронисты не дают объяснений такому поступку герцогу.

Думается, что Гарольд Годвин был немало рад тому, что так легко отделался от гостеприимства в Нормандии. Однозначно виделась простая истина: собственную жизнь в обмен на требуемое от него клятвенное слово граф Уэссекский действительно спас. В противном случае британская история не знала бы короля Гарольда Несчастного.

Можно предположить, что герцог Вильгельм, сам отличавшийся большим коварством, не очень-то верил в торжественную клятву Гарольда из рода Годвина. Но эта клятва нужна была ему в плане духовной, моральной подготовки к предстоящему вторжению на Альбион. Воинственным личностям и в Средневековье приходилось как-то оправдывать свои противоправные действия в глазах других, даже подобных себе. Так было и в данном случае.

…Можно утверждать, что Гарольд вновь оказался рядом с королем Эдуардом Исповедником в нужное для того время. Между Англией и Уэльсом вновь вспыхнул военный конфликт, для которого нашелся веский повод. Эрл Уэссекса решил построить на земле валлийцев небольшой охотничий замок, в окрестностях которого мог бы охотиться монарх. Сын убитого короля Северного Уэльса Гриффита (Груффида ап Ллевелина) Карадок с отрядом своих воинов поднял восстание местных жителей, напал на строящийся замок, перебил почти всех, кто там находился, и разграбил стройку и завезенное имущество. Но это было еще не все и не самое главное для Гарольда.

Эрл Уэссекса, глава рода Годвина, возвратился в Англию в те дни, когда там вспыхнула очередная феодальная смута. Виновником ее являлся не кто иной, как его главный недоброжелатель в лице младшего брата Тостига. Тот, управляя северной Нортумбрией, восстановил против себя местных владельцев – танов. Он приказал казнить двух из них по «подозрению в измене». К тому же Тостиг стал инициатором убийства последнего эрла из числа нортумбрийской знати. Так что события на английском севере имели неприглядную предысторию.

Тостиг во время отсутствия Гарольда почти все время находился при короле на юге страны, забывая о прямых обязанностях эрла. Таны Нортумбрии, собравшись на совет мудрых, объявили о низложении Тостига с его поста. По всей

вероятности, они пошли на такой шаг, зная, что в Лондоне нет решительного в действиях Гарольда. Местные англосаксы, плативше все больше налогов, готовы были поддержать танов.

В октябре 1065 года англосаксы севера Англии подняли восстание против своего эрла. Тостиг в то время находился в Хэмпшире, где охотился вместе с королем Эдуардом Исповедником. Двести танов Нортумбрии вместе со своими людьми двинулись на город Йорк, вошли в него, перебили там сторонников Тостига, его личную охрану, состоявшую в основном из датчан, захватили все ценности эрлства. После этого восставшие провозгласили своим эрлом Моркара, внука мерсийского эрла Леофрика и брата Эдвина, эрла Мерсии.

Моркар действовал решительно: во главе большого отряда он двинулся к месту нахождения короля, чтобы убедить (или заставить силой) его признать свершившийся факт, то есть смену эрла в Нортумбрии. Моркара встретил не монарх, а Тостиг, который потребовал от мятежников сложить оружие. Те в ответ двинулись на Оксфорд, не встречая по пути сопротивления.

Нашлись люди, которые увидели в этих событиях «руку Гарольда», открыто враждовавшего с младшим братом: их отношения давно перешли через все разумные пределы. Не случайно один из современников писал о восстании танов Нортумбрии, то есть северян Англии, следующее:

«Я не смею и не хотел бы верить, что такой властитель может оказаться виновным в подобном преступлении по отношению к собственному брату. Между тем сам эрл Тости обвинил его, свидетельствуя перед королем и его двором; но Гарольд поклялся в своей невиновности, но, увы, правда и то, что он был щедр на клятвы».

Это высказывание говорит нам о том, что разбор восстания танов севера Англии проходил в королевском дворе «шумно»: брат обвинял брата перед королем и двором. Это первое. И второе: в королевском окружении уже хорошо знали о клятве Гарольда, данной в Нормандии герцогу Вильгельму: тот прозорливо позаботился о распространении слуха о том в столичном Лондоне.

В те дни король Эдуард Исповедник занемог и приказал перевести себя в Вестминстер. Здоровье его ухудшалось с каждым днем, и теперь эрл Уэссекса управлял страной от его имени. При дворе, в столице было ясно, что дни монарха сочтены и что пора подумать о том, кто примет от него английскую корону.

Гарольд сумел разрядить обстановку. Он лично встретился с Моркаром и признал его эрлом Нортумбрии. Тостиг изгонялся из Англии. На ее севере к полной власти пришла местная знать,

род Годвина правил теперь только в южной части страны, в том числе и в столичном Лондоне. В недалеких событиях – завоевательном вторжении Вильгельма Нормандского на английский север – Нортумбрия и Мерсия окажутся «в стороне от событий» на берегах Ла-Манша.

Тостиг сперва бежал на французский берег, найдя себе прибежище в одном из монастырей. Известно, что успокаиваться он не стал, начав поиск возможных союзников и вариантов возможных действий не сколько против родного старшего брата, сколько против собственного отечества. Можно только удивляться, что Тостиг не стал союзником Вильгельма Нормандского: тот вполне мог пообещать ему многое.

Известно, что Тостиг некоторое время «гостил» в Нормандии. Перед этим бывший эрл безуспешно пытался склонить на свою сторону графа Фландрии, но тот не стал ввязываться в откровенно авантюрное дело. Во Фландрии беглец не получил ни денег, ни войска. Потерпев здесь полную неудачу, неуемный Тостиг установил отношения с норвежским королем Харальдом Хардратом. Есть сведения, что изгнанник принес ему вассальную клятву. После этого Харальд Суровый «встал на сторону обиженного вассала»: он был обязан его защитить.

Тем временем тяжелая болезнь «не отпускала» короля Эдуарда Исповедника, который слег в постель и уже не покидал дворца. Он уже не занимался делами страны, доверившись во всем Гарольду, но тот был лишь первым из эрлов. Монарх был настолько плох, что издаваемые указы собственноручно им не подписывались.

Считается, что в конце жизни «тихого» монарха централизация государственной власти заметно ослабла. Выправить такое положение история Гарольду Кроткому времени не дала. Говоря иначе, Английское королевство во время двух иноземных нашествий 1066 года – датских викингов и потомков викингов из Нормандии – внутренним монолитом в истории не видится.

Единственно, что заботило уходящего из жизни монарха в последние дни его довольно неволнительной жизни, так это завершение строительства бенедиктинского аббатства в Вестминстере. Церковь Вестминстерского аббатства была освещена в последние дни жизни Эдуарда Исповедника, но на торжественной церемонии король уже не присутствовал, будучи прикован к постели.

Часть 2. Смерть короля Эдуарда и воцарение Гарольда. Нормандское вторжение через Ла-Манш. Битва при Гастингсе

В скором времени, 5 января 1066 года, король Эдуард Исповедник умер. Монархом он был далеко не тираном Средневековья, человеком религиозным, и потому подданные могли сожалеть, что такой самодержавный венценосец ушел из жизни. Короля Эдуарда оплакивали и при дворе, поскольку к своему окружению он относился благосклонно, особо не своевольничал и мало кого обижал. Уж такой он был венценосец, заслужив для истории еще при жизни достойное прозвище, став Исповедником. С его смертью угасла великая династия саксонских королей.

Эдуард Исповедник уходил из жизни с короной на голове. Рядом с ним находилась королева Эдита, сестра Гарольда. Умирающий нашел в себе последние силы, чтобы объявить завещание. Документально оно не известно, поэтому современники и последующие исследователи толковали и толкуют его каждый по-своему.

История сохранила для нас «Житие короля Эдуарда», безвестный автор которого являлся бывшим монахом аббатства Сен-Бертен в Сент-Омере. Там дано описание последних дней жизни прикованного к постели короля Эдуарда Исповедника. С ним все это время находилась возвращенная во дворец королева Эдит, «которая грела на груди ноги умирающего», ее брат эрл Гарольд, сенешаль королевского замка Роберт Фиц-Вимарх, архиепископ Стиганд, другие приближенные.

Автор «Жития короля Эдуарда», который, возможно (так считает ряд исследователей), служил королеве Эдит, записал последние слова умирающего венценосца, которые с протянутой рукой были обращены к Гарольду:

«…Я передаю под твое покровительство эту женщину и королевство. Служи ей и почитай ее с преданным почтением, как свою госпожу и свою сестру, кем она и является; не отнимай у нее, пока она жива, ничего из того, что она получила от меня.

Я поручаю тебе также людей, покинувших свою родину из любви ко мне и верно служивших мне до сего дня. Прими у них клятву верности, если они пожелают тебе служить; в противном случае позволь им свободно удалиться обратно за море вместе со

всем, что они получили у меня на службе.

Приготовь мне могилу в монастыре, в том месте, которое было тебе указано. Не откладывай сообщение о моей смерти; пусть о ней станет известно повсюду, чтобы все верующие могли молиться за меня, грешника, и просить милосердия у Всемогущего».

В ту эпоху письменные завещания любых лиц еще «не вошли в моду», и поэтому слова умирающего, произнесенные, пусть и с трудом, являлись его последним королевским словом. То есть подлинным завещанием.

Умирая, король Эдуард III призвал английскую знать провозгласить новым монархом страны Гарольда из рода Годвина, известного еще и как Гарольда Несчастного. Сегодня в справочниках он часто пишется как Гарольд II Годвинстон. Хронисты рассказывают о том случае так, расходясь в чем-то с сомнительным автором «Жития короля Эдуарда».

Когда король Эдуард Исповедник тяжело заболел и окончательно слег в постель, язык отказался ему повиноваться. Все в его окружении оттого боялись, что он не назовет им своего преемника и тогда страну охватит народная смута и феодальная междоусобица. Так что остаться без законного монарха стране и народу (не только Англии) во все времена было страшно.

О составлении письменного завещания, да еще с личной подписью, уже не могло быть и речи. У священнослужителей тоже не оказалось никаких королевских завещательных документов, которые обычно писались заблаговременно и хранились в тайниках у архиепископов и духовников монарха.

Но умирающий в последний час своей жизни смог исполнить королевский долг. Эдуард Исповедник успел при свидетелях указать на эрла Гарольда, стоявшего у его постели, и с огромным трудом произнести его имя так, чтобы оно было услышано окружающими.

К этому следует обязательно добавить, что об обещании короля Эдуарда Исповедника передать английский престол герцогу Вильгельму Нормандскому истории известно только по свидетельствам нормандских хронистов, писавших уже после коронации Вильгельма Завоевателя.

У графа Уэссекского не нашлось внутри Англии достойных соперников, которые бы могли (или были способны) оспаривать право на королевскую корону. Единственный человек, у которого бы не дрогнула рука в споре за корону, младший брат Тостиг, находился в изгнании и, как было уже хорошо известно, терпел в гостеприимной Фландрии полное фиаско.

Когда король испустил дух под вопли и слезы окружающих

близких ему людей, с него осторожно сняли корону. Теперь она предназначалась другому человеку. В ту ночь во дворце мало кто спал. Было тревожно, как бывает тревожно в подобных случаях: случившееся неизбежно поднимало одних выше, других опускало ниже. Знатные люди тайно совещались, хотя было совершенно ясно, кто займет престол.

Утром 6 января тело Эдуарда Исповедника положили на носилки, и восемь носильщиков на своих плечах во главе печальной процессии двинулись к собору Святого Петра. Там он и был похоронен. Лондонцы имели возможность проститься с ушедшим из жизни королем.

По королевскому завещанию английский престол теперь принадлежал шурину усопшего монарха. Он воссел на престол на следующий день после смерти Эдуарда Исповедника, то есть 6 января, приветствуемый подданными, двором и войском. Воцарение прошло без всякого кровопролития и законным порядком. То есть без всяких внутренних потрясений (мятежей, заговоров, «шептаний») в государстве.

Ряд историков склонны утверждать, что Англия такой смены высшей власти ожидала. Действительно, события начала 1066 года в Британии развивались только в одном направлении: королевство неизбежно получало новую династию: из жизни уходил бездетный венценосец.

Гарольд из рода Годвина, разумеется, отказался от данного им в замке герцога Нормандии обещания. Оно было взято у него под прямым давлением, под угрозой насильственной смерти. Он о нем разумно не вспоминал и о данной клятве в Англии ему никто не напоминал. Вполне возможно, что англосаксонская знать о сказанном клятвенном слове в вильгельмовском Руане просто не знала. К тому же «чужой» герцог на престоле им был не нужен.

С самого начала своего короткого царствования длиной всего в 8 месяцев и 8 дней, то есть до своей гибели в битве при Гастингсе, король Гарольд ни чем не опорочил свое имя в Альбионе. Поэтому и история к нему остается благосклонной по сегодняшний день. Его кончина вызывает у исследователей лишь чувство глубокого сожаления. Именно поэтому одним из его исторических прозвищ стало «Несчастный».

Гарольд из рода Годвина торжественно объявил себя законным королем Англии, что подтверждало завещание его предшественника на престоле. Сомнений в его подлинности никто не высказывал, и потому коронование в холодный и дождливый январский день в Вестминстерском аббатстве прошло спокойно и торжественно, без всякого «шептания» на сей счет.

Показательно, что коронование велось двумя архиепископами – Кентерберийским Стигандом и Йоркским Эалдредом. Они как бы символизировали единство южной и северной Англии в таком важном деле, как возведение на престол нового короля. Теперь никто не мог оспорить правомочность коронационной церемонии. Возможно, об этом позаботился сам Гарольд.

Витан (витанагемот) – совет высшей англосаксонской знати страны утвердил его на английском троне. «Эрл Гарольд был коронован королем» через несколько часов после церемонии похорон Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве. В любой ситуацией с такой официальной процедурой следовало поспешить.

Витанов собирать по стране не пришлось: подавляющее их число в те дни находились в Лондоне по двум причинам. Во-первых, они были приглашены на такое большое государственное торжество, каким являлось освящение Вестминстерского монастыря. Во-вторых, из-за близившейся смерти короля Эдуарда Исповедника им предстояло решать вопрос о престолонаследии.

Гарольд Саксонец получил королевскую корону средневековой Англии в соответствии с традициями и законами своей страны. Он уважительно относился к тому и другому, тем самым вызывая личные симпатии сограждан из числа англосаксов, как простого люда, жителей столичного Лондона, так и местной аристократии. В тот день в лондонских тавернах и богатых домах поднимали кубки за нового короля.

Новый английский король вошел в многовековую историю Великобритании, как монархии, под именами Гарольда Саксонца, Гарольда Несчастного, Гарольда Кроткого. И правил он только в один 1066 год. О данной когда-то в Нормандии торжественной клятве он и думать забыл, посчитав ее не имеющей после коронации никакого значения, в чем он смертельно опасно ошибался.

Может быть, Гарольд подспудно ожидал реакции хозяина руанского замка, которого не столь давно мог изучить достаточно хорошо. История о том умалчивает. О том не говорят средневековые хроники. Историки о такой возможной странице английской летописи Средневековья тоже не гадают и дискуссий не устраивают. Да и о чем можно судить, когда подтверждений тому в документальных источниках нет. Все остальное можно считать только досужим домыслом, а не реконструкцией реальных событий.

В своем роду Гарольд добился того, о чем не мог и мечтать его могущественный отец. Мечтал только брат Тостиг. Так род

Годвинов стал королевским, оставив заметный след в истории Англии, в истории Великобритании. С ним связано два больших события европейского XI столетия – отражение последнего крупного вторжения викингов Скандинавии и завоевание Англии нормандцами.

По преданию, после коронования в Вестминстерском соборе душевное равновесие Гарольда Несчастного нарушили два тогда необъяснимых события. Весной (в апреле) в небе появилась комета (крылатая, падающая звезда), которая наводила ужас на суеверное население стран Средневековья, и не только европейского. В данном случае она якобы предвещала близкий конец царствования. Но это лишь известное гадание.

Косматую звезду в Европе люди со страхом наблюдали целую неделю. В 1758 году ученый Галлей даст ей свое имя. Прорицатели и гадалки старались не упустить такого случая, утверждая, что в судьбах королей и королевств ожидаются грозные события и радикальные перемены.

Это происшествие в небе над Европой не осталось без политического комментария сообразительного герцога Нормандии. Он публично высказал мнение, что это не что иное, как вещий божественный знак скорого падения святотатца и клятвопреступника Гарольда Английского. Так начиналась против последнего венценосца из саксонской династии психологическая война той эпохи. Она велась, прежде всего, с помощью запускания слухов на вражескую территорию и воодушевления суеверия своих людей.

Умосозерцание короля было потревожено. Вскоре после появления в звездном небе хвостатой звезды ему приснился такой сон, который назвали вещим. Он видел во сне морской горизонт, весь покрытый бессчетным количеством кораблей, державших курс к берегам Англии. Предание гласит, что этот сон привел Гарольда Саксонца «в трепет». То есть он не сделал его тайным для близких людей и для двора. Думается, что ему не следовало рассказывать такой сон окружению, матери, братьям, близким.

Сновидение (второе необъяснимое событие) можно было бы отнести к выдумке последующих поколений. Но на знаменитом Байейском ковре (сотканном в нормандском городе Байё), огромном по длине полотне, изображена вся история нормандского завоевания Английского королевства. Там есть изображение Гарольда Несчастного, сидящего на троне, ниже которого можно четко видеть армаду различных кораблей. Они словно «материализовались из страхов и тревог» венценосца. Сон английского короля, бесспорно, стал достоянием его врагов в Нормандии.

Королю Гарольду I из рода Годвина досталась незавидная судьба монарха: он и года не правил Англией. Судьба одарила его в различных писаниях сразу несколькими историческими прозвищами: Кроткий, Саксонец, Саксонский, Несчастный, Английский. Одни из них были прижизненными, другие даны ему после гибели, и спустя много веков после 1066 года. Да, он был англосаксом, человеком по нраву кротким, с несчастным концом жизни.

…Когда весть о короновании Гарольда Годвина дошла до Нормандии, до столичного города Руана (а дошла она очень быстро, со скоростью малого торгового парусника, спешно вышедшего из Лондона), герцог Вильгельм I очень возмутился и у всех на глазах «опечалился» тем, что английскую корону у него увели, как говорится, из-под носа. Он говорил, что обида нанесена не только ему, человеку с герцогским титулом, но всей его Нормандии, которая дважды принимала у себя беглых английских королей.

Известие Вильгельм получил во время охоты в лесах близ города Руана. Пишется, что вестник разговаривал с ним с глазу на глаз. Герцог сразу разразился проклятиями, погнал коня к близкой реке. На берегу он спрыгнул на землю, подбежал к лодке, отвязал ее и на ней добрался до близкого дворца. Там он долго сидел за столом, погрузившись в тайные свои помыслы. Тревожить его никто не решался.

Собравшись с мыслями, владелец Нормандии стал действовать, на удивление историкам, логично, последовательно и, что самое главное, результативно. Он, будучи прагматиком, приступил к реализации своей заветной мечты об английской короне. Можно предположить, что в те дни она ему снилась не раз.

История свидетельствует: герцог Вильгельм в тот памятный день без колебаний решил начать войну за английскую корону. То есть исследователи, прежде всего французские и английские, в этом никаких разногласий не высказывают.

Лучшее доказательство тому следующее: герцог очень рано, задолго до начала экспедиции, приказал в большом числе строить мореходные суда. Их строили несколько сотен. В дело шла сырая древесина, поскольку запасов сухого дерева для кораблестроения оказалось совсем немного – корпуса списанных по старости кораблей и даже материал старых бочек. Мореходная армада строилась спешно, денег на нее не жалелось.

За время подготовки военного похода через Ла-Манш на каждой верфи Нормандии, как считают специалисты, могло быть построено по два судна. По всей вероятности, по такому случаю

открывались новые верфи. Какая-то часть судов заказывалась за пределами Нормандии. Мастера-корабелы вербовались во Фландрии и Бретани за большие деньги.

Считается, что герцог нанял большое число судов по всему северному побережью современных Франции и Бельгии. Кроме того, Вильгельм реквизировал на военные нужды рыболовецкие и торговые суда, стоявшие в портах Нормандии и бывшие собственностью его подданных. Интерес, прежде всего, представляли суда, которые могли перевозить людей с их вооружением и лошадей.

Надо заметить, что в ту эпоху Нормандию (ее побережье) и берега крупнейших рек Франции еще покрывали заповедные леса. Поэтому верфи создавались именно в этих местах. Плотниками становилась часть местного населения, поскольку за спешность работы платились хорошие деньги. Как говорится, время не ждало, а герцогская казна завидно смотрелась всем крупным феодалам Французского королевства: Нормандия считалась «давно богатой областью».

Вильгельм Нормандский осознал для себя главное: королевскую корону ему можно добыть не какой-то авантюрой, а войной. Войной продуманной, хорошо подготовленной и исполненной. Речь могла идти только о вооруженном вторжении в Англию. Таких вторжений история викингов Скандинавии знает премного.

Здесь надо отметить такой удивительный и неоспоримый факт из истории Европы древней и Средних веков: из Франции в Англию никакие войска не вторгались со времен завоеваний Римской империи, то есть тысячу лет!

Правитель Нормандии был прямым потомком викингов, наследником их образа мыслей, поступков, тактики морских походов. В данном случае нормандцам не требовалось пересекать на парусах и веслах беспокойное и коварное Северное море: остров от континента отделял пролив, берега которого имели удобные бухты для стоянки большого числа кораблей.

Сложно сейчас утверждать о какой-то географической начитанности герцога Вильгельма. Но в том, что он лично опросил немало капитанов торговых судов, заходивших в порты южной Англии, сомневаться не приходиться. Иначе он не выбрал бы столь удачно и маршрут перехода корабельной армады через Ла-Манш, и пункт прибытия на английском побережье, в Уэссексе, родовой вотчине Годвинов.

Герцог Вильгельм публично (разумеется, на своем берегу пролива Ла-Манш) потребовал от графа Уэссекского соблюдения клятвы, принесенной на святых мощах. Король Гарольд Саксонец

ответил ему с другого берега пролива, что такую клятву он принес под угрозой насилия и смерти. И что он обещал правителю Нормандии то, чем не имел права распоряжаться, то есть английскую королевскую корону. На трон же он взошел по завещанию и с утверждением вотаном, в котором заседают влиятельнейшие люди Англии.

Ответ Гарольда, ставшего обладателем английской короны, на домогательства одного из герцогов Франции был прост: «Я клялся по принуждению…» Сомневаются в этом сегодня только немногие исследователи и публицисты.

Что же касается обручения с дочерью герцога Нормандии, то об этом тоже не могло быть и речи. Дело было в том, что на севере Англии, в Нортумбрии и Мерсии, с прохладцей отнеслись к новому монарху. Там даже поговаривали, что в Лондоне совершился государственный переворот, забыв спросить мнение англосаксов-северян на этот счет.

Гарольд, как говорится сегодня, поспешил «разрулить» такую ситуацию с помощью надежного средства. То есть он решил породниться с могущественными эрлами Нортумбрии и Мерсии Моркаром и Эдвином. Король прибыл в город Йорк, провел доверительные переговоры, и в итоге женился на любимой сестре северных эрлов Эдите. В любом случае такой его шаг стал оскорблением для герцога Нормандии и его семьи: в рыцарской Европе такими невестами, как дочь сильного Вильгельма, не разбрасывались.

Так стороны завязали непродолжительную дипломатическую перепалку, от которой проку было мало. Или, вернее, совсем никакого. Выиграл же в некотором отношении герцог, который создал себе призрачный имидж обиженного судьбой и «бесчестным графом Годвином» человека.

Однако на самом деле Вильгельм Нормандский обрадовался такому «его величеству случаю». Что-либо лучше и придумать было нельзя для «раскручивания» интригующей многих ситуации. Теперь для него лучшего повода для начала военных действий против своего «обидчика», не сдержавшего клятвенного слова, просто и быть не могло. Герцог публично «возмутился» сразу:

«Он дал клятву, я его отпустил домой как родича с почетом, а он прибрал к своим рукам то, от чего отказался при свидетелях в моем родовом замке…»

Герцог, собрав в городе Руане знать Нормандии, заявил о начале подготовки вторжения в Альбион для возвращения того, что принадлежит ему по праву наследства, – английской королевской короны. При этом Вильгельм I дважды повторил убийственную для жителей острова фразу:

«Я должен наказать клятвопреступников. Наши святые обесчещены. Нормандия такого святотатства не потерпит. Я буду преследовать клятвопреступника на суше и на море…»

То есть речь шла о наказании англосаксов, народа, населявшего Альбион и жившего там более богато по сравнению с Францией. Из сказанного напрашивался простой вывод: поход предстоит не грабительский, как это в недалеком прошлом совершали на Британские острова скандинавские викинги, а завоевательный, да еще с «благородными» целями. Герцог Нормандии решил стать еще королем Англии. А почему бы и нет?

Однако та пылкая речь герцога, произнесенная с большим пафосом в стольном городе Руане, «ушла в пустоту». Отклика у аристократии Нормандии она не получила: графы и бароны, уставшие от мятежей и междоусобных войн, пожелали остаться в своих замках и опустошенных феодах. Облачаться в рыцарские доспехи и садиться на застоявшихся коней желающих, еще не навоевавшихся, особо и не оказалось.

Но при этом знать пообещала своему сюзерену помочь деньгами, то есть взять на себя финансовое бремя подготовки похода в обмен на обещание в случае успеха поделиться военной добычей. Поразительным видится то, насколько дружно высказывалась такая «поддержка» самодержавному правителю Нормандии: денег в долг дадим с возвратом, под проценты.

Собственно говоря, герцог вряд ли мог ожидать иного от своих своевольных вассалов. С задуманным им предприятием согласилась только часть аристократии Нормандии. Большинство же посчитало себя не обязанными в силу вассальской службы идти в завоевательный морской поход, который мог закончиться для его участников весьма плачевно.

Можно было и не дойти в штормовую погоду до противоположного берега пролива, можно было и погибнуть в первой же схватке с англосаксами, которые в таком случае защищали родную землю, свои семьи и собственное достояние. То есть оправданий для отказа участвовать в походе за море, у феодалов всех мастей Нормандии находилось много.

Поразительно, но герцог не настаивал на том, чтобы его верноподданные бароны и графы выполнили долг вассалов. Вероятнее всего, он прекрасно понимал, что на их деньги, ему уже данные, можно нанять достаточное число рыцарей и рядовых воинов во Франции и в сопредельных с ней землях. У такого воинства нашлось бы больше мотиваций для участия в завоевательном походе. Прежде всего, желание получить часть военной добычи и прославить собственное имя, которое являлось в Средневековье ходовым товаром.

Услышав такое из уст собственных вассалов, герцог Вильгельм то ли опечалился, то ли разозлился: за «его» королевскую корону графа и бароны не хотели принимать смертный бой на той стороне Ла-Манша. Однако ученый монах Ланфранк, ставший первым советником соискателя английской короны, успокоил его: все идет лучше, чем можно было ожидать, все великолепно, ваше высочество.

Такие увещания Ланфранка случайными не были. Монах, много побродивший по Западной Европе, прежде всего по Франции, знал доподлинную ситуацию вокруг Нормандии на континенте. Длительные и частые междоусобные конфликты привели к падению хозяйственной жизни. Множество людей, могущих держать в руках оружие, превратились в разбойников, отряды которых наводнили леса и горы. Грабить было намного легче, чем работать в поле или мастерских.

В разбойников превращались не только вчерашние наемные воины и разоренные или разорившиеся люди. Среди искателей легкой наживы оказалось немало мелких феодалов, рыцарей, которые не могли прокормить себя и содержать собственные семьи иначе, чем разбоем на большой дороге, на торговых путях.

Эти разбойные беглецы из общества как нельзя лучше годились для «наказания клятвопреступников-англичан», поскольку были готовыми на все военными людьми. Им надо было только хорошо заплатить (или пообещать богатую добычу) и они с радостью встанут под знамена герцога Нормандского. Вот тебе и армия завоевателей, ваше высочество.

К тому же герцог Вильгельм достаточно хорошо знал историю военных событий в Европе, столь недалеких от того времени, когда он стал правителем Нормандии, унаследовав отцовские владения. А примеры создания до него наемных войск были таковы.

В X веке венецианский дож Виталис (или Урсеоло), пожелавший утвердить свое положение, навербовал в Лангобардии и Тоскане наемников. Однако венецианцы убили за такие действия своего дожа: наемные рыцари и прочие люди, носящие оружие, не смогли предотвратить убийства.

В 992 году граф Фульк (Фулькон) Анжуйский, воевавший с герцогом Конаном I Бретонским, послал против своего недруга войско, «в котором были как свои, так и наемники». Отряды из Анжу принесли много бед местному населению Бретани. Таким же образом герцог Конан I стремился прибрать к своим рукам нормандский монастырь (аббатство) Мон-Сен-Мишель.

При немецком императоре Генрихе III римский папа Лев IX навербовал в германских государствах многочисленные отряды

местных рыцарей, истратив на такое «правое дело» значительные денежные суммы, которые у него имелись. Навербованные наемные отряды были отправлены в южную Италию воевать с укрепившимися там норманнами.

Поэтому честолюбивому правителю Нормандии не пришлось долго размышлять над тем, где и кем пополнить создаваемую армию вторжения. Были бы деньги и обещания, а наемники находились во все времена. История, в том числе и европейского Средневековья, полна такими примерами. То было тогда общим правилом в поведении любых властителей.

Среди рыцарей, ставших под знамена Вильгельма I, оказалось много людей, не имевших во Франции земельных наделов и потому рассчитывавших в случае успеха похода получить феоды в Англии. Это были, в своем большинстве, младшие сыновья небогатых феодалов, не получивших достойного их рангу наследства, прежде всего землей с крестьянами.

Герцог старался убедить своих наемников в том, что после «возвращения законно принадлежавшей ему английской короны» он поступит с верными ему рыцарями именно таким образом, благородно и щедро. И с надеждой на их дальнейшую верную службу обладателю двух драгоценных корон – королевской и герцогской.

Ученый монах Ланфранк продолжал оказывать герцогу Вильгельму поистине неоценимые услуги. Из Руана после собрания там нормандской знати он отправился в Париж, ко двору Филиппа I. Монаху удалось убедить его в том, чтобы он не мешал действиям правителя Нормандии против английских «клятвопреступников». Король Филипп I согласился на это в надежде, что герцог на Альбионе сломает себе шею и тогда у Парижа будет заметно меньше проблем с Нормандией. Король опасался этого воинственного человека, который дважды наносил в битвах поражение его отцу, Генриху I.

Парижская аристократия, как и знать Нормандии, оказалась глуха к намерениям герцога Вильгельма. Сражаться и умирать за него никто не пожелал. Однако рядовые французские феодалы с титулами графов и баронов оказались людьми иного свойства: многие из них в междоусобицах разорились и потому были готовы улучшить свое благосостояние за счет военной добычи, которая их ждала в Англии. К ним добавлялись многие сотни рыцарских сыновей, которые оказались обделенными скромным отцовским наследством.

В этой благожелательной среде горячие убеждения монаха Ланфранка и его посланцев попали на самую благоприятную почву. Думается, он просто знал, что делать, где и кого вербовать

в армию вторжения. Феодальная Западная Европа давала редкий простор для военного наемничества: готов служить кому угодно, только плати.

Самый маленький французский феодал имел свой, пусть и маленький, воинский отряд. И это не считая того разбойного люда, который пожелал бы присоединиться к такому, скажем, баронскому войску. Преимущество армии, составленной из подобных небольших отрядов, заключалось в том, что ее командующий (в данном лице герцог Вильгельм) не мог встретить неповиновения больших аристократов, пришедших к нему с тысячными полками.

Ученый монах обладал обширными связями, будучи своим человеком у кардиналов (прежде всего у Гильдебранда) и папы римского Александра II. Католическая церковь без лишних убеждений осудила английского короля Гарольда Саксонца и его подданных в том, что они якобы умертвили Альфреда Великого и его свиту, прибывших на остров (!?), изгнали архиепископа Роберта с кафедры Кентерберийской, а сам король Гарольд нарушил клятву, данную над святыми мощами.

Альфред (Эльфред) был героем англосаксов, внуком Экберта, короля Уэксесса, который вел борьбу с первыми датскими викингами, переплывшими Северное море и основавшими на восточном берегу Британии военный лагерь. Датчане стремились захватить крупнейший город-порт англосаксов Лондоном, выгодно расположившийся близ моря в устье полноводной Темзы. Лично храброму Альфреду удалось разбить викингов и захватить их лагерь-крепость.

Но о полном изгнании датчан с острова не могло быть и речи: они уже прочно владели немалой его частью. В итоге Альфреду пришлось пойти на раздел Британии на две части, северной из которых стал править датский король Гутрум, принявший христианство. Альфреду (правил с 871 по 901 год) досталось так называемое южное Английское королевство, которое по территории составляло лишь одну треть современной Англии, но зато в него входил разрушенный в ходе войны Лондон с отличной морской гаванью. После прекращения войны с датчанами там началось, с помощью фризских мастеров, строительство больших морских судов. Со времени царствования короля Альфреда и началась торговая слава столицы Великобритании. Лондон стал второй столицей англосаксов, поскольку старой королевской резиденцией оставался Винчестер, главный город Уэссекса.

Победа англосаксонского короля Альфреда над викингами имела тяжелые последствия для севера Европейского континента.

Не сумев покорить остров, датчане устремились туда, сумев в 886 году осадить Париж, который после восьми месяцев осады был вынужден откупаться от морских разбойников из Скандинавии огромной денежной суммой в 7 тысяч фунтов, то есть серебром.

Правитель южного Английского королевства в это время увлекся наукой, стараясь восстановить рукописные творения своих предшественников. Помимо издания книг, Альфред составил руководство для изучения истории и философии. В конце своего царствования он отбил три попытки отважного вождя викингов Гаэстона завладеть какой-либо частью южной Англии. Но Альфред по прозвищу Великий и его сын-наследник Эдуард (будущий король англосаксов Эдуард I) отразили эти нашествия завоевателей-датчан. Тем, теснимым со всех сторон, разбитым в сражении при Фарингаме, пришлось убраться восвояси.

Что же касается папского обвинения короля Гарольда Саксонца в изгнании архиепископа Роберта с кафедры Кентерберийской, то здесь дело было иного рода. Английская церковь в середине XI века уже во многом вышла из-под власти папы римского, что сильно беспокоило последнего. Поэтому организация похода герцога Вильгельма на Англию давала хороший шанс вновь подчинить церковь этой страны папству со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Чтобы понять обеспокоенность Рима положением своих дел в Британии, достаточно заглянуть в будущее. Когда начнется эпоха Реформации, Англия станет одной из первых стран, официальная церковь которой полностью выйдет из лона католичества и перестанет подчиняться папскому Риму. Но это будет впереди исторических событий XI века.

Герцог Вильгельм по наущению своего советника начал тяжбу перед папским двором против Гарольда, обвинив того в страшном грехе – в святотатстве. Он стал просить папу Александра II, чтобы Англия (целая страна!) была осуждена церковью и объявлена собственностью того, кто первый займет ее. Вильгельм нашел себе в окружении папы активную поддержку в лице Гильдебранда и его партии: кардинал во всем ручался за него.

Гильдебранд в будущем станет папой Григорием VII, яростным защитником римской веры. Считается, что Вильгельм познакомился с ним во Франции, куда этот церковный реформатор прибыл для борьбы с ересью. Или, говоря иначе, для «охоты на ведьм», которые олицетворяли собой любых несогласных с официальным Римом. В ходе знакомства эти два человека чем-то очень понравились друг другу. Каждый из них

усматривал в новом знакомом виды на будущее.

Показательно, что всем было совершенно очевидно, что правитель Нормандии не имел никаких законных прав на английскую корону. Она передавалась другому, вне всякого сомнения, знатному человеку, по завещанию умирающего монарха, не имевшего прямого наследника. Гарольда, как шурина короля Эдуарда, можно считать во все времена близким родственником.

Даже принимая во внимание то, что Вильгельм имел родство с матерью короля Эдуарда III Исповедника, королевой Эммой, следовало признать Гарольда из рода Годвина, брата жены последнего короля, более законным преемником. К тому же было общеизвестно, что Вильгельм Нормандский является незаконнорожденным аристократом. При династическом управлении странами Западной Европы это было немаловажным препятствием для занятия любого трона, уже не говоря о королевском.

У исследователей рыцарского Средневековья относительно законности наследования английского престола Гарольдом есть разные суждения. В основе их, как правило, лежат разные подходы и симпатии к завоеванию Англии нормандцами, оценка последствий этого исторического деяния.

Здесь интересна точка зрения французского историка Поля Зюмтора, автора двух десятков книг о западном Средневековье, давшего весьма высокую во всех отношениях оценку личности Вильгельма I. Он пишет следующее:

«…Покойный король Англии последовательно совершил два правовых акта: сначала постановление о наследовании в пользу Вильгельма Нормандского (?), а затем, как утверждают англосаксы, уже на смертном одре, дарение в пользу Гарольда.

Первое является совершенно приемлемым как завещание в духе римского права, второе же, основанное на старинном англосаксонском обычае, допускает двоякую интерпретацию: с формальной точки зрения оно отменяет все предшествующие уступки и завещательные отказы, но с точки зрения справедливости не имеет ни универсальной силы, ни гарантий (в виде заложников и вассальных присяг), которые придают первому его законную силу.

Суд или третейский судья признал бы Гарольда всего-навсего исполнителем завещания, что полностью согласуется с ранее взятыми на себя обязательствами в отношении герцога Нормандского…»

Поль Зюмтор считает, во-первых, законность принудительной присяги фактически плененного графа (эрла) Гарольда, данной

им при хорошо известных истории обстоятельствах правителю Нормандии.

Во-вторых, историк считает, что какой-то праведный суд признал его «притязания» на английский престол незаконными. Суд такой действительно готов был состояться, но папе римскому такая миссия оказалась не по плечу: в Англии его слушать просто не стали.

При всем при том папа Александр II ревниво взялся за разбирательство поданной на его имя жалобы герцога Вильгельма. Из папской канцелярии новоиспеченному английскому королю предложили оправдаться в предъявленных обвинениях. Тот, разумеется, не признал себя подсудным папе римскому. Из Лондона к нему с полномочиями посла никто не поехал.

Римские политики, стремившиеся любой ценой подчинить себе светскую власть в итальянских и немецких землях, во Франции и за Пиренеями, в других частях Европы, надеялись мечами норманнов вновь утвердиться в Англии. Поэтому папа римский Александр II благословил герцога Вильгельма и его воинство на этот завоевательный поход. Он же распорядился подготовить и выслать в город Руан из Рима в виде папского благословения священное знамя (хоругвь) и буллу, одобрявшую вторжение в Англию.

Хоругвь называлась знаменем святого Петра. Папа сделал и другой, лично от себя, редкий подарок герцогу Нормандскому. Это был волос святого Петра, вставленный в золотой перстень. Вильгельм во время всего завоевательного похода носил его, как талисман, на шее.

Более того, папа весной 1066 года отлучил нового английского монарха от церкви и поручил верноподданному правителю Нормандского герцогства вступить во владение Англией (!). Для чего? Чтобы привести ее в полное послушание апостольскому престолу. Однако утвердиться в «непослушной» стране герцог мог только силой оружия, и больше ничем.

Есть мнения, что едва ли не главной причиной отлучения Гарольда от церкви стало то, что тот не «снизошел» до переговоров с Римом. Но причиной этого, как считает ряд историков, стало то, что люди герцога Нормандского просто-напросто перехватывали на дорогах и в портах Франции гонцов и посланников Лондона к папе римскому. В правдоподобности подобных действий сильно сомневаться не приходится.

Ученый монах Ланфранк старался для герцога Нормандии не в одиночку, найдя себе в союзники и единомышленники кардинала Гильдебранда, авторитетнейшего в папских кругах

человека, будущего папу Григория VII и реформатора католицизма. Тот свою духовную карьеру начинал молодым секретарем папы Григория VI, ставшего на время пленником германского императора Генриха III, бывшего не в ладах с римской церковью, пытавшейся ограничить его светскую власть. Император после Григория VI посадил на римский престол еще трех пап.

Гильдебранд происходил из итальянской Тосканы. Ему пришлось сменить прежнего сюзерена в папской мантии на Льва IX, при котором он, как его ближайший советник, сделал редкую карьеру. Именно по его внушению Лев IX отправился в Вечный город не в блеске церковного облачения, а во власянице скромного богомольца-паломника с тем, чтобы римский народ своим избранием утвердил его в качестве папы, правителя Римской (Папской) области как независимого государства. После этого Гильдебранд стал доверенным лицом папы Николая II и Александра II (правившего Римом с 1061 года по 1073 год), которые вполне подчинялись его указаниям.

Если монах Ланфранк стал духовным отцом Вильгельма Завоевателя в его помыслах о короне Англии, то папский советник Гильдебранд освятил именем папы римского это предприятие. В Вечном городе, в окружении Александра II понимали, что вернуть английскую церковь в лоно римской церкви можно только устранением короля Гарольда Саксонца и покорением земель англосаксов нормандцами, которые уже давно превратились из викингов, вышедших из Скандинавии, в христиан-европейцев.

Таким образом, готовившийся завоевательный поход герцога Вильгельма I Нормандского стал в известной мере генеральной репетицией недалеких уже по времени Крестовых походов в Святую землю. «Личное дело» крупного феодала приобретало некую европейскую, и даже католико-христианскую значимость. Монах Ланфранк сделал для герцога-завоевателя дело огромной значимости, фактически узаконив его достаточно рискованное предприятие.

Пока ученый монах наносил визиты в Париже, вел секретные переговоры с влиятельными кардиналами, вербовал своему патрону союзников, сам герцог не сидел сложа руки в городе Руане. Вильгельм уже давно продумал организацию экспедиции через пролив Ла-Манш. Он вызнал даже удобное место для своза войск и его тяжестей на берег с корабельной армады.

Исследователи считают, что собственных средств на финансирование завоевания такой большой страны, как Англия, герцог Вильгельм I не имел, хотя лично являлся правителем из

числа состоятельных. Историками пишется, что он все-таки нашел выход из такой непростой ситуации. Деньги сын Роберта Дьявола нашел в копилках и кошельках верноподданных. Он поочередно призывал к себе в гости в замок наиболее богатых и могущественных людей Нормандии, беседовал с ними с глазу на глаз и просил о денежной помощи. Ни у кого из таких гостей не хватало духу отказать герцогу в таких просьбах. Порой деньги заменялись морскими судами, провиантом или людьми, то есть натурой.

Истории известны наиболее щедрые дарители в фонд завоевательной морской экспедиции, которая больше смахивала на банальный разбойничий налет. Роберт де Мортэн пообещал герцогу снарядить 120 (!) судов и обеспечить их надежными экипажами. Его родной брат и единокровный брат герцога по матери Одо, епископ Байё обязался выставить 100 судов. Были аристократы, которые брали на себя обязательство лично представить от 60 до 100 кораблей.

Это было не простое обязательство выставить такое-то количество перевозочных (транспортных) судов. Они снабжались командами и такелажем, то есть парусной оснасткой. Десантная армада зрелищно выглядела разношерстной и спешно собранной воедино.

Здесь следует заметить, что английский флот той поры отличался многочисленностью и высокой профессиональной выучкой экипажей. Но король Гарольд Саксонец по каким-то причинам не использовал свое превосходство на море. А это Британия в будущем не раз превращала в козырную карту в ходе самых различных военных конфликтов.

Таких на удивление щедрых светских аристократов поддержали духовные лица Нормандии. Наиболее известен среди них настоятель монастыря в Фекане, открыто мечтавший о мантии епископа в Англии. Он пообещал Вильгельму снарядить за монастырские деньги 20 мореходных судов.

Не осталась в стороне и герцогиня Матильда. На свои личные сбережения она экипировала флагманский корабль мужа, носивший название «Мора». Современники давали флагману морской экспедиции редкий эпитет: «великолепный корабль». Он был изукрашен резьбой по дереву и нес шелковые разноцветные паруса. Одним своим видом хорошо узнаваемая и в порту, и в открытом море «Мора» как бы олицетворяла успех переправы рыцарской армии через пролив, разделяющий континент и остров.

Герцог Вильгельм не мог не оценить подарок супруги, пообещав при всех подарить ее золотой венец первой леди

Английского королевства. Свое слово чести он сдержит: вскоре после собственной коронации Матильда будет не менее торжественно коронована в том же Вестминстерском соборе.

Так что поход через Ла-Манш отчасти приобретал характер семейного предприятия: супруга герцога тоже основательно раскошелилась на завоевательную войну. Она знала, во что вкладывает личные деньги: корона английской королевы того стоила.

Матильда повлияла на своего отца, графа Фландрии. Супруги предлагали ему поучаствовать в разбойном деле. Тот не отказывался от реального участия во вторжении на берега Англии, но желал знать, что он будет иметь лично от этого. Тесть послал Вильгельму соответствующее послание. Зять ответил письмом: когда граф распечатал его, то увидел совершенно чистый лист бумаги. После этого правитель Фландрии занял выжидательную позицию в деле предстоящего обогащения «прижимистого» зятя, дочери и их детей, то есть своих внуков.

Вполне возможно, Балдуин V опасался подмочить свою репутацию в случае провала задуманного дела, которое уж очень смахивало со стороны на военную авантюру. Во всяком случае бастарда Вильгельма Нормандского в событиях 1066 года не поддержал военной силой ни один правитель из близлежащих к Нормандии земель.

Доверенные люди герцога нанимали мореходные суда по всему северному побережью Европейского континента. Одновременно, имея на то немалые денежные суммы, Вильгельм Нормандский строил в устье реки Див, что между реками Орн и Сена, огромный флот из военных и грузовых судов, который мог поднять на борт многотысячный десант. За хорошие деньги нанимались корабельные команды из опытных мореходов. Капитанам и хозяевам нанятых судов платились на месте немалые денежные суммы, обещалась и часть военной добычи.

Вильгельм Нормандский с первых дней после получения известия о коронации Гарольда Саксонца стал собирать вокруг себя всевозможное воинство для «возвращения» утерянной королевской короны. Иначе говоря, речь велась о завоевательной экспедиции через пролив Ла-Манш. Дела сперва шли туго (требовались не только деньги, но еще и папское благословение), но и тут на помощь герцогу пришел ученый монах Ланфранк.

Тот выпросил у папы римского то, чего не смог бы добыть и французский король. Ланфранг с торжеством возвратился в Руан, везя герцогу хоругвь (знамя) римской церкви, папскую буллу (послание) и перстень с волосом святого Павла. Это было папское благословение на карательную экспедицию против английских

«клятвопреступников». Иерархи папы римского оповестили о том приходы не только Французского королевства, но и соседних с ним стран, прежде всего итальянских государств.

Показательно, что папа римский в первый раз пошел на заключение союза с норманнами в лице герцога Вильгельма. Через пять лет, в 1071 году, такой же союз в угоду своим интересам будет заключен с братьями Робертом и Рожером Гискарами, выходцами из воинственной Нормандии. Папа освятил их предстоящие и свершившиеся завоевания, объявив законной войну во имя интересов церкви.

Завоевание Англии нормандцами станет предвестником серии будущих Крестовых походов в Святую землю. И не только в Палестину. Придет время, и шведские да немецкие (ливонские) рыцари-крестоносцы, получив благословение хозяина Вечного города, пойдут походом на земли вольного города Новгорода. Те два Крестовых похода против «язычников» Северной Руси будут сокрушены русской ратью под водительством князя-ратоборца Александра Ярославича Невского в битве на реке Неве и в Ледовом побоище на Чудском озере.

После папского благословения в Нормандию, в город Руан потянулись рыцарские отряды из Мэна и Анжу, Пуату и Бретани, Фландрии и Аквитании, с юга Франции и из итальянских земель. Шли отряды вчерашних лесных разбойников, лучников-наемников и просто фанатично настроенных мирных жителей, которым суждено было превратиться в копьеносцев экспедиционной армии.

О том, что на французском берегу собирается армия вторжения, в Лондоне достоверно знали от мореходов, купцов, бродячих монахов и просто платных агентов на сопредельной стороне. Король Гарольд Кроткий не раз засылал через Ла-Манш в Нормандию лазутчиков. Они и доставляли наиболее ценную информацию.

Наиболее любопытные и менее пронырливые из них попадались людям герцога. Известен случай, когда одного из таких неудачников доставили к герцогу. Тот позволил пойманному вражескому шпиону возвратиться в Англию и передать ее монарху на словах иронический вызов:

«Иди и скажи своему господину, что если в течение года он не увидит меня у себя, то мирно проживет до конца своих дней…»

Неизвестно, действительно ли это были слова самого герцога Нормандского, или их придумали со слов других тогдашние хронисты. Во всяком случае, такое бравое изречение неизвестно когда было вложено в уста герцога и в таком виде (вернее – смысле) дошло до наших дней.

С другой стороны, ему следовало заботиться хоть о какой-то секретности подготовки военной экспедиции, содержании в тайне времени ее начала и места высадки десанта с моря. Что ни говори, правитель Нормандии уже хорошо повоевал в жизни и потому знал, о чем надлежит хранить молчание.

Достоверных и подробных сведений о том, как реагировал Гарольд Английский на подготовку вторжения, нет. Считается, что к маю месяцу в южной Англии он собрал ополчение, вверив ему охрану морского побережья. Король имел хороший по тому времени флот, который большей частью был сосредоточен у острова Уайт. Командование сухопутными и морскими силами при отражении вторжения Гарольд возложил на себя. Во всяком случае, таких поручений в королевском окружении никому не давалось.

…Вильгельм, как отмечают хронисты, объявил свой призыв едва ли не по всей Франции и в соседних с ней странах. Призыв был прост: волонтеру, то есть наемнику, предлагалось повышенное жалованье и участие в разграблении. Такой человек должен представлять собой крепкого мужчину, готового верно служить герцогу своим мечом, копьем или арбалетом. То есть прийти на войну со своим вооружением и защитными доспехами.

Считается, что больше всего добровольцев, то есть наемников, Вильгельму Завоевателю дало бедное рыцарство Фландрии. По дорогам, которые сходились у Руана, двигались не только воинские отряды фламандцев. Такие же отряды стекались в столицу Нормандии из Бретани и Мэна, Пикардии и Иль-де-Франса (из Парижа тоже), Пуату и Анжу, из Наварры и испанского Арагона…

История сохранила не так уж иного имен соратников герцога Вильгельма Нормандского в завоевательном походе. Среди них все же значится немало знатнейших аристократов Франции. Это были: герцог Бретани Эсташ Булоньский и виконт де Туар, родственники графов Тулузского и Ангулемского.

Интересен здесь поступок герцога Бретани. По всей вероятности, он не получил полного доверия правителя Нормандии. Чтобы «сгладить острые углы» во взаимоотношениях с герцогом Нормандским, Эсташ Булоньский оставил хозяину Руана в заложники своего старшего сына, которому было не более девяти лет. Знатный заложник, таким образом, демонстрировал собой верность владельца Бретани правителю Нормандии.

Армия вторжения для той рыцарской эпохи имела одно отличие. То, что в ее состав входили наемные отряды или личные дружины именитых феодалов, никак не отразилось на полноте власти герцога Вильгельма Нормандского. Он не выпускал

«фельдмаршальского жезла» из своих крепких рук и ни с кем не собирался делиться или даже поступаться высшей военной властью. Может быть, именно поэтому история знает крайне мало имен военачальников в окружении герцога в тот 1066 год.

В скором времени казна герцога опустела. Не помогало даже введение дополнительных налогов на войну. Но Вильгельм, уверенный в начинаемом им правом деле, довольно бодро говорил всем прибывающим к нему рыцарям и простолюдинам:

«Вы получите на том морском берегу, у клятвопреступников все, что пожелаете… Богатая военная добыча ждет каждого из вас в моей Англии…»

Готовя армию вторжения, он позаботился о правлении Нормандией во время своего отсутствия. За себя он оставлял, как это уже не раз случалось, супругу Матильду. Помогать ей управлять герцогством поручалось преданному человеку, старому служаке Роже де Бомону. Отправление в Англию значительной части феодального ополчения Нормандии оставляло герцогство без надлежащей воинской защищенности. Но в той военно-политической ситуации внутри Франции ненаходилось желающих поживиться за счет «так ослабевшей» части королевства.

Герцог мог надеяться и на то, что на его владения не нападут и со стороны моря. В 1066 году все южное побережье пролива Ла-Манш, начиная от города Кале на востоке и до оконечности Бретани на западе, находилось в руках его союзников. Англичанам в тот год делать здесь было нечего.

Вильгельм потребовал от баронов и графов Нормандии, как это сделал когда-то отправлявшийся в Святую землю его отец Роберт Дьявол, признать старшего сына Роберта официальным наследником герцогского титула. Это была на всякий случай естественная страховка: чего только не могло случиться на начинаемой войне.

Перед походом герцог Вильгельм постарался упрочить личные связи с церковью и папским Римом. В июне он с большой помпой открыл в городе Кане церковь Святой Троицы. Герцог торжественно пообещал в случае успеха похода учредить в Англии аналогичное аббатство.

В ходе церемонии освящения новой обители одна из дочерей Вильгельма и Матильды, Сесиль, постриглась в монахини. Одни современники считали, что на это она пошла по собственному, внутреннему побуждению. Другие считают, что таким образом ее отец хотел заручиться небесной поддержкой и выиграть войну с Гарольдом Английским. История Средневековья подобных примеров знает немало.

Одновременно с этой обителью уже второй год шло

строительство монастыря Святого Стефана. Герцог назначил (такое полное право он имел) его аббатом верного Ланфранка. Священник также должен был помогать своими советами и связями герцогине Матильде управлять Нормандией. Советником он зарекомендовал себя надежным, а о его преданности размышлять не приходилось.

Воинственно настроенный Вильгельм I, не без удовольствия сменивший герцогскую корону на рыцарский шлем, весьма быстро собрал огромную по тому времени армию – примерно в 25 тысяч человек. Разумеется, цифра это далеко не точная, с известной достоверностью.

Герцогская армия состояла из лучников, копьеносцев и рыцарской кавалерии. Уже тогда Вильгельм Нормандский прослыл военным новатором. Да еще каким в рыцарской Европе! Он сделал лучников и стрелков из арбалета самостоятельным родом войск, а не бытовавшей тогда подсобной силой для конного тяжеловооруженного рыцарства…

Цифра в 25 тысяч человек приводится далеко не у всех исследователей той эпохи. Называется цифра и 32 тысячи человек, вставших под знамена герцога Нормандского, причем 12 тысяч из них конных воинов, то есть рыцарской кавалерии. Самая малая оценочная цифра герцогской армии дается в 9–12 тысяч воинов. В таких случаях рыцарями считается менее трети наличного состава имеемых войск.

Ряд историков дополняют армию герцога командами кораблей: моряки имели личное оружие и могли исполнять роль легковооруженных пеших воинов. Они вполне могли годиться для высадки морских десантов, захвата прибрежных селений и городков, охраны походных станов.

Вообще складывается впечатление, что Вильгельм Завоеватель подлинной численности своих войск, даже рыцарства, не знал. Не знал даже приблизительно. Как не знали и гадавшие о том современники-хронисты. Если какие-то цифры назывались, то со слов людей, которые знать точной численности людей в армии вторжения не могли.

Все это давало и дает возможность исследователям спорить и судить о том, сколько же тысяч нормандцев и их союзников, прежде всего «других» французов, участвовали в завоевании Английского королевства в памятном для европейской истории 1066 году. В основе подобных споров всегда лежит недостаток фактической информации или ее полное отсутствие.

Ряд специалистов делали такие расчеты исходя из примерной вместимости корабельной армады нормандцев. Они исходили из того, что основным грузом на судах экспедиции являлись все же

люди, а не их воинское снаряжение и лошади, прочие экспедиционные грузы.

Во всех этих случаях основой, ударной силой экспедиционной армии называется тяжеловооруженная рыцарская кавалерия. Все рыцари имели самое современное (потому и дорогостоящее) защитное вооружение – шлемы и кольчуги. В бою они действовали (напирали) прежде длинными и тяжелыми копьями.

Такой авторитетный военный историк, как Томас Бенфилд Харботл в своем словаре «Битвы мировой истории» (переработанным и дополненным Джорджем Брюсом) называет, пожалуй, самую малую численность герцогской армии вторжения. Ее численность оценивается всего лишь в 9 тысяч человек, из которых нормандских всадников, то есть рыцарей, была одна тысяча человек. Этот словарь увидел свет в 1904 году.

Самая высокая цифра воинства герцога Нормандского, называемая в трудах историков, следующая: около 60 тысяч человек, которые переправлялись через пролив Ла-Манш на 400 больших кораблях, сопровождаемых тысячью легких перевозных (транспортных) судов. Но такой огромной армии в ту эпоху не мог иметь, и тем более содержать, ни один венценосец Западной Европы.

То же самое относится и к численности корабельной армады, на которой перевозилась на английский берег армия вторжения. Речь идет о чрезмерной завышенности числа судов и их грузоподъемности. Перевозились не только люди с их личным вооружением и снаряжением, но и огромное количество лошадей, запасы на первое время провианта. Суда были парусниками самой разной вместительности.

Впрочем, тот же Томас Харботл сильно «принизил» и численность королевского войска Гарольда Саксонца в битве при Гастингсе. Историк оценивает его примерно в десять тысяч человек пехоты. И не более того. О кавалерии англичан ничего не говорится. Автор словаря, по всей вероятности, считает, что ее было у холма Сенлок столь мало, что она недостойна даже простого упоминания. Вполне вероятно, что так оно и было. Даже тяжеловооруженные воины англосаксов сражались только в пешем строю. Кони для них были только перевозочным средством, и не более того.

Действительно, если бы у монарха Англии было бы такое заметное число конных воинов, даже простых ополченцев, то он мог бы воспользоваться ими в битве. Однако о конных атаках (или контратаках) от холма история Британии умалчивает. Не считая, разумеется, различных исторических версий нашего времени, которые под собой документальных свидетельств не

имеют, и иметь за давностью событий не могут.

Вполне вероятно, что сам завоеватель Вильгельм не знал точного числа своего воинства еще с самого начала сбора в поход. Если и знал, то эта цифра была преднамеренно завышена вставшими под его знамена феодалами. Как говорится, больше людей приведешь под герцогские знамена, большей будет и твоя часть военной добычи. Поэтому современные исследователи истории европейского Средневековья к цифрам хроник той эпохи относятся осторожно и часто скептически.

Особо сомневаться в том, что соискатель английской короны о таких «малых хитростях» своих соратников-наемников знал, не приходится. Но он вполне разумно не уличал нормандских баронов, французских графов и просто командиров самых разновеликих отрядов наемников в таких «обманных подсчетах» числа своих людей, коней, арбалетов и прочего.

Вильгельм Завоеватель не строил иллюзий и в знании того, за что воюют люди, которых он привел за собой на противоположный берег Ла-Манша. За «его королевскую корону», за обещанные деньги и земельные наделы, или просто в угаре рыцарской романтики. Главным виделся конечный результат военного похода, который мог вполне подходить под расхожую поговорку: «Пан или совсем пропал».

То есть ставка авантюры была предельно высока, поскольку тюремным заключением «злокозненных» людей тогда правители-победители не баловали. Да и к тому же нельзя было лишать ни себя, ни строптивых подданных, ни простолюдинов таких представлений, как изобретательная казнь врагов престола.

Из кого состояла армия завоевателя Вильгельма I Нормандского? Это были воины из крепостных гарнизонов и замков Нормандии, наемники и рыцари-добровольцы из других областей Франции и европейских стран, прежде всего из Италии. Наемники были из самых разных мест собственно Французского королевства и соседних с ним стран. О нравственном их облике спорить тогда не приходилось. Сегодня, однако, о том спорят.

Вне всякого сомнения, герцогская армия вторжения носила «интернациональный» облик. Наемников сближало и роднило только одно: военная добыча. Второй сближающей их составляющей являлась вера. В этих чертах наемная армия претендента на чужую корону мало чем отличалась от войск крупных феодалов и венценосцев той эпохи. И не только Европы.

Всем им герцог Вильгельм обещал долю в будущей военной добыче, под которой подразумевалось целое Английское королевство. О такой добыче французское и европейское наемное воинство могло только мечтать. Ему было за что воевать и

проливать свою и чужую кровь в Туманном Альбионе, благо грехи их были отпущены самим папой римским, который имел собственный интерес в деле завоевания Англии нормандцами.

О каких-то благородных или религиозных мотивах завоевательного вторжения на берега Английского королевства говорить не приходилось. Но это вполне укладывалось в понятия той далекой эпохи, когда права и законы писались мечом, а произвол правителя почитался справедливостью…

Армия Вильгельма I Нормандского выгодно отличалась от других европейских армий, что делало завоевателю в европейской военной истории большую честь. В тех армиях главной силой являлась тяжелая рыцарская конница, умевшая наносить таранные удары. Но она была не способна успешно маневрировать на поле битвы, вести преследование, действовать на пересеченной местности, преодолевать естественные преграды, в том числе форсировать речки и речушки с крутыми и болотистыми берегами.

В армии же герцога Нормандии грозой для любого рыцарства, закованного в стальные доспехи, являлись лучники. В последующем времени английские лучники станут грозой французских и иных рыцарских войск. Англосаксы лучников имели крайне мало, предпочитая луку со стрелами секиру, боевой топор с широким лезвием на рукоятке почти в рост человека…

Экспедиционная армия имела свою военную организацию. Какой-то четкостью, стройностью и определенностью она не отличалась, что, собственно говоря, не было чем-то необычным. Все армии той эпохи состояли из отрядов рыцарей, лучников и арбалетчиков, копьеносцев самой различной численности. Эти воинские отряды обычно назывались по имени предводителя.

Известно, что одним из отрядов рыцарской конницы герцога Вильгельма командовал известный своей храбростью и искусством владеть мечом барон (или рыцарь) Тайефер, выходец из семьи владельца небогатого феода и мечтавшего о большем для себя и для наследников. Хронисты подчеркивали его редкое умение жонглировать оружием, мечом или даже двумя мечами. Это было все его достояние. Поэтому он и пошел служить герцогу по прозвищу Завоеватель.

Правителю Нормандии едва удавалось сводить концы с концами, когда пришлось содержать в замках и городах Нормандии прибывшие под его знамена многочисленные воинские отряды. Те, за редким исключением, не имели при себе запасов провизии, не говоря уже о фураже. Рыцарских коней приходилось кормить отборным фуражом (ячменем, овсом): силы

их требовалось беречь для больших битв на английской земле. Герцогская казна быстро пустела, обещания пока действовали на наемников, мечтавших в завоевательном походе о многом для себя.

К тому же наемники вели себя всюду разнузданно, доставляя много бед местным жителям и хлопот городским властям. Поэтому население Нормандии с нетерпением ожидало похода своего правителя в Англию и чистосердечно желало ему успеха в таком во многом авантюрном предприятии. Скорейшее отбытие наемного войска на войну только приветствовалось и в замках местной знати, и в хижинах бедняков.

За это молились в храмах, и такими пожеланиями верноподданных на официальных и частных приемах герцог Вильгельм «подталкивался», о чем можно не спорить, постоянно. Священнослужители из его окружения настойчиво твердили ему о том, что победы нормандского оружия «желают небеса и папа». Думается, что не без их помощи завоеватель утвердился во мнении, что кровавое вторжение в Альбион завершится его торжественным коронованием в Лондоне.

Армия вторжения герцога Вильгельма состояла не сплошь из нормандцев, а из наемников разных национальностей. Его непосредственные вассалы в лице баронов и рыцарей, их вооруженных слуг и прочих воинов Нормандии являлись лишь ядром герцогского войска, ядром боеспособным, наделенным храбростью своих недалеких предков. Нормандское рыцарство сумело сплотить вокруг себя себе подобное из других уголков Франции и соседних с ней стран ради завоевания Англии.

Армия вторжения довольно быстро обрела готовность совершить бросок через Ла-Манш и начать завоевание Англии. Западная Европа уже давно не знала таких размашистых военных кампаний. Огромный флот (суда с легкой оснасткой и единственным прямым парусом) ожидал только попутного ветра, обязательно южного, который снимал риск для такой корабельной армады быть рассеянной по морю.

…Для нападения на Англию герцог Вильгельм Нормандский выбрал удивительно удобный момент. В сентябре 1066 года на английские земли вторглись скандинавы. Норвежский король Харальд III Хардрат (Харальд Суровый, он же «Последний викинг») высадился на Британском острове.

Норвежский конунг Харальд Сигурдарзон («Суровый правитель») не случайно больше известен истории Средневековья как «последний викинг». Именно после его гибели в Англии масштабные походы по морю, то есть грабительские набеги викингов Скандинавии, практически прекратились.

Жители Дании, Норвегии, Швеции оставили опасное мастерство морских разбойников и занялись более прибыльной и безопасной морской торговлей, в чем тоже преуспели. Однако отдельные набеги викингов отмечались вплоть до XIII века, но это были уже одиночные набеги, исключение из правила. Прежний размах морского разбоя был навсегда утрачен.

Харальд Хардрат являл собой образ «классического викинга». Это был подлинный норманнский разбойник, которого всю жизнь терзала жажда военной добычи, личной власти и славы удачливого в походах викинга. Боевое крещение он прошел в 15 лет, когда вместе с братом Олафом попытался вернуть своему роду отцовский престол. Битва при Стикластадире братьями была проиграна. Олаф погиб, а раненого Харальда один из воинов вынес на руках из схватки и укрыл в лесу в хижине крестьянина (бонда).

Залечив раны, юноша тайно подался в Швецию, откуда беглец отплыл на Русь в составе дружины варягов (викингов), где поступил на службу к киевскому князю Ярославу Мудрому. Служба длилась три года. Молодой викинг королевских кровей влюбился в дочь правителя Елизавету и даже сочинил в ее честь несколько песен. Харальд понимал, что она может стать его невестой только в том случае, если он добьется в жизни каких-то высот. И тогда князь Ярослав Мудрый сочтет за должное породниться с ним.

В 1031 году Харальд участвует в походе киевского князя против польского короля. Через три года он во главе варяжской дружины из 500 воинов нанимается на службу к императору Византии. Сражается в Болгарии, Малой Азии, Палестине, Сирии, на Кавказе и островах Эгейского моря. Византийская хроника «Наставления императору» так рассказывает о подвигах будущего мужа русской княжны Елизаветы Ярославны:

«Император… повелел ему и его воинам отправиться на Сицилию, ибо там затевалась война. Аральт (Харальд) исполнил поручение и сражался очень успешно. Когда же Сицилия покорилась, он вернулся со своим отрядом к императору, и тот даравал ему титул “носящего пояс”. Затем случилось так, что Делий поднял мятеж в Болгарии. Аральт выступил с отрядом в поход, под командой императора, и воевал очень успешно, как и положено столь доблестному мужу…

Император, в награду за его службу, присвоил Аральту звание командующего войском».

Так за подавление мятежа Делия на болгарской земле викинг стал одним из полководцев Византии. На родину он вернулся только в 1045 году. Туда беглец прибыл во главе верной ему

дружины викингов-наемников, заставив своего племянника короля Норвегии и Дании Магнуса I Доброго «поделиться властью». А после таинственной смерти родственника в 1047 году Харальд Суровый (его звали еще и Харальд Грозный) стал норвежским конунгом, то есть королем.

К тому времени Норвегия и Дания стали самостоятельными государствами. Теперь 30-летний норвежский монарх мог осуществить мечту своей юности: княжна Елизавета Ярославна стала его женой. Между Норвегией и Киевской Русью был заключен хорошо известный в истории династический брак.

Овеянный боевой славой конунг, о котором на берегах фиордов складывались саги, сразу же показал себя суровым правителем (Сигурдарсоном). Но это было для него велением времени. Он покончил с вольностями феодалов-хевдингов и подавил восстание крестьян-бондов, не желавших платить ему тяжелые налоги. Причем сделал это огнем и мечом. Ему пришлось столкнуться с открытой враждой и неповиновением знатных людей Норвегии. Таким, к примеру, оказался хевдинг Эйнар Брюхотряс, который «свел знакомство с остренным клинком (короля Харальда)».

Потом конунг Харальд III начал завоевательные войны, пойдя морским походом на соседнюю Данию, которой в то время правил король Свен II Эстридсен. В той быстротечной войне стороны больше уповали на флот с сильным десантом на борту, чем на сухопутные войска и крепости. В 1049 году норвежцы захватили, разграбили и предали огню главный торговый город Дании – Хедебю, взяв там богатую добычу.

9 августа 1062 года близ устья реки Ниссы произошло большое морское сражение. Норвежские мореходы превзошли своего противника в лице вчерашних викингов-датчан, как говорится, по всем статьям. Победа их оказалась просто блестящей: датский военный флот был уничтожен практически весь, корабли (70 единиц) или пошли на дно, или взяты на абордаж и стали почетными трофеями победителей.

Королю Свену II Эстридсену пришлось спасаться бегством на остров Зеландия. Он лишился в той битве немало своих пеших воинов, которые входили в состав корабельных экипажей. Нового большого войска датский монарх собрать уже не мог: на это не было у него ни казны, ни подготовленных резервов.

Норвежский король не воспользовался правом победителя и не стал объявлять себя коронованным правителем Дании. Причина тому видится веская: даны (датчане) не отказывали в поддержке своему монарху-изгнаннику. Харальд III Хардрат (Суровый) вскоре помирился с беглецом Свеном III и заключил с

ним мир на выгодных для себя условиях. Норвежцы, безмерно уставшие от затяжной войны, вернулись из того похода в скалистые фиорды с военной добычей и громкой воинской славой «последнего викинга», зятя великого киевского князя Ярослава Мудрого.

После убедительного разгрома Датского королевства конунг Хардрат III решил совершить завоевательный поход в Туманный Альбион. Он привлекал его тем, что соседний Зеленый остров Ирландию уже давно обжили датские викинги. К тому же норвежский монарх получил приглашение прибыть на английские берега со всем норвежским войском, еще не уставшим праздновать победу над Данией. Дело обстояло так.

Как только в 1066 году в Англии умер ее король Эдуард Исповедник, к привлекательной своими богатствами и доходами от морской торговли островной стране «потянулись» два наследственных викинга. Это были герцог Вильгельм Нормандский и воинственный норвежский монарх. Оба они смотрятся в истории как честолюбцы и властолюбцы.

Сейчас трудно сказать, знали ли они о замыслах друг друга и «контролировал» ли один действия другого. Но факт остается фактом. Пока герцог Нормандии ждал на своем берегу попутного южного ветра, чтобы перейти Ла-Манш, король Норвегии, хранивший в большом секрете подготовку военной экспедиции на западные берега Англии, удачно пересек Северное море в западном направлении.

Противный для нормандцев северо-западный западный ветер оказался для норвежцев ветром попутным. Харольд Хардрат сосредоточил свою флотилию с войском в средней части Норвегии, на Солундарских островах близ города Бергена. Туда сходились все пути из фиордов, на берегах которых обитали викинги. На драккарах, невысокие борта которых обвешивали щитами для защиты гребцов от вражеских стрел, каждый человек являлся воином.

Сегодня можно говорить о хорошей продуманности последнего похода скандинавских викингов в Туманный Альбион. Солундарский архипелаг располагался на одной параллели с Шетландскими островами недалеко от берегов Шотландии, которые принадлежали норвежцам. Далее ближе к Шотландии находились Оркнейские острова: король и там мог пополнить свою флотилию кораблями и воинами.

В самой Шотландии короля Харольда Сурового с нетерпением ожидал быший эрл Тостиг. Он имел небольшой воинский отряд, пополненный наемниками, и небольшое число мореходных судов. С ним Тостиг сделал рейд вдоль английских

берегов, но королевский флот пресек такую диверсию. Так что королевскому брату приходилось все надежды связывать только с ожидаемым приходом норвежцев к берегам Нортумбрии. Именно с именем Тостига связана ситуация, которая благоприятствовала завоеванию Англии нормандцами.

Дело вкратце обстояло так. Перед высадкой иноземного войска на берегах Англии, против короля Гарольда Саксонца поднял мятеж его родной младший брат Тостиг (Тости), мечтавший завладеть английской короной. Он был эрлом Нортумбрии и всеми фибрами ненавидел унаследовавшего престол Гарольда Кроткого. То есть распрю между ними можно назвать только братоубийственной.

Тостиг был разбит, но ему с небольшим числом приверженцев удалось бежать через Северное море в Норвегию, где беглецы нашли приют. Но перед этим Тостиг неудачно для себя совершил вояж во Францию и Фландрию, надеясь там найти поддержку, чтобы войной пойти на старшего брата. Денег взаймы ему никто не дал, а без них о найме войска говорить не приходилось.

Младший брат короля имел небольшую мореходную флотилию, с которым появился у берегов Уэссекса и Кента. Однако Гарольд заставил Тостига уйти от берегов южной Англии. Тогда тот появился у берегов восточной Англии. Флотилия мятежников получила усиление из 17 драккаров, которые прибыли с Оркнейских островов, являвшихся тогда частью Норвежского королевства. Но это была только малая часть флота скандинавских викингов.

Усилившись, Тостиг вошел в устье Хамбера, чтобы там высадиться на английскую землю. Мятежника здесь уже поджидали ополчения Нортумбрии и Мерсии во главе с эрлами Эдвином и Моркаром. Тостигу пришлось уходить подальше в море: он отбыл в Шотландию. Там он нашел дружеский прием у короля Малькольма, который находился в крайне натянутых отношениях с соседями из-за спорных участков границы.

Шотландский правитель и беглый эрл были побратимами, совершив ранее «древний варварский обряд смешения кровей». Поэтому Тостиг получил здесь возможность пополнить свой отряд добровольцами, заинтересованными в военной добыче. Наемниками шотландцы быть не могли, поскольку беглец Тостиг даже малой казны не имел.

Мятежный бывший эрл, человек мстительный, тогда и призвал скандинавских викингов на английскую землю, надеясь с их помощью победить старшего брата. Те вместе со своим монархом Харольдом Хардратом, желая вновь получить богатую

добычу, согласились на поход за море без излишних уговоров. Тем более, что пример предшествующих разбойных набегов на Англию и Ирландию, чаще удачных, нежели нет, был заразителен и поучителен.

Харольд Суровый прибыл из Норвегии на Шетландские острова с огромным в истории походов викингов флотом. Считается, что он вел с собой примерно триста драккаров. Король был настолько уверен в успехе задуманного дела, что до этого архипелага его сопровождали жена Елизавета Ярославна, «не убоявшаяся моря», и дети. Но дальше их в поход супруг и отец не взял. Как показали дальнейшие события, это оказалось очень разумным решением.

Из всех походов викингов Скандинавии в Англию это был редкий случай, когда их там ожидали союзники из числа мятежных англосаксов Нортумбрии. Тостиг с отрядом (о численности его можно только гадать) своих сторонников объединился с норвежским десантом во главе с королем Харольдом III Хардратом сразу же, как на его родную землю ступила нога чужеземцев. Высадка норвежских викингов стала для новоиспеченного английского венценосца полной неожиданностью.

В устье Тайна силы союзников объединились, и Тостиг принес вассальную клятву верности монарху Норвегии. Можно утверждать, что он стал первым помощником Харольда Сурового, то есть вторым человеком в войске врагов короля Гарольда Кроткого. Это подтверждается хрониками.

Союзники объединили свои флотские силы и войска. Соединенный флот насчитывал около 300 или несколько более кораблей с 9 (называются и другие цифры) тысячами человек на борту. К этому следует добавить, что все они видятся профессиональными мореходами и воинами. Людей у бывшего эрла Тостига много быть не могло, вероятно, их набиралось всего несколько сотен.

Исследователи считают, что военная сила короля Харальда Хардрата была сравнима с армией вторжения герцога Вильгельма Нормандского. Только норвежцы-викинги, не в пример нормандцам-рыцарям, не везли тысячи коней на своих драккарах через неспокойное во все времена года Северное море. Викинги предпочитали, как англосаксы, шотландцы и ирландцы, биться пешими в общем строю. Их короли и аристократы тоже сражались пешими, хотя к месту битвы вполне могли прибыть верхом.

Воинственный монарх из Скандинавии согласился сделать Тостига графом Нортумбрийским (то есть вернуть ему прежние владения и положение), если тот поможет завоевать ему Англию.

Эрл Тостиг в ответ согласился обнажить оружие против собственного отечества ради графской короны, которую получить из рук брата «заждался». Или, вернее, тот вовсе не собирался такое сделать, слишком хорошо зная брата Тостига, его завистливость и коварный нрав.

Поход викингов на Англию в 1066 года поражает своей организацией и размахом. Отсюда исследователи делают вывод, что это был не обычный разбойный набег («пограбил и ушел домой»), а завоевательная операция. В начале октября норвежский король, собрав корабельную армаду в городе Бергене, вышел в Северное море. Но он не пошел привычным прямым курсом на запад к берегам Англии, а повернул к Шетландским островам. Там он соединился с викингами из Исландии, заранее оповещенными о походе.

После этого флот викингов пошел вдоль восточных берегов Шотландии и так достиг крайней северной точки собственно английского побережья. Там, в устье реки Тайн, норвежцев и исландцев уже поджидал Тостиг со своим отрядом и судами.

Харальд III Хардрат и его союзник действовали решительно и быстро. Они начали войну за Нортумбрию, разграбив по пути следования богатые торговые города Кливленд, Скарборо и Холдернесс. При этом викинги не встретили ни малейшего сопротивления: местные ополчения еще только собирались в большой спешке, и эти города защищать в общем-то было некому.

К тому же местные жители имели довольно хорошо отлаженные торговые отношения со Скандинавией (Данией и Норвегией). Север Англии в ту пору был крайне слабо связан с югом страны. Французский историк Мишель де Боюар пишет:

«…Скандинавское влияние в этом регионе все еще было довольно сильным; присоединение к английскому королевству почти не принесло ему выгоды; население охотно согласилось бы видеть норвежского государя на английском престоле; это оживило бы экономические связи со Скандинавией, которые были для Нортумбрии источником благосостояния, но в течение нескольких десятилетий постепенно ослабевали».

Объединенный флот 18 или 19 сентября вошел в реку Хамбер и по реке Уз поднялся в самую глубь английской территории до Рикалла, где корабли-драккары пристали к берегу, а викинги и их союзники высадились на сушу. Несколько королевских военных кораблей, стоявших здесь на якоре, ушли из Хамбера, не принимая боя. Было ясно, что король и Тостиг намереваются овладеть Йорком – тогдашним центром северной Англии.

Здесь дорогу союзникам на город Йорк перекрыли не полностью собранные в Фулфорде ополчения эрла Нортумбрии

Моркара и эрла Мерсии Эдвина. Они исполняли волю короля Гарольда, которого известие о высадке скандинавских викингов застало врасплох: очень хорошо зная Тостига, он, однако, не ожидал от него союзничества с вековыми врагами англосаксов. Младший брат «наводил» на отечество алчных викингов, да еще под предводительством короля Норвегии.

Объединенные силы Харольда Хардрата и Тостига встретило местное ополчение в пятнадцати километрах от города Йорка, у Фулфорда. Здесь и состоялось 20 сентября кровопролитное сражение двух пеших войск. Стороны не стали тратить время на разведку, переговоры, устройство походных лагерей, а сразу ринулись в рукопашный бой. Обилия стрел не виделось, в ход пошли мечи и боевые топоры, которыми рубились деревянные щиты и проламывались железные шлемы.

Согласно хронике, ожесточенное сражение длилось почти весь день. Лишь к вечеру норвежским викингам удалось сломить стойкое сопротивление нортумбрийцев и мерсийцев, которые «отдали» чужеземцам йоркскую дорогу. Исследователями считается, что англосаксы в сражении у Фулфорда потерпели сокрушительное поражение. Но то, что местные ополчения не разбежались по округе, свидетельствует об обратном: они могли отступить, чтобы сражаться в последующие дни.

Норвежские отряды короля Харальда Сурового без всякого сопротивления взяли важный для себя город Йорк, к которому сходились торговые пути-дороги в центральной Англии. Йорк в то время являлся одним из крупнейших городов королевства, был хорошо (в духе времени) укреплен. Из Йорка шла прямая дорога на Лондон.

Местные жители изъявили викингам полную покорность, стали собирать продовольствие для незваных гостей. Те, взяв (или собирались взять) на всякий случай заложников у местной знати и запасы провианта, возвратились (частично) в Рикалло, где у берега стоял союзный флот. Вероятно, туда было доставлено из Йорка продовольствие, поскольку в небольшом портовом городке его запасов не оказалось.

На город Йорк традиционно была наложена денежная контрибуция: для продолжения завоевания Англии норвежцам и мятежнику Тостигу требовались большие деньги. Викинги взяли богатую добычу, заботливо погрузив ее на драккары. Возможно, это были складские товары йоркского купечества, поскольку о разграблении города норвежцами «Англосаксонская хроника» ничего не сообщает.

Тем временем король Гарольд Саксонец спешно собирал войска, чтобы отразить иноземное нашествие и покарать

мятежного брата. Последний беспокоил его больше всего. На сбор местных ополчений ушло пять дней. Собрав необходимое число войск, король спешно двинулся на север от Лондона, торопясь не дать врагу захватить и опустошить значительные территории своего королевства.

Основу армии английского короля, его личную дружину, составляли профессиональные воины-хускарлы из датчан. Гарольду предстояло проделать путь в 300–350 километров по плохим дорогам до встречи с вражеским войском где-то у Йорка. По пути туда под королевское знамя собирались отряды уэссекского ополчения. Гарольд верхом, а его хускарлы пешими очень быстро проделали путь из Лондона. На месте они соединились с ополчениями Эдвина Мерсийского и Моркара Нортумбрийского. Боевой настрой воинов короля был высок, поэтому ему не пришлось поднимать их дух перед битвой.

Конунг Харальд III Хардрат тем временем не сидел сложа руки в Рикалло на берегах реки Узы. С непонятной целью для современных исследователей он вместе с мятежником Тостигом повел войско к Стамфордскому мосту (Стамфорд-Бриджу) на реке Дервенте. Это было место в Йоркшире, где сходились многие дороги: речная переправа считалась удобной во все времена года.

Здесь норвежские викинги неожиданно для себя столкнулись со спешившей им навстречу армией английского короля Гарольда Кроткого, в которую влились ополчения Нортумбрии и Мерсии, уже прошедшие «боевое крещение». Отступать никто перед противником не стал, поскольку друг друга два войска не остерегались.

Историки дают разные объяснения, почему норвежцы вдруг покинули город Йорк, и почему сражение произошло у Стамфорд-Бриджа (Стэмфорд-Бриджа). Вероятнее всего, король Харальд Хардрат сумел как-то узнать, что королевское войско уже на подходе к Йорку. Норвежский монарх встревожился: часть его людей оставалась на судах, стоявших в устье Хамбера, часть разбрелась по Йоркширу, занимаясь грабежом селений. Тогда он принял решение покинуть крепостной город Йорк, но далеко уйти от него викинги и их союзники не успели. Не успели прибыть к королю и экипажи драккаров с Хамбера, значимые своим числом.

Утром 25 сентября 1066 года состоялась битва при Стамфорд-Бридже (Стамфордбридже). Хотя королю Гарольду и удалось застать противников врасплох, тем не менее сражение получилось на редкость жестоким и кровопролитным. Стороны имели примерно равные силы, и о каком-то превосходстве одних над другими говорить не приходилось. Сражение продолжалось до вечера, что свидетельствовало о стойкости сторон и о том, что

в тот день враги часто сходились в рукопашном бою отдельными отрядами.

Можно считать, что боевой дух тех и других вселял в противников уверенность в победе. Англосаксы защищали родную землю, природные викинги являли собой воинственность предков, прежде всего своих отцов. К тому же скандинавы – норвежцы и датчане-хускарлы – соперничали между собой, как это часто бывало в мире викингов.

Но на стороне англичан оказалась внезапность появления перед не ожидавшими их здесь скандинавами. Те в походном движении не приняли никаких мер предосторожности и, по ряду предположений, в то утро отдыхали у Стамфорд-Бриджа. Будь у них в достатке конных воинов, идущих впереди на каком-то удалении от походной колонны, начало битвы выглядело бы совсем иначе. К тому же местность изобиловала зарослями кустарников, в которых пешим воинам, даже в большом числе, несложно было на какое-то время затаиться в засаде.

Битва длилась много часов, прежде чем норвежская армия уступила ее поле англосаксам при закате солнца. Конунг Норвегии явно недооценил своего соперника, наслышавшись о его слабости от бывшего эрла Тостига многих нелестных слов. К такой информации умудренному войнами Харальду Хардрату следовало бы относиться с известным недоверием, ведь брат ненавидел брата и вполне мог его оговорить в своих корыстных целях.

Трудно сказать, как бы закончился тот день для участников битвы, если бы английский король не пошел на известную с древних времен военную хитрость. В разгар боя его воины, отбиваясь, стали вдруг притворно отступать, всем своим видом говоря: если враг усилит натиск, то нам остается только бежать в разные стороны, бросая оружие.

Обрадованные тому викинги увлеченно ринулись в преследование, больше думая об ожидавшей их военной добыче и совсем не думая о собственной безопасности и осторожности. Плотный строй их «раскрылся», то есть потерял сплоченность. Норвежцы, и прежде всего люди Тостига, ликовали преждевременно, «видя» близость большой победы над англосаксами, которые, отступая, отбивались от наседавших викингов.

Король Гарольд, видя, что вражеский строй сломался, приказал подать заранее обговоренный условный сигнал. Его отряды, в единую минуту прекратив отход, развернулись и, напирая, начали яростный рукопашный бой. Лучники стали кидать стрелы в викингов, выцеливая среди них начальствующих

людей. Норвежцы в бою предпочтения лукам со стрелами никогда не отдавали.

Конунг Харальд Хардрат, с упоением бившийся в первых рядах своих воинов, получил смертельную рану: метко пущенная стрела поразила его в горло (или в затылок, по другим источникам). Телохранители в том эпизоде оказались бессильны защитить собой монарха. Потеряв великого вождя, норвежцы скоро дрогнули и начали сперва отступать, а потом обратились в повальное бегство. Удача на английской земле отвернулась от них.

Когда конунг Норвегии умер, Тостиг взял командование на себя, но было слишком поздно: союзники уже не отступали, а бежали. Хронисты пишут, что король Гарольд обещал родному брату прощение, а всем оставшимся в живых викингам – сохранить жизнь. Но те отвергли такое великодушное обещание, и почти все полегли под ударами секир и мечей. Такая же судьба постигла и тех викингов, которые с опозданием подоспели с Хамбера. Пылавший нескрываемой злобой Тостиг был взят в плен. Истребление викингов и их союзников продолжалось до вечерней темноты.

В итоге сражения у Стамфордбриджа погибли и мятежник Тостиг, уже величавший себя графом Нортумбрийским, и норвежский король Харальд III Хардрат. Первый из них по воле старшего брата был казнен как мятежник и злоумышленник. Английское войско приветствовало такую казнь: Тостиг пользовался в народе крайней непопулярностью.

Король Гарольд Несчастный поступил вполне в духе Средневековья: «После битвы он приказал наделить высокого ростом конунга Харольда Сурового и изменника Тостига английской землей, которой они так ждали, выделив им «по семь футов земли на могилу».

Пленных англосаксы, как известно, взяли небольшое число. Среди них оказался сын павшего Харальда Хардрата принц Олаф и несколько норвежских епископов, которые с оружием в руках отправились на войну. Король Гарольд Кроткий поступил в тех событиях на удивление великодушно: он взял со знатных военнопленных клятву соблюдать мир между Англией и Норвегией и отпустил их восвояси. То есть дал возможность добраться до берега Хамбера, в Рикалло, и там сесть на драккары и беспрепятственно выйти в море.

В описания той битвы у Стамфорд-Бриджа есть упоминание о том, что Гарольд заколебался: ему приходилось сражаться с родным братом. Тогда он якобы послал к Тостигу парламентера с предложением заключить полюбовное соглашение. Но тот в ответ

только и сказал, что Гарольду гарантирована земля под могилу на этом поле брани.

Но… сохранился и такой рассказ о финале того сражения. Король Гарольд Кроткий, будучи великодушен к плененным норвежским викингам, совсем иначе относился к попавшим в плен собственным соотечественникам. Для него они были не сепаратистами, а изменниками, мятежниками, поднявшими оружие против собственного отечества. Когда Гарольд из рода Годвина узнал на поле брани бездыханное тело брата Тостига, он в приступе ярости обезглавил его мечом.

Есть сообщение о том, что в битве вполне самостоятельным отрядом приняла участие немногочисленная конница англосаксов, чего не будет в предстоящем сражении у Гастингса. И что королевская конница несколько раз ходила в атаку.

Памятное для истории Англии сражение в «Англосаксонской хронике» описано кратко: «Гарольд, наш король, пошел на норманнов и встретил их за Йорком, у Стамфорд Бридж, с большим войском англов, и там был весь день очень жестокий бой для обеих сторон. Тогда убили Харальда Сурового и эрла Тостига, а те норманны, что еще стояли, обратились в бегство.

Англы жестоко убивали их сзади, пока они добирались к своим кораблям, и иные утонули, иные сгорели или погибли разными другими смертями, так что мало кто уцелел, а поле битвы осталось за англами».

Из почти 300 парусно-гребных судов, отплывших в Англию от скандинавских берегов, в Норвегию вернулось только 24 драккара с экипажами (скорее всего неполными), удрученными столь жестоким поражением. То есть это были жалкие остатки разгромленной армии конунга Норвегии, которые возвращались домой без военной добычи. Победные саги о том походе за море Северное в страну англосаксов в Скандинавии не слагались.

Считается, что Стамфордбриджская битва стала последним «звонком» для долгой эпохи викингов. Больше мореходы-воители из Скандинавии (современных Норвегии и Дании) не беспокоили европейский север своими грабительскими набегами огромных флотилий, у истоков которых стояли суда-драккары воинственных ярлов норвежских фиордов. Если кто и отваживался на грабительский набег, то это были единичные случаи. Урок Стамфорд-Бриджа оказался не просто поучительным, но еще и отпугивающим.

Город Йорк был очищен от мятежников, с которыми королевские воины и ополченцы не церемонились, беспощадно карая их мечом и веревочной петлей. Впрочем, иной судьбы они и не ждали. Спешно брошенный походный лагерь викингов-

скандинавов под городом был разграблен и предан огню.

Королевское войско Гарольда Несчастного, а также участвовавшие в битве нортумбрийское и мерсийское ополчения, понесли большие потери в людях. Восполнить этот урон в самом скором времени было просто невозможно. После сражения ополчения эрлов Нортумбрии и Мерсии разошлись по домам, поскольку остатки флота викингов сразу же ушли от берегов Англии. Угрозы их возвращения не виделось.

К выше сказанному следует добавить следующее. Норвежцы чтили своего погибшего в бою конунга и помнили о том, что его «надо вернуть» назад. Через год они перевезли останки Харальда Сурового из Англии на родину и с почестями похоронили его в Нидаросе, в церкви Святой Марии. Похоронные заботы почитателей личности «последнего викинга» Скандинавии со стороны нормандцев, завоевавших Англию, каких-либо препятствий не встретили.

«Последний викинг» еще долго пользовался популярностью у сказателей-скальдов. Они и донесли до нас внешний его образ: большая голова с ассиметричными бровями, длинные густые усы, крепкое телосложение. И то, что король викингов страха в боях не знал. К слову говоря, Харальд Суровый относится к числу наиболее известных и популярных у себя в Норвегии королей.

Норвежский престол наследовал его сын Олаф III Харальдсон по прозвищу Тихий. За долгие 27 лет своего правления страной фиордов он не вел ни одной войны, помня о печальной участи своего воинственного отца. При нем государство на северном побережье Скандинавии стало процветать, устроив добрососедские, прежде всего торговые, отношения с Туманным Альбионом, который тоже получил нового монарха, основателя новой королевской династии.

К вышесказанному следует добавить, что вторжение короля Норвегии Харальда Сурового в 1066 году в Англию ознаменовало собой конец затянувшейся «Эпохи викингов». Она канула в историю, оставив в европейском летописании глубокий, кровавый след, часто далекий от созидания и процветания.

…Герцог Вильгельм I Нормандский «вовремя» узнал о битве при Стамфорд-Бридже и ее подробностях, важных для него. Он понял сразу, что такого исторического шанса ему упускать никак нельзя. Дай королю Гарольду Саксонцу какое-то время, и он мог вполне реально пополнить численно после понесенных больших потерь английскую армию новыми ополчениями. Людские ресурсы и запасы оружия на местах вполне позволяли такое сделать.

Да и подвластные победителю феодалы в своем большинстве

не поскупились бы на воинов, выставляемых по королевскому повелению, утаивать их число не стали, сократив стражу своих замков до минимума. Даже если принять во внимание, что у новоизбранного монарха Англии в среде знати были недоброжелатели или просто равнодушные к нему люди, здесь могла сыграть свою роль антипатия англосаксонского населения к выходцам из Нормандии, чему свидетельств много.

В данном же случае речь шла о вражеском вторжении из-за моря, что, естественно, влекло за собой консолидацию вокруг военного вождя, в данном случае короля Гарольда из рода Годвина, местного населения, в том числе феодалов всех рангов. Хотя слово «Отечество» тогда не витало в воздухе, но чувство «родной земли» у англосаксов было, иначе бы они не бились долгое время столь яростно и стойко с датскими и норвежскими викингами.

Французский историк Поль Зюмтор, известный своими исследованиями рыцарского Средневековья на европейском Западе, в таких словах подвел черту под описанием сражения в понедельник 25 сентября 1066 года у Стамфорд-Бриджа:

«Так… вековое противостояние англичан и скандинавов закончилось полной победой Англии».

Одержанная виктория давала хорошие перспективы на будущее для Английского королевства при Гарольде Кротком. Однако судьба распорядилась совсем иначе: вторжение викингов и мятеж Тостига обескровили силы англосаксов перед вторжением нового, более сильного неприятеля в лице Вильгельма Завоевателя, воинственного герцога французской Нормандии.

…Через три дня после битвы при Стамфорд-Бридже, 28 сентября, началось историческое, можно сказать – судьбоносное нормандское вторжение в Англию. Цель ставилась одна: завоевать эту страну, сделать ее владением правителя Нормандии. Корона Эдуарда Исповедника была лишь предлогом для начала еще одной войны эпохи европейского Средневековья. Если бы не ее конечный результат, она так и осталась бы в числе рядовых войн той поры, как, скажем, набег на Британию викингов Скандинавии во главе с норвежским монархом, пока больше напоминавшим военного вождя.

Перед походом герцог Вильгельм соединил воедино собранную армию вторжения на берегах устья реки Див, что между Сеной и Орной. Был раскинут временный походный лагерь, в который стягивались наемные и иные воинские отряды. Здесь же складировались различные армейские припасы, в том числе запасы стрел для луков и арбалетов. Часть воинов

расквартировали по окрестным селениям и замкам.

Известно, что больших запасов провианта в походном лагере армии вторжения на берегах реки Див не делалось. Герцогские войска должны были «кормиться» за счет местного населения покоряемой страны. То же относилось и к обеспечению фуражом не одной тысячи коней. В любом случае исчисления армии правителя Нормандии, лошадей в ней имелось, прежде всего рыцарских, более одной тысячи и даже (по другим оценкам) до семи тысяч.

Считается, что армия вторжения и флот для ее перевозки через Ла-Манш находились в готовности где-то с конца июля месяца. Хотя по морю до берега Англии было плыть недолго, погода в проливе внесла свои коррективы в начало завоевательной экспедиции. Штормовая погода напугала не только людей суши, но и опытных мореходов. Сильный ветер паруса не надувал, а рвал их, а огромные волны одним ударом могли пустить корабль на дно вместе с экипажем.

Считается, что армаде парусников примерно в тысячу единиц, чтобы пройти расстояние в двести километров и не потеряться в море, находиться в визуальной связи друг с другом, требуется устойчивый ветер, дующий в паруса. Для флота Вильгельма Нормандского в таком случае требовался только южный ветер. Вот его-то и не было больше месяца. Ветер штормовой силы в счет не шел.

Герцог, у которого советников из числа опытных мореходов имелось немало, рассчитывал совершить переход морем в конце июля – начале августа. К этому времени он и приурочил сбор войскам и армады судов в назначенном, удобном для того месте. Но непогода внесла в его планы известные коррективы.

Ждать благоприятной погоды, то есть попутного ветра на море, пришлось целый месяц. Здесь же, в речном устье Див на якорях стояла корабельная армада, готовая для перевозки войск правителя Нормандии. Она была собрана в условленном месте заблаговременно, что свидетельствовало о хорошей продуманности вторжения в Англию. Иначе говоря, у соискателя английской короны больших (известных) проблем с перевозочными средствами, документально подтверждаемых, не видится.

Связывая воедино хронологическую последовательность в событиях первой половины XI столетия, ряд исследователей утверждает, что жители Альбиона «шли по дороге Истории» навстречу завоевателю в лице герцога Вильгельма I Нормандского, сокрушив за три дня до этого другого завоевателя в лице короля норвежских викингов Харольда III Хардрата.

Победи тот англосаксов, Вильгельму Нормандскому пришлось бы сразиться с викингами северных берегов Скандинавии и их местными союзниками.

Король Гарольд II Несчастный, получив черную весть с берега Ла-Манша, незамедлительно направил свою поредевшую армию на юг, к месту высадки нового иноземного противника. Он решил любой ценой защитить Англию и отстоять королевский престол. То есть страха перед новым врагом, знакомым ему лично, монарх не имел, что и передавалось его воинам и ополченцам.

Англосаксы отличались мужеством: появление нового врага их не испугало, а только настроило на боевой лад. О дезертирах хроники тех лет ничего не говорят, что свидетельствовало о спайке, боевом настрое королевской армии, прежде всего рядовых воинов и ополченцев.

Армия герцога Вильгельма, как он и задумал, оказалась готова к походу через пролив Ла-Манш во второй половине лета. Но отплытие армады всевозможных судов, собранных по такому случаю в портах Нормандии, задерживалось из-за неблагоприятной погоды: на море дул порывистый противный ветер, хотя до тяжелых осенних штормов еще оставалось какое-то относительно спокойное время, Ветер дул противный, а корабельные паруса надувал только ветер попутный. В данном случае – дувший с материка на Британские острова.

Суда, прежде всего транспортные, по всей вероятности, были перегружены людьми, лошадьми и разным военным имуществом. Такое немаловажное обстоятельство заставляло корабли «сидеть в воде глубже», что было опасно для них и экипажей в случае штормовой погоды. Поэтому вопрос о безопасности мореплавания по проливу Ла-Манш стоял остро: рисковать собой никто особо и не хотел. Переход морем – это не сражение, в котором враг стоял перед тобой.

Капитаны и владельцы судов, нанятых для десантной операции, уговорили правителя Нормандии не рисковать без нужды кораблями и войском. И собственной жизнью. Но когда пришло известие о битве при Стамфорд-Бридже, герцог Вильгельм I не стал дожидаться весьма хорошей погоды для мореплавателей: ветер начал меняться и обещал дуть только с юга. Его уже можно было «поймать в паруса» и с минимальными потерями в парусниках и людях оказаться на противоположном берегу.

Герцога торопило и еще одно немаловажное обстоятельство. Ему в дни томительного ожидания попутного ветра удалось с талантом большого полководца Средневековья не дать наемному войску разложиться, не позволить ему грабить население

Нормандии. Однако запасы продовольствия в деревнях и городах герцогских владений за дни бездействия заметно поубавились. Наемников следовало хорошо кормить и щедро поить, иначе они могли в одночасье превратиться в организованные шайки самых прозаичных мародеров и грабителей.

Обуздать их в таких случаях можно было только мечом и показательными казнями, которые не всегда становились поучительными. Такие действия не входили в «дисциплинарные» воззрения герцога Вильгельма, как и ему подобных предводителей наемных войск. Им приходилось ладить со своими ландскнехтами.

Но когда наемники переступали все дозволенные рамки поведения на «своей» территории, с ними могли поступить самым безжалостным образом. То есть речь шла даже о массовых казнях, чем так богаты хроники Средневековья. Но в том завоевательном походе герцогу Нормандскому так поступать не пришлось, поскольку все складывалось для него как нельзя лучше. И потому наемники и рыцарство завоевателя боготворили.

Чтобы не дать остававшимся без привычной работы наемникам «разложиться», герцог выскреб до дна свои сундуки с казной. В походный лагерь было доставлено дополнительно много провианта, прежде всего вина в бочках и скота на мясные порции. От такой сытной кормежки бунтарских мыслей мало у кого возникало, что и требовалось Вильгельму Завоевателю.

Сам герцог месяц томительного ожидания провел с семьей и ближайшим окружением в своем замке Бонвиль. Есть свидетельство хрониста Вильгельма Мальмсберийского: правитель Нормандии все это время старался «наслушаться» рассказов рыцарей, недавно вернувшихся из южной Италии, где правили потомки викингов. Тем самым, как пишет хронист, он «подогревал свой воинственный дух».

Наемникам был выдан задаток за предстоящие труды. Герцог пошел на пробный выход в море, но шторм разбил корабль. Выброшенные на берег тела моряков было приказано тайно похоронить. Вильгельм из Пуатье вспоминал, как ему было поручено с конным отрядом верных людей обследовать берег в поисках тех, кто бездыханным оказался во время шторма на песчаных дюнах и среди прибрежных камней.

Участились случаи дезертирства, но массовым оно не стало. «Предчувствие» в ожидании военной добычи брало верх. Слишком заманчивым выглядело предприятие герцога Нормандского, чтобы через нескольких недель томительного ожидания расходиться по домам, где рыцарей ожидал безрадостный прием и нарекания за то, что возвратились ни с

чем. Наемное войско от сытного безделья стало заражаться пораженческими настроениями.

Поскольку наемное войско, уже месяц остававшееся без обещанной «работы», стало роптать и требовалось поднять его боевой дух, герцог распорядился доставить в походный стан на берегах реки Див раку с мощами святого Валерия. Церковная служба заметно ободрила наемников и нормандцев, поскольку среди них преобладали люди религиозного мышления.

В ту же ночь на ясном небе показалась хвостатая звезда, то есть небо прочертила знаменитая комета 1066 года. В разношерстной и многоязычной армии Вильгельма Завоевателя это восприняли как добрый знак удачи, как желанную примету:

«Сам Господь за нас! – кричали герцогу рыцари и простые воины. – Веди нас на бесчестного короля Гарольда!..»

Ту же комету видели и на английских берегах. Современники рассказывали, что местное население посчитали вид крылатой звезды предвестником больших бед: страшного кровопролития, пожаров, вражеского нашествия с моря и прочего.

О комете, появившейся над Западной Европой где-то 6 января 1066 года, рассказывают многие хронисты и пишущие люди из числа очевидцев. В «Англосаксонской хронике», там, где упоминается о коронации Гарольда, о ней рассказывалось так:

«…Тогда во всей Англии увидели в небе знак, доселе неведомый. Некоторые говорят, что это была звезда, называемая кометой, которую иногда зовут волосатой звездой; она появилась… и светила на протяжении всей недели».

Хронист Вильгельм из Пуатье, обращаясь тоже к Гарольду Несчастному, говорит: «Комета, ужас королей, воссияв в начале твоего правления, возвещает твое грядущее падение».

…Герцог Нормандский в те дни ожидания оказался действительно в незавидном положении: наемная армия, готовая пойти в бой, бездействовала. Казна же Нормандии таяла с каждым днем ожидания. Гораздо позднее делались попытки провести расчеты финансовых трат Вильгельма летом 1066 года. Рассматривая исторические сведения, каждый такой исследователь делал свои расчеты о численности армии вторжения. В наши дни историками отвергаются большие цифры: они останавливаются на оптимальном числе: около 7 тысяч человек, включая от 2000 до 2500 конных воинов, которые необязательно были рыцарями.

Считается, что именно такое по численности войско могло быть «по карману» владельцу Нормандии. Такую армию, но не более, он мог содержать за свой счет: кормить, поить, фуражировать коней, платить минимальное жалованье.

Однако хронисты, слвременники тех событий, склоняя голову перед величием завоевания герцога Нормандского, называют такие цифры наемной армии вторжения, какие были немыслимы для всей Европы, даже в случае коалиционных войн. Здесь, пожалуй, первенствует Вильгельм из Пуатье, который к тому же восторгается организацией и дисциплиной в наемном воинстве, которое сошлось воедино в устье реки Див перед посадкой на суда. Очевидец тех событий пишет о заслугах в том Вильгельма Завоевателя:

«Запретив любой грабеж, он (герцог) кормил на свои средства пятьдесят тысяч рыцарей…

Таковы были умеренность и осторожность, с которыми он действовал; он щедро брал на себя расходы рыцарей и всех, кого призвал, благодаря чему никому не было позволено что бы то ни было присвоить.

Стада всех крестьян этой области благополучно паслись как на возделанных полях, так и на пустошах; урожай дожидался косы косаря, не истоптанный конями спесивых рыцарей и не тронутый фуражирами. Всякий человек, даже слабый и безоружный, мог с песнями идти, куда ему заблагорассудится, и не опасаться отрядов рыцарей, которые могли ему встретиться».

Выработка единого мнения баронской элиты Нормандии касательно военного похода в Англии давалась герцогу с большим трудом. Каким бы суровым властителем он ни виделся, вассалы подчинялись ему с известной оговоркой. Это касалось даже родни Вильгельма.

Считается, что перед вторжением герцог собирал цвет нормандского баронства и высшее духовенство три раза. Такие собрания прошли в Лиллебоне, Боннвиль-сюр-Тук и, наконец, в городе Кане. Французский историк Мишель де Боюар дает нам собственное представление о составе подобных собраний, больше напоминавших военные советы, аристократии Нормандии. При этом ссылка дается на сочинение хрониста Вильгельма из Пуатье, человека достаточно осведомленного:

«…Вильгельм из Пуатье называет некоторых участников этих собраний: графа Мортена Роберта, сына Герлевы и Геллуэна из Контевиля; графа О Роберта; графа Эвре Ричарда, сына руанского архиепископа Роберта; Рожера де Бомона, сына Онфруа де Вьеля, связанного родством с гнрцогской семьей, так как он был потомком сестры Гоннер, конкубины герцога Ричарда I, находясь тогда на пороге старости, Рожер славился тогда необыкновенной мудростью; Рожера де Монтгомери, в течение пятнадцати лет остававшегося одним из лучших военачальников и самых уважемых советников бастарда, который тоже был его родичем;

Вильгельма Фиц-Осберна, отец которого был верным защитником маленького герцога в мрачные годы его детства и ранней юности: во время массового набора флота, который шел тогда полным ходом, он предоставил не менее 60 кораблей; наконец, виконта Авранша Гуго».

Таков был мозговой центр подготовки завоевательного похода. Почти все его члены были связаны достаточно близкими родственными узами, что являло собой династическую корпорацию. История о них сохранила только крупицы информации, не давая полной характеристики личности. Биографические данные о них отрывисты.

Известно, что даже на финише подготовки десантной операции через пролив Ла-Манш многие бароны считали задуманное герцогом безрассудством. Но герцог относился к таким мнениям с поразительной сдержанностью, откровенно веря в успех предприятия, то есть в завоевание Английского королевства. Удивительный оптимизм Вильгельма поражал его подданных.

Порой желания владетельных баронов и духовенства перед началом вторжения поражали своей странностью. Всего один пример. Богатое землями аббатство Мармутье вдруг пожелало получить документальное подтверждение прав на собственное имущество не от герцога Вильгельма, а от его старшего сына Роберта. Стало известно, что если отец не вернется из похода в Англию, то ему предстояло наследовать герцогскую корону. В тот год он в свои уже недетские 14 или 15 лет ставил собственную подпись на грамотах родителя как его прямой наследник.

Специалисты отмечают высокую для той эпохи организацию армии вторжения. Войска, собанные герцогом в отряды, отличались боевой слаженностью. Входившие в их состав бароны со своими рыцарями участвовали во многих совместных боях и хорошо знали друг друга. Рыцарство понимало боевые возможности тяжелой конницы.

К тому же воинам Вильгельма было хорошо знакомо осадное дело: Франция к середине XI столетия уже имела большое число каменных замков, тогда как Англия их почти не знала. Феодальные укрепления там продолжали строиться из дерева и земли.

Среди наемников герцога оказалось очень много рыцарей, лишенных не только фьефа, но и всякого недвижимого имущества. Среди них больше всего оказалось выходцев из Бретани. Таким конным воинам на собраниях наемников Вильгельм обещал в случае успеха завоевательной экспедиции

златые горы и обеспеченное будущее. Вильгельм из Пуатье был свидетелем такого собрания, на котором держал речь правитель Нормандии, начавший с обвинений английского короля Гарольда:

«Как бы богат он ни был, он не может дать своим людям надежду завоевать то, что принадлежит мне. Я не могу пообещать тем, кто последует за мной, часть имущества, которое принадлежит мне по праву (в Англии), и которым ныне незконно владеет Гарольд».

Суть таких обвинительных слов для бедных, материально несостоятельных рыцарей заключалось в следующем: победим клятвопреступника Гарольда Саксонца, вернем герцогу Нормандии то, что ему принадлежит по праву, и только тогда получим от него обещанное: поместья с крестьянами, новое положение в завоеванной стране. Это позволит создать семьи, построить собственные рыцарские замки и не знать страха безденежья. Путь же ко всему этому преграждал только новоявленный английский король, который и достойного рыцарского войска не имел при себе.

…В первую неделю сентября над Ла-Маншем свирепствовал шторм большой силы. Когда буря утихла и подул постоянный ветер с запада, герцог принял решение переменить якорную стоянку, чтобы хоть так быть поближе к берегу Англии. Армия вторжения и флот перешли к устью реки Соммы, став временным лагерем близ Сен-Валери. Берег Уэссекса стал оттого ближе чуть ли не на сотню километров. Однако этот переход обернулся для нормандцев потерей нескольких (или многих) судов с людьми на борту.

Если этот страшный шторм нанес совсем мало вреда флоту Вильгельма Завоевателя, то флот Гарольда Английского, собранный у острова Уайт, заметно пострадал. Корабли, занимавшиеся бесполезным патрулированием побережья, разметало по проливу. Гарольду пришлось распустить местное ополчение на уборку урожая, а флоту отдать приказ собираться на зимовку в устье реки Темзы, то есть близ Лондона. Знал ли о том герцог Вильгельм, неизвестно…

…Известно, что дождь в восточной части Ла-Манша прекратился в ночь на 28 сентября. И сразу задул долгожданный южный ветер, который долгожданно «оживил» корабельные паруса. На рассвете после недолгих раздумий герцог Вильгельм отдал приказ грузиться на суда. На берегу у Сен-Валери началась лихорадочная суета: все торопились исполнить приказ повелителя и взойти на борт того судна, которое предназначалось конкретным людям.

В Сен-Валери нормандцы погрузили на корабли небольшой

запас продовольствия. Его могло хватить армии вторжения только на несколько дней пребывания в море и в самой Англии: войску герцога предстояло кормиться на том берегу полностью за счет местного населения. Для наемников такая ситуация виделась привычной. Щепетильностью при сборе провианта в селениях, да еще на вражеской территории, они не отличались.

Считается, что на погрузку войск Вильгельма Завоевателя ушло всего двенадцать часов. Объясняется это просто – суда были небольшие, некоторые брали на борт всего по одному рыцарю с его конем, слугами и личным имуществом. Загрузившись, суда сразу же отходили от берега, чтобы уступить удобное место другому морскому перевозчику. Герцогские распорядители строго следили за очередностью погрузки.

…Численность флота в прижизненных Вильгельму Завоевателю источниках поражает воображение. Но армад в тысячу с лишним парусных кораблей, пусть даже небольших, тогда не существовало. Такими флотами драккаров даже близко не могли похвастаться скандинавские викинги в период расцвета их морских походов. Однако у хронистов все же встречается реальная цифра: так, Вас пишет, что слышал от отца, что герцог Вильгельм отправился в завоевательный поход с 696 кораблями.

Считается, что в устье реки Див могло быть собрано до 800 кораблей. Можно утверждать, что гребных судов среди них не имелось. К тому при сборе флотилии какое-то число кораблей могло быть потеряно в штормовом море или разбилось о прибрежные скалы. Кораблекрушения парусников Средневековья были обычным явлением, и потому в хрониках нечасто говорилось о таких бедствиях на воде.

Вильгельм перед выходом в море опять принял советы опытных мореходов. Он приказал капитанам, чтобы первые подошедшие к английскому берегу суда должны предусмотрительно встать вблизи на якорь и дожидаться остальных, отставших в пути через пролив.

Первой от берега отошла флагманская «Мора», едва ли не самый большой по размерам и вместимости корабль герцогской армады. На ней не сразу «дали полный ход», давая возможность и другим судам отойти от берега.

Темнело, на кораблях зажгли сигнальные фонари. Герцог приказал установить на мачте «Моры» большой фонарь, который должен был послужить путеводным маякам для всей корабельной армады. Однако ночью в пути экспедиционные суда неизбежно частью отстали от флагмана, частью «разбрелись» в проливе, потеряв из виду проблески огня на мачте «Моры».

Хронисты рассказывают, что обладавшая хорошим ходом на

всех парусах «Мора» в ночи оторвалась от массы судов. При первых утренних солнечных лучах матрос-сигнальщик с мачты увидел вблизи английский берег и ни одного корабля армии вторжения позади флагмана. Потом напишут, что так герцог на рассвете 29 сентября потерял свою армию и флот. Хронисты также скажут, что спутников герцога охватила в тот час паника и душевное смятение, но только не его самого.

Вильгельм, не теряя самообладания, приказ стать на якорь, а команде ужинать. Сам он демонстрировал за столом полную бодрость духа. Завтрак еще не закончился, как на горизонте показались мачты первых подходивших судов. На «Море» казалось, «будто возник густой лес из деревьев, украшенных парусами…» Здесь следует сказать, что день 20 сентября является Днем святого Михаила, считавшегося святым покровителем Нормандии. Герцог не мог не учесть такого важного обстоятельства, отдавая еще вчера приказ на выход в море.

Армия Вильгельма I Завоевателя переправилась через Ла-Манш и высадилась на британский берег у деревушки Певенси (Повенси) в 10 километрах к югу от устья реки Ротер на побережье современного графства Восточный Суссекс. Можно считать, что место десантирования армии вторжения ее предводитель выбрал очень удачно. Берег позволял здесь морским судам подходить к самому урезу воды; все же большая часть доставленного груза перевозилась лодками.

Залив Певенси оказался во всех отношениях удобной стоянкой для такого огромного количества морских судов. Современная линия берега (с 1066 года прошло без малого девять с половиной столетий) заметно изменила свое начертание. Залив Певенси сегодня на картах южного берега Англии не значится, а селение Певенси оказалось в миле от берега моря.

Морское дно у берега не имело мелей и опасных подводных камней. В случае отлива суда оказывались на наносном грунте, будучи в безопасности со стороны моря. Такое положение исключало преднамеренное бегство, что видели все прибывшие. По сведениям хронистов, тысячный флот Вильгельма Завоевателя совершил очень удачный переход через пролив Ла-Манш: недосчитывалось всего два судна, судьба которых была неизвестна.

Певенсийская бухта могла вместить в себя большое число самых различных судов и потому считалась одной из лучших корабельных стоянок на английском берегу Ла-Манша. К тому же бухта была хорошо знакома многим капитанам судов нормандской флотилии. Скорее всего, кто-то из них перед началом вторжения «случайно» побывал в бухте с

разведывательными целями, чтобы удостовериться, что в ней осталось все по-прежнему.

Не столь далеко от Певенси находился портовый город Гастингс, всего в десятке километров. Овладение им даже без боя давало завоевателям хороший шанс заявить о себе местным англосаксам и показать собственную силу. К тому же сам город в таком случае являлся не чем иным, как военной добычей. Да еще первой в успешно начатом предприятии.

Первыми на берег с известными предосторожностями сошли лучники и стрелки из арбалетов. Они сразу же заняли позиции для стрельбы, неся одновременно сторожевую службу. Но в деревушке Певенси и ее окрестностях все было тихо и спокойно. Нигде не было видно всадников. Дороги смотрелись пустыми. Ничего не говорило о том, что где-то рядом затаился неприятель, да еще в значительных силах.

На берегу не оказалось даже морской стражи англичан, что немало удивило бывалых капитанов судов. Вполне возможно, что она и была, но при виде десантной армады и сходящего на берег многочисленного неприятеля береговые стражники сочли за благо покинуть Певенсийскую бухту. Возможно, что именно они забили тревогу в соседнем городке Гастингсе и принесли черную весть в Лондон. Известно, что король Гарольд в один день получил сразу несколько известий о вражеской высадке.

После высадки с лодок лучников и арбалетчиков с судов, подошедших к самому берегу, стали спускать сходни, с которых на берег спустились отрядами пешие воины-копьеносцы. Они, рассыпаясь цепью веером, на всякий случай прикрыли десантирование рыцарского воинства. Лошадей сводили по мосткам с большой предосторожностью. На берегу рыцари, облаченные в стальные доспехи, садились на своих коней и группировались в отряды. Помощники герцога указывали им местоположение на берегу в случае появления противника.

С первого часа своего появления на английском берегу, войско Вильгельма приняло готовность отразить ожидавшееся нападение англосаксов. Если не королевской армии, то хотя бы местного ополчения. Но ни того ни другого в день 29 сентября и в ближайшие дни не случилось. Завоевателей никто с оружием в руках так и не встретил на пустынном морском берегу.

После этого начался своз на берег самых различных воинских тяжестей, в числе которых оказались три деревянных башни в разобранном виде, то есть бревна и заготовки из досок. Башни могли выполнять дозорную и оборонительную функции. Основой их гарнизонов являлись лучники, количество которых становилось в самое ближайшее будущее большой заботой

герцога.

Вас в «Романе о Ру» со всей достоверностью сообщает, что из Нормандии были привезены готовые деревянные детали для «частокола», то есть полевого укрепления. Но частокол можно было изготовить на месте, благо густые леса подступали к самому берегу залива Певенси. Или разобрать на бревна дома той же деревушки Певенси. Речь могла идти только о деталях разобранных башен. Для их перевозки потребовалось немало больших судов.

В ряде исторических работ эти башни почему-то называются замками. Считается, что они служили хранилищем запасов провианта, который был доставлен на английский берег из Нормандии на тех же судах, что перевозили и людей. Могло случиться так, что подступившее к берегу войско короля англосаксов отрезало нормандцев от ближайших мест, где они могли найти (награбить) продовольствие.

Истории известен такой запоминающийся случай в день высадки армии вторжения на берег Повенсийской бухты. Согласно преданию, герцог Вильгельм сошел на берег с флагманского судна «Мора» в числе последних. Едва он ступил на землю, как споткнулся и у всех на глазах растянулся на песке. Это видели многие воины, и по их рядам прошел «ветерок испуга», поскольку они, люди с известным суеверием, восприняли падение предводителя за дурной знак.

Вильгельм чутко уловил то, как изменились лица его с такими трудами собранных наемников. Побледнели даже близкие к нему люди, поскольку поразительное для наших дней суеверие являлось в ту эпоху неотъемлемой чертой любого воинства. Завоеватель, отличавшийся природной сметливостью, не растерялся и во весь голос восторженно прокричал окружающим:

– Чему вы удивляетесь? Я обнял эту землю своими руками и клянусь Божьим величием, что она будет ваша! Мы возьмем ее на меч в ближайшие дни…

Есть другое упоминание сказанного герцогом, когда он отряхивал руками одежду от налипшего сырого песка:

– Богом клянусь, эта земля, которую я схватил своими руками, больше не ускользнет от нас! Она с этого дня принадлежит моей короне!..

Нормандские хронисты с этими словами Вильгельма Завоевателя связывают другой эпизод. Какой-то безвестный рыцарь во весь конский мах мчится к ближайшей неказистой хижине местного жителя, срывает с ее крыши пучок потемневшей от дождей соломы и, вернувшись назад, протянул этот соломенный пучок герцогу со словами:

– Сир, я ввожу ваше величество во владение Английским королевством!..

Шутка удалась на славу: раздался взрыв хохота еще только минуту назад встревоженных дурным предзнаменованием людей в воинском облачении. Герцогское воинство сразу как-то приободрилось, поверив в счастливую звезду предводителя. Груз суеверия был с них снят. Больше о дурном знаке, явившемся на песчаном берегу, не говорилось и не вспоминалось…

Прибывшие с войском через море землекопы, плотники и кузнецы (тоже наемные) сразу взялись за привычную для них работу. Они стали собирать привезенные башни и устанавливать их на указанные герцогом возвышенные места. То есть инженерная подготовка вторжения поражала воображение современников: завоеватели возили за собой разобранные укрепления нечасто.

Что касается этих башен, то в хрониках того времени они часто называются «замками», сотворенными из дерева. Думается, что, с одной стороны, это не соответствует определению рыцарского или иного замка. С другой стороны, их возведение свидетельствовало о продуманности десантной операции на вражеском берегу, и авантюрой здесь «не пахло». И с третьей стороны, придавало вес предусмотрительности герцога Вильгельма.

Все это также говорило о серьезности намерений предводителя нормандцев: фортификацию своего времени он знал отменно. Полководческие дарования его заключали в себя и умение вести крепостную войну. Она состояла не только из способностей штурмовать и защищать города-крепости и рыцарские замки, но и использовать в полевых сражениях всевозможные укрепления, возводимые из дерева, земли и камня. Один грозный вид их на поле битвы давал хорошие шансы на победу.

Те певенсийские (или гастингские) башни нормандцев могли устрашать противника, остужать его атакующий пыл только одним своим видом. И хотя башни с их гарнизонами из лучников в войне за Англию «участия не приняли», они своим грозным видом вселяли в герцогское воинство известную долю уверенности в себе и своем военном вожде. Талант всегда

ценился у завоевателей разных эпох и народов.

В таком деле из великих исторических личностей переусердствовал только Чингисхан, у которого имелся огромный штат китайских инженеров и потрясающее число всевозможных осадных орудий и сооружений. Но об инженерном и осадном искусстве завоевателя Чингисхана и китайцев честолюбивый правитель Нормандии каких-либо знаний иметь не мог.

В месте высадки нормандцы и их союзники поспешили укрепиться в походном лагере у Гастингса. Под таким названием он вошел в историю. В таком лагере, больше напоминавшем полевую крепость, можно было не только складировать военную добычу, отдохнуть от ее неустанных поисков, но и в случае неудачи отсидеться за крепостными валами, рвами и палисадами (частоколами). Благо лесов в округе нашлось вполне достаточно, а земля каменистой не была, и легко поддавалась лопате и мотыге.

После начала устройства укрепленного лагеря у Певенси герцог Вильгельм I разослал во все стороны (но недалеко) конные отряды, которые стали грабить окрестности в поисках провианта и фуража. Угрозой оружия отбиралось все ценное, что могло представлять собой военную добычу на чужой земле. Окрестные селения опустошались самым нещадным образом. Найденный на пастбищах и в деревнях скот угонялся. Дело не обходилось без кровавых схваток и убийств мирных жителей.

История сохранила имя одного из самых удачливых командиров отрядов фуражиров. Это был рыцарь Вадард, вассал аббатства Фекан. Он в большом числе пригонял в походный лагерь быков, баранов, крестьянских лошадей, привозил забитую домашнюю птицу. Все это шло в котлы нормандцев и наемников.

Местное население грабилось не только для того, чтобы прокормить войско, но и для устрашения англосаксов. Селения сжигались: спустя двадцать лет двенадцать деревень в округе Гастингса так и не поднялись из развалин. То есть ущерб, нанесенный им нормандцами, оказался равным смертному приговору.

Все награбленное, в том числе провиант, свозилось в береговой лагерь, над которым грозно возвышались три сторожевые башни с дозорными наверху. Они наблюдали дорогу из Лондона и ее окрестности, по которой ожидался подход королевской армии Гарольда Саксонца. Но дорога продолжала пустовать на всем протяжении видимости.

Считается (по ряду источников), что герцог сразу же разослал по дорогам дозорные конные отряды. Сам Вильгельм во главе небольшого отряда конных рыцарей провел разведку местности

или, как сейчас говорят, ее рекогносцировку. Он хотел знать, где подошедший противник может устроить свой лагерь, где может состояться битва, что могут дать ему дороги близ Певенси, и многое другое, что в начале войны может интересовать большого военачальника. Та рекогносцировка навела его на мысль пойти на городок Гастингс, стоявший на дороге, ведущий к Лондону.

Такая предусмотрительность давала лучшую характеристику его полководческим способностям. Тогда еще не было подробных географических карт и других творений топографического искусства. Поэтому очень многие решения на ведение боевых действий принимались, как говорится, «на собственный глаз».

Глазомер же, как показали прежние войны владельца Нормандии, был отменным, схватывающим на поле брани многое из того, что могло повлиять на ход боя. К тому же он, по всей видимости, или не имел надежных проводников и «встречающих» из числа местных жителей, или просто не доверял им в качестве проводников и колонновожатых.

Исследователи достаточно единодушно заключат, что в первые дни вторжения Вильгельм Завоеватель вел себя предельно осторожно и старался не испытывать судьбу. Его армия держалась вблизи Певенсийской бухты, где на якорях у самого берега стояла судовая армада. Капитаны судов пока не получали разрешения ни под каким предлогом покинуть «переполненную» бухту. Да и к тому же хозяева кораблей всех рангов, их команды ожидали обещанного вознаграждения.

Рыцарские отряды нормандцев и французов появились в окрестностях города Гастингса. Герцог, человек опытный в делах военных, лично инструктировал старших таких отрядов. Он приказывал им при появлении войска короля английского возвращаться к лагерю, не ввязываясь в схватки с англосаксами. Одновременно ставились задачи по сбору (конфискации) любого провианта.

В те дни на побережье стояла жаркая погода, которая изнуряла людей и лошадей. Особенно тяжело приходилось конникам, которых постоянно рассылали в разъезды по окрестным дорогам и тропам.

Такие объезды округи совершал и сам герцог. Хронисты приводят случай, когда его отряд из двух с половиной десятков рыцарей (по другому источнику – всего двенадцать конников) оказался в болотистой местности. Жара стояла такая, что нормандцы сняли свои доспехи, которые несли на себе, оставшись в одних рубашках. Один из спутников Вильгельма, Гильом Фиц-Осберн до того выбился из сил, что герцог был вынужден нести свои и его доспехи (кольчугу) до самого

Гастингса. К тому же нормандцам в том случае «из-за плохих дорог» пришлось спешиться: ноги коней с всадниками вязли в болоте.

Нормандцы у Певенси не могли чувствовать себя комфортно даже в полевом лагере. Поэтому герцог перебросил большую часть своей армии поближе к городку Гастингсу, стоявшему в то в далекое время на полуострове, на котром отсутствовали болота. Переброска войск производилась морем, на тех же судах.

Среди суждений о том, почему герцог никак не хотел отрываться со своей армией от морского берега, есть и такое. Можно считать вполне достоверным то, что из Нормандии к нему в залив Певенси прибывали новые суда с воинскими подкреплениями, продовольствием, различным военным имуществом. Штурманские навыки капитанов небольших парусников той эпохи позволяли совершать такие челночные рейсы через пролив Ла-Манш в дни перед Гастингской битвой.

…У исследователей есть противоречивые суждения о том, как вели себя нормандцы и их союзники в первые дни своего появления на английском берегу у Гастингса. Одни считают, что те занимались открытым грабежом, мародерством, что было обычным явлением в любых военных конфликтах Средневековья.

Другие полагают, что герцог старался не давать излишнего повода англичанам, своим скорым верноподданным, для суждений о творимых его воинами беззакония и грабежа. Насилие над жителями побережья пошло бы ему только во вред. Вильгельм в вопросе довольствования своей армии за счет местных ресурсов должен был осторожничать. В противном случае он «показывал лицо», которое особых симпатий не вызывало.

Герцог Нормандский не двигался от морского берега, имея в тылу армаду десантных судов. Он терпеливо и расчетливо ожидал подхода противника в лице армии английского короля. Армия вторжения получала хороший отдых после перехода морем, люди и кони приходили в себя после морской качки. Противник же, наоборот, должен был устать после спешного подхода к Гастингсу, а часть сил англосаксов – просто отстать по пути от торопившегося сразиться с новоявленным врагом короля Гарольда Несчастного.

После завоевания Англии пришельцами из французской Нормандии хронисты станут писать о том, что герцог Вильгельм знал достоверную картину о том, что происходило и могло произойти в стране, королевской короной которой он хотел завладеть. Это касалось и его осторожного поведения после высадки на английском берегу, странного для военных историков

стояния неделю в укрепленном лагере у Певенси в ожидании подхода армии короля Гарольда. В действиях герцога отсутствовала какая-либо инициатива.

Здесь можно высказать суждение о том, что Вильгельм не обладал всей полнотой информацией о силе своего соперника после сражения у Стамфорд-Бриджа. Можно говорить и о том, что армия вторжения опасалась «отрываться» от морского побережья. В любом случае завоеватели не решались искать успеха в полевой битве, наступая на главные силы англосаксов.

Пройдет время, и из хроник исчезнут упоминания о том, насколько осторожно вел себя Вильгельм Завоеватель в первые дни высадки близ Гастингса. Эту осторожность «закроют» все прочие достоинства его как полководца, как мужа, решившего взвалить на свои плечи управление чужой для него страной.

В те дни в походном лагере армии вторжения стали появляться люди, называвшие себя нормандцами, проживавшими в Англии и ненавидевшими короля Гарольда и его род, который доставил им в последние годы много бед. Герцог подолгу беседовал с ними: эти люди сообщали ему богатую информацию. Именно они принесли ему «через море» весть о состоявшейся битве англосаксов с норвежскими викингами при Стамфорд-Бридже.

К этому можно добавить, что в те последние сентябрьские дни и в начале октября 1066 года Вильгельм Завоеватель вел себя совершенно нелогично, не как требовали обстоятельства и ситуация. Это и составляет немало загадок для истории Англии, давая исследователям богатую пищу для дискуссий и выстраивания цепочек для доказательств действительно странного поведения герцога Нормандии у Певенси и Гастингса.

…Гарольд Несчастный известие о высадке герцога Нормандии с многочисленным войском получил в Йорке с большим запозданием, только в первые дни октября, но не позднее 5-го числа. Вероятнее всего, запыленные вестники с берега Ла-Манша не сразу нашли его походный лагерь, а донесение не содержало в себе всей полноты сведений о силе неприятельской армии и поведении завоевателей. Есть версия, что такое тревожное известие Гарольд получил на пиру в городе Йорке, в ходе празднеств по случаю победы над норвежцами.

То есть донесение заключало в себе сам факт совершенного вторжения, название места десантирования вражеского войска, имя его предводителя. Будь оно полнее, с большей информацией о вражеском вторжении, то король Гарольд, что вполне возможно, принял бы иные решения для своих действий. Но об этом сегодня можно только гадать. К Вильгельму Нормандскому он мог питать

не самые добрые чувства, что, пожалуй, и не скрывал. Ведь тот покушался на его корону, на само существование новой династии Англии.

В значимости новой военной угрозы королю размышлять не приходилось. Он понял, что это не просто набег нормандцев на его владения, не просто угроза обиженного герцога, а реальная акция по лишению его английской короны. Именно она «красовалась» в эпицентре раскручивавшихся на юге Уэссекса событий.

Король Гарольд, долго не раздумывая, выступил в поход и одолел расстояние в 320 километров между Йорком и Лондоном всего за пять суток. Его пешие отряды и конница торопились, отводя на стоянки и привалы с ночлегами лишь самое малое время, давая отдохнуть ногам и лошадям. По пути к армии присоединились со своими отрядами ополченцев шерифы Тадкастера, Линкольна и Хантингдона.

С королем не было ополчений Нортумбрии и Мерсии, которые предстояло собирать вновь после победы над викингами из Норвегии. Король поручил это сделать как можно скорее местным эрлам Эдвину и Моркару. Как считают историки, те не поторопились исполнить волю своего монарха из рода Годвина, которому они не доверяли, хотя он и стал их близким родственником. Ополчения северных англосаксов так и не появились у Гастингса.

В Лондоне Гарольду пришлось столкнуться с разногласиями в семье Годвина. Его вдова, Гита, обрушилась с упреками на короля, виновного в гибели младшего брата Тостига. Брат Гирт заявил, что нельзя человеку, присягнувшему на верность нормандскому герцогу, вставать во главе армии королевства. И то и другое вызвало гнев Гарольда Кроткого.

Считается, что королю советовали опустошить южные области страны, чтобы в преддверии зимы лишить новоявленного врага пропитания, и отступить к Лондону, чтобы укрепиться в его окрестностях. Имея в тылу столицу, которая могла дать ему значительное число воинов, кораблей, провиант и фураж, Гарольд мог бы чувствовать себя достаточно уверенно. Но он не послушал такого совета, спеша встретиться с Вильгельмом Нормандским лицом к лицу на поле брани.

В столице английский монарх вынужденно задержался на несколько дней, до 12 октября. Требовалось дать воинам хоть немного отдохнуть, дождаться новых отрядов вассалов и набрать в Лондоне новых ополченцев, имевших личное оружие и не нуждавшихся в нем. К слову говоря, лондонцы достаточно дружно взялись за оружие: они уже знали, что биться придется с

нормандцами. А о них на земле англосаксов хранились не самые добрые воспоминания и предания.

Считается, что, не став дожидаться подхода ополчений из Нортумбрии и Мерсии (северных областей Англии), Гарольд Кроткий, поостыв от спешки, собрал в столице все наличные там воинские силы. По всей вероятности, он посчитал, что набранного войска вполне хватит, чтобы одержать викторию у Гастингса, а остатки неприятельских войск сбросить в море.

В одной из редакций «Англосаксонской хроники» утверждается, что король Англии, торопясь сразиться с новыми завоевателями, выступил из Лондона лишь с половиной тех воинских сил, которыми реально обладал на время Гастингской битвы. Думается, что такое утверждение безвестного автора-хрониста близко к истине.

О такой его уверенности в победе говорит следующий факт. Гарольд приказал английскому флоту покинуть устье Темзы и перейти к Гастингсу, взять там контроль над проливом Ла-Манш и тем самым отрезать нормандцам единственный путь к отступлению во Францию или бегству туда же. Если бы твердой уверенности в победе у него не было, то такого приказа флоту Англии из уст монарха, скорее всего, не последовало.

Днем 13 октября пешая королевская армия англосаксов прибыла в окрестности города Гастингса. Считается, что она совершила за 48 часов изнурительный марш-бросок в 90 километров (!) по плохим, размытым прошедшими дождями дорогам. Возможно, Гарольд рассчитывал на свое внезапное появление перед неприятелем, хотел застать его врасплох, как это случилось у Стамфорд-Бриджа. Противник же здесь был иной. Конные дозоры, рассылаемые из лагеря герцога по дорогам, свою задачу выполнили.

Король Гарольд Несчастный так торопился сразиться с новым неприятелем, что не стал тратить время на ожидание подхода сильных числом ополчений Мерсии и Нортумбрии. Важно было то, что они отличились в сражении при Стамфорд-Бридже, показав высокий боевой дух. Это и стало одной из главных причин его жестокого, гибельного поражения в битве у Гастингса. В этом исследователи вполне единодушны.

Побудь король в Лондоне еще два или три дня, он привел бы к Гастингсу армию большую на несколько тысяч хороших воинов. Это у исследователей ни вчера, ни сегодня особых разногласий не вызывает. Они единодушно считают, что Гарольд очень торопился к Гастингсу, то есть к своей погибели. Это был какой-то рок, который висел над Гарольдом Несчастным, не правившим Англией даже одного года.

Выбрав для битвы недалеко от города Гастингса большой пологий холм Сенлок, английский король сразу же расположил на нем прибывшие с ним войска. Холм был меловый, с крытым обратным скатом, за которым начинался густой лес, который топор лесоруба особо и не трогал. Сенлок на две части рассекала неширокая лощина, уходящая в лесную чащу, которая могла служить путем отступления в случае неудачного исхода битвы. Гребень высоты был неровен.

Приметный холм и его окрестности по сей день называются местными жителями словом «побоище». Ныне он носит название Бэттл Хилл. Считается, что прошедшие столетия заметно изменили внешний облик высоты, которая стала местом исторического сражения, да и окрестностей самого Гастингса.

Особенностью этой высоты на той лесистой и болотистой местности состояла в том, что мимо холма, у его подножия проходила дорога на север, к переправе (броду) через реку Ротер. Болота, подходившие с двух сторон к Сенлоку, не позволяли обойти его ни пешим, ни конным.

Считается, что холм находился от лагеря завоевателей в семи милях. Такое расстояние позволяло выслать вперед дальние дозоры, которые могли своевременно известить короля о начальном движении вражеского войска по одной-единственной дороге, проходившей по болотистой местности. Неприятель мог подойти к Сенлаку подуставшим, что виделось немаловажным фактором в начале сражения.

Не находясь в визуальном соприкосновении с соперником, герцог, возможно, изрядно поволновался, гадая о его возможных движениях. Есть сообщения, что часовые-нормандцы вечером заметили издали большое число англосаксов, которые передвигались под прикрытием леса. Так что завоеватели должны были опасться внезапного ночного нападения на свой стан. Однако в замыслах Гарольда на битву ночной атаке места не нашлось.

Холм Сенлак именуется в истории еще и как Тельхэмский холм. Ему часто приписывается слово «мрачный». Поэтому можно судить, что с этой белесой (меловой) высотой у жителей южной Англии еще с древности были связаны какие-то не самые добрые воспоминания и предания. В противном случае в исторических писаниях не появился бы «мрачный Тельхэмский холм».

Гарольд построил свою армию одной сомкнутой неглубокой массой: он мог быть уверен в профессиональных способностях своих ратников, только-только одержавших убедительную победу над викингами и мятежниками. Многие из них сражались не копьем, а более мощным оружием – секирой. Она была любимым

национальным оружием германского племенного союза саксов. Секиры прорубали кольчуги, крушили любые шлемы и щиты той эпохи. Ими же калечились лошади в боевых, то есть защитных убранствах. Но для размаха секирой воин должен был иметь достаточно пространства, иначе удар терял убойную силу.

Был доставлен запас стрел для луков и арбалетов, которые возились в бочках или корзинах. Такие же значительные запасы стрел имелись в отрядах герцога Вильгельма. Над этим потрудилось немало ремесленников, да и самих воинов в городе Руане, других крепостях Нормандии.

К слову говоря, стрелы, особенно арбалетные, в рыцарское Средневековье являлись ходовым товаром и были действительно ходовым товаром. Изготовление стрел, особенно оперенных, являлось делом трудоемким. Считается, что когда появилось огнестрельное, весьма еще несовершенное ручное оружие, оно «отправило в историю» более дальнобойные тогда луки по той причине, что отливка пуль из свинца занимала у военного человека гораздо меньше времени, чем изготовление оперенных стрел.

Высота, созданная природой из меловых пород, находилась на дороге, ведущей к укрепленному лагерю Вильгельма Завоевателя. Считается, что его соперник, заняв Сенлок, хотел перекрыть врагу путь во внутренние области Англии и заставить его сражаться вблизи морского берега. К тому же позиция англосаксов держала под контролем дороги, которые вели из Певенси и Гастингса, в том числе и стратегически важную в той ситуации хорошую дорогу на столичный Лондон.

Королевские воины, окрыленные недавней убедительной победой над викингами из Скандинавии, держались бодро. Всю ночь с вершины Сенлака во вражеский стан неслись воинственные песни, прерываемые веселыми криками и звоном мечей, ударяемых о деревянные щиты. Только у немногих воинов они были обиты крест-накрест железными полосами. Так англосаксы воодушевляли себя перед новой битвой, которая для многих из них окажется последним днем бренной жизни.

Исследователи достаточно единодушно оценивают стратегическую ценность позиции англосаксов у Гастингса. Это свидетельствует о том, что король Гарольд хорошо знал дорожную сеть страны, ее географию. Так что занятие королевским войском огромного мелового холма у городка случайностью назвать никак нельзя. Думается, что герцог Вильгельм сумел по достоинству оценить полководческое решение своего соперника.

…Если судить по законодательсву Английского королевства,

страна обладала значительной военной силой. По призыву монарха под его знамена обязан был встать каждый лично свободный человек. Но государство англосаксов не пользовалось правом сбора всеобщего народного ополчения на протяжении двухсот лет (!), и организация его была утрачена.

Ополчения собирались эрлами на местах. От того, за кого стоял тот или иной эрл, зависела сила королевких войск. Государство ополченцев оружием и доспехами не обеспечивало, поэтому англосаксы в этом сильно уступали нормандцам. Их герцоги имели собственные арсеналы, в которых хранилось оружие, рыцарские доспехи, запасы стрел к лукам и арбалетам, конская сбруя и многое другое, требуемое для оснастки конного и пешего воина.

Лучшей частью армии англосаксов уже многие десятилетия являлись датские воины-хускарлы, вооруженные длинными двуручными секирами. Это были люди, специально отобранные по росту и физической силе. Хускарлы составляли личную охрану не только монарха и членов их семей, но и эрлов. Хотя численность хускарлов в армии короля Гарольда Саксонца нам неизвестна даже приблизительно, но значительной (в тысячах) она быть не могла.

Точных данных о численности королевской армии история не сохранила. Но исследователи предполагают, что в распоряжении Гарольда Саксонца в день сражения при Гастингсе имелось всего лишь 9 тысяч воинов (или немногим больше), две трети (или только одна треть) из которых были плохо вооруженными и еще хуже организованными ополченцами. Но в их искреннем желании отстоять родную землю от незваных пришельцев сомневаться историкам не приходится. Называются и другие цифры, но не столь значительные.

Что касается королевских ополченцев, то их состав у историков вызывает определенные разногласия. Часть исследователей считает, что это были крестьяне-общинники, англы и саксы. Другие не видят в ополчении короля Гарольда Саксонца крестьян, считая, что где-то с X века народ нужно рассматривать как безоружную, невоинственную массу.

Среди наиболее авторитетных исследователей военного дела европейского Средневековья можно назвать Ганса Дельбрюка. В своей «Истории военного искусства в рамках политической истории» (том 3-й, Средневековье) автор пишет следующее:

«…Король английский Гарольд в войне против норманнов и не пытался опереться на крестьянское ополчение, можно заключить, что англосаксонские крестьяне в войне Гарольда с Вильгельмом вообще не принимали участия; только потом уже

крестьянство поняло, что здесь вопрос шел об отражении чужеземного владычества».

Все же думается, что провинциальное ополчение, которое король Гарольд Несчастный вел к Гастингсу на битву с завоевателями из Нормандии, в своем большинстве состояло из простых крестьян, то есть являлось простонародьем, сохранившим в себе ратный дух и желавшим, сражаясь за короля, защитить родную землю. Исключение здесь составляет только городское ополчение Лондона, имевшее «приличное» оружие и бывшее более организованным и как-то обученным военному делу.

Современные исследователи склонны видеть следующий состав армии короля Англии в битве при Гастингсе. Вне всякого сомнения, основу его составляло народное ополчение англосаксов – фирд. И что немалую часть его составляли жители Лондона и его окрестностей. Меньшую часть составляли отряды служилой знати (тэнов). Отдельной частью смотрится личная дружина монарха из датчан-хускарлов.

Определилось общее мнение о вооружении королевской армии. Основным оружием ополченцев являлся так называемый боевой «датский топор» – секира с широким лезвием на рукоятке длиной примерно в полтора метра, то есть в рост человека той эпохи. Хронисты пишут, что хороший удар «датского топора» мог прорубить рыцаря в доспехах и его коня одним ударом. Но для такого замахивания пешему воину в схватке с всадником требовался определенный простор. Секира как оружие демонстрировала свою малую эффективность, когда дело доходило до общей свалки или начиналось с построением воинов в плотные ряды.

Историки склонны считать, что лучников было крайне мало, или почти ничего. Такое обстоятельство считается одним из определяющих в исходе Гастингского сражения. Действительно, у англосаксов лук и стрелы, как оружие простого воина, распространения не получил.

То есть герцог Вильгельм I Нормандский, со всей вероятностью, как одна из версий, имел под Гастингсом если не четырех-, то трехкратное превосходство в силах. Вполне возможно, что превосходство было заметно меньшее. К тому же его армия после высадки на побережье вполне успела неплохо отдохнуть после тяжелого перехода через штормовой Ла-Манш.

Вообще, соотношение сил сторон в сражении при Гастингсе спорно по сей день. Поскольку достоверных и единых сведений в хрониках о том нет, то такие споры исследователей Средневековья будут иметь место и в будущем. Ясно лишь одно:

какого-то заметного численного превосходства, если оно и было, англосаксы не имели. Иначе их король не стал бы начинать битву по оборонительному варианту.

Гарольд Несчастный, имевший задатки полководца (это показал разгром армии норвежского короля и мятежного брата), реально оценивал возможности своих сил и войска завоевателей из Нормандии. Вероятнее всего, он провел разведку вражеского войска, и опытные королевские военачальники помогли ему составить вполне достоверный образ неприятеля.

Возможно, король Гарольд имел какое-то представление о военной силе, собираемой герцогом, который не скрывал личной неприязни к Гарольду после его коронации. В эпоху феодализма подобная неприязнь была равнозначна объявлению войны. Такие сведения он мог почерпнуть из рассказов тех, кто побывал на французском берегу Ла-Манша, в Нормандии. Носителями такой информации во все времена являлись люди торгового дела и моряки тех судов, которые ходили по Ла-Маншу.

В те времена гражданские суда могли без излишних объяснений приставать и к французскому, и английскому берегам. Но в случае состояния войны между Англией и Францией такой заход грозил капитану и команде тюремным заключением. В таком случае судно-нарушитель и имеемый на борту груз подвергались конфискации и продаже с торгов в пользу королевской казны.

В итоге король Гарольд Саксонец, зная реальное соотношение сил, решил не нападать, а защищаться на меловом холме Сенлак, занимая там достаточно выгодную позицию для ведения оборонительного боя. На такое решение, вероятнее всего, повлияли сведения о том, что герцог обладал значительными отрядами тяжеловооруженной рыцарской конницы с ее таранным ударом в чистом поле. Монарху Англии против нее противопоставить было нечего: конных воинов он привел с собой совсем мало, а его пехота после марш-бросков устала.

Есть предположение о том, почему король, спешивший предстать перед новоявленным врагом, не пошел дальше Гастингса. В то время деревушка Певенси была окружена проходимыми болотами, о чем Гарольд знал достоверно. Ему важно было использовать то, что защитникам королевства англосаксов даровала дикая природа.

Король приказал своим телохранителям – воинам-хускарлам (датской гвардии) занять центр позиции, спешив при этом имевшуюся у него конницу. Хускарлы были теми воинами королевской армии, которые имели защитные доспехи (кольчуги) и хорошее оружие. Они отличались профессиональной выучкой и,

как показал венец битвы, высокой личной преданностью монарху Англии, что дало им в истории отечества высокую честь. Хронисты в один голос говорят о мужестве хускарлов.

Королю помогали распоряжаться его родные братья эрлы Леофвин и строптивый Гирт, часто выходивший из себя. Собственно говоря, их и можно назвать в тот день главными военачальниками армии Английского королевства, пришедшей к Гастингсу сразиться с новоявленными завоевателями. Битва показала, что братья Годвины в смертный час готовы были положить жизнь друг за друга.

Королевские ополченцы, среди которых было много горожан-лондонцев, заняли позицию на флангах. Одетые в шерстяные кафтаны ополченцы почти не имели защитных доспехов, если не считать деревянных щитов. Главным их оружием являлись традиционные секиры, оружие, страшное в рукопашной схватке. Копейщиков насчитывалось гораздо меньше. Достаточно много набиралось лучников и пращников, которые относились к числу легковооруженных воинов. Английские лучники уже пользовались большой известностью в эпоху Средневековья.

Встречаются писания о том, что часть ополченцев-англосаксов якобы была вооружена каменными топорами и дубинами. Такое утверждение может говорить только в пользу короля Гарольда Несчастного, проигравшего при Гастингсе и страну, и корону, и собственную жизнь. Нельзя утверждать о каких-то защитных доспехах из металла у простых ополченцев, но железный топор или наконечник копья они все же имели. Хотя, как писали хронисты, у многих ополченцев единственным оружием было подобие булавы: остроугольный камень, закрепленный на конце короткой, но увесистой палки. В качестве оружия упоминаются дубины, просто колья.

В любом случае нормандцы имели гораздо лучшее оружие и защитные доспехи, чем их противник, который к тому же и численного превосходства не имел. Облик воинов двух армий дошел до нас благодаря изображениям исторического ковра из Байё, подлинной реликвии рыцарского Средневековья.

Тэны англосаксов, как люди состоятельные и знатные, имели в большинстве излюбленное оружие. Им был двуручный меч, обращение с которым требовало большой физической силы, выносливости и известной натренированности.

Высказывается предположение, что в битве рыцари (у англосаксов это была знать и королевская дружина хускарлов) с обеих сторон имели какие-то отличительные знаки. Возможно, это были одноцветные повязки. В ту эпоху рыцарские кольчужные доспехи были настолько похожи друг на друга, что о какой-то их

«национальной принадлежности» рассуждать не приходится.

Неслучайно один их хронистов, описывая бой рыцарских отрядов, сообщает такой интересный факт: «Все имели отличительные знаки, по которым узнавали своих, так что норманн не мог поразить норманна, франк – франка».

Сегодня исследователи часто ставят под большое сомнение численность войск сторон во многих битвах. Как правило, это завышение сил неприятеля, а не своих собственных, которые склонно занижать. Причем порой, в особенности для Древнего мира и Средних веков, приводятся просто фантастические цифры. Нет единства и объективности и при относительном определении численности и даже профессионального состава армий короля Гарольда Саксонца и герцога Вильгельма Нормандского.

Известный историк Ганс Дельбрюк в своей книге «История военного искусства в рамках политической истории» (Том 3, Средневековье) приводит интересный вывод исследователя Омана о возможной численности королевского войска, укрепившегося на меловом холме Сенлак. Оман пишет следующее:

«Холм, на котором они (англосаксы) стояли, имеет в длину примерно 1500 метров, если положить на каждого человека три фута, то по фронту могло стоять 1700–2000 человек, а так как они производили впечатление очень глубокого построения, то, очевидно, один за другим стояло 10–12 человек. В итоге получается около 25 000 человек».

Таким образом, Оман на основании размеров местности, то есть холма Сенлак, исчисляет королевское войско англосаксов в 25 тысяч воинов, с чем не согласны большинство других исследователей. Они достаточно единодушно определяют силы Гарольда в два, а то и три раза меньше.

По поводу такого расчета есть много самых различных возражений. Во-первых, совсем не обязательно весь холм Сенлак мог быть заполнен воинами англосаксонского короля. Они могли занимать позицию только на вершине холма, или, к примеру, в той его части, которая была им удобна для оборонительных действий.

Во-вторых, сообщения нормандских хронистов о густоте рядов королевской армии вызывают много сомнений и возражений. В большинстве случаев они явно достоверностью не отличаются и выглядят весьма неубедительно.

Специалисты по рыцарскому Средневековью, например, считают, что на холме Сенлак по фронту могло стоять примерно 1000 воинов, чтобы в рукопашном бою не мешать друг другу. Даже лучнику и пращнику, стрелку из арбалета требуется некоторое пространство для метания стрел и камней. Лук

жителей Британии в ту эпоху имел длину от полутора до двух метров, то есть от пяти до семи футов.

Считается, что в то время английские лучники по мастерству уступали таким же стрелкам из Нормандии. Думается, что такое суждение спорно: лесов в Англии, где можно было поохотиться, тогда имелось побольше, чем во Франции и ее Нормандии. К тому же лук со стрелами видится старинным оружием англосаксов.

Те же исследователи вполне обоснованно считают, что исходя из внешнего вида мелового холма, в глубину построения королевское войско могло стоять человек по шесть, один за другим, а то и того меньше. То есть о каких-то глубоких боевых порядках на вершине Сенлака сегодня говорить не приходится. В любом случае королевское войско из себя неорганизованной толпы на начало сражения не представляло.

Нормандские хронисты себя такими расчетами на местности не утруждали, принимая на веру то, что исходило из уст венценосца Вильгельма I Завоевателя. А уж он-то и не думал уменьшать численность армии своего соперника. То же самое высказывали и приближенные к нему люди из числа участников Гастингского сражения, которое резко изменило их судьбу и положение.

Таковы мнения специалистов военного дела, подкрепленные какими-то документальными свидетельствами, о войске английского короля Гарольда Несчастного. О его числе, вооружении, занимаемой позиции, боевом построении. Но все это относительно правдиво, поскольку точных данных, подтвержденных достоверно документами, нет.

Также нет достоверных данных о боевом построении сторон. Исходя из оптимальной численности двух армий, возможной длины по фронту мелового холма и подступавших к нему болот исследователи сходятся к тому, что боевое построение не могло превышать восьмисот метров в линию. Это относится как к англосаксам, так и к нормандцам. Так что конным рыцарям из Франции предстояло атаковать только в лоб, идя в атаку на высоту.

Потому для историков даже народное предание, передаваемое из поколения в поколение изустно, является бесценным источником. И хорошим основанием для того, чтобы оспаривать свой взгляд на битву у Гастинга в научных дискуссиях и публикациях.

Возможно, как считает ряд исследователей, позиция англосаксов спереди была чем-то укреплена, скорее всего, частоколом, поскольку в те годы у Гастингса росли обширные леса. Возможно, были устроены и волчьи ямы, засеки на флангах.

Какое-то время на такие работы лесорубов и землекопов у англичан, привычных к таким видам работ, нашлось.

Природа словно сама потрудилась в деле укрепления позиции армии англосаксов. Обрывистые склоны «мрачного» мелового холма исключали неприятельский обход или удар во фланг. В большой битве это имело исключительное значение. Густой лес в тылу не позволял рыцарской коннице приблизиться к высоте. Атаковать позицию можно было только с фронта, где смотрелся пологий склон Сенлака.

Исследователь Эдуард Фриман считает, что король Гарольд построил свою армию фронтом в «виде палисада с тремя выходами». То есть устроил на холме Сенлак фортификационную позицию с большим знанием военного искусства той поры: его войска (отрядами или единым фронтом?) стояли за палисадом, имевшим три достаточно удобных (широких) выхода для контратак.

Вполне вероятно, что эти выходы как-то защищались – большими щитами, на скорую руку сделанными воротами, плетеными турами, повозками и тому подобным. И, скорее всего, усиленным отрядом лучников. В противном случае тяжеловооруженная рыцарская конница имела хороший шанс ворваться вовнутрь неприятельской позиции.

Думается, что и король Гарольд, и его военачальники такой вариант при устройстве оборонительной позиции на высоте предусмотрели. В полевом сражении палисад никак не мог быть «глухим», то есть без выхода (или выходов) вперед за него.

Генерал Келер (Ганс Дельбрук называет его фантазером, а описание палисада – взятым у романистов) в своем большом труде по истории военного искусства, увидевшем свет в 1886 году, описывает этот палисад англичан следующим образом:

«Вокруг каждого отряда на определенном расстоянии друг от друга был крепко вбит в землю ряд кольев с наклоном вперед, причем железное острие было направлено в грудь вражеских коней…

Снизу и до высоты в 3–4 фута колья были связаны плетнем, очевидно, для обороны против неприятельской кавалерии, с той целью, чтобы лошади, прежде чем достичь отряда, должны были сделать скачок…»

В свое время военно-исторический труд генерала Келера стал предметом пристального внимания историков, занимавшихся европейским Средневековьем. Поскольку автор не смог представить на общее обозрение каких-либо документальных или мемуарных источников, повествующих о высоком

фортификационном искусстве в армии короля Гарольда Саксонца, то его оппоненты сделали такое заключение:

«Фантазия генерала Келера относительно крепко вбитых кольев с железными остриями, направленными против неприятельских коней и опутанных плетением высотой в 3–4 фута, через которые скачущие в гору рыцарские кони должны перепрыгивать, должна служить историкам утешением в том смысле, что на практике и образованные люди представляют себе возможными такие вещи, которые на самом деле не могут иметь места.

В данном случае они тем более невозможны, что войско, якобы воздвигнувшее вокруг себя такое укрепление, по словам того же автора, имело численность не меньше 60 000–75 000 воинов и только накануне вечером прибыло в это место…»

Установлено, что фортификационное сооружение на вершине холма Сенлак «имеет место» только в виде укоренившегося в веках предания. Вне всякого сомнения, под этим что-то действительно было, и потому ни один из серьезных историков не сбрасывает палисад англосаксов на поле Гастингской битвы со счета. Чем-то же должен был король-полководец укрепить, усилить избранную им оборонительную позицию? Предание же рассказывает нам только о палисаде, изобретательном укреплении против ударов конницы, в том числе и рыцарской.

С другой стороны, королевская армия, спешившая к Гастингсу из Лондона, уставшая и измотанная, не могла за одну ночь устроить такое укрепление, да еще значительной протяженности. К тому же в английской истории той эпохи ничего не известно о железных наконечниках для кольев в препятствиях против конницы.

У историков есть мнение, что в источниках того времени палисад не упоминается по той простой причине, что не играл и, что самое главное, не сыграл отводимой ему роли в битве при Гастингсе. Это равно относится и к тому, что армия англосаксов имела конных воинов столь малое количество, что хронисты просто не писали о наличии конницы у короля Гарольда на поле Гастингского сражения.

Все же какие-то укрепления на вершине холма Сенлак имелись: королевская армия заняла там оборонительную позицию, и одно это обязывало ее что-то устроить для собственной защиты от атак войск герцога Нормандии. Вопрос состоит только в том, какие это были укрепления?

Авторы ряда исторических описаний Гастингской битвы договариваются до того, что англосаксы якобы выкопали на вершине Сенлака ров и насыпали оборонительный вал. Но такого

укрепления быть там не могло. Вопрос даже не во времени: долбить секирами меловую породу и руками собирать ее в насыпь вряд ли пришло бы кому-то в голову.

Что же касается романистов, вдохновивших генерала Келера на «воспевание плетня», как фортификационного сооружения, то они писали свои художественные произведения не при жизни короля Вильгельма I Завоевателя. Первый роман о нормандском завоевании Англии вышел из-под пера Ваца спустя 90 лет после Гастингского сражения. Естественно, что он пользовался преданиями, устными и давно утерянными письменными источниками. Судить же об их достоверности нам сегодня не приходится.

Думается, что если плетень и был устроен перед битвой на холме Сенлак, то это не было мощным оборонительным сооружением англосаксов. Скорее всего, это было «легкое плетение», долженствующее прежде всего, быть защитой от неприятельских стрел. Одновременно оно, что, несомненно, служило трудноодолимым препятствием для вражеской конницы в лице неповоротливых рыцарских коней, часть которых, как и всадники, могла иметь защитное снаряжение. Ганс Дельбрюк по этому поводу замечает:

«…Если плетение действительно не имело значения, то при рассмотрении сражения мы можем вообще опустить его. Кроме того, если оно не было действительным, то вряд ли утомленное переходом англосаксонское войско потратило бы ночь на его установку. Во всяком случае рассказ и авторитет поэта, написавшего свое произведение спустя 100 лет после события и поставившего себе целью дать занимательный, а не исторический роман, не могут заставить нас поверить в его достоверность».

И еще одно замечание насчет фортификационных сооружений королевских воинов. По традиции той эпохи ворота (выходы) палисада перекрывались большими щитами. Воины также часто навешивали на колья частокола свои щиты, что служило им хорошей защитой от стрел и камней пращников.

…У исследователей (прежде всего у поклонников «рыцарских начал») есть мнение, что Гастингскому сражению предшествовали какие-то (?) переговоры противников. То есть в том событии действовал, пусть и формально, кодекс рыцарской чести, что можно считать вполне вероятным для Средневековья. Достоверно не известно, кто инициировал такие переговоры, кто делал попытки о чем-то договориться.

Думается, что Вильгельм Нормандский требовал для себя добровольной отдачи «законно принадлежавшей ему английской короны». Требования короля, вероятнее всего, сводились к тому,

чтобы чужеземцы миром возвратились во Францию. Но в любом случае переговоры в начале войны, когда армия вторжения из Нормандии уже десантировалась на английскую землю, ни к чему положительному привести не могли. То есть «Рубикон» герцога Нормандии и его союзников был уже за их спиной, они его перешли через пролив Ла-Манш.

Ничего не говорится и о том, где проходили такие переговоры, если они имели место. В стане герцога? В шатре короля? Или на поле битвы у склона холма Сенлак? Неизвестно, была ли это личная встреча соперников-венценосцев или дело ограничилось короткой встречей на нейтральной полосе или в стане одного из противников уполномоченных лиц.

Ряд историков склонны утверждать, что посланцами короля и герцога у Гастингса являлись ученые монахи. По мнению Поля Зюмтора, именно через таких переговорщиков король и герцог якобы попытались перенести спор за английскую корону с поля брани на решение третейского суда. Относительно этого Гарольд мог быть только против, поскольку он уже доподлинно знал позицию папы римского и его кардиналов.

…Все это – мнения историков нашего времени. Хронисты-современники и последующие публикаторы пишут о том, что Гастингской битве предшествовали переговоры сторон. Они начались тогда, когда армия Вильгельма Завоевателя уже оказалась на английском берегу.

Есть мнение, что начало такой дискуссии двух уже непримиримых сторон положил Роберт Фиц-Вимарх, приближенный короля Эдуарда Исповедника, который по каким-то веским для него причинам оставил Лондон и укрылся в своем поместье в Эссексе. Именно он предупредил герцога, что многочисленная королевская армия движется к Гастингсу. Поступок этого придворного вельможи сравним с предательством. Он умолял Вильгельма Нормандского не спешить навстречу противнику, а занять выгодную оборонительную позицию, укрепив ее.

Среди письменных источников есть рассказ о том, как король Гарольд послал вперед себя в Певенси монаха с требованием к герцогу покинуть землю Англии. Посланец прибыл на место в день, когда Вильгельм занимался осмотром якорной стоянки своего флота. При первой встече он представился монаху так:

– Я сенешаль графа нормандцев и самый близкий его советник. Передай мне свое послание; я сообщу его графу. Только затем он примет тебя…

На следующий день Вильгельм Нормандский принял монаха. Посланцу Гарольда Саксонца были высказаны те обвинения,

которые он уже знал из переписки с герцогом после своей коронации. В ответе король напомнил оппоненту о законности своего избрания на английский престол.

В ответ герцог предложил передать дело в суд Англии или Нормандии. Одновременно он предложил решить их спор в рыцарском поединке, что встречалось не раз в истории заподноевропейского Средневековья.

Об этом рассказывает в своем труде Вильгельм из Пуатье. Автор же «Поэмы о битве при Гастингсе» о предложении герцога Нормандского насчет поединка не говорит ничего. Такой немаловажный факт, как считают историки, опустить из описания он не мог.

Переговоры больше всего напоминали словесный поединок. В любом случае такие переговоры могли носить только категоричный характер, а высказываемые требования к противной стороне должны отличаться резкостью и, скорее всего, оскорбительностью слов. То есть о какой-то дипломатической любезности рассуждать за сроком давности не приходится.

…Герцог Вильгельм I, настроенный более чем воинственно, решил первым атаковать неприятельские позиции, ибо он видел, что король Гарольд Саксонец имел заметно меньше воинов и первым нападать на неприятеля не намеревается. Он наметил себе выжидательную тактику и должен был отдать достаточной строгий приказ о точном исполнении всеми отрядами задач на ведение оборонительного боя.

В ту эпоху, по многим свидетельствам, боевые действия на земле англосаксов «обходились» без применения конницы. Так было до вторжения из Нормандии. Стороны во время внутренних военных конфликтов и вторжений викингов Скандинавии (из Дании и Норвегии) вели битвы в пеших построениях. Гарольд видел с вершины холма Сенлак значительные числом отряды вражеской рыцарской кавалерии и, вполне возможно, именно поэтому сделал ставку на защиту выбранной им оборонительной позиции.

Неподвижность армии жителей Британии в битве у Гастингса наводит на мысль о том, что король Гарольд Несчастный хорошо знал боевые достоинства тяжелой рыцарской кавалерии. Он ее видел на полях Нормандии и Бретани, когда «гостил» у герцога Вильгельма. То есть он сделал все возможное, чтобы битва не началась на равнине, где могла верховодить тяжелая «панцирная» конница, которой он не имел. Приказания, которые исходили от короля, могли быть направлены, прежде всего, на удерживание отрядами ополчений участков оборонительной позиции.

Многие исследователи рыцарского Средневековья, даже его

начальной стадии, приходят к двум выводам касательно Гастингской битвы:

Во-первых, желание выиграть сражение одной только обороной видится безнадежным предприятием.

Во-вторых, в деле у холма Сенлак, стоявшего на равнине, без кавалерии ничего победного сделать было нельзя.

Вне всякого сомнения, герцог Вильгельм отслеживал ситуацию. Конные разъезды донесли герцогу, что подхода новых отрядов англичан не видится. Когда королевское войско оказалось на холме, стало ясно, что усиления оно скоро не получит. Такое немаловажное обстоятельство, скорее всего, и подтолкнуло Вильгельма Завоевателя к атакующему началу битвы. Он спешил, поскольку опасался подхода новых отрядов англосаксов, вероятнее всего – ополчений. Тогда соотношение сил, пусть даже простым числом, могло измениться не в пользу нормандцев.

…На рассвете 14 октября армия правителя Нормандии перешла в наступлении, в полном составе выступив из лагеря у деревушки Певенси. Походная колонна сил вторжения имела авангард, который составила личная рыцарская дружина герцога Вильгельма. В голове колонны находилось большое число лучников и арбалетчиков на случай внезапного нападения из засады. К тому же такие стрелки являли собой неотъемлемую часть боевого охранения в походе.

Если взглянуть со стороны на войско Вильгельма Завоевателя, то поражало, прежде всего, его лучшее вооружение, которого не имела подавляющая часть англосаксов. Рыцари были экипированы в кольчуги (доспехи), сделанные из колец и маленьких четырехугольных железных пластин. Их головы украшали большие железные позолоченные или посеребренные шлемы. Они имели прямые обоюдоострые мечи, копья с древками из легкого, хорошо просушенного дерева с широкими наконечниками, кинжалы, овальные большие щиты. Часть конников обладала дальнобойными луками с обязательным запасом оперенных стрел.

Пешие воины имели более скромное по качеству и цене вооружение. Копейщики гордились своими копьями с длинными легкими древками. Размеры луков и арбалетов (на Руси их называли самострелами) впечатляли: порой они были выше человеческого роста. Высокие щиты были полуовальной формы, заостренные к низу. Такие щиты, поставленные на землю, хорошо прикрывали своего владельца от ударов мечей и копий, а особенно от стрел.

Большая часть экспедиционных судов продолжала держаться

на береговой якорной стоянке на случай бегства (отступления) и в ожидании погрузки военной добычи в случае победного для герцога исхода сражения. Бухта у деревушки Певенси в те дни напоминала оживленный морской порт, в котором скопилось большое число стоящих на якоре всевозможных парусников из континентальных портов.

О начавшейся войне на судах говорило то, что матросы и их капитаны находились при оружии, хотя неприятеля не было видно ни на море, ни на берегу. В случае чего герцог мог составить из экипажей немалый отряд неплохо вооруженных пеших людей. Гастингс был совсем недалеко от Певенсийской бухты, поэтому такой резерв «морской пехоты» имел истинное значение.

К началу завоевания Англии герцог Нормандский уже заявил о себе как о способном полководце, не раз одерживавшем виктории в полевых баталиях и при штурмах баронских замков. Битва у мелового холма Сенлак в его биографии была самой большой, ведь сражаться приходилось против королевской армии, а не против личных дружин бретонских и мэнских графов и баронов, их рыцарей. И своих собственных вассалов Нормандии тоже. Более того, сражение оказалось историческим, резко изменившим судьбу Англии.

Хронисты донесли нам крайне скудные сведения о командном составе герцогской армии в Гастингском сражении. Достоверно одно, что в нем ближайшими помощниками герцога являлись единокровные сводные братья Вильгельма Завоевателя – Одо, епископ из Байё и граф Роберт. Они же являлись его первыми советниками по военным делам. Определенных командных должностей братья не имели, если не считать, что каждый командовал личной рыцарской дружиной неизвестной численности.

Армия завоевателей долго выстраивалась в поле перед холмом Сенлак. В первую линию герцог поставил несколько тысяч имевшихся у него лучников и стрелков из арбалетов, обладавших достаточным запасом стрел. Вторая линия состояла из пеших копейщиков, которые, вероятно, своим числом превосходили или равнялись численности всей английской королевской армии.

В третью боевую линию встала многотысячная (или более тысячи конников) рыцарская кавалерия во главе с самим герцогом Вильгельмом Нормандским. Каждая феодальная дружина из всадников, в стальных доспехах, под своими знаменами, держалась от соседей несколько обособленно. Над рыцарскими шлемами развевались петушиные перья, плащи

всадников отливались всеми цветами радуги. Не менее блистательно смотрелось одеяние ухоженных коней. Это была самая «нарядная» часть любой армии эпохи Средневековья.

Есть и другая версия боевого построения армии вторжения в битве у Гастингса, и тоже в три боевые линии. Первая из них состояла из французских рыцарей во главе с Роджером де Монтгомери и других конных воинов-наемников. Во вторую герцог поставил отряды союзников, прежде всего феодалов из Бретани (бретонцев набиралось много). В третьей линии расположились собственно нормандцы во главе с Вильгельмом Завоевателем. Однако думается, что такого числа рыцарской конницы он не имел. Это явное преувеличение.

При описании такого построения указывается, что многочисленная герцогская пехота, прежде всего лучники и арбалетчики, расположилась впереди и по бокам всех трех боевых линий. Это был «оплот армии Нормандии», самое надежное и устойчивое звено в армиях, больших и малых, эпохи рыцарского Средневековья.

Считается, что конные рыцари были разбиты на три примерно равных отряда, что упрощало управление ими в битве. Но такое управление было возможным только в начале рыцарского сражения. Ганс Дельбрук по такому поводу писал следующее:

«В действительности нужно полагать, что в разгаре рыцарского сражения вообще не могло быть руководства. Даже современные войска во время сражения не находятся во власти полководца; отправившему в бой свои последние резервы генералу ничего другого не остается, как самому взять ружье и сражаться вместе с ними. Еще больше, чем к дисциплинированным армиям, относится это к рыцарским войскам, где с самого начала сражения ими руководит только инстинкт самих масс».

Один из конных отрядов состоял из нормандских баронов и рыцарей: он находился под личным командованием самого герцога Вильгельма. То была личная дружина правителя Нормандии, состоявшая из бывалых конных воинов, повоевавших в Мэне и Бретани, других областях Французского королевства.

Есть суждения, что армия вторжения построилась несколько иначе. Конное рыцарское воинство было устроено в три боевые линии. Впереди них и на флангах встала пехота и лучники. Но это только один из вариантов расстановки сил нормандцев, поскольку и она для истории достаточно спорна.

Как свидетельствуют многие хронисты, в том числе Вильгельм из Пуатье и Генрих Хантингдон, предводители двух

армий постарались пламенными речами поднять дух своих воинов уже перед самым началом битвы. Королевский брат Гирт произнес перед строем англосаксов на вершине холма очень воинственную речь, не выбирая выражений.

Вне всякого сомнения, и вечером перед Гастингским сражением, и утром того исторического дня герцог Вильгельм не жалел ни времени, ни красноречия для поднятия боевого духа тех, кто готов был умереть за корону Англии. Разумеется, такие обращения венценосного полководца, который обладал хриплым голосом, могли услышать только те люди, что окружали оратора. О какой-то бодрящей, слышимой речи перед строем не в тысячу, а даже в несколько сот человек и говорить не приходилось.

Однако по прошествии времени хронистами и писателями в уста Вильгельма Завоевателя перед битвой вкладывались пышные, многословные речи. Они ясно выражали его настроение, поскольку писались на бумаге гусиным пером людьми осведомленными, да еще и многим обязанными правителю Нормандии, ставшему английским монархом.

Обычно такие изложения речи герцога перед началом битвы у Гастингса напоминают литературные клише с подобных творений античных авторов, в которых излагались речи римских императоров и полководцев, перефразированные в эпоху Средневековья. От этого, к примеру, далеко не ушел Ги Амьенский. Краткую речь Вильгельма Нормандского перед рыцарскими отрядами он изложил в таких словах:

«Рыцарствующие воины, что родом из благородной Франции, прославленной, избранной и охраняемой Господом, слава о победах которых разошлась по всем четырем сторонам света!

И вы, мужи Бретани, чье благородство не скрыть доспехами и которые не могут отступить, разве что сама земля, обрушившись, увлечет вас за собой! Люди Мэна, известные своей силой, слава о которой – в ваших ратных подвигах! Мужи Калабрии, Апулии, Сицилии, чьи лица сияют! Нормандцы, привыкшие совершать подвиги!..»

Речь герцога выглядела перед битвой, что называется, «практичной». Он еще раз напомнил своим рыцарям и простым воинам, что путь назад, в Нормандию, им врагом отрезан, что надо драться отважно, помня о собственной славе, которую эта битва можно достойно украсить. И что эта страна со всеми ее богатствами достанется им по праву победителей…

Больших разногласий у исследователей относительно начала по времени Гастингского сражения нет. Рассвет 14 октября 1066 года наступил около половины шестого утра. Нормандский временный лагерь севернее портового городка, несомненно,

проснулся несколько раньше. Так что герцогская армия вполне могла выступить в путь часов в шесть утра: сборы готовых к битве рыцарей и пеших воинов долгими не были.

Перед выходом из лагеря в нормандских войсках отслужили торжественную по такому случаю мессу. При герцоге находились два епископа – брат Одо из Байё и Жоффруа из Кутанса, имелось какое-то немалое число капелланов, рядовых священников и монахов.

Во главе выступивших из лагеря войск ехал сам герцог Нормандский, облаченный в богатые рыцарские доспехи. Считается, что на шею себе он повесил самый «надежный» талисман – частицу святых мощей, над которыми в Байё приносил клятву Гарольд Саксонец. Таким жестом Вильгельм напоминал своим воинам, что им пришло время сразиться с клятвопреступником, заручившись поддержкой свыше для наказания «безбожника», отлученного папой римским от церкви.

Известно, что вперед по дороге герцог выслал на разведку рыцаря по имени Виталий, вассала Феканского монастыря. Разумеется, он отправился вперед не один, а в сопровождении конных оруженосцев и нескольких вооруженных слуг. Рыцарь Виталий первым увидел войско англосаксов на вершине холма Сенлок. Колонна армии вторжения, растянувшаяся по дороге километра на четыре, вышла к подножию холма беспрепятственно.

…Гастингская битва началась с того, как под герцогским знаменем прозвучал трубный сигнал к атаке. Времени было около 9 часов утра. Знаменем являлась хоругвь святого Петра, напутственный дар герцогу Нормандскому папы Александра II. История сохранила имя знаменщика армии вторжения. Это был избранный рыцарь Тустэн, сын Роллана из Бек-ан-Ко.

В боевом построении в три линии нормандское войско приблизилось к позиции англосаксов на вершине холма Сенлак на сто ярдов (немногим более 90 метров) и там остановилось, выравнивая строй. Пока не слышалось ни команд, ни возгласов. Установилась напряженная тишина, какая бывает перед смертным боем.

По источникам того времени, Гастингскую битву открыл командир нормандской рыцарской конницы Иво Тайефер (Тайллнфер), личность реальная и вполне легендарная. Он выехал из рядов своих воинов вперед и стал жонглировать перед неприятелем рыцарскими мечами: то есть «открыл битву искусной игрой мечами, которые он подбрасывал и ловил».

На поединок с ним никто не выехал на коне. С вершины холма в герцогского военачальника было брошено несколько

стрел, и Тайефер счел за благо вернуться в общий строй. Стрелой в него не попали, но лучники-англосаксы оказались близки к этому. Возможно, они пристреливались к цели в образе всадника из числа вражеских начальствующих лиц в ярких одеяниях, красиво жонглирующего мечами.

Можно сказать, что в том эпизоде Тайефер не стал испытывать судьбу и удалился с опасного для жизни места. Даже его ранение стрелой могло удручающе подействовать на свидетелей-нормандцев и воодушевить тех, кто находился на холме Сенлак. То есть в Гастингской битве история не увидела поединка инока Пересвета с Темир-Мурзой (Челубеем) из истории великой битвы на поле Куликовом.

Есть и другая версия того поступка Иво Тайефера. Он якобы бесстрашно подскакал к самому подножию холма. Рыцарь на скаку подбросил в воздух свое копье и щит, поймав их потом руками. Это вызвало крики восторга в рядах конных нормандцев. В рядах англосаксов хранилось молчание, и никто не спустился вниз для поединка.

Когда Иво Тайефер бесстрашно поднялся на вершину Сенлака и подскакал к строю англосаксов, то был сражен страшным по силе ударом секиры, то есть боевого топора. Считается, что так в Гастингской битве была пролита первая кровь. Таково разночтение в писаниях о прелюдии сражения.

Объясняется это просто: авторы новых исторических хроник о завоевании Англии обязательно старались рассказать от своего имении что-то «новое» в давно прошедших событиях. В таких случаях трудно установить правдивый ход не только отдельных эпизодов, но и самих событий. Порой описывается то, что в самых ранних хрониках вообще никак не упоминается.

Оправдание такому явлению есть одно: до нашего времени из глубины веков дошла только малая, ничтожная часть документальных источников и авторских свидетельств очевидцев и участников описываемых событий.

Зато до нас дошла «Песня о битве при Гастингсе». В ней говорится, что сражение начал нормандский рыцарь Иво, который с боевой песней о легендарном Роланде вызвал на поединок безвестного рыцаря из рядов армии короля Гарольда, убил его и отрезал голову павшего как трофей.

Развивая тему популярной в XI столетии «Песни о битве при Гастингсе», более поздние хроники сообщают, что после совершенного подвига и взятия такого боевого трофея рыцарь Иво бесстрашно «атаковал» строй войска англосаксов и убил нескольких королевских рыцарей (!), прежде чем сам геройски пал.

…Перед началом первой атаки на вершину холма Сенлак герцог Вильгельм, будучи в полном рыцарском вооружении, выехал вперед на приметном белом коне и, надрывая голос, призвал свое войско к битве:

«Сражайтесь храбро! Бейте всех! Если победим, вы будите богаты! Если я покорю Англию, то она – для вас! Я хочу отомстить англичанам за их вероломство, и причиненные мне обиды! За все хочу отомстить разом, и с Божью помощью надеюсь, что они не избегнут наказания…»

После таких вдохновляющих на подвиг слов вперед выехал один из нормандских рыцарей, громко запевший не самую длинную воинственную песню. Ее, хорошо знакомую, подхватили многие сотни голосов. После окончания песни герцогское воинство трижды прокричало:

«Бог нам помощь! Бог нам помощь! Бог нам в помощь!»

В «Романе о Ру» Васа есть поэтическое описание начала Гастингской битвы в стане Вильгельма Завоевателя чисто по-рыцарски:

Тайефер, который прекрасно пел,
Сошел с коня
И перед герцогом запел
О Карле и Роланде.
Об Оливье и вассалах
Что погибли в Ронсельвале…

После такого рыцарского «предисловия» битвы герцог подал условную команду: его знамя приметно качнулось в сторону холма Сенлак. Лучники и арбалетчики первой линии стали осыпать противника дождем стрел. Но поскольку им приходилось стрелять снизу вверх, стрелы в основном или не долетали, или перелетали, или умело отражались щитами королевских воинов. Пишут, что часть тучи стрел вобрал в себя плетеный палисад: его надежное плетение не пробивали даже бронебойные арбалетные стрелы.

Считается, что эта первая страница Гастингского сражения открылась где-то около девяти часов утра. К этому часу стороны успели хорошо присмотреться друг к другу. Все же есть мнение, что первая атака нормандцев оказалась неожиданной для англосаксов. В противном случае потери первой волны рыцарской конницы могли быть серьезными.

Англосаксы тоже отвечали стрелами с вершины холма, из-за палисада (плетня). Но и их стрельба из луков и арбалетов не отличалась меткостью и поражением большого числа целей, хотя

вражеских стрелков, как мишеней, внизу под холмом было в несколько раз больше. Но все же стороны понесли первые потери в людях. Убитых в той перестрелке оказалось совсем немного, зато раненых видится в несколько раз больше. Стрелы били людей на вершине холма, как правило, на излете, теряя убойную силу.

Расстреляв имеемый при себе запас стрел, лучники и арбалетчики герцога Вильгельма Нормандского отступили от подножия холма за ряды копейщиков. Из тыла (или походного лагеря?) им подвезли (на повозках?) новый запас стрел, который быстро разошелся среди боевито настроенных лучников, во всех войнах Средневековья набираемых из простонародья.

Все же обстрел вершины холма многими тысячами лучников и арбалетчиков сделал свое дело. Уже в самом начале битвы королевское войско понесло некоторые потери, большей частью ранеными. Заметный урон оказался среди ополченцев, стоявших на флангах: надежное защитное вооружение имели лишь немногие из них, а владению деревянными щитами («ловить» ими стрелы врага) надлежало тренироваться постоянно.

Известно, что в конце битвы ранение в глаз именно стрелой (вероятнее всего из лука) получил король Гарольд Саксонец. Такое ранение для него оказалось (вполне вероятно) смертельным, но поле брани, то есть вершину холма Сенлак, он не покинул, оставшись среди своих воинов и продолжая командовать битвой.

Деревянные щиты не всегда выручали своих обладателей и тех, кто стоял в плотных рядах за щитоносцами. Да и к тому же такие деревянные щиты известны своей тяжестью, и долго защищаться («ловить стрелы») ими могли только натренированные, физически крепкие воины, а не простые ополченцы из крестьян, которые становились ратниками только по необходимости.

Герцог Вильгельм смог заметить, что в рядах противника появилось некоторое расстройство, что было ему только на руку. Там, где было больше всего пострадавших от стрел, виделось «разряживание» строя англосаксов. Королевские военачальники спешили сплотить ряды воинов, что также замечалось издали противной стороной и самим герцогом. Места впереди павших сразу же занимали воины из задних рядов, горевшие желанием тоже биться.

Вильгельм Завоеватель, стремясь не упустить наметившуюся удачу, послал в несколько бесплодных атак своих копьеносцев и рыцарскую кавалерию. Всей конницей герцог командовал лично, не доверяя ее никому из своих приближенных. Воины видели его

в первых рядах тех, кто шагом (а не во весь конский мах) поднимался на вершину холма Сенлак. В гору (как порой пишут) кони рысью не скачут, да еще неся на себе вооруженного всадника в стальных доспехах.

Копьеносцы шли в атаку толпами, выставив вперед свои копья и прикрывшись от стрел, дротиков и камней англосаксов большими щитами. Нормандская пехота шла вперед с криками:

«Матерь Божья, помоги нам! Помоги! Помоги!..»

Когда дело доходило до рукопашной схватки, англосаксы кричали неприятелю в ответ:

«Святой крест! Святой крест!.. Вон! Вон!..»

Однако королевские воины-хускарлы и ополченцы все эти атаки с успехом отбили. Копьеносцев и рыцарей отразили от вершины холма дождем дротиков и камней (их метали руками и пращами). Не раз на холме завязывались яростные рукопашные схватки, верх в которых одерживали обороняющиеся англосаксы. Они бились секирами яростно: такой удар разрубал кольчуги и ломал щиты. Или вовсе выбивал щиты из рук.

Не менее страшны для атакующих нормандцев оказывались удары двуручными мечами. В них обладатели такого дорого оружия вкладывали всю свою силу, всю ярость на врага.

В Гастингской битве случился критический момент, когда сражающимся сторонам показалось, что англосаксы могут взять победный верх. Во время отражения одной из «тихоходных» (взбираться приходилось на вершину холма) атак рыцарской кавалерии королевским ратникам удалось опрокинуть левое крыло атакующих неприятелей. Ими оказались рыцари-бретонцы под командованиием Роджера де Монтгомери и Алана Бретонского, сына Еона де Пантьевра. При виде такого частного поражения в рядах нормандцев появилась растерянность.

В те минуты брат Гарольда Гирт так метко бросил копье в приблизившегося к нему герцога, что убил (или, вернее всего, смертельно ранил) коня Вильгельма Нормандского. Об этом в своем писании сообщает Ги Амьенский: герцог с конем рухнул на землю. Разумеется, телохранители помогли ему встать и сразу же подвели нового коня, который герцогу отдал кто-то из свиты.

По другой версии, герцог поднялся с земли сам. Он окликнул какого-то рыцаря из Мэна, отступавшего от холма, и, потрясая окровавленным мечом, сбросил того с коня, а сам вскочил в седло. Он вновь бросился в самое пекло рукопашной свалки.

По армии завоевателей внезапно пронесся слух, что герцог Вильгельм, находившийся в эпицентре той рукопашной свалки, убит, и в ее рядах вспыхнула паника. В те минуты среди военачальников герцогов не нашлось человека, который смог бы

погасить эту вспышку панику в самом зародыше.

Видя начавшиеся расстраиваться ряды рыцарской конницы, Вильгельм Нормандский, не обращая внимание на свист стрел и летящие с холма камни, снял свой с дорогой отделкой шлем, чтобы все видели его приметное лицо. Оказавшийся рядом граф Евстахий Булонский что было мочи закричал, указывая рукой на лицо Вильгельма:

– Герцог жив! Герцог жив! Смотрите, герцог жив!..

Привстал на стременах и галопом, не щадя уже уставшего коня, всхрапывавшего под безжалостными ударами шпор, Вильгельм пронесся перед отступающими рыцарями из Бретани с яростным криком:

«Я здесь! Я здесь! Смотрите на меня – я жив! Бог поможет нам победить! С Божьей помощью атакуем!..»

Этот бесстрашный поступок герцога произвел нужный эффект: паника быстро улеглась. Рыцарская конница остановилась и вновь развернулась лицом к холму Сенлак. Приведя себя в относительный порядок, кавалерия плотными рядами тяжеловооруженных всадников вновь устремилась в битву устрашающим шагом.

Нормандцам и в той атаке не удалось во многих местах взломать частокол и разбить ворота в палисаде. Так иногда описывается Гастингское сражение. Но все же проломов в нем с каждой атакой становилось больше, и потому линия обороны англосаксов в инженерном отношении начинала слабеть. К этому добавлялась усталость тех пеших воинов, которым приходилось схватываться с конными рыцарями. Солнце стало клониться к закату.

Вильгельм Завоеватель, надо отдать ему должное, весь день находился в самой гуще событий. Под ним трижды убивали лошадь. Он продолжал сражаться пешим, пока кто-то из близких рыцарей со словами благодарности не отдавал ему своего коня.

Исход битвы все еще был неясен. В те часы был такой эпизод, описанный хронистами. Не в меру горячий Эсташ Булонский вышел из боя и с полусотней таких же разгоряченных рыцарей направился к герцогу. Подъехав достаточно близко к нему, он закричал, что все потеряно, что все идут на верную смерть. Вильгельм не успел ему прокричать в ответ, как копье какого-то пешего англосакса, метко брошенное, ударило в спину Эсташа Булонского. Тот пошатнулся в седле и упал. Через минуту стало ясно, что он жив и только лишился чувств. Сбитого всадника пришлось уносить в тыл.

Герцог Нормандский не зря считался во Франции хитрым и коварным полководцем. Кавалерийская атака, которую он лично

возглавил, оказалась ложной, заманивающей. Вильгельму было крайне важно выманить противника с укрепленной позиции на вершине холма Сенлак – штурм ее мог стоить больших потерь и не привести к желанной победе.

Но… Многие специалисты по рыцарскому Средневековью в не столь уж и далеком прошлом утверждают, что такого достаточного сложного в исполнении маневра тяжелая конница Вильгельма Нормандского совершить в той битве не могла. Более того, под венец сражения она выглядела уже изрядно уставшей.

К такому выводу, в частности, пришел немецкий исследователь Вильгельм Шпац, опубликовавший в 1896 году в Берлине книгу под названием «Исторические очерки». Он вполне достоверно считает, что рыцарское войско в большом сражении управлялось с великим трудом и о каком-то значительном маневрировании на поле боя говорить не приходится.

Шпац пишет, что «трудно избавиться от некоторого головокружения при чтении описания, в котором говорится обо всех искусных маневрах, якобы проведенных норманнами в сражении при Гастингсе». Действительно, эпоха рыцарского Средневековья дает военной истории мало примеров высокого уровня управления большими сражениями.

Как бы там ни было, большинство исследователей все же утверждает, что герцог Вильгельм значительными силами рыцарской конницы на поле битвы провел ложную атаку на холм Сенлак. И притворным отступлением смог выманить с него вниз если не большую, то какую-то значительную часть пешего войска англосаксов.

Историки – специалисты военного дела не раз пытались разобраться в сути этого притворного, ложного отступления после неудачной атаки на вершину холма. Ганс Дельбрук, ссылаясь на авторитетные доводы исследователя Шпаца, рассуждает так:

«Поэтому… похоже на сказку представление, будто Вильгельм совершенным по приказу притворным бегством выманил противника из его позиции.

Как можно вообще отдавать приказы нескольким тысячам солдат в самый разгар сражения?

Как можно при невероятном шуме добиться того, чтобы все воины не только слышали и понимали, но также равномерно и одновременно действовали?

Но если они будут действовать не одновременно и не с полным пониманием, то как обеспечить себя от того, чтобы большая часть солдат не приняла «притворное бегство» всерьез и

не обратилось бы в настоящее бегство, помня пословицу, что «последнего кусают собаки». Бегущих же рыцарей, как известно, трудно заставить повернуть обратно.

Поэтому «притворное бегство» является таким маневром, который могут выполнить только небольшие отряды, заранее проинструктированные на этот счет или по меньшей мере привыкшие подчиняться сигналу на барабане, или же стрелки, у которых такой способ сражения является постоянной привычкой…»

…Самый древний рассказ о Гастингском сражении принадлежит Вильгельму Пуатьерскому, большому поклоннику Вильгельма Завоевателя. Он, как ни странно, не утверждает, что именно герцог отдал «знаменитый» приказ о ложном отступлении рыцарской конницы с вершины холма Сенлак. Вильгельм Пуатьерский пишет, однако, что в ходе сражения норманны проделали три бегства – одно было настоящее, два других – притворные.

На основании этого можно сказать, что армия правителя Нормандии провела три атаки на позицию королевского войска Гарольда Саксонца. В силу этого напрашивается вывод о том, что нормандцы дважды пытались выманить англосаксов из-за палисада (плетня) к подножию холма Сенлак. Первая попытка, если верить писанию Вильгельма Пуатьерского, оказалась безуспешной, а второй сопутствовала полная удача, что и решило исход битвы у Гастингса в 1066 году.

В описаниях сражения у авторов, настроенных в пользу правителя Нормандии, рассказывается о такой подробности. Когда рыцари-норманны совершали притворное бегство, то они говорили о противнике так:

«Радуется деревенщина – думает, что победила».

Считается, что впервые сказал об этом средневековый поэт Гвидон Амьенский, носивший одеяние епископа папы Римского. Он был из числа тех офранцузившихся норманнов, которые насмешливо относились к крестьянской сути англосаксонского войска короля Гарольда.

Но факт остается фактом: именно в последней атаке на вершину холма Сенлак нормандцы притворным отступлением выманили противника (вернее часть его) в преследование за собой. Устремившиеся в преследование англосаксы сами спешили в хитроумно поставленную им врагом ловушку. Герцогу Вильгельму, блестящему тактику рыцарского Средневековья, оставалось только вовремя и в нужном месте (у подножия холма) захлопнуть эту ловушку. Для этого требовалось развернуть рыцарскую конницу назад, а лучникам и арбалетчикам в новой

ситуации занять более выгодную, возвышенную позицию для метания стрел.

В том случае король Гарольд Несчастный не смог помешать такому развитию событий, хотя он прекрасно видел и понимал, что такой контрудар приведет только к плачевным результатам. Думается, что разгадали военную хитрость и командиры отрядов датских воинов-хускарлов, не позволившие своим подчиненным увлечься ложным отступлением неприятеля.

Не выдерживают серьезной критики утверждения ряда авторов, что удар по бежавшей с вершины холма толпе ополченцев-англосаксов был нанесен нормандцами из засады. Можно считать, что такой удар был нанесен правым крылом нормандской конницы, которым умело командовал Роберт де Бомон.

В описаниях Гастингской битвы ничего не говорится о каких-то лесных зарослях с пологой стороны Сенлака. В силу этого устроить где-то на крыле своего фронта засаду в много сотен конных рыцарей герцог не мог. В противном случае такая засада легко усматривалась с вершины мелового холма. В кустарнике же, который рос здесь, конную засаду устраивать просто не имело смысла. Отсутствие перед высотой оврагов и балок тоже не позволяло устроить конную засаду.

В любом варианте описания сражения замысел герцога вполне удался: воины-саксы из ополчения, видя отступающих «в панике» нормандцев, покинули свои позиции и, ликуя, бесшабашно устремились вниз по склону в преследование. Вид бегущего неприятеля, да еще рыцарей (!), подействовал на редкость заманчиво. Палисад, все еще достаточно надежный, остался за спинами англосаксов.

Так королевская пехота, несмотря на строжайший запрет короля Гарольда ни в коем случае не покидать занимаемой позиции, оказалась в хитро устроенной врагом ловушке в чистом поле, то есть у подножия мелового холма Сенлак, который крутизной здесь не отличался. Когда рыцари в кольчужных доспехах стали разворачивать коней, на них «накатилась» нестройная волна запыхавшихся людей, в своем большинстве без щитов.

Только датские воины-хускарлы не попались на вражескую хитрость, проявили завидное хладнокровие и разумно остались подле короля. Иначе говоря, они показали в битве завидную воинскую дисциплину и преданность особе своего монарха. К тому же не зря хускарлов в истории называют королевскими телохранителями. Они умели подчиняться воле старшего, а не всплеску эмоций в ходе боя.

Можно утверждать, что будь среди англосаксов (не хускарлов) отрядные начальники с сильной волей, хладнокровные, то они ни за что бы не допустили этой лихой атаки, заранее обреченной на поражение. Ополченцы, кидая на бегу во всадников копья и камни, мало чем могли навредить всадникам, одетым в кольчуги до колен и железные шлемы. От такого метания больше всего досталось лошадям.

Нормандские лучники и арбалетчики, действовавшие отрядами, по команде своего предводителя в лице Вильгельма быстро переменили позицию и стали меткой стрельбой из дальнобойных луков и арбалетов поражать пеших ополченцев короля Гарольда Несчастного. На пологих склонах холма тысячная толпа бегущих с победными криками вниз воинов-англосаксов оказалась хорошей мишенью. К тому же бегущие отвечать метанием стрел не могли.

В рядах атакующих ополченцев быстро началась сумятица. В эти решающие минуты битвы многочисленная рыцарская кавалерия герцога Вильгельма, развернувшись, вновь пошла в атаку. Она на полном ходу врезалась в толпу королевских ополченцев. Те оказались в итоге погони за всадниками у подножия холма Сенлак на ровном месте.

Над головами пеших англосаксов, еще не остановившихся в беге, замелькали тяжелые рыцарские мечи и копья. Им отвечали секирами и дубинами. Если всадники были одеты в железные кольчуги, имели железные шлемы, защиту ног и рук, то ополченцы ничего этого не имели. К тому же в ходе бега вниз многие из них расстались со своими достаточно надежными, но тяжелыми деревянными щитами. То есть они их просто безрассудно побросали, чтобы потом после победного боя подобрать.

Поскольку англосаксы в ходе рукопашной схватки под холмом сбились в толпу, то размахивать в ней тяжелыми секирами в полную силу уже не было возможности. Истребление пеших королевских воинов-ополченцев велось безжалостно: когда уцелевшая часть их все же пробилась на вершину холма Сенлак, там уже орудовала мечами и копьями конные рыцари.

При виде всего этого король Гарольд Саксонец не растерялся, приказав остававшимся на вершине холма воинам сузить фронт, то есть сплотить ряды. Но таким образом часть занимаемой ранее позиции отдавалась врагу, численное превосходство которых теперь становилось несомненным.

Одновременно лучники и арбалетчики герцога (он приказал им вести навесную стрельбу) вновь сменили позицию для стрельбы. Теперь они поражали королевских воинов ливнем стрел

на вершине холма с возвышенного места. Те сразу стали нести большие потери, поскольку их ответное кидание стрел не шло ни в какое сравнение. К тому же в окружении короля лучников и арбалетчиков стало намного меньше, поскольку немалая часть этих легковооруженных воинов оказалась в толпе тех, кто «скатился» с холма вниз.

Герцог Вильгельм отдал стрелкам новый приказ: кидать стрелы почти вертикально, чтобы они падали на строй пешего неприятеля дождем и поражали его в не защищенных щитами местах. Хронист записал, что многие англосаксы на вершине холма по этой причине «были ранены в голову и лицо, потеряли глаза, так что все стали бояться поднимать их и оставлять лица открытыми».

Так в историческом Гастингском сражении наступил перелом. Конные нормандцы, гоня перед собой ударами копий и мечей пеших ополченцев, стали подниматься на вершину холма. Рыцари по приказу герцога старались взять тех противников, кто сражался вокруг короля, в кольцо, чтобы не дать им уйти и истребить их.

Считается, что в этой фазе сражения нормандцам удалось разрушить какую-то часть палисада, вероятно, проделать в нем некоторое число проходов. Это позволило нападавшим наемникам герцога – и конным рыцарям, и пешим воинам-копьеносцам, и лучникам с арбалетчиками – ворваться на вершину мелового холма Сенлак, возможно, с нескольких сторон, то есть еще и с флангов позиции англосаксов. Это и предрешило окончательный исход битвы в пользу Вильгельма Завоевателя, в пользу французского герцогства Нормандия.

Под королем Гарольдом была убита лошадь. Тогда ему подвели новую, и англосаксы, воины-хускарлы вновь увидели своего венценосного полководца на коне, сражавшегося наравне с ними, подбадривающего их. По другой версии, король Гарольд Кроткий отважно бился в пешем строю вместе со своими братьями, которые не оставили его в последнюю минуту.

Вполне вероятно, что конных воинов у англосаксов на вершине мелового холма могло и не быть вообще, но конь для короля должен был найтись в любом случае. Хроники тех лет о том света не проливают, а в последующих письменных источниках о последних минутах жизни короля Гарольда Несчастного рассказывается весьма противоречиво. В зависимости от того, кто водил пером по бумаге и кому был нужен именно такой «правдивый» рассказ.

Конец Гастингской битвы был для истории трагичен. В кровавой рукопашной схватке погибли героями королевские

братья эрлы Леофвин и Гирт. По ряду сведений, они пали в рукопашной схватке не в конце битвы, а в ее начале, утром.

Вскоре Гарольд Несчастный, смертельно раненный вражеской стрелой в правый глаз и уже умирающий, приказал англосаксам отступить. Те стали отходить с холма к ближайшему лесу, яростно отбиваясь от наседавших конных рыцарей, которые по лощине «разрубили» позицию противника надвое и тем самым привели толпу ополченцев в окончательное расстройство.

По одной версии, король, сраженный вражеской стрелой, упал с коня. По другой версии, смертельное ранение он получил тогда, когда стал сражаться пешим с мечом в руках в первом ряду датчан-хускарлов. Это случилось уже в финале схватки на вершине холма: атакующие нормандцы прорвались через палисад и напали на королевских телохранителей, коими являлись хускарлы. Было это где-то около пяти часов вечера.

По третьей версии, король Гарольд Несчастный был ранен стрелой в глаз не смертельно. Он вырвал стрелу и продолжал биться мечом. И смерть правитель англосаксов принял от многих разящих ударов мечей, поскольку нормандцы, окружившие его, распознали в нем вражеского монарха.

Некоторые хронисты называют стрелу, смертельно поразившую Гарольда, «шальной», то есть не прицельно пущенной в него. Но думается, что король одним своим дорогим воинским снаряжением и командным видом должен был обращать на себя внимание многих вражеских лучников и арбалетчиков. Вот они и охотились должным образом за предводителем вражеского войска с самого начала битвы. То есть случилось то, что истории известно по любой войне.

У авторов исторических писаний Вильгельма Мальмсберийского и Ги Амьенского есть еще одна версия гибели английского короля. Они пишут, что герцог, находившийся на небольшой высоте перед холмом и наблюдавший (командовавший) ходом битвы, видел, сколь жестоко проходила схватка на вершине Сенлока, и решил в очередной раз побывать в гуще схватки, на этот раз с датчанами-хускарлами, зная, что это королевские телохранители.

Герцог поспешил на вершину холма, усеянного сотнями павших людей. Вместе с ним туда понеслись Евстахий Булонский, Гуго де Понтье и один из сыновей Готье Жиффара, сеньора Лонгвиля и несколько безвестных рыцарей из личной охраны правителя Нормандии. Хронисты здесь ошибаются в том, что уставшие за день кони не могли уже скакать галопом, да еще на высоту.

Эта группа тяжеловооруженных всадников ввязалась в

схватку с хускарлами, в рядах которых пешим бился Гарольд. После того, как в бой ввязался герцог со своей рыцарской свитой, король англосаксов пал под ударами конных врагов. Первый удар копья пробил деревянный щит и ранил Гарольда Несчастного в грудь. Другой удар копья пришелся ему в лицо, третий попал в живот. Хронисты называют тех, кто наносили удары тяжелыми рыцарскими копьями: сам герцог, граф Булонский и граф Понтье.

«Отличился» же четвертый из нападавших, сын Готье Жиффара, который ударом меча рассек королю бедро и забрал в качестве личного трофея ногу павшего Гарольда. К описанию этого «боевого эпизода» Вильгельм Мальмсберийский, преклонявшийся перед Вильгельмом Завоевателем, добавляет, что герцог, «ужаснувшись таким зверством, изгнал этого рыцаря из своего войска».

Те же хронисты пишут, что победителям в той схватке крепко досталось от королевских телохранителей. В конце битвы у Вильгельма Нормандского в руках осталось только сломанное древко копья. Граф Евстахий Булонский получил такой сильный удар копьем в спину, что из рта и носа у него пошла кровь, однако кольчуга спасла жизнь всадника, и он полумертвый был вынесен на руках из битвы.

…Сражение завешалось под вечер. По приведенным выше версиям, падение сраженного короля Англии на землю и последовавший сразу за этим приказ умирающего Гарольда оставить Тельхэмский холм привели в смятение если не большую часть королевской армии, то ее ополченцев, несомненно. Хускарлы по-братски не хотели отступать перед врагом, хотя им грозила только смерть. Сдача в плен считалась для их родов крайне позорным делом, ведь они являлись прямыми наследниками датских викингов.

Версия о смертельном ранении – самая распространенная и популярная в описании тех событий. Считается, что первым ее высказал где-то около 1100 года Бодри де Бургей, который сочинил рыцарскую поэму, посвятив ее Адели, дочери английского короля Вильгельма Завоевателя. После этого версия, изложенная в поэтических строках, пошла гулять по страницам исторических писаний, каждый раз чем-то дополняясь.

Есть версия, что ранение стрелой не стало смертельным для короля Гарольда Саксонца. И что пал он от руки некоего нормандского рыцаря, который чуть позже прикончил монарха Англии то ли мечом, то ли копьем, то ли боевым топором (секирой). Однако это только досужая (но не лишенная правдивости) версия, не подтвержденная хронистами-современниками.

День шел к закату. Только личная гвардия Гарольда Саксонца, состоявшая из датских воинов-хускарлов, осталась на поле битвы, то есть на вершине холма Сенлак. Королевские телохранители, сыновья викингов, остались для того, чтобы до конца защищать тело погибшего короля Англии, которого они любили как своего военного вождя. То был классический пример верности воинской клятве, даваемой только раз в жизни.

Хускарлы сплотились вокруг королевского штандарта (знамени), под которым лежало бездыханное тело Гарольда Несчастного, и приняли свой последний бой. Они, как люди мужественные, знали, что в этом бою погибнут, и помнили до последней минуты жизни, что их род викингов.

Неизвестно, кому достались знамена английского короля, под которыми сражалось его войско в Гастингской битве. Их было два. Одно было полотнищем, украшенным какими-то сегодня уже не известными символами. О цвете его тоже можно только гадать.

Другое знамя, более известное, представляло из себя металлический щит в форме дракона, крепящийся на древке за голову мифического чудовища. Это был знаменитый в истории англосаксов «Дракон Уэссекса». О металле, который пошел на его изготовление, ничего не известно (серебро? бронза? медь?).

Эта схватка носила столь ожесточенный характер, что нормандское войско смогло овладеть вершиной холма только с наступлением темноты. Овладели только тогда, когда у тела английского короля и его знамени пал последний хускарл, расстрелянный в упор из десятка луков и арбалетов.

…Впоследствии почитатели образа Вильгельма Завоевателя выдвинули версию, что героические воины-хускарлы после гибели своего обожаемого короля очень организованно отступили с вершины холма Сенлак к лесу, находившемуся за их спиной. Нормандцы их преследовали даже в самом лесу, но в сгустившихся сумерках датчане «исчезли» в лесной чащобе. Но эту версию хронисты тех лет ничем не подтверждают. Утверждать, что именно так закончилась Гастингская битва, сложно.

Можно считать, что гибель короля Гарольда и известие о том сломило сопротивление англосаксов: Гастингское сражение закончилось для них полным поражением. Королевские воины, «одни на захваченных лошадях, другие пешком, по дорогам, через поля и лес», стали бежать с поля брани.

Последним всплеском Гастингской битвы стали схватки за холмом Сенлок. Здесь, метрах в 400, находилась заболоченная впадина, которая в «Англосаксонской хронике» названа «Гиблым рвом». Когда конные нормандцы устремились в погоню, многие

попали в это гиблое место. Оборону здесь держал отряд датчан-хускарлов, которые ценой своей жизни решили прикрыть отступление остатков армии короля Гарольда. Здесь и прекратилось по приказу герцога Вильгельма битва: в тот день, 14 октября, темнеть начинало с 16 часов.

Есть сведения, что события в тот день у Гастингса разворачивались не только у холма Сенлак. Королевскую армию, следовавшую сюда, догоняли отряды ополченцев разных мест Уэссекса, которые не смогли сразу встать в ее ряды по ходу движения. Известно, что один из таких больших (возможно, соединенных) отрядов не дошел до места битвы два-три километра. Но эти запоздавшие англосаксы все же скрестили свое оружие с нормандцами. Дело обстояло так.

Герцог Вильгельм, как человек, много повидавший на войнах, которые он вел во Франции, понимал, что армия его соперника еще не вся в сборе. Поэтому он выставил на дороге, ведущей в Лондон, сильный заслон под командованием Одо, рыцарствующего епископа Байё. Эта придорожная схватка, как свидетельствуют хронисты, чем-то копировала события в Гастингской битве, то есть нападали нормандцы, а защищались королевские ополченцы. Они смогли успешно отбить несколько атак, но преимущество их противников в вооружении, обученности и, возможно, численности, сделали свое дело.

Есть версия, что этот отряд ополченцев в ходе боя пытался все же прорваться к месту битвы, к холму Сенлак, но не смог: «… Партия уже была сыграна. Разрозненными группами деморализованные ополченцы пустились наутек, подгоняя ударами плетей, как можно видеть на последнем эпизоде ковра из Байё, своих лошадей-тяжеловозов».

После этого на поле битвы стали опускаться сумерки. Настойчиво преследуя отступающих, Вильгельм Нормандский (в одной из схваток в лесной чаще герцог едва не погиб) окончательно разбил их по частям. Нормандцы занимались истреблением бежавших, поскольку сведений о большом числе пленных в том сражении история сведений не имеет и о каких-то знатных лицах из числа англосаксов, взятых в плен, в хрониках ничего не говорится.

На этом сопротивление англосаксов прекратилось, поскольку королевская армия была разбита, а их венценосный полководец пал в сражении. Заменить его было некому. В темноте многие беглецы смогли рассеяться по лесной округе и потом беспрепятственно добраться до родных мест. Считается, что большинство из них погибло по пути бегства не от смертельных ударов мечом или копьем, а от тяжелых ран и «боевого

изнурения».

Всадники-нормандцы преследовали англосаксов, сколько могли, и никому не давали пощады. То есть в плен простых ополченцев не брали, поскольку выкупа с них вряд ли можно было дождаться. К тому же таков был герцогский приказ: никого не щадить, истреблять всех. Кровавой концовкой Гастингской битвы он хотел устрашить страну, в которую прибыл для ее завоевания.

Вильгельма можно считать самым великим героем того исторического сражения, судьбоносного для Британии. Впрочем, такое суждение никогда не оспаривалось и не умалялось ни современниками, ни последующими исследователями, историками и политологами, писателями и публицистами и, разумеется, восторженными поэтами.

Герцог рвался в самое пекло разыгрывавшихся в сражении схваток. Когда она утихла в преследовании бежавших в лес англосаксов, окружение Вильгельма могло лицезреть своего предводителя в «порушенном виде». Щит был так изрублен секирами и мечами, что, казалось, готов был вот-вот развалиться на куски. Шейный обвод посеченной кольчуги сильно прогнулся. Железный шлем получил несколько ударов и казался иссеченным, был во вмятинах. Клинок обагренного кровью врагов дорогого меча оказался весь в зазубринах. От плаща остались только клочья. Пострадали даже кольчужные чулки.

Не в лучшем виде находились и многие соратники герцога. Их вооружение тоже сильно пострадало от ударов секир, копий и мечей. Все же кольчужные доспехи, исполненные руками нормандских кузнецов-оружейников, спасли многих их обладателей от гибели и увечий, тяжелых ранений. Обилия синяков и ссадин рыцарям в тот бранный день избежать не довелось.

Мемуарист-очевидец Гильом из Пуатье донес до нас рассказ о том, как выглядело поле Гастингской битвы после одержанной победы. Несколько часов при свете факелов войско нормандцев собиралось у Сенлака. Герцог приказал поставить ему здесь походный шатер. Вокруг, среди трупов с ужасными ранами, уже обобранных мародерами, расположились на ночлег, расстелив плащи на окровавленной земле, победители. Когда с павших воинов короля Гарольда Английского снимались дорогие доспехи, то нормандцы, чтобы облегчить себе такой труд, отрубали убитым головы. Гильом из Пуатье «при виде этого не мог сдержать волнения». В данном случае речь шла о военной добыче.

…Поле битвы победители стали «приводить в порядок»

15 сентября. В тот субботний день нормандцы церемониально стали хоронить своих павших. О их примерном количестве история сведений не имеет, поскольку такой счет не велся и командиры отдельных отрядов о том своему предводителю отчетов не давали.

Обычно история имеет какие-то сведения о потерях в сражениях эпохи рыцарского Средневековья. К их числу Гастингская битва никак не относится. Истории неизвестны, даже приблизительно, потери нормандцев-завоевателей. Считается, что армия англосаксов потеряла убитыми несколько тысяч человек, примерно треть или немногим больше своего состава. Но это только примерные авторские расчеты, не основанные на какой-либо документальной информации.

При полном отсутствии сведений о численности армии вторжения и потерь войск герцога Вильгельма Нормандского в битве при Гастингсе 14 октября 1066 года военные специалисты нашего времени все же делают их расчеты. Но такие цифры могут быть только приблизительными и, вполне возможно, весьма далекими от истинных показателей. Все же ряд исследователей берет на себя смелость утверждать, что нормандцы и их союзники потеряли в день Гастингского сражения около трети своего состава. Оспаривать такие выводы смысла нет. Речь, разумеется, идет только об убитых, а не о раненых и пленных, если таковые были.

По таким расчетам, документально не подтвержденным, в живых осталось около 5400 человек, среди которых конных воинов (рыцарей) было 1680 человек. Остальные 3720 человек являлись копьеносцами, лучниками и арбалетчиками. Вполне вероятно, что среди метателей стрел потери оказались наименьшими относительно их первоначальной численности.

С такими воинскими силами герцогу Вильгельму предстояло продолжить завоевание Анлийского королевства. Соотносительно, скажем, с ополчениями английского Севера (Мерсии и Нортумбрии) и города Лондона они выглядели немалыми. Так что великий Завоеватель мог с известным оптимизмом смотреть на собственное будущее на английском берегу Ла-Манша.

Герцог приказал захоронить только тех, кто сражался на его стороне. Особые почести отдавались рыцарям. Жертвы среди побежденных были для него «нечестивцами». Ги Амьенский свидетельствует, что трупы англосаксов и датчан-хускарлов были оставлены «червям, волкам, птицам и собакам».

Считается, что герцог Вильгельм Нормандский, следуя древней традиции викингов, на следующий день после сражения

приказал возвести пирамиду (надгробную?) из камней.

В последующие дни, когда герцогская армия отдыхала, Вильгельм разрешил англосаксам прийти на место Гастингского сражения и забрать тела своих убитых. Тогда и были найдены обезображенные ранами тела короля Гарольда и его братьев, Леофвина и Гирта. Тело Гарольда Несчастного было опознано по каким-то меткам, которые знала только его спутница жизни (сожительница) Эдит Лебединая Шея.

…История рыцарского Средневековья оставила нам удивительный документ, рассказывающий о нормандском завоевании Англии и о его центральном эпизоде – сражении при Гастингсе. Этот документ известен как ковер из Байё (или Байёйская вышивка), который был создан примерно лет через десять после событий эпохальных событий 1066 года.

Этот редкий по значимости гобелен, вытканный на отрезе ткани длиной в 70 метров (!) и шириной в 50 сантиметров, содержит в себе 58 сцен, то есть всю историю завоевания Англии. Считается, что автором этой рукотворной летописи деяний венценосного полководца Вильгельма I Завоевателя является его жена Матильда. Гобелен был изготовлен в нормандском городе Байё. Разумеется, что у нее были помощницы.

Одна из этих сцен носит название «Синий конь». Здесь изображен один из самых трагических эпизодов Гастингской битвы: преследование конными нормандскими рыцарями бегущих англосаксов. На обратной стороне холма Сенлак оказался выкопанный защитниками высоты глубокий ров, в который в запальчивости погони попали многие рыцари вместе со своими конями. В страшной давке им никак не удается выбраться из рва, а ополченцы Гарольда яростно рубят их «датскими топорами»-секирами.

Такой ров действительно существовал, и победители-нормандцы окрестили это гибельное место Тельхэмского холма Рвом Дьявола. Может быть, поэтому в битве королевская армия Англии смело стала лицом к лицу с врагом, особо не заботясь о своем ближнем тыле. Англосаксы в тот роковой день не боялись, что рыцарская конница может ударить им в спину.

…Каково было впечатление современников о Гастингской битве, которая решила судьбу королевства англосаксов? Герцога Вильгельма Завоевателя и его рыцарей победа воодушевляла тем, что, по их мнению, «свершился Божий суд» над клятвопреступником Гарольдом Саксонцем, и теперь английская корона должна была украсить голову того, «кому она принадлежала по праву».

Вскоре это стало мнением жителей не только Нормандии, но

и Франции, христианских стран европейского Запада, и даже в самой Англии. По мнению авторов «Англосаксонской хроники», которыми являлись ученые монахи, «грехи народа» навлекли на страну гастингскую катастрофу: Англия стала военной добычей нормандцев. Случилось то, чего не смогли добиться викинги Норвегии, да еще при поддержке мятежников Тостига.

Финал Гастингской битвы оказался катастрофическим для армии короля Англии: сам он погиб, а его воины бежали с поля брани. В Средневековье хронисты давали разные объяснения гибели государства англосаксов в Британии. Один из хронистов XII века высказал такое расхожее мнение:

«Чтобы наказать народ англов, Бог замыслил против них двойное нападение: с одной стороны, он устроил нашествие датчан (то есть норвежцев. – *А.Ш.*), с другой – возбудил козни норманнов, так что англы, если и избавились от датчан, не могли ускользнуть от норманнов…»

…Двигаясь вдоль морского берега, армия вторжения захватила портовый город Дувр, лежавший поблизости от Гастингса. Это была большая удача, поскольку нормандцы ожидали здесь серьезное сопротивление. По пути разъяренные победители опустошали селения, избивая местных жителей и сжигая их дома.

В более удобный портовый Дувр из бухты Певенси перешла большая часть судов флота правителя Нормандии. При этом укрепленный береговой лагерь не бросался, в нем оставалась сильная охрана и взятая военная добыча. Так, на всякий случай.

В самом Дувре оказалось немало мореходных судов, которые, «приватизировав», завоеватели могли использовать для своих надобностей, в том числе для переброски войск к столичному Лондону. Здесь уместно заметить, что у самого герцога Вильгельма Завоевателя были большие сомнения насчет судьбоносности гастингской виктории.

Страшному разорению подвергся небольшой городок Ромни, лежавший километрах в пятидесяти восточнее Гастингса. Его жители навлекли на себя горькую участь тем, что перебили экипаж нормандского судна, сбившегося с курса во время перехода ночью через Ла-Манш и приставшего к берегу у Ромни. Об этом стало известно Вильгельму Завоевателю, и он приказал не щадить никого из горожан. Сам город герцог приговорил к сожжению. Повеление было исполнено в точности.

После победы в Гастингской битве герцог Вильгельм Нормандский дал торжественную клятву построить на этом месте монастырь во имя Святой Троицы и святого Мартина, покровителя галльских (французских) войск.

Сразу же после битвы вокруг погибшего Гарольда Кроткого народная молва (?) сложила несколько легенд: его тело самым таинственным образом исчезло с поля битвы. Версий (преданий) тому история сохранила по крайней мере три. И все они имеют некое право на существование.

По первой версии, тело неприятельского монарха нормандцы в ярости изрубили мечами в мелкие куски. Но перед этим с убитого были сняты дорогие рыцарские доспехи и одежда, которые составили известную часть военной добычи. Такое предание выглядит вполне правдоподобным. Не случайно же павшего Гарольда смогла опознать только женщина, которая была долгие годы его незаконной спутницей жизни, то есть гражданской женой.

По другой версии, нагое (обворованное) тело Гарольда Саксонца, завернутое в пурпурное покрывало, нормандцы по приказу герцога под покровом ночи спрятали среди скал Певенсийской бухты. То есть павшего в битве короля тайно похоронили где-то на морском берегу близ Гастингса. Свидетелей тому среди местных жителей не оказалось.

Престарелая мать трех павших в битве сыновей, Гита, через посланца предлагала герцогу столько золота, сколько весит тело покойного. На все просьбы и мольбы матери Гарольда выдать ей тело погибшего сына, Вильгельм Завоеватель отвечал во всех случаях решительным отказом, заявляя, что саксонскому королю лучше остаться лежать на морском берегу, защищая который, он доблестно пал в бою. Пусть, мол, он продолжает охранять берега Англии, как делал до своей гибели.

Герцог заявил посланнику Гиты, что не торгует знатными мертвецами и не ищет в этом дохода для себя. И что его враг Гарольд, отлученный папой римским от церкви, не имеет никакого права на христианское погребение.

Существует также утверждение, что позднее верные воины (или придворные, или родичи) нашли тело своего любимого монарха на поле брани и захоронили его тайно в Уолтхэмском аббатстве, что в Эссексе, некогда основанном самим Гарольдом – последним англосаксонским королем. И что монахи, уйдя из жизни, эту тайну так никому и не раскрыли. Монахи Уолтхэма долгое время уверяли, что последний король англосаксов покоится в их земле.

Как часто бывает, образ людей, героически павших на поле брани, часто обрастает легендами, в которых правда отыскивается исследователями редко. Так было и в случае с Гарольдом Несчастным. В XII столетии на английской земле зародилось поверье, что умирающего от ран короля ночью

подобрали и тайно излечили монахи. И что после этого он вел жизнь отшельника в Святой земле, куда отправился в паломничество.

Как бы там ни было, могила павшего в Гастингской битве короля Гарольда Кроткого истории неизвестна. Победители никаких официальных заявлений на этот счет не делали, равно как ничего не сказал и воцарившийся в Англии Вильгельм I Завоеватель.

На месте Гастингской битвы со временем был основан монастырь Баттл, что в переводе с английского означает «Битва». Считается, что алтарь главной церкви монастыря якобы находится прямо на месте гибели короля Гарольда. Позднее вокруг монашеской обители возник и вырос небольшой городок Баттл.

Это не единственная достопримечательность поля Гастингского сражения в наши дни. На вершине холма, который несколько столетий назад во многом потерял свою форму, на месте гибели короля Гарольда Несчастного была поставлена памятная плита с надписью о том трагическом событии.

… Сражение при «мрачном» меловом холме Сенлак близ городка Гастингс (или у деревушки Певенси) стало достоянием не только истории Средневековья, но и мировой военной истории. Его излагали на бумаге и историки, и писатели, и люди иных профессий. Описания эти, за неимением достаточного документального материала, за редким исключением, весьма кратки и скупы на детали. Всего лишь несколько примеров.

Английский историк А.Л. Мортон в своей работе «История Англии», увидевшей свет в Лондоне в 1948 году, так кратко описал вторжение герцога Вильгельма Нормандского через пролив Ла-Манш, саму битву у Гастингса и причины поражения в ней короля англосаксов Гарольда Несчастного:

«Покорение Англии норманнами можно рассматривать одновременно как последнее из нашествий скандинавов и как первый крестовый поход.

Хотя Вильгельм и был феодальным князем, армия его не была феодальной армией; она состояла из людей, набранных отовсюду, привлеченных обещаниями земли и грабежа. Он предусмотрительно заручился поддержкой самых разнообразных союзников, в том числе и папы римского; последний союз породил в дальнейшем целый ряд претензий и конфликтов.

Армия Вильгельма была невелика, вероятно, около 12 тыс. человек, но она была обучена новым, неизвестным в Англии приемам ведения войны. Англичане выучились от датчан использовать лошадей для быстрого передвижения войск, но

сражаться все еще продолжали в пешем строю, тесно сомкнутой массой под прикрытием издавна применяемой ими стены щитов. Основным оружием их был топор.

Норманны применили искусное сочетание одетых в тяжелые доспехи конников и стрелков из арбалетов, сочетание, позволявшее им расстраивать ряды противника еще издали, до начала решительной атаки. Как только стену щитов пробивали, конница бросалась вперед, не давая преследуемому врагу никакой возможности оправиться. В этом была причина победы норманнов с военной точки зрения.

Политическая причина победы заключалась в том, что Вильгельм обладал твердой властью над своими вассалами, в то время как Гарольду эрлы Мерсии и Нортумбрии оказывали открытое неповиновение.

Все лето 1066 г. Гарольд ждал в Суссексе высадки норманнов. В начале сентября терпение ополченцев иссякло, и они потребовали, чтобы их распустили по домам. Через несколько дней Гарольд услышал, что норвежский король, его тезка, высадился с севера и захватил Йорк. Со своими хаускарлами (хускарлами) Гарольд спешно поскакал на север и 25 сентября наголову разбил захватчиков у Стамфорд Бридж.

Первого октября он узнал о высадке Вильгельма в Певенси. Через неделю он уже был снова в Лондоне; там он пробыл несколько дней, ожидая, пока соберется ополчение, потом двинулся к югу и расположился со своим войском в Батл, на меловом холме, откуда был виден лагерь Вильгельма.

С точки зрения тактики, быстрота и решительность передвижения Гарольда были замечательны, а его хаускарлы показали превосходную боеспособность. С точки зрения стратегии, однако, благоразумно было бы пробыть в Лондоне дольше. Получилось так, что успела собраться только часть ополчения, а хаускарлы, которые одни только и могли противостоять кавалерии норманнов, были обессилены тяжело доставшейся победой и двумя переходами, почти не имевшими себе равных в истории тех времен.

Однако, так или иначе, новые методы ведения войны делали победу норманнов почти неизбежной…»

Британский историк А.Л. Мортон признавал, что в той исторической ситуации завоевание Англии герцогом Вильгельмом Нормандским видится лишь делом времени. Вторжение его армии было хорошо продумано и подготовлено, момент для броска через пролив Ла-Манш выбран идеально точно. Здесь отлично сработали лазутчики правителя Нормандии, вовремя доставив ему известие о пусть и победном, но тяжелом

сражении англосаксов с викингами-норвежцами у Стамфорд-Бриджа.

Что же касается военного искусства сторон, то здесь ход Гастингского сражения лишь подтверждает выводы автора «Истории Англии»: исход битвы решила рыцарская конница, своеобразный «бронированный кулак» в войнах европейского Средневековья и массовое использование лучников и стрелков из арбалетов. Ни тому ни другому король Гарольд Несчастный и пешая армия англосаксов ничего путного противопоставить не смогла.

…Средневековая история свидетельствует: для завоевания Английского королевства нормандцами в силу его известной слабости потребовалась одна-единственная битва, бескомпромиссная и кровавая. Сражения близ города Гастингса при меловом холме Сенлак оказалось достаточно, чтобы решить судьбу Англии на многие века.

Хронисты той эпохи описывали Гастингскую битву в словах, которые довольно скоро превратились в некую формулу, ставшую обязательной при описании сражений с личным участием английских королей. Сама краткость такого изложения дела при холме Сенлак свидетельствует о решительности намерений врагов, которые сошлись на поле брани под единым девизом: «Победить или умереть». Хроника же кратко гласит о случившемся:

«Весть об этом (о вражеском вторжении. – *А. Ш.*) дошла до короля Гарольда, и созвал тогда большое войско, и двинулся ему навстречу в Хор Эппл Три, а Вильгельм пошел на него неожиданно, не дав ему расставить своих людей. Однако же король храбро бился с людьми, которые пошли за ним, и много людей полегло и с той и с другой стороны. Пал король Гарольд и его братья, эрлы Леофвин и Гирт, и еще много добрых мужей, и французы захватили место боя».

В словаре известного английского историка «Битвы мировой истории» Томаса Бенфилда Харботла есть статья, посвященная генеральной и решающей баталии в ходе завоевания Англии герцогом Вильгельмом I. Статья предельно емка, охватывая лишь суть события, автор ее не вдавался в какие-либо подробности:

«Гастингс. Норманнские завоевания.

Место сражения 14 октября 1066 г. между девятитысячной армией Вильгельма Завоевателя и примерно 10 000 английской пехоты короля Гарольда. Первоначально англичане успешно оборонялись, однако затем отряд из 1000 норманнских всадников после ложной атаки выманил их с позиции, и англичане были полностью разгромлены. Гарольд был среди павших. Сражение

также известно как “Битва на Сенлаке”. С него началось норманнское правление в Англии».

Среди российских исследователей той эпохи выделяется книга Валентины Штокмар «История Англии в средние века», изданная, как учебное пособие, в Ленинградском университете. Историк как бы подводит итог Гастингского сражения, говорит о его значимости для судьбы Британии:

«Два войска, англосаксонское и нормандское (по составу и языку французское), представляли собой как бы две ступени в развитии военного искусства, олицетворяя различие в социально-политическом строе Нормандии и Англии. Англосаксонское войско – это в основном крестьянское пешее ополчение, вооруженное дубинами и в лучшем случае боевыми топорами. Хускарлы и эрлы имели мечи, датские боевые топоры и щиты, но сражались также в пешем строю. Ни конного войска, ни лучников у Гарольда не было. Нормандское войско – это прекрасная тяжеловооруженная рыцарская конница. Сражались рыцари с седла. Имелись также отряды лучников.

Разгром англосаксонского войска был предрешен. В сражении погибли Гарольд и многие тены и эрлы. Поражение было полным и окончтельным…»

К вышесказанному можно добавить, что исследователи достаточно единодушно считают, что страшное поражение англосаксов поставило крест на судьбе созданного ими на территории Англии государства эпохи Средневековья. Исторической перспективы оно к 1066 году уже не имело.

Часть 3. Покорение Англии. «Книга Страшного суда». Бремя чужой короны. Война во Франции. Наследство и наследники

Из Дувра армия завоевателя, соблюдая походные предосторожности, двинулась на Лондон вдоль берега моря. Уже тогда это был один из крупнейших столиц и торговых портов Европейского континента. Лондонское купечество процветало, прежде всего, на морской торговле. Город мог выставить многочисленное ополчение и защитить сам себя. Денег на вооружение не одной тысячи воинов вполне хватало. По крайней мере, герцог Вильгельм не решился появиться под лондонскими стенами, как говорится, с налета.

В те дни Вильгельм Завоеватель находился в затруднительном положении. С одной стороны, он, как победитель в решающей, но единственной битве, стал, по общепризнанному обычаю, обладателем всех земель, которые принадлежали трем погибшим братьям из королевского рода (клана) Годвина. Он стал «правопреемником» на правах победителя.

Но герцогу нельзя было в своих планах не учитывать того, что у павшего короля англосаксов было трое незаконнорожденных сыновей, то есть бастардов. Таким же бастардом являлся и сам Вильгельм Нормандский. Все трое сыновей Гарольда исчезли из Лондона сразу же после Гастингской битвы: люди, которые отвечали за их жизни, увезли трех юношей в Ирландию, обеспечив им там личную безопасность.

Можно было считать, что претендентов на тронное место не стало вовсе. Но с другой стороны, вооруженное противостояние в еще не завоеванной окончательно стране ожидало логическое развитие. Военная сила англосаксов была подорвана поражением у Гастингса. Но в сражении не участвовали многие ополчения английских земель, прежде всего Нортумбрии и Мерсии. Их эрлы (или графы) Эдвин и Моркар так и не появились со своими войсками в южном Уэссексе. Их же ополчения отличались известной многочисленностью.

Строя свои планы на завоевание Английского королевства, герцог Нормандии ожидал, что после первой убедительной победы над соперником Гарольдом, местная знать поспешит к нему с выражением присяги вассалов. Но такого не случилось. То

есть Вильгельм Завоеватель в своих далеко идущих планах допустил большой просчет, который следовало всеми трудами исправлять.

Вильгельм сам покинул Гастингс только после того, как к нему из Нормандии прибыли подкрепления. Армия вторжения выступила в поход 20 октября. В Гастингсе и укрепленном лагере оставлялся сильный гарнизон. Флот двигался на восток вдоль побережья, не теряя связи с герцогской армией.

Показательно, что, идя походом на Лондон, Вильгельм Завоеватель отказался от самого прямого пути, по кратчайшей дороге, которая пролегала в густых лесах и больших массивах кустарников. Предводитель нормандцев явно опасался засад, понимая, что в таком случае его ожидают большие потери в людях и что свою личную безопасность он сам себе гарантировать не сможет.

Можно утверждать, что завоеватель Английского королевства в первые годы пребывания в Британии, даже будучи в окружении собственной армии, чувствовал себя на чужой земле весьма дискомфортно. Ему приходилось опасаться не только разгромленного клана Годвина, но и местной знати, простых крестьян и горожан, которые могли в одночасье превратиться в ополчение, местных священнослужителей, конфликтовавших с папой римским.

При этом герцогу приходилось опасаться собственного воинства. Он это понял при занятии города Дувра, имевшего крепкие оборонительные сооружения и достаточно многочисленный гарнизон. Брать Дувр приступом Вильгельму завоевателю не пришлось: городские власти, напуганные судьбой городка Ромни, с поклоном преподнесли завоевателю ключи от города.

Казалось, что от взятия Дувра без кровопролитного штурма можно было только ликовать. Но тут неожиданно взбунтовалась наемная пехота, копьеносцы и лучники. В ее среде решили, что принятием символических ключей от вражеского герцог лишает своих воинов законной военной добычи.

Случилось то, что называется солдатским бунтом. Наемники толпой устремились в ближайшие улицы и разграбили на них много домов. После поджога некоторых из них в Дувре начался сильный пожар. Вильгельм и его военачальники, молча взиравшие на солдатский бунт, оказались бессильны в наведении порядка среди своих воинов. Герцог, чтобы «не потерять свое лицо» на английской земле, согласился компенсировать горожанам нанесенный ущерб, но наказывать наемников он не стал.

В Дувре герцог предоставил войску несколько дней отдыха в комфортных условиях, поставив людей на постой у горожан. Такое решение вызвало у наемников ликование и хвалу правителю Нормандии. Многим жителям Дувра пришлось с семьями покинуть собственные дома. Когда ликующая армия вторжения покинула портовый город, в нем началась эпидемия дизентерии, всегда страшная в эпоху европейского Средневековья.

Примеры Ромни и Дувра оказались устрашающими для жителей Уэссекса и Кента. Целые деревни снимались с места и со своим домашним скарбом и скотом спешили покинуть театр возможных военных действий. От прихода нормандцев, уже продемонстрировавших свою жестокость и буйный нрав, местное крестьянство ничего хорошего не ожидало.

Дороги вдоль берегов Темзы, ведущие в Лондон, оказались запруженными беглецами, которые хотели обрести в столице для себя безопасность. Люди верили, что Лондон защитит их от вражеского нашествия. Но в нем с появлением первых беженцев началось «шатание и брожение», которое коснулось, прежде всего, городских верхов.

Англия оказалась в положении страны, лишенной управляющей головы, то есть правителя в ранге самодержавного короля. Уже одно это наводило страх и ужас на все сословия страны, подвергшейся иноземному нашествию и не сумевшей его отразить. Неуправляемость сверху поражала неуверенность в себе тех, кто готов был сражаться с завоевателями. Не было ни монарха, ни знаменосца, способного его заменить. Вильгельм Нормандский такое «состояние души» англосаксов схватывал по пути к неприятельской столице сразу.

Двигаясь к Лондону через область Кент, герцог Вильгельм использовал (тогда такого понятия еще не существовало и в помине) тактику кровавого террора. Его бесило и тревожило то, что местные англосаксы, их знать не спешили изъявлять победителям-нормандцам в его лице свою покорность. Обращение с жителями Кента больше напоминало не просто хозяйничанье завоевателей на земле побежденных, а некую месть за их глухое сопротивление, хотя оно только в ряде эпизодов выразилось в вооруженных схватках, провальных для сопротивляющихся селян. В таких случаях их жилища предавались всепожирающему огню, а семьи часто избивались мечами и стрелами.

Нормандцы после победы при Гастингсе навели страх только на южную Англию, которая являлась неким родовым владением клана Годвина. На Севере королевства ситуация выглядела иной.

Влиятельные эрлы Эдвин и Моркар во главе своих нортумбрийцев и мерсийцев наконец-то пришли в движение и беспрепятственно вошли в Лондон, будучи готовы защищать столицу страны.

Эдвин и Моркар озаботились не только обороной Лондона, но и будущим своего рода. Их сестра Эдита уже носила под сердцем первенца. Появись этот ребенок на свет, он обладал бы всеми законными правами наследования английской короны. И тогда престол страны переходил в руки рода англосаксов эрлов Эдвина и Моркара. Поэтому они постарались спрятать беременную сестру как можно подальше от глаз людских, обеспечив ей надежную охрану в Честере. Нормандцев они тогда еще не опасались.

С приходом в Лондон войск Нотумбрии и Мерсии складывалась новая не только военная, но и политическая ситуация. В столице оказалось в конце октября много английской аристократии, влиятельных духовных лиц, в числе которых значились два архиепископа. Ими, совместно с отцами Лондона, и было принято решение об избрании нового короля.

Избирательная ассамблея поставила на английский престол юного Эдгара Этелинга, внучатого племянника Эдуарда Исповедника. Архиепископ Стиганд «короновал и помазал его на царство». Казалось бы, у страны появилась «голова», и Англия могла постоять за себя. Но… эрлы Эдвин и Моркар сразу же после этих столичных торжеств покинули Лондон и отправились к себе на север страны. Вместе с ними ушли с берегов Темзы ополчения Нортумбрии и Мерсии, главная военная сила англосаксов в Лондоне.

Почему повели себя так два самых на тот день могущественных эрлов англосаксонского народа? Во-первых, они присутствовали на избрании новым монархом Англии представителя не их рода, а рода, близкого к Годвинам. То есть их поведение вполне можно назвать прозаическим местничеством.

Во-вторых, они рассчитывали на появление на свет от их сестры Эдиты, вдовы Гарольда, наследника престола, о правах которого на то спорить не приходилось. Тогда два северных эрла становились опекунами младенца и до его совершеннолетия, то есть долгих шестнадцать лет, управляли бы королевством.

В-третьих, оба эрла почему-то уверовали в то, что нормандцы не рискнут переходить реку Северн, которая естественным образом отделяла владения Эдвина от южной Англии. Можно считать, что Эдвин и Моркар утвердились в мысли, что произойдет неизбежный раздел страны и у них во владении останутся Нортумбрия и Мерсия. Откуда появилась такая

уверенность, сегодня объяснить трудно, а скорее – невозможно. История не донесла до нас имени того человека, который подбросил эрлам севера Англии такую опасную мысль. Не могли же они придумать такое сами?

Лондон же стал готовиться к защите. На его улицах появились новые отряды ополченцев из близких земель. Дороги в город перекрыли заставами пеших воинов. Среди столичного духовенства выделился своей воинственностью Бранд, новый аббат монастыря Питерборо. Прежний аббат, человек всеми уважаемый, получил смертельное ранение в битве под Гастингсом. Монахи тоже были настроены воинственно: они много времени проводили в молитвах за изгнание нормандцев.

…Поход на столицу Англии стал вторым актом завоевания Англии герцогом Нормандии. Это общепризнанный исторический факт. Решение Вильгельма I после броска через Ла-Манш не продвигаться немедленно на Лондон (там не было короля Гарольда), а ожидать противника на побережье, сосредоточив здесь все свои силы, исследователи Средневековья отмечают как стратегический успех. Этот акт по своей величине и значению последовавшей за ним победы нес в себе глубокий смысл.

Хотя, как считают историки, можно допустить употребление для этого случая слова «стратегия» только после некоторого размышления. Но даже при таком суждении нельзя отрицать того, что завоеватель Англии обладал мышлением и чутьем большого шахматиста, просчитывая свои действия на несколько ходов вперед, при этом обыгрывая соперника на каждом ходу и достаточно верно угадывая его ответные ходы.

Нормандская армия вторжения неспешно, с большой осторожностью, двигалась на Лондон по хорошо устроенной древней римской дороге, которая шла через Кентербери. Этот город, как и Дувр, тоже сдался завоевателям без боя. Но избежать капитуляцией грабежей кентербрийцам не удалось.

По пути герцог занял портовые города Сэндвич и Ричдон, что давало ему возможность показать себя сильным не только на суше, но и на море. К тому же все подкрепления к нему приходили только одним путем – морем. Перекрывая путь в Лондон по реке Темзе, нормандцы сильно вредили жизнеобеспечению большого по тому времени города, одного из крупнейших в средневековой Европе.

Наступая на столицу Англии, герцог Вильгельм сильно обеспокоился состоянием собственных воинских сил. В армии появилось много больных, в каждом из занятых по пути городков приходилось оставлять надежные гарнизоны, чтобы держать округу под надежным контролем.

Новый походный лагерь нормандцы устроили в удобном для того месте близ города Кентербери. Здесь болезнь уложила герцога в постель, и он целый месяц находился в полном бездействии. Его отряды привычно опустошали окрестности, а местная администрация в лице многих нотаблей приносила победителю короля Гарольда вассальную присягу верности. Причем этот обряд совершался только по нормандской традиции.

В лагерь при Кентербери не раз приходили приятные новости, порой неожиданные. Так, вдова короля Эдуарда Исповедника, королева Эдит через посланца объявила герцогу Вильгельму Нормандскому, что вместе с городом Винчестером (он оказался в ее вдовьей доле) сдается на милость победителя. Тот, естественно, потребовал от нее вассальной присяги, а от Винчестера – большой контрибуции.

Требования к вдовствующей королеве и старинной столице Уэссекса были «чрезмерные». Но королева Эдит с городской властью их покорно приняла и отправила от себя дорогие подарки приболевшему герцогу. Тот был несказанно рад такому решению судьбы Винчестера: взятие его вооруженной рукой могло дорого обойтись нормандцам.

Только в начале декабря армия Вильгельма Норманнского смогла продолжить свой победный марш на столицу Англии, которая уже и заждалась такой вести. В тогдашних 20 километрах от Лондона нормандцы заняли город Рочестер, который тоже сдался им без боя, и вышли на берега Темзы.

У лондонского предместья Саутуорка (по тем временам очень большой город с населением около десяти тысяч жителей) нормандцам пришлось принять бой. Здесь лондонские ополченцы сделали вылазку, желая остановить продвижение неприятеля. Однако их атака не имела хорошей организации, равно как у англосаксов в том деле не оказалось решительного командира.

…Столица Английского королевства пугала нормандцев и их предводителя своими размерами. Считается, что в середине XI века в Лондоне проживало около 20 тысяч человек. По тем временам это был огромный, многолюдный город, способный выставить для своей защиты ополчение числом в несколько тысяч воинов. То есть он был способен защитить самого себя.

Это был древний город, основанный еще в Римскую эпоху, защищенный старой, достаточно внушительной крепостной стеной (в пределах современного Сити). Лондон со всех сторон окружали пригороды (один из них, Саутворк, был сожжен нормандцами), а полноводная река Темза служила надежной гаванью для большого числа судов, главным образом торговых.

Когда Вильгельм Завоеватель, пока еще герцог Нормандии,

оказался на виду Лондона, его обуревали самые различные чувства. Он уже осознавал, что английская корона становится его добычей, и что она от него ни к кому не уйдет. Самые знатные и влиятельные люди страны изъявили ему покорность, даже избранный новым монархом племянник Эдуарда Исповедника этелинг Эдгар присягнул ему, таким образом, отказавшись от трона.

Есть немало описаний чувственности и хода мыслей Завоевателя Англии. Но все это является плодом тех, кто брали в руки перо, чтобы прославить великого человека. Вильгельм из Пуатье в таких словах передает чувства Вильгельма Нормандского, сидящего на коне и обозревавшего с прибрежного холма Лондон, который во Франции был сравним только с Парижем:

«Советуясь с сопровождавшими его нормандцами, в мудрости и верности которых он был уверен, он объяснил им причины своих колебаний относительно предложений англичан (относительно его скорейшей коронации). Обстановка все еще казалась ему неясной; еще оставались враги; он желал установить мир больше, чем раньше времени получить корону.

Кроме того, он желал, если Господь позволит это, чтобы его супруга была коронована одновременно с ним. Несмотря на то что события благоприятствовали ему, следовало остерегаться чрезмерной поспешности…

Напротив, его приближенные, выражая единодушное мнение войска, стремились уговорить его принять предложения англичан, сознавая при этом весомость доводов, которые он приводил в своей великой мудрости».

В интересы герцога не входило устраивать под Лондоном второе Гастингское сражение. Как только перед авангардом его армии появился заслон из пеших ополченцев, он атаковал их отрядом в 500 конных рыцарей. Лондонские ополченцы после непродолжительной стычки обратились в бегство, при этом преследователи не только рассеяли их, но еще и многих сразили. Вильгельм для устрашения жителей английской столицы приказал Саутуорк предать огню. На его улицы были отправлены факельщики.

Считается, что при известии о приближении вражеской армии горожане Лондона были готовы сражаться. Узнав об этом, герцог Вильгельм пригрозил столице Англии заморить ее осадой и голодом. На лондонцев, прежде всего их верхушку, такая угроза подействовала. Хотя можно спорить о реальности ее воплощения, поскольку Лондон являлся портовым городом, и блокировать его со стороны устья Темзы нормандский флот вряд ли смог.

Однако штурмовать огромный город герцог Нормандии не стал: у него не имелось на такое авантюрное предприятие достаточных воинских сил. Он решил поступить по-иному, не случайно грозя лондонцам «голодной петлей». Армия завоевателей двинулась вдоль берега Темзы вверх по ее течению. Это позволяло блокировать Лондон и с юга, и с севера.

Большая часть сельскохозяйственных земель Беркшира и Суррея подверглась страшному опустошению, отчего поступления продовольствия в английскую столицу резко сократилось. Деревни сжигались, а их жители подвергались безжалостному избиению. Если кто-то и сопротивлялся, то такое сопротивление носило только стихийный характер.

Вскоре Вильгельму крупно повезло: близ Уоллингфорда нашелся мост через Темзу, никем не охраняемый и не разрушенный при приближении нормандцев. Они беспрепятственно переправились на северный берег Темзы. Так Лондон оказался отрезанным от северных областей Англии. Уоллингфорд стал временной стоянкой герцогской армии.

Тем временем в Лондоне зрела измена новому монарху. Клирики из его окружения задумали примирение с нормандцами, то есть капитулировать перед ними, не защищать Лондон и избранного ими короля. Во главе такого заговора стоял сам архиепископ Стиганд, который и возложил на себя обязанности переговорщика, прибыв к герцогу Вильгельму в Уоллингфорд. Для того такой визит стал приятной неожиданностью.

Приезд архиепископа подспудно служил признанием законности вторжения правителя Нормандии в Англию. Впервые англосакс такого высокого положения, авторитета и влияния перешел на сторону Вильгельма Завоевателя. Стиганд был тем человеком, который мог кардинально повлиять на умонастроение государственного совета (витенагемота) при короле.

Избранный королем (но еще официально не коронованный) юный Эдгар Этелинг, внучатый племянник Эдуарда Исповедника, смалодушничал и первым заговорил о сдаче города. Он самолично с небольшой свитой знати и священнослужителей явился в неприятельский стан и на коленях принял присягу на верность герцогу Вильгельму Завоевателю.

Это случилось в небольшом городке Беркхэмпстеде, в 40 километрах севернее Лондона. Присяга была дана в присутствии архиепископа Йоркского Эалдреда, епископов Вульфстана Уорчестерского и Уолтера Херефордского, эрлов Эдвина и Моркара.

Сюда же прибыла депутация лондонских нотаблей во главе с шерифом, которые заявили о капитуляции города. Получалось

так, что англосаксонская знать, духовенство предлагали завоевателю из Нормандии английскую королевскую корону. О таком в начале вторжения Вильгельм мог только мечтать.

После этого армия вторжения двинулась к Лондону, сохраняя прежнюю осторожность. У ворот английской столицы нормандцев встретила депутация почетных горожан, которые с поклоном приподнесли победителю в Гастингской битве символические ключи от города и поклялись Завоевателю в верности.

25 декабря 1066 года Вильгельм Нормандский торжественно вступил в английскую столицу Лондон во главе большого, но все же основательно поредевшего в Гастингской битве, нормандского войска. Так в мировой истории появился Вильгельм Завоеватель, король Вильгельм I не Английский, а тоже Завоеватель.

Власти города (первоначально отвергшие его требование о сдаче) с почестями встретили герцога и приветствовали его как победителя и нового монарха страны. В Лондон был введен нормандский рыцарский отряд, усиленный пешими копьеносцами, лучниками и стрелками из арбалета. Был издан приказ, запрещавший простым горожанам носить оружие.

Не откладывая дела в долгий ящик (что было весьма опасным делом), победитель в Гастингской битве короновался в Вестминстерском аббатстве как Вильгельм I, король английский. На торжестве присутствовали от завоеванной страны духовенство и вся местная знать, какую только смогли собрать по такому случаю. Процедуру коронации провел архиепископ Йоркский Эалдред. Он же сопровождал избранного, но официально не коронованного Эдгара в походный стан герцога Нормандии в Беркхэмстеде.

Церемония коронации требовала присутствия супруги Вильгельма, но Матильда тогда находилась в Нормандии. Герцог (как пишут хронисты) заколебался в своем желании как можно быстрее примерить королевскую корону и воссесть на трон. Однако против этого выступили члены существовавшего при нем военного совета. Мнение всех его членов звучало так: такого случая упускать нельзя. Действительно, кто из этих завоевателей знал, что будет с ним завтра в чужой стране, которую еще предстояло покорить своей власти.

Чашу весов в колебаниях герцога перевесил виконт де Туар. Своей пламенной речью, помноженной на упорство в доказательствах, он убедил правителя Нормандии незамедлительно принять английскую корону. Это, по его мнению, даст завоевателям огромную выгоду: несомненный престиж королевского титула сам собой прекратит всякое сопротивление англосаксов. И сделает знать и простолюдинов

послушными нормандцам.

Здесь же, на военном совете, Вильгельм Завоеватель окончательно определился со своей позицией на финише завоевательного похода: он рассматривает предложение знати англосаксов как простое признание его законных прав на корону. Он принимает королевское достоинство со всем полагающимся ему по такому случаю в силу собственного родства с королем Эдуардом Исповедником и оставленного им «завещания».

Вильгельм утвердился во мнении, что об избрании его на английский престол не может быть и речи. Зато он благосклонно предоставлял англосаксонской церкви привилегию коронации нового законного венценосца Английского королевства.

К этому можно только добавить, что Вильгельм предельно четко определили свое место в процедуре получения английской короны: он ее законный наследник по воле короля Эдуарда Исповедника. И что Гарольд Кроткий нарушил это законное право, изменил данной на святых мощах присяге вассала, за что и был сурово наказан небесами. Лучше придумать было просто нельзя.

Великий Завоеватель понимал, что с коронацией в стране, которая долгое время знала популярных в народе монархов, откладывать никак нельзя. Поэтому он не стал затягивать свое восшествие на английский престол. Собственно говоря, королевская корона была уже в его руках, оставались только формальности и торжества, обязательные к исполнению, приятные и величественные.

…Вильгельм Завоеватель вошел в Вестминстер в сопровождении двух архиепископов – Эалдреда Йоркского и Стиганда Кентерберийского, отлученного папой римским от церкви. В монастырском дворе собралась большая толпа знати Англии и Франции, священников и нормандских баронов, которых, разумеется, было больше всего.

К такой разношерстной толпе на французском языке обратился епископ Кутанска Жоффруа де Монбрэ, один из главных распорядителей торжественной коронации:

– Признаете ли вы, лучшие люди, Англии своим законным королем герцога Вильгельма Нормандского, которому свой трон завещал ваш король Эдуард, которого народ прозвал Исповедником?

Вслед за Жоффруа де Монбрэ такой же вопрос толпе задал архиепископ Эалдред Йоркский, который представлял собой английский Север. Теперь вопрос задавался на языке англосаксов.

В том и другом случае толпа оглашала монастырский двор одобрительными криками. За происходящим самым

внимательным образом следила почетная стража из нормандских рыцарей, их оруженосцев и вооруженных слуг. Все они были в полных доспехах, с мечами и кинжалами, но без копий и арбалетов.

Так начиналась коронация Вильгельма Завоевателя. После воззваний архиепископов к Богоматери и святым архангелам Михаилу и Рафаилу шло посхваление:

– Светлейшему Вильгельму, великому и миролюбивому королю, коронованному Господом, долголетие и слава!

После этого Вильгельм и сопровождающие его лица вошли в Вестминстерский собор. Впереди монарха шло духовенство. В соборе прошла церемония принесения коронационной присяги. Завоеватель, положив правую руку на Евангелие, поклялся защищать церковь и духовенство, править Англией по справедливости и законам, которые обещал сохранять праведными, обеспечивать в стране должный порядок.

Коронуемый обещал только то, что было в его высочайших возможностях: то есть речи о социальной демагогии не велось. Обещал только то, что от него ожидали собравшиеся в Вестминстерском соборе первейшие люди Англии и Нормандии.

После окончания торжественной клятвы архиепископ Эалдред Йоркский возложил на голову Вильгельма Завоевателя, победителя в битве при Гастингсе, корону Английского королевства.

Церемония коронования Вильгельма Завоевателя во всех подробностях описана в «Поэме о битве при Гастингсе». Ее автор или лично присутствовал на коронационных торжествах, или пользовался рассказами тех, кто в них участвовал:

«Повернувшись к алтарю, архиепископ поставил короля перед собой; он обратился ко всем присутствующим епископам, и все, включая короля, простерлись ниц; проведник остался стоять, запел литанию и попросил заступничества святых. Когда молитва святым завершилась, архиепископ (архиепископы) и епископы поднялись, в то время как король оставался простертым ниц.

Проповедник умолк, наступила тишина; именно в этот момент началась церемония коронации. Эалдред произнес молитву, называемую соборной, и повелел поднять короля; затем он помазал елеем голову государя…»

После коронации Вильгельма Завоевателя и восшествияего на престол Англии среди пишущих людей во славу герцога Нормандии появились суждения о том, что он сам себя объявил монархом в победный день сражения при Гастингсе. То есть речь шла о том, что корону ему не даровали в Вестминстере, а она была добыта мечом на поле брани.

Версия о том, как победитель в Гастингской битве сам объявил себя венценосцем в день 14 октября 1066 года, появилась в поэтических строках с легкой руки Ги Амьенского. Именно этим он оканчивает свой исторический стихотворный труд, который в литературном переводе звучит так:

«Герцог, окруженный своими людьми, оплакивал только что погребенных мертвецов; он раздавал милостину нищим христовым; затем, оставив герцогский титул, когда был похоронен король (Англии Гарольд из рода Годвина), он покинул поле сражения, сам приняв титул короля».

Ги Амьенский повторяет это «сам» великого Завоевателя из Нормандии еще раз в описании его торжественной коронации в Вестминстерском соборе. Только теперь это происходит не на поле Гастингской битвы, а в походной Ставке герцога на виду у Лондона, в который он пока не решился войти:

«В этот праздник (Рождество) Вильгельм решил принять завоеванную корону и, оставив титул герцога, стать королем».

Для точности следует заметить, что Вильгельм Завоеватель до конца жизни не расставался с титулом герцога Нормандского. В официальных документах он именовал себя не иначе, как «король Англии и герцог Нормандии».

…Коронация в праздничный день Рождества Христова прошла без всяких возможных осложнений, при большом стечении светских и духовных лиц, при надежной охране нечастого торжества нормандскими рыцарями. Однако в Лондоне, по тому времени огромном городе, в тот праздничный день все было спокойно даже в среде его жителей из числа англосаксов.

Так герцог Нормандии добился королевской короны, о которой он столь долго мечтал. И делал все возможное и невозможное для достижения «великой» цели. При этом Вильгельм I Завоеватель в выборах средств стеснения не испытывал: все средства были для него хороши.

Одним из первых указов, который закреплял позиции завоевателей в чужой для них стране, стала конфискация имущества – земельных владений, жилищ и замков у тех англосаксов, которые сражались на стороне короля Гарольда у Гастингса. Такая жестокая мера привела к ожесточению тех, кто не приветствовал появление в Англии чужеродного венценосца.

О том, насколько большая беда обрушилась на Англию в 1067 году, говорят многие исторические исследования. В изложении своей версии «Истории Англии с XI века до начала мировой войны» (ее третье издание вышло в Санкт-Петербурге в 1918 году) А.Ф. Быкова констатировала следующее:

«В XI веке страшная, нежданная беда обрушилась на англосаксов: на них напал народ норманны, под начальством своего герцога Вильгельма Великого, который был прозван потом Завоевателем. Вильгельм был искусный полководец; он победил англосаксов и завладел их страной.

Настал черед и англичан: из победителей они обратились в побежденных. Горькую участь пришлось им теперь испытать. Норманы, как и англосаксы, были народом германского племени, но уже давно поселились они во Франции, отняв у французского короля земли по обе стороны устья реки Сены, и совершенно офранцузились; они говорили по-французски и жили по французским обычаям. Франция от Англии лежит недалеко; между ними только узкий пролив, шириною всего 60 верст.

Вильгельм стал английским королем и правил англосаксами как покоренным народом….

Известие о короновании герцога Вильгельма Нормандского произвело во Франции, в королевском Париже и замках феодалов потрясающее впечатление…

Такое же впечатление от воцарения Вильгельма Завоевателя случилось и в европейских столицах, и в папском Риме…

Европа признала в новом английском венценосце большого полководца, с которым следовало считаться, и которого надо было опасаться. К тому же он оказался для своего времени, для Средневековья действительно великим военным реформатором.

Битва 14 декабря 1066 года при Гастингсе известна в военной истории еще и как сражение при Сенлаке. Вильгельм I Завоеватель продемонстрировал в ней свои несомненные полководческие способности, новую организацию нормандской армии и личную храбрость.

Его новаторство в военном деле заключалось в том, что с этого времени изменилась роль лучников и стрелков из арбалета в рыцарских войсках. Теперь они в Средние века не раз решали судьбы больших и малых сражений, став прекрасным средством борьбы с тяжелой, плохо маневрирующей на поле боя рыцарской конницей. Это была подлинная революция в военном деле».

…Став королем, Вильгельм Завоеватель не сразу стал ломать административную систему и законодательство Англии, чтобы тем самым не возбудить против себя англосаксов, как знать, так и простой люд. Королевский двор по системе придворных должностей во многом походил на герцогский дом. Заполнять эти должности нормандцы стали постепенно. Законодательные акты писались в духе правления Эдуарда Исповедника и пока на языке основного населения страны. Но все это было до поры до времени.

Состоялись первые кадровые назначения из числа нормандцев. Самый способный военачальник герцога Вильгельм Фиц-Осберн, его любимец, получил титул эрла Херефорда, области к северу от реки Темзы, доходившей до границы с Уэльсом. Земли к югу от Темзы отдавались в подчинение кровного брата короля епископа Одо де Контевиля. Своей резиденцией он сделал портовый город Дувр. И тому и другому вверялось в первейшую обязанность держание в повиновении местных жителей-англосаксов.

Став королем, Вильгельм позаботился о том, чтобы между пришлым рыцарством и местными жителями не происходили случайные кровавые конфликты, которые могли вылиться в восстания против нормандцев. Для своих рядовых воинов и простых рыцарей были изданы правила поведения в завоеванной Англии, но законами они не являлись. То есть за совершенные преступные деяния нормандцы уголовной ответственности по таким правилам не несли. Речь в лучшем случае шла об имидже людей военных из Нормандии и Франции.

В числе таких правил были рекомендации рыцарям не устраивать пьяных застолий в тавернах, поскольку именно там чаще всего происходили ссоры, в которых в ход пускалось оружие. Запрещались связи с женщинами легкого поведения, поскольку это порождало скандалы. Напоминалось об ответственности за нарушения воинской дисциплины, грабежи, насилия, беспорядки в местах расквартирования воинских отрядов.

Складывалось впечатление, что монарх-чужеземец стоял на страже законности в завоеванной стране и жестко следил за поддержанием нужного ему порядка. Но это была только видимость следованию законности, к которой англосаксы привыкли при короле Эдуарде Исповеднике. Неслучайно «Англосаксонская хроника» констатирует исторический факт: Вильгельм Завоеватель покоренный силой оружия народ не щадил.

…Желание обогащения неслучайно двигало нормандскими баронами, отправлявшимися в завоевательный поход на противоположный берег Ла-Манша. Если Нормандия на континенте считалась богатой областью Франции, то процветающая торговлей Англия в Западной Европе выглядела тогдашней сокровищницей. Герцогу досталась казна завоеванного королевства: она состояла из серебряной и золотой монеты, слитков драгоценных металлов, предметов искусства, дорогого оружия и прочего, что составляло большую ценность.

Придет время, и королю Франции придется читать в письмах

о жизни английского королевского двора, сочиненных в Лондоне, следующие строки:

«Король Англии, сундуки которого ломятся от серебра, ни в чем себе не отказывает; он может по своему усмотрению нанять рыцарей или переманить их у своих противников. У нас же во Франции есть лишь хлеб, вино, мы тем и довольны…»

Надо заметить, что, став монархом Англии, сравнимым в Заподной Европе только с германским императором и королем Франции, Вильгельм Завоеватель денег на ветер не швырял, хотя такие возможности у него, со всей вероятностью, имелись. Он предпочитал другое занятие полновластного господина в королевской короне: полнить собственные сундуки с казной.

Хронисты описывают щедроты новоиспеченного короля Англии. Он словно торопился отблагодарить тех, кто оказывал ему содействие при завоевании королевства и его короны. В числе первых дары ушли в далекий папский Рим. Вильгельм из Пуатье перечисляет то, что получил из Лондона папа Александр II за напутствие номандского воинства, уходившего в поход на северный берег Ла-Манша. Это были: огромный дар в золотой и серебряной монете, драгоценные украшения и знамя короля Гарольда, шитое золотом с изображением воина.

Богатые дары получили герцогские вассалы в Нормандии, которые и сами участвовали в завоевательном походе, и финансировали его, на свои деньги снаряжая экспедиционные суда. Нет сведений о том, что герцог Нормандский с кем-то не расплатился за оказанные ему в 1066 году услуги. Это лишний раз свидетельствовало о состоянии казны Англии.

Щедрость Вильгельма Завоевателя не обошла и церковь «Франции, Аквитании, Бургундии, Оверни и других областей», которые дали герцогу наемников, прежде всего конных рыцарей. Считается, что дары из Лондона хлынули с острова на континент начиная с начала 1067 года.

…Вопреки бытующему мнению, норманизация английской земли шла очень трудно. В первые два года после битвы при Гастингсе в Англию на постоянное жительство прибыло из Нормандии, Фландрии, Франции (больше из Пикардии и Бретани) совсем немного людей. Они не сразу вызывали на острова, в Лондон свои семьи, словно чувствуя непрочность собственного положения.

За двадцать лет правления Вильгельма Завоевателя число таких переселенцев, говорящих на французском языке, оценивается всего тысяч в десять. Но такого числа не англосаксов, желающих управлять завоеванной страной, оказалось вполне достаточно для создания нового

административного аппарата. Они постепенно вытесняли людей из числа местных жителей во всех структурах государственного аппарата.

Исходя из этого, можно сделать важный для истории Английского королевства вывод. За время достаточно продолжительного управления Вильгельма Завоевателя о какой-то норманизации страны англосаксов говорить не приходилось. Британия говорила на своих языках, с трудом понимая язык пришельцев из Нормандии, то есть из Франции. Такое языковое размежевание существовало не одно столетие.

…Когда речь идет о судьбе Англии во второй половине XI века, то всегда приводится судьба народа англосаксов, оказавшихся под владычеством Вильгельма Завоевателя. Оценка его деятельности, как монарха-чужеземца, различна. Здесь интересно мнение английского историка сэра Фрэнка М. Стентона, чей труд «Англосаксонская Англия», увидел свет в Оксфорде в 1971 году. Он пишет следующее:

«…По меньшей мере, можно сказать, что для среднего англичанина, жившего в период между восшествием на престол короля Эдуарда и смертью короля Вильгельма, Завоевание должно было представляться несказанным бедствием.

Возможно, крестьяне как класс пострадали меньше тех, кто занимал более высокое социальное положение… появление нормандцев не внесло серьезных изменений в устройство сельского общества.

Для слоя танов Завоевание повлекло за собой не только материальные последствия проигранной войны, но и потерю их привилегий и уважения, которыми они пользовались. Тан, в 1066 г. заключивший мир с Завоевателем, тем не менее существовал в окружении непривычном и недружественном. Политическая система времен его юности была разрушена; он стал подданным короля-иноземца; он каждую минуту должен был ощущать власть иноземной аристократии, которая смотрела на него – на него и его ближних – в лучшем случае со снисходительным безразличием…

Без сомнения, у него было чувство, что после Завоевания руководство английскими делами приняло новый оборот…

На протяжении всего правления Эдуарда Англия находилась под угрозой; чтобы выжить, она полагалась на военную организацию, недостатки которой показали последние события. Инициатива постоянно принадлежала ее врагам; у нее никогда не было настоящего союзника, и еще накануне смерти Эдуарда она перестала быть заметным фактором европейской политики.

Получившие английское наследство нормандцы были

народом суровым и жестоким. Из всех западных народов они были ближе всего к варварам. Они мало что сделали в области искусства или знания и ничего сравнимого с творениями англичан в литературе. Однако политически они стали хозяевами их мира».

…После коронации, устроив королевские дела в Лондоне и пока не опасаясь восстаний англосаксов, Вильгельм Завоеватель с триумфом отправился в родную для него Нормандию. Он решил отплыть на своем флагманском корабле «Мора» не из, скажем, Лондона или Дувра, а именно из Певенси. Это было символично: отсюда начиналось завоевание Англии.

В заливе Певенси по повелению короля зимовала часть флота армии вторжения. Спрашивается, зачем? Ответ прост: Вильгельм понимал неустроенность личной власти в завоеванной стране и не хотел, как говорят моряки, «рубить концы», то есть лишать себя пути отступления в Нормандию, случись для него большая беда на острове. Путь же обратно был только один – через пролив Ла-Манш.

По случаю триумфального возвращения домой Вильгельм Завоеватель приказал на «Море» и судах, которые ее сопровождали, сменить паруса на белые. Это была дань Античности: в ту эпоху белый цвет означал хорошие вести. Вести действительно были хорошие: герцог возвращался к семье, жене Матильде, к герцогскому двору увенчанный королевской короной Англии. В Нормандии в такой успех верили далеко не все, а в Париже таких людей набиралось еще меньше.

Оставляя Лондон, Вильгельм Нормандский проявил удивительную предусмотрительность. Он взял с собой в качестве почетных гостей всех тех из англосаксонской знати, кто реально мог возглавить в его отсутствие восстание местного населения. Такими гостями стали Стиганд, архиепископ Кентерберийский, этелинг Эдгар, несостоявшийся преемник престола Гарольда Несчастного, влиятельные северные эрлы Эдвин и Моркар, а также новоиспеченный эрл Вальтеоф, которому были подчинены графства Нортгемптон, Бедфорд и Кембридж.

По сути дела, это были заложники. Все они являлись главами аристократических родов англосаксов, подлинных кланов местной знати, еще обладавшей значительной силой. Архиепископ Стиганд, по сути дела, был главой церкви Англии, рядовые священники которой уже стали высказывали недовольство появлением в рядах церковных иерархов большого числа выходцев из Франции.

Встреча Вильгельма Завоевателя в Нормандии чем-то напоминала народное торжество: люди толпами стояли вдоль

дорог, приветствуя правителя и его свиту в праздничных одеждах. Особенно приподнятое настроение царило в тех домах и семьях, откуда кто-то ушел в завоевательный поход и возвратился живым и с военной добычей, часть которой шла на подарки. В церквях молились за упокой душ павших в Гастингской битве и утонувших в морских волнах. Это была типичная бытовая картинка рыцарского Средневековья с его радостями и горестями.

Вильгельм Завоеватель мог быть доволен состоянием герцогства во время своего отсутствия. Жена Матильда вместе с советниками правила Нормандией мудро. Соседи в лице французов Парижа, анжуйцев и бретонцев границы не беспокоили. Подати собирались в полном объеме. В герцогской (теперь королевской) семье все было в полном порядке: дети подрастали, старшему сыну Роберту по прозвищу Коротконогий наступала пора посвящения в рыцари. Ему близилось пятнадцатилетие.

Пасху, которая пришлась на 8 апреля 1067 года, Вильгельм отметил пиром в Фекане, о пышности которого еще долго судили по всей Франции. Были приглашены все рыцари-нормандцы, участвовавшие в походе. На всех вполне хватило «трофейной» серебряной и золотой посуды. Вино пили из кубков, окованных золотом. Сам король поразил собравшихся золотым шитьем своего одеяния. Красовались дорогими одеждами и его бароны.

Возможно, праздничное настроение еще долго бы не покидало Вильгельма Завоевателя, но из Англии стали приходить тревожные вести. И виной всему были не англосаксы, а то нормандское воинство, которое осталось там под начальством Вильгельма Фиц-Осберна и епископа-рыцаря Одо. Ордерик Виталий писал о том с большим откровением:

«Мелкие сеньоры, стоявшие гарнизонами в замках, притесняли жителей высокого и скромного положения, навязывали им незаконные обязательства и всячески унижали их. Надменные наместники короля епископ Одо и Вильгельм Фиц-Осберн не удостаивали англичан того, чтобы выслушать их жалобы или рассудить их. Когда их воины оказывались виновны в грабеже или похищении людей, они своей властью защищали их и, напротив, старались наказать подателей жалоб…»

В первых числах декабря 1067 года король Вильгельм Завоеватель отправился в Англию. Управлять Нормандией он опять оставлял Матильду, которой теперь должен был помогать подраставший сын Роберт. Он по старшинству являлся законным наследником отцовского завоевания.

Зима проходила в неспокойной обстановке. На границе с Уэльсом вспыхивали столкновения с мелкими валлийскими

«князьями». В сепаратиста превратился любимец и ближайший сподвижник короля Евстахий, граф Булонский, вдруг вспомнивший о том, что Эдуард Исповедник в 1051 году передал ему право на владение Дувром, городом-крепостью на морском берегу. Граф в сентябре 1067 года овладел городом, но его нормандский гарнизон засел в замке и неожиданной вылазкой выбил противника из Дувра. Не прошло и десяти лет, как мятежник Евстахий, граф Булонский был опять благосклонно принят при королевском дворе.

…Английская земля для завоевателей гостеприимной не оказалась, хотя гастингская виктория выглядела более чем убедительной. В последующие пять лет после своего коронования король Вильгельм I Завоеватель занимался укреплением личной власти на английской земле, которая откровенно не проявляла гостеприимства выходцам с того берега Ла-Манша. Норманны долгое время являлись чужеродным ядром в народонаселении Англии. Историк писал по этому поводу следующее:

«Англичане ненавидели своих завоевателей и жестоко мстили им за угнетение. Вильгельм чувствовал себя во враждебной стране. Поминутно готово было вспыхнуть восстание. Герцогу необходимо было иметь войско, чтобы во всякую минуту затушить восстание».

Местная знать, которая быстро стала ощущать на себе всю тяжесть притеснений завоевателей, уже вскоре стала бунтовать против пришельца из Нормандии, не признавая его законным монархом. Такие возмущения начинались с обнажения оружия против норманнов и кончались кровавым подавлением мятежей вооруженной рукой. Победители при этом не обременяли себя делением восставших англосаксов на «правых» и «неправых». Население замков и окрестных селений избивалось, жилища грабились и предавались огню, скот угонялся, уцелевшие жители искали спасения в девственных лесах, благо их в ту эпоху было много по всей Англии. Из лесных чащоб беглецы возвращались уже на пепелища.

Казалось, что мятежи англосаксонской знати должны были изменить положение в завоеванной стране. Однако новоявленный король имел огромный личный опыт борьбы с мятежными баронами и рыцарями в своем герцогстве. И в новой роли он стал беспощадно подавлять подобные выступления в Англии вооруженной рукой. Причем не просто усмирять своих противников, а подавлять их выступления с беспощадной жестокостью, не щадя ни тех, кто поднял против него оружие, ни их семейств, ни их родовых владений.

…Когда новоиспеченный монарх Англии приступил к

приведению севера страны в полное повиновение своей власти, ему пришлось совершать карательные наезды даже на отдельные селения. Хронисты сохранили до нас немало примеров жестокости к тем, кто не склонил голову перед чужеземцами. Считается, что сопротивление англосаксов нормандцам и норманизации их отечества продолжалось два десятка лет. Вильгельм Завоеватель сталкивался с мятежами и волнениями в захваченном королевстве до последних дней своей бурной жизни.

О том народном сопротивлении хронисты сообщают скупо. Такое понятно: мятежники поднимали руку на своего монарха. Все же до нас дошел ряд имен вождей англосаксов из числа их знати, которые мужественно не склонили головы перед завоевателями и вставших во главе отрядов непокорных. Одни из них пали в боях, другим пришлось бежать из Англии, спасаясь от кровавых жестокостей и преследования властей.

Большую известность получили такие военные вожди англосаксов, как Вальтеоф, Хируорд Бодрый и Эдрик Лесовик. Прозвище последнего из них говорит о том, что боролся он со своими людьми против нормандцев в девственных лесах в северной части страны и держался в них долго. Отряды этих предводителей были численно значительны.

Однако нормандцы, сами жившие в местах, изобиловавших лесами, умели подбирать «ключи» к укрытым в чащобах базам мятежных англосаксов. При этом для завоевателей все средства были хороши – от истребления селений до подкупов нужных лиц. Захваченных с оружием в руках англосаксов чаще казнили на месте, чем бросали в замковые темницы.

…Чтобы господствовать над столичным Лондоном, где основу жителей составляли все те же не отличавшиеся слепой покорностью англосаксы, король Вильгельм I Завоеватель построил мощную по тому времени крепость (замок) Тауэр. Она была возведена на берегу Темзы в самом центре города и контролировала не только сам Лондон, но и главный торговый путь страны – полноводную во все времена года реку. Такая предусмотрительность чужеземного герцога, воцарившегося в Туманном Альбионе, может только поражать.

Место строительства «Белой башни» – знаменитого лондонского Тауэра – было выбрано в юго-восточной части древней римской крепостной стены. Первоначально на этом месте нормандцы возвели временное укрепление из дерева и земли: это был вал с частоколом. Вильгельм Завоеватель решил возвести на этом самом месте мощный каменный донжон, который бы олицетворял силу его власти над Лондоном и Англией. Англосаксы подобных сооружений не возводили, и потому

«бороться» с каменными крепостями не умели.

Новоиспеченный английский король об этом прекрасно знал, и потому пошел на большие траты казны, чтобы Тауэр был каменным. «Белая башня», царившая над столичным Лондоном, словно символизировала силу верховной власти Вильгельма. Он любил Тауэр, часто посещая его и не забывая лично надзирать над его «начинкой». В случае крайней опасности каменная крепость могла стать надежным укрытием для короля, его семьи и верных приближенных людей.

В Тауэре постоянно содержался сильный крепостной гарнизон, здесь были собраны на случай войны военные запасы оружия и продовольствия. То есть в случае восстания горожан в лондонской крепости можно было с большой надежностью не только отсидеться до прихода помощи, но и производить за стены Тауэра сильные, неожиданные вылазки. Комендантом лондонской крепости мог быть только человек, проверенный службой и лично преданный королю.

Тауэр (Тоуэр) в переводе с английского означает «башня». Башня являлась основой любых рыцарских и иных замков, играя за их стенами роль цитадели. До XVII века Тауэр был одной из королевских резиденций. После этого он являлся до 1820 года надежнейшей государственной тюрьмой для особо важных или опасных преступников, которыми полнится история Английского королевства. Бежать из нее можно было только при помощи извне, но такое случалось крайне редко.

После этого замок-крепость, украшение Лондона, превратили в музей, один из крупнейших и популярнейших в Великобритании. По сей день величественное здание Тауэра украшает собой британскую столицу, вызывая своим прошлым неизменный интерес у туристов, писателей и историков. При этом имя строителя Вильгельма I Завоевателя у всех на устах.

…Вильгельм торопился с обустройством своего королевского двора в Англии, стремясь придать ему вид не хуже парижского двора. Обязательным атрибутом его было присутствие на троне королевы, обладавшей правом соправительницы.

Матильда прибыла из Нормандии на свою коронацию в сопровождения большого числа знатных лиц и дам герцогского двора. Торжественная церемония традиционно проходила в Вестминстере, 11 мая 1068 года. В тот день в соборе во всех уголках звучала французская речь. Королева получила корону, как и ее муж, из рук архиепископа Эалдреда Йоркского.

Теперь подпись королевы Матильды Английской стояла под многими документами самого разного характера. Но надо заметить, что супруги были безграмотными, и вместо подписи

они ставили «узнаваемый» крест. Первым таким документом стала высочайшая грамота, милостиво данная королевской четой епископу Уэллса.

…Укрепляя власть нормандцев и свою собственную, Вильгельм I Завоеватель самым безжалостным образом конфисковывал земли мятежных феодалов из числа англосаксов и раздавал их нормандской знати. Такое «перераспределение» земельных владений (поместий с укрепленным жилищем феодала) в те годы стало обычным явлением и носило необратимый характер. Самые богатые люди из числа коренного населения по одному королевскому слову становились нищими.

Теперь построить рыцарский или баронский замок, то есть укрепленное жилище, в стране можно было только с личного разрешения монарха. Давал же он такие разрешения только «своим» людям, проверенным в войне и лояльным к его личной королевской власти. Король Вильгельм явно опасался большого числа внутренних укреплений на английской земле: в случае мятежей они могли оказаться в руках его врагов.

Местные, родовитые англо-саксонские феодалы оказались у короля-завоевателя в большой немилости. Он словно чувствовал всю их ненависть к людям чужеродным, ставшим победителями Английского королевства. Опасность таких «старых» аристократов состояла еще и в том, что они пользовались поддержкой простого населения страны, которое часто вставало на защиту своих господ с оружием в руках.

Королю Вильгельму I Завоевателю уже в самом начале своего правления пришлось подавлять большие мятежи. Первые их вспышки в самых разных местах Англии произошли в 1067 году, то есть почти сразу после коронации Вильгельма.

Многие города при появлении войск Завоевателя не открывали перед ними своих ворот. Так было в Эксетере, жители которого закрыли перед нормандцами ворота и с оружием в руках стали на защиту города. Король Вильгельм I восемнадцать дней осаждал небольшой укрепленный город, прежде чем он, изолированный со всех сторон от внешнего мира, был взят силой.

Восстание в Эксетере на юго-западе Англии вспыхнуло осенью 1067 года. Считается, что это было восстание горожан, так как местные таны остались в стороне, за что в дальнейшем они и жестоко поплатились. Восставшие получили поддержку со стороны удалившейся сюда Гиты, вдовы Годвина и матери Гарольда Несчастного.

Вильгельм Завоеватель понял всю опасность эксетерского мятежа, лично возглавил войска, отправленные на его подавление. Город был осажден и после трех недель сдался в

обмен на обещание сохранить его старинные привилегии. Для Вильгельма Завоевателя, как и для ему подобных средневековых властителей, словесные обещания ничего не значили. Их можно было просто забыть на следующий же день.

Король, опасаясь за ситуацию в этой части страны, повелел возвести внутри Эксетера крепкий замок, в котором оставлялся сильный нормандский гарнизон. Комендантом (кастеляном) был назначен Балдуин де Мелль, владетель Йемуа. Ему была поставлена задача взять под контроль весь полуостров Корнуолл: туда нормандские войска еще не входили.

Корнуолл представлял собой юго-западную часть Английского королевства. Вильгельм Завоеватель занялся его административным устройством, создав здесь крупное феодальное владение (княжество) с центром в городе Бристоле. Сначало оно было отдано графу Бриану Бретонскому, но тот вскоре, получив должное вознаграждение, вернулся домой. Тогда король передал феод сродному брату по матери Роберту де Мортену.

Короля серьезно донимала ситуация в северных областях. Если местные эрлы не поднимали против него оружия, то большое число их вассалов эмигрировало в Шотландию, Ирландию и Фландрию. Это были люди, готовые пойти войной на нормандцев, окажись у них авторитетный вождь. Но пока бежавшие из страны англосаксы не шли на открытые враждебные действия.

Непокорные города жестоко наказывались за вооруженное сопротивление завоевателям. Их население избивалось, грабилось. Сами города предавались огню, и они частично разрушались, при этом речь в первую очередь шла о городских крепостных сооружениях: башнях, стенах, воротах, цитаделях. Разрушались жилища тех, кто защищался вооруженной рукой. Часть военной добычи, то есть награбленного добра, попадала в королевскую казну, другая часть становилась «жалованьем» тех, кто подавлял возмущение.

После взятия Эксетера Вильгельмом были завоеваны берега Соммерсета и Глочестера. После этого убежищем недовольных новым монархом стал север Англии, в том числе области, граничащие с Шотландией. Число вооруженных людей там быстро увеличивалось, и при случае обретения авторитетного военного вождя они могли начать активные действия против нормандцев с расчетом на поддержку местных жителей.

В 1068 году король двинулся против них во главе многочисленного войска, основу которого составляли конные рыцари из Нормандии. В лондонском Тауэре оставлялся сильный

гарнизон. С боем, с немалыми потерями Вильгельм Завоеватель взял крепостные города Оксфорд, Варвик, Лейчестер, Дерби и Ноттингем. Их «наказанное» население приводилось к присяге на верность новоявленному монарху.

После этого нормандцы захватили город Линкольн и подступили к Йорку, центру северной Англии. Здесь уже находилось объединенное войско англосаксов и пришедших к ним на помощь кланов шотландцев. Союзники почти не имели конных воинов, а в вооружении они заметно уступали врагу: доспехи, не считая деревянных щитов, имели немногие.

В сражении у Йорка Вильгельм Завоеватель прекрасно использовал свое главное преимущество на земле еще не приведенной в повиновение Англии – наличие многочисленной рыцарской конницы, хорошо вооруженной и имевшей прекрасные по тому времени защитные доспехи. Сказали свое веское слово отряды лучников и арбалетчиков, засыпавших толпы неприятеля тучей разящих стрел.

Англосаксы и шотландцы были разбиты и обращены в бегство в сторону города-крепости Йорка. Их преследовали по пятам, что позволило нормандцам с ходу ворваться в сам город. По ряду сведений, победители истребили в городе всех жителей, от малых до старых. По другим сведениям, жертв среди мирного населения Йорка в тот день оказалось очень много.

В 1068 году заявили о себе мятежники в северной Нортумбрии. Против короля ополчился эрл Эдвин. Одной из причин разрыва их отношений стало решение Вильгельма Завоевателя не выдавать за него замуж одну из дочерей, о чем было объявлено ранее. Эдвин покинул Лондон и присоединился к восставшим северным англосаксам.

Тогда король назначил эрлом Нортумбрии Копсига, но местная знать его не приняла. Спустя некоторое время эрл был убит, попав со своей свитой в засаду. Тогда монарх передал власть над Нортумбрией нормандскому рыцарю Роберту де Комину, что вызвало всплеск мятежнических настроений среди местного населения.

Вильгельму Завоевателю пришлось выступить в поход на мятежный север страны. По пути туда он построил замок в Ноттингене: пока это был только вал из стволов деревьев и земли. То, что такое мощное в понимании англосаксов укрепление было возведено всего за несколько дней, устрашило англосаксов. Это позволило нормандскому войску беспрепятственно войти в город Йорк.

В мятежном Йорке король, верный своему правилу закрепляться на завоеванной земле через возведение замков,

приказал насыпать холм, на котором будет возведена башня Клиффорд. Местные владельцы Йоркшира принесли вассальную присягу Вильгельму Завоевателю.

На севере монарх Англии решил еще одну серьезную для своего престола проблему. Этелинг Эдгар, племянник Эдуарда Исповедника, покинул отечество и вместе с матерью и двумя сестрами оказался в Шотландии. Там одна из его сестер, Маргарита, вышла замуж за короля Малкольма. Было ясно, что эмигрант Эдгар, уже носивший титул венценосца государства англосаксов, во многих случаях может стать знаменем больших мятежей в стране: Шотландия граничила с Англией на сухопутье.

Вильгельм Завоеватель, будучи на севере, сумел завязать переговоры с королем Малкольмом. Правитель Шотландии пообещал ему не помогать Эдгару в случае его враждебных действий против власти нормандцев. Только уладив такое дело, Вильгельм возвратился в Лондон, по пути построив несколько укреплений (замков), в том числе в Кембридже и Линкольне. В каждом из них был оставлен для несения гарнизонной службы воинский отряд.

1069 год начался для нормандцев в Англии трагическим известием из Нортумбрии. Местные владельцы подняли мятеж, простой люд тоже взялся за оружие. Нормандцы и их сторонники повсеместно избивались. Восстание стало шириться, и в конце января в городе Дарем был убит эрл Роберт де Камин, а его сильный отряд истреблен восставшими.

Повстанцы от Камина двинулись на Йорк: город ими был занят, начальник гарнизона (кастелян) погиб, а местное население присягнуло этелингу Эдгару. Однако йоркский деревянный замок, возведенный на холме, англосаксам взять не удалось: нормандцы под начальством Вильгельма Мелля отразили приступ. Замок был взят в осаду.

Весной этелинг Эдгар с отрядом своих сторонников прибыл в восставшую Нортумбрию, усилился численно и весной двинулся к городу Йорку. По пути к нему присоединялись отряды местных повстанцев. Восстание на севере Англии ширилось и грозило перекинуться на другие области страны.

Королю вновь пришлось выступить в поход на север, собрав максимально возможные воинские силы. Основу их опять составила тяжелая рыцарская конница. От Лондона войско Вильгельма Завоевателя двигалось форсированными маршами, и потому оказалось под Йорком неожиданно для противника. Нападение на лагерь восставших, осаждавших замок, завершилось полным их разгромом. Восставших преследовали до самой реки Тис, которая тогда считалась условной англо-шотландской

границей, тогда еще точно не установленной.

Изгнав, таким образом, остатки мятежных англосаксов в Шотландию, король возвратился в Йорк. Там он приказал построить второй замок на западном берегу реки Уз. Таким образом, в городе, который являлся центром Йоркшира, оказалось два хорошо укрепленных замка, каждый из которых имел собственный гарнизон. В случае чего один из них мог подать быструю помощь другому.

Управление северными областями было поручено Вильгельму Фиц-Осберну, человеку решительному в действиях, уже имевшему хороший опыт борьбы с мятежами англосаксов. К тому же ситуация в Нортумбрии оставалась опасной для нормандцев: этелинг Эдгар оружия не сложил, а число его приверженцев оставалось значительным.

…В 1069–1071 годах завоеванную Англию потрясло «Великое северное восстание» под предводительством воинственного графа Хереуарда Уэйнского. Предистория этого «возмущения» англосаксов такова.

У павшего в Гастингском сражении короля Гарольда I Несчастного были сыновья Эдвин и Годвин. После гибели отца они нашли убежище в Ирландии. В 1069 году, собрав небольшое войско, они возвратились в Англию, высадившись у Соммерсета. Считается, что основу их экспедиционных сил (по-другому собранный воинский отряд назвать трудно) составляли датчане-викинги, которые давно обосновались на берегах Зеленого острова и были непрочь повоевать на берегах Англии.

О большой численности десанта говорить не приходится, и потому предприятие сыновей-наследников короля Гарольда из рода Годвина больше напоминало авантюру с благородными целями. Коренное население Англии в большей ее части в те годы только и размышляло о том, как изгнать из своего Отечества чужеземцев-завоевателей, которые не знали языка покоренного народа.

Высадка дружины королевских сыновей стала сигналом к широкому восстанию местного населения. Собственно говоря, особо призывать их к оружию не приходилось: события развивались спонтанно. Отряды англосаксов самой различной численности стали присоединяться к братьям Эдвину и Годвину, и те вскоре имели уже значительные воинские силы, пусть крайне плохо вооруженные и организованные. Реально смотря на соотношение сил, можно сказать, что у рода Годвина виделось совсем мало шансов на возвращение короны Англии.

Войско повстанцев Соммерсета не смогло в решающей битве оказать стойкое сопротивление нормандскому войску. Рыцарская

«железнобокая» конница сметала все на своем пути, лучники и арбалетчики за сотню-другую шагов беспрепятственно расстреливали толпы англосаксов. Вильгельм Завоеватель жестоко подавил очередной мятеж против его власти. После этого главный очаг сопротивления завоевателям переместился в Честер, куда бежала часть разгромленных мятежников Соммерсета. События там в августе 1069 года приняли иной характер.

В Скандинавии завоевание Англии герцогом Нормандии приняли как сигнал к тому, чтобы начать свое вторжение на Туманный Альбион. Датский король Свейн Эстридсен послал к берегам северный флот под командованием двух сыновей и брата. По ряду данных, этот флот насчитывал 300 мореходных судов, на борту которых каждый человек считался воином. Численность датского войска, двинувшегося в морской набег, истории не известна даже приблизительно. Считается, что нортумбрийские англосаксы, их таны ожидали его прибытия.

Причина похода в Англию были таковы. О событиях в Англии было хорошо известно в Датском королевстве. Там набиралось много родичей погибших у Гастингса датских воинов-хускарлов, которые составляли королевскую гвардию Гарольда Саксонца. Из Дании на помощь восставшим прибыло 240 кораблей (не весь северный флот) с воинами на борту. Высадка десанта силой в несколько тысяч храбрых и обученных воинов состоялась в заливе Гумбера. Датчане, поддержанные местными англосаксами, уверенно двинулись от морского берега к городу Йорку. Далее события разворачивались так.

При поддержке датского войска под командованием ярла Осбьорна, посланного в Англию королем Свеном II Эстридсеном, повстанцы захватили город Йорк, важнейший тогда в северной части страны. Обладание им давало возможность контролировать центральную часть страны, многие дороги. Англосаксы и датчане ворвались в Йорк и устроили там безжалостное избиение нескольких тысяч нормандцев.

Вильгельм Завоеватель получил известие о том, что флот датчан появился у берегов Нортумбрии во время охоты в заповедных лесах у границ с Уэльсом. Скорой помощи гарнизонам двух йоркских замков подать он не мог, и им грозила гибель. Когда датчане высадились на берег, то они, соединившись с отрядами повстанцев этелинга Эдгара, эрла Эльтеофа и других местных вождей, быстро двинулись на город Йорк, надеясь внезапным ударом овладеть важным городом.

Гарнизоны двух твердынь Йорка не оплошали. Нормандцы выжгли вблизи замков дома, сгорел даже монастырь Святой

Марии, который находился вне стен города. После этого королевский комендант Вильгельм Мале, соединив силы двух гарнизонов, смело выступил навстречу датчанам и мятежным англосаксам. Йорк еще горел, когда под его стенами произошел яростный бой, который закончился полным разгромом нормандцев.

Королевский наместник Йоркшира явно переоценил собственные силы: его воины были задавлены противником численно и большей частью пали в бою. Вильгельм Мале смог спасти только остатки замковых гарнизонов, город же защищать он не стал, спасаясь бегством.

Бой под стенами Йорка имел два важных следствия. Во-первых, архиепископ Эалдред, сторонник Вильгельма Завоевателя, безуспешно пытавшийся силой своей духовной власти остановить восстание англосаксов, «совершенно обессилев», скоропостижно скончался от таких трудов 11 сентября. Замены ему среди духовной элиты пока не виделось.

Во-вторых, население не только северной Нортумбрии восприняло весть о победе датчан и англосаксов как призыв к сопротивлению, пусть даже скрытому. Монах из Сент-Эвруля Ордерик Виталий, пользовавшийся многими документами, не дошедшими до нашего времени, писал, что посланцы мятежных нортумбрийцев умело использовали ситуацию, «чтобы вернуть потерянную свободу и заставить англичан под клятвой объединиться против нормандцев».

Такие призывы не остались без ответа. На западе и юго-западе Англии произошло несколько выступлений против власти короля. В дело вмешались пограничные валлийские князья. На границе с Уэльсом мятежники осадили замок Шрусбери, но взять сильное укрепление не смогли.

Перед Вильгельмом Завоевателем встала трудная задача не допустить расширения мятежа, разбить повстанцев и заставить войско короля Дании покинуть берега Англии. Историки считают, что именно тогда в войске нормандцев появились пораженческие настроения.

Новоиспеченный английский монарх получил в то тревожное время «удар в спину», который пришелся из Нормандии и Франции. Этот удар наносили жены его рыцарей, которые остались без мужей на противоположном берегу Ла-Манша и бедствовали в собственных поместьях и замках. Тот же Ордерик Виталий свидетельствовал:

«Они отправляли им письмо за письмом и умоляли их вернуться как можно скорее, в противном случае угрожая найти себе других спутников. Сами же они не осмеливались

присоединиться к своим мужьям из-за незнакомых им опасностей переправы, а также потому, что в Англии мужчины ежедневно были заняты войной, где кровь текла рекой как с одной, так и с другой стороны».

От Вильгельма Завоевателя стали отъезжать домой даже люди, которые находились в его ближайшем окружении. Давление жен оказалось для них важнее обладанием фьефов, полученных на английской земле от своего предводителя. В числе таких отъехавших оказались военачальники, как Гуго де Гранмениль из Винчестера и начальник гастингского замка Онфруа де Тейель.

После захвата Йорка молодой Эдгар, бесталанный и малодушный племянник короля Гарольда Кроткого, вновь был провозглашен королем Англии. Но он не был готов исполнять обязанности военного вождя, и потому авторитет его среди людей, поднявших оружие на короля Вильгельма Завоевателя, оказался невысок. Последующие события показали, что не оказалось должной спайки между местными повстанцами и прибывшим им на помощь войском из неблизкой Дании.

Вильгельм Завоеватель сразу осознал всю опасность «Великого северного восстания». Оно было опасно для него не столько провозглашением королем англосаксов Эдгара, сколько тем, что у мятежников имелся опытный военачальник в лице графа Хереуарда Уйэнского, способного сплотить вокруг себя немалые силы недовольных завоевателями. Король Вильгельм нашел правильный для себя выход в той непростой ситуации: он решил внести раскол в неприятельский стан.

Король Англии действовал привычно решительно, собрав под свои знамена нормандские отряды, которые только мог заполучить. С большей частью своей армии, ударной силой которой оставалась все та же тяжелая рыцарская конница, он выступил в поход на город Йорк, который стал притягательным центром мятежа. Именно там находились датские войска.

Меньшую часть своих сил король вверил рыцарствующему кутанскому епископу Жоффруа де Монбрэну. Ему поручалось восстановить силой оружия власть нормандцев в Корнуолле, Девоне, Дорсете, Сомерсете и Чешире. Выступления англосаксов происходили там разрозненно, и это заметно облегчало задачу подавления мятежа.

Вооруженной борьбы за город Йорк не случилось: датчане, узнав о приближении королевской армии, оставили его и вернулись на корабли, которые находились на якорной стоянке в водах Хамбера. Их местные союзники рассеялись по окрестным селениям и лесам. Тогда Вильгельм Завоеватель, передав

командование силами, находившимися в Йоркшире, Роберту де Мортену и Роберту, графу О, двинулся на мятежников Стаффордшира, одержав над ними убедительную победу.

Однако почти сразу после этой виктории королю пришлось поспешить к Йорку: датчане вознамерились вернуть себе город, чтобы возвратиться на родину с хорошей военной добычей. Однако на пути войска Вильгельма Завевателя оказалась река Эр, вода в которой после проливных дождей заметно поднялась и снесла мост. На наведение нового моста времени не было, и потому нормандцы занялись поиском брода через водную преграду, который нашли не сразу.

Такой задержкой главных сил короля Англии расчетливо воспользовались предводители датского войска. Они завязали переговоры, требуя в обмен на прекращение военных действий поддержки мятежников провиантом, который позволил бы их флоту перезимовать на экватории Хамбера, а весной, после прекращения зимних штормов в Северном море, беспрепятственно возвратиться в Данию.

Вильгельм Завоеватель согласился на такие предложения, хотя прекрасно понимал, что присутствие англичан у берегов Нортумбрии грозит новыми вспышками мятежей местного населения. Наступила осень со штормами в море. Король приказал собрать двор в Йорке (большая часть города уцелела после недавнего пожара) и встретить там рождественские праздники. Войска распускать по гарнизонам он не стал.

Для «выпроваживания» датчан из Англии в ход пошли давно известные приемы: ложь и подкуп. Вильгельм сумел достаточно скоро установить надежный контакт с военным вождем датчан Осбиорном и послать ему огромную сумму денег. Взамен король получил обещание потомка викингов весной отплыть обратно в Данию. То есть подкуп имел желаемый результат.

Осбиорн скрыл от своих военачальников и рядовых воинов то, что нормандцы завязали с ним тайные переговоры. Сделал он это из-за опаски подрыва личного авторитета среди войска Датского королевства, поскольку нарушал повеление собственного монарха. Не знали о подкупе и предводители восставших англосаксов, которые видели в военном вожде Осбиорне надежного добровольного союзника и опытного военачальника.

Одновременно король-нормандец клятвами и всевозможными уступками, прежде все в мелочах, но не в главном, сумел удержать от мятежа жителей южной части Англии. Те не поддержали «Великое северное восстание», хотя какое-то число добровольцев ушло из этих мест на север и там присоединилось к

повстанцам.

Собрав подвластных ему баронов-нормандцев, Вильгельм Завоеватель разбил объединенную армию мятежников и датчан и отвоевал у них город Йорк, обладавший сильными крепостными стенами. Обладание Йорком давало «дорожный» контроль над северными областями Англии. Победа имела стратегическое значение, поскольку территория, охваченная восстанием, «разрубалась» на две части, слабо связанные друг с другом.

Поход отборного (так считают специалисты) войска на город состоялся в начале 1070 года. Нормандцы на этот раз действовали по возможности быстро и подступили к Йорку с известной неожиданностью для противной стороны. Король Вильгельм спешил взять город до похода на выручку его гарнизона других отрядов мятежников, действовавших на английском севере. Он опасался и возможного вмешательства в смуту шотландцев.

Нормандцы взяли крепостной Йорк во второй раз после ожесточенного штурма. Приступ был общий: нормандцы атаковали и крепостные стены с башнями, и городские ворота. Вновь свое слово сказали лучники и арбалетчики, которые умело выцеливали и смертельно поражали защитников Йорка на стенах. Когда штурмующие взошли на стены и взломали ворота, в рукопашных схватках они легко одержали верх в силу малочисленности противника.

Мятежные англосаксы и их семьи, оказавшиеся за крепостной стеной, вновь подверглись безжалостному истреблению. Йорк вторично был предан разграблению. Люди короля громили все, что попадалось им под руку, стараясь максимально разрушить то, что подлежало уничтожению: жилые дома, трактиры, храмы, склады и прочие строения. После этой резни и погрома город долго не смог подняться и стать опять признанным торговым и административным центром северной Англии.

Завоеватель не терял времени даром: он восстановил два йоркских замка, гарнизоны в них были доформированы в прежней силе. После этого король занялся истреблением мятежников в лесах и деревнях северной Англии: каждое селение здесь подвергалось, говоря словами наших дней, «зачистке». Прочесывлись леса и горные районы. Хронист отмечал, что при этом король «не заботился о какой иной добыче, кроме спрятавшихся врагов».

Север Англии в результате таких карательных операций Вильгельма Завоевателя подвергся страшному опустошению, который давал о себе знать не одно десятилетие. Хорошо осведомленный о тех событиях Ордерик Виталий писал

следующее:

«Еще никогда Вильгельм не проявлял такой жестокости… он даже не пытался обуздать свою ярость и карал всех виновных, так и невинных. В своем гневе он приказал обратить в пепел все – урожай, стада, съестные припасы, так что все земли севернее Хамбера были лишены запасов продовольствия. Тогда в Англии случился такой недород, и обездоленные, лишенные защиты люди страдали от такого голода, что умерло более 100 000 христиан обоего пола, старых и молодых…

Когда я думаю о беззащитных детях, юношах, стариках, которые умерли подобной смертью, я испытываю такую горечь, что склонен скорее оплакивать страдания и страхи несчастного народа, чем напрасно пытаться лестью снискать себе милость того, кто истребил столько людей…»

Утвердившись в Йорке, король-полководец вынудил датские войска вождя Осбиорна отступить к гаваням, где стояли спасительные для них корабли. Дети викингов понимали, что гибель их связана больше с истребленной врагом мореходной флотилии и меньше с появлением перед ними неприятеля в чистом поле. Собственно говоря, с мятежными англосаксами датчан связывало немногое, и потому они покинули берега Туманного Альбиона без чувствительных угрызений совести. Англия была для них чужой страной, как и народ англосаксов.

Вождь Осбиорн пусть и не сразу, но все же сдержал свое «оплаченное» Вильгельмом слово. 240 датских кораблей, поставив паруса, ушли в Северное море курсом на Данию. Так мятежники осталось без сильных союзников в лице датчан. Они увозили с собой на родину военную добычу, которая значительной не была. Вождь Осбиорн же стал обладателем значительной суммы в серебряной монете и, что вполне вероятно, каких-то изделий из серебра (возможно, их лома, о чем свидетельствуют клады викингов).

После «расправы» с городом Йорком армия короля Вильгельма беспрепятственно двинулась на север, к шотландским границам, опустошая все в округе. В тех событиях погибло множество людей из числа мирных жителей. Часть местного населения укрылась в лесах и горной местности, спасаясь от истребления. Нормандцам приходилось действовать на севере, как во враждебной стране, чего не было, например, на юге Англии в 1066 году, в частности в Уссексе.

Часть повстанцев-англосаксов, частью с семьями, укрылась в труднодоступных горных областях нижнего течения реки Тис, сумев сохранить немалые запасы продовольствия. Однако король привел войска и туда: мятежникам пришлось бежать и оттуда.

Этелинг Эдгар вновь укрылся в соседней Шотландии, а эрл Вальтеоф явился с поклоном к монарху и еще раз поклялся ему в верности. В Йорк король вернулся в разгар зимы, оставив часть войск в гарнизонах северных крепостей.

В тех событиях восставшие нортумбрийцы помощи от датчан не получили. Нормандская стража стояла на берегах Хамбера, карауля каждое движение кораблей флота короля Дании. Датчане с большими бедами прозимовали в акватории Хамбера, и к весне немалая их часть умерла на кораблях от голода: английский король не выполнил обещаний поставки провианта, если не считать снабжения непрошенных гостей испорченным мясом. Датчане слишком поздно поняли, что их коварно обманули на переговорах.

Домой в датские порты весной вернулись лишь жалкие остатки королевского флота. Собственно говоря, именно этого и добивался Вильгельм Завоеватель. Полная и убедительная победа над армией потомков датских викингов была одержана без кровопролитного сражения. Она убедила многих мятежных англосаксов, их непокорную родовую знать в том, что в последующих восстаниях они помощи из-за моря не получат.

Завоеватели преследовали пешие отряды мятежных англосаксов, как подлежащих избиению врагов, до развалин большой римской стены, некогда отделявшую римскую провинцию Британию от «диких племен северных гор». Перейдя остатки этой стены (ров и вал), остатки беглецов рассеялись.

К тому времени нормандцы, их рыцари и лучники научились успешно действовать в лесах и на лесных дорогах, избегать засад и самим «охотиться» на мятежников. Изменилась и тактика борьбы с теми, кто укрывался в лесах, считая их за надежное убежище. Поэтому нормандцы, засылая в леса лазутчиков и конные дозоры, старались в первую очередь отыскать лесные лагеря мятежных людей, которые, как правило, надежно не охранялись.

Такие лесные станы внезапно засыпались стрелами, а потом уже на них, когда начиналась суматоха, обрушивались конные рыцари и копьеносцы. Взятые пленные пополняли тюрьмы замков и крепостей. Суд к мятежникам был всегда безжалостен. Нормандцы использовали и охотничьих собак, с которыми выслеживали людей, скрывавшихся в чащобах.

С приграничья с Шотландией победители возвратились в город Йорк, подновив его крепостные сооружения. Старинная крепость вновь обрела свою силу и значимость на перекрестке важных торговых путей. Король оставлял в ней достаточно сильный гарнизон, способный силой погасить новые всполохи

мятежа в округе, призвать к порядку местных землевладельцев, обеспечить сбор налогов и поимку в лесах тех, кто еще не сложил оружия.

После этого нормандцам оставалось овладеть той частью английской территории, которая прилегала к Честеру. Зиму король Вильгельм провел преимущественно в Йорке, занимаясь охотой, которой он был большой любитель, в окрестных лесах и неотложными административными делами. Когда полевые дороги подсохли, его отдохнувшая и пополнившаяся армия скорыми марш-бросками двинулась в поход.

Маршрут движения был нормандцами заранее разведан. Их рыцарская конница не без походных трудов преодолела горную цепь, которая считалась англосаксами непроходимой для конников. Эта горная цепь пересекала всю Англию с севера на юг и считалась природной защитой жителей Честера. Но так было в эпоху вражды между собой небольших англосаксонских королевств, в армиях которых конница существовала только номинально.

Конница могла совершать, в отличие от пешего воинства, быстрые марш-броски, неожиданно появляться в тех местах, где их пока не ждали, преодолевать те водные преграды, которые становились препятствием для пеших воинов. Конные дозоры вели дальнюю разведку. Конники удачно угоняли к себе стада мятежных селений. Факельщики на конях «результативно» предавали огню поселения англосаксов. Наконец, конные рыцари, их оруженосцы и слуги-пажи сами умело владели арбалетами и луками.

Тактика истребления мятежных селений была проста. В него врывались конные рыцари, мечами и копьями поражая всех, кто попадался им на деревенской улочке. Одновременно лучники и арбалетчики поражали стрелами всех, кто вставал и мог встать на пути рыцарей. Конные и пешие факельщики поджигали дома, амбары, прочие строения. Топорами рубились плодовые деревья. Скот, если не было возможности его угнать к себе, истреблялся. Вытаптывались посевы.

Король Вильгельм Завоеватель, в таких случаях всегда немногословный, требовал от начальников рыцарских отрядов, да и от самого себя, одного:

– Уничтожать все. Ничего и никого не жалеть. Нормандский меч должен преподать мятежникам жестокий урок на будущее…

Пленных в таких случаях бралось немного. Судьба их оказывалась незавидной, поскольку они подвергались ограблению и надругательству. Вообще, в эпоху рыцарского Средневековья, в том числе и на английской земле, цена человеческой жизни

видится ничтожной. И когда не только селение, а целый город подвергался истреблению, то в этом современники не видели чего-то варварского, дикого, подлежащего осуждению.

Вильгельм Завоеватель вошел во главе рыцарского войска в земли Честера победителем, наводя ужас на местное население своим неожиданным появлением. Король приказал построить здесь и в Стаффорде сильные крепости и замки. На их строительство местные жители собирались в принудительном порядке. Камня и леса в округе оказалось предостаточно, поэтому возведение фортификационных сооружений шло быстро. Они создавались под руководством приглашенных специалистов из Нормандии.

Войску нормандцев от имени короля раздавались щедрые награды, в том числе земельными участками. Ко всему прочему, рыцарство возвращалось в свои замки, обремененное военной добычей, которой могла быть и домашняя утварь, и скот, и повозки, и люди, которые подвергались насильственному переселению на земли нового хозяина.

Северный поход в условиях зимы выдался для нормандцев тяжелым: рыцарская конница потеряла много лошадей. Был случай, когда сам король Вильгельм, возглавив передовой дозор всего из шести рыцарей, заблудился в снежном лесу и всю ночь искал собственную армию. Судьба тогда хранила его.

В конце зимы (в феврале 1070 года) король двинулся к границе Уэльса. Многие в его окружении считали это безумием, поскольку горные дороги, больше походившие на тропы, находились еще во власти стихии. Питаться приходилось больше мясом павших лошадей. Вильгельму Завоевателю едва ли не каждый день приходилось демонстрировать собственную стойкость, поднимаясь по горным склонам.

Когда королевская армия достигла Честера, ее ряды заметно поредели. Брожение в ее рядах охватило, как считается, только выходцев из Мэна, Бретани и Анжу. Нормандское рыцарство неизменно демонстрировало личную преданность своему монарху. Получая ее в покорении Англии, король Вильгельм отдаривал богатыми подарками и землями (фьевами), которые конфисковывались у мятежной знати англосаксов.

Историки считают, что покорение Англии нормандцами завершилось весной 1070 года. Той весной остатки флота Датского королевства ушли с вод Хамбера.

…Отголоски Великого Северного восстания перестали давать о себе знать только в 1072 году. Весной того года остатки восставших англосаксов под предводительством местного тана Хереуарда Уэйнского укрепились на одном из островов реки Уз

возле города Или. Хереуард стал героем англосаксонской истории, сумев в тех событиях избежать гибели. Удержать остров он не смог, хотя получил поддержку от эрлов Эдвина и Моркара, которые сами в восстании открытого участия не принимали.

Хереуард был известен ограблением монастыря Петербора. Его люди изъяли здесь казну из серебряных монет и прочие ценности. Все это было передано повстанцам датчанам, высадившимся в Йоркшире и оказавшимся на острове Или. Таким образом, покупалось союзничество воинов из Дании. Хереуард утверждал, что таким образом он лишает короля-иноземца сокровищ богатой обители, аббатом которой был назначен нормандец, монах из Фекана.

Судьба этих эрлов была печальна. Моркар был брошен нормандцами в тюрьму, где он пребывал до самой смерти Вильгельм Завоевателя. Эдвин бежал в Шотландию, но по пути туда был убит кем-то из своих спутников. Убийцы преподнесли голову молодого эрла его несостоявшемуся тестю, королю Англии, надеясь на прощение и награду. Но тот изгнал их за такое дело с позором от себя.

«Великое северное восстание» закончилось тогда, когда войска короля Вильгельма I Английского штурмом овладели хорошо укрепленным замком Хереуард на острове Или, со всех сторон защищенном непроходимыми болотами (близ современного города Или в графстве Кембридшир). Приступ велся яростно, защитники замка пощады для себя не ждали. Хереуард подвергся разрушению и был предан огню.

После этого собственно в Англии против Вильгельма Завоевателя сильных мятежей с участием местных феодальных владельцев уже не поднималось. Правда, и после подавления «Великого северного восстания» вспыхивали то там, то здесь вооруженные выступления англосаксов. Но их подавляли быстро и жестоко. Для этих целей королю уже не приходилось собирать своими указами и посылать значительные числом войска, собирать баронские ополчения.

…В 1072 году английский король во главе многотысячной армии совершил поход на север и вторгся в соседнюю Шотландию и одержал там победу. Местные кланы, враждовавшие между собой, оказались не способны собрать быстро сильное союзное войско. И вновь сказались преимущества рыцарской конницы, лучников и арбалетчиков. Личное бесстрашие шотландских воинов-ополченцев решающего слова не сказало.

Когда шотландцы смело бросались в рукопашную схватку, то до конных рыцарей добегали далеко не все: стрелы луков и арбалетов делали свое дело. Горцы в клетчатых юбках и

шерстяных шапочках, вооруженные преимущественно мечами и боевыми топорами, лукам редко отдавали предпочтение. Со своей стороны, рыцари-нормандцы старались не заходить далеко по горным тропам, чтобы не погибнуть под камнепадом во вражеских засадах. Но на равнинах Шотландии, на морском побережье тяжеловооруженная конница Вильгельма Завоевателя равных себе не знала.

Осенью 1072 года Вильгельму Завоевателю удалось уладить отношения с соседней Шотландией, король которой Малкольм был женат на сестре этелинга Эдгара. Шотладский правитель предпочел избежать военного столкновения, поскольку его пешее ополчение в чистом поле не могло противостоять рыцарской коннице нормандцев, да еще подкрепленной лучниками и арбалетчиками. Малкольм признал себя вассалом сильного соседа. Этелингу Эдгару пришлось искать убежище во Фландрии: реальной военной силой он уже не обладал, вновь став лидером эмиграции из Англии.

Шотландский король Малькольм III был вынужден признать сюзеренитет Вильгельма I Английского. Мирный договор между двумя соседними странами был подписан на условиях последнего. Следует заметить, что монарх Шотландии спустя некоторое время поднимет оружие на своих победителей, но уже против наследников престола Вильгельма Завоевателя. Горцы вновь соберут многочисленное пешее ополчение, и в приграничье начнется большая война.

Решающее сражение в ходе этой, одной из многих, англо-шотландской войны произойдет 13 ноября 1093 года у Олнуика. Шотландцы потерпят жестокое поражение от рыцарского войска противной стороны, а король Малькольм и его старший сын Эдуард будут убиты в битве. Их имена останутся в истории Великобритании, поскольку павшие не запятнали себя, как воины, чем-то порочащим их королевскую честь. Впрочем, реальных шансов на победу они имели откровенно мало.

В 1075 году английский монарх-завоеватель жестоко подавил восстание графов Херефорда и Норфолка, нанеся войскам мятежников полное поражение. Мятежные области подверглись опустошению. У местных феодалов вновь конфисковались родовые земли и жилища (замки), которые по воле короля-победителя отдавались в руки нормандцам. Численность англосаксонской земельной аристократии в стране сразу заметно поубавилась. Ее судьба в истории видится печальной.

После окончательного покорения Англии Вильгельмом Завоевателем многим людям из англосаксонской знати пришлось покинуть Британский остров, чтобы не стать жертвами

преследования новоявленного короля. Такие беглецы рассеялись по Европе, превратившись в военных наемников. Немногие избежали такой профессии. Они пополнили ряды «варягов». Ранее это были шведы и скандинавы, дошедшие через русские земли до Черноморья и Средиземноморья. Само слово «варяг» означало в переводе «союзник».

Изгнанники из Англии при нормандских монархах имели мало шансов вернуться на родину, и еще меньше вернуть себе реквизированные в королевскую казну земли, родовое жилище, имущество. Также почти никогда не возвращалось прежнее положение знатного англосаксонца. Да и к тому нормандская, пришлая аристократия откровенно чуждалась такого соседства, тайно враждебного, духовно непокоренного.

Для подавления более мелких выступлений против своей власти Вильгельм I Завоеватель использовал небольшие мобильные воинские отряды. Сейчас их можно назвать комбинированными отрядами. Такая комбинация заключалась в «правильном» сочетании рыцарей и лучников, то есть тяжеловооруженных конных воинов и пеших стрелков: «Всегда следует присоединять и примешивать к отрядам рыцарей и лучников».

Такие комбинированные отряды, как правило, не знали поражений в боях с мятежниками на открытой местности. В случае удара из засад лучники помогали рыцарям их отражать, заставляя нападающих (это были почти всегда легковооруженные воины) быстро и проворно скрываться в своих тогда труднопроходимых лесах и гористой местности.

После этого отряды нормандцев «сокрушали» укрепленные жилища мятежников. Рыцари в конном строю врывались в селения, а лучники и арбалетчики «обеспечивали их безопасность», поражая стрелами англосаксов, защищавших свои дома, на расстоянии. Так разрушались замки, тогда, как правило, деревянные, англосаксонской знати, которая не сразу и не дружно осознала то, что ей несет утверждающая себя чужеземная власть.

Уладив пограничные дела в герцогстве, король вернулся в Англию. Весной 1075 года он вновь на восемь месяцев отправился в герцогство: король Франции Филипп I вдруг стал открыто проявлять недружелюбность, а потом и воинственность по отношению к герцогству, правитель которого номинально считался его вассалом, связанным с сюзереном вассальной клятвой. Но в том 1075 году Нормандия серьезной внешней угрозе не подвергалась.

Отсутствие монарха в Англии дало повод к открытию

заговора против завоевателей. Через девять лет после Гастингской битвы в стране уже проживало около восьми тысяч иноземцев, больше всего из Нормандии. Они теснили англосаксонскую знать, которая катастрофически теряла земельные владения, на всех уровнях государственного управления. В среде англосаксов появилось много вынужденных эмигрантов, которые больше всего оседали в Ирландии и Фландрии. Колонии англосаксов образовались в Шотландии, Дании, южной Италии и даже Византии.

В отсутствие монарха в Англии вызрел заговор против него, душой которого стали эрл Ральф Норфолкский и Рожер де Бретей, эрл Шрусбери. Они располагали войсками, стоявшими в их эрлствах. Верный королю Ланфранк, по всей видимости, видел угрозу заговора и потому забил тревогу. В одном из писем королю он советовал своему покровителю поскорее возвращаться в Лондон.

Заговорщики уже в самом начале открытых действий стали терпеть неудачи. Многие из тех, на кого они рассчитывали, поднимая мятеж, отказались поднимать оружие против короля. Тогда Ральф отправился в Бретань вербовать наемников, поручив своей жене Эмме (сестре Рожера де Бретея) защищать замок Норвич, главную крепость эрлства. Когда королевские войска осадили замок, Эмма, волей судьбы оказавшаяся во главе мятежа, сдала его в обмен на свободный выход из замка части гарнизона и его отплытие в Бретань.

Мятежники рассчитывали на содействие короля Дании, который был тайно поставлен в известность о заговоре. Действительно, датский флот появился у берегов Англии, но с большим опозданием. Разграбив берега Йоркшира, датчане ушли восвояси, по пути зайдя в порты Фландрии, где была продана часть военной добычи.

Так заговор и мятеж потерпели полный крах в отсутствие Вильгельма Завоевателя. Ланфранк отправил королю победную весть. В письме сообщалось следующее:

«Замок Норвич пал; его защитники обязались покинуть Англию в течение сорока дней…

Сам замок заняли Жоффруа де Кутанс, Вильгельм де Варенн и Роберт Мале с 300 воруженными воинами, осадными приспособлениями и людьми, которые их обслуживают.

Хвала Господу, шум войны на английской земле совершенно смолк…»

Из этого письма можно судить, что число заговорщиков, их воинских сил было мало. Если сильный замок осаждал воинский отряд всего в 300 человек, то гарнизон замка должен быть

намного меньше. Ожидаемого развития мятеж Ральфа Норфолкского и Рожера де Бретея, двух королевских эрлов, развития не получил. Предводители заговора бежали из Англии на континент.

Король Вильгельм, возвратившись в Лондон, уничтожил три эрлства – Херефорд, Норфолк и Нортгемптон (Мидленд). Теперь ими управляли назначаемые монархом шерифы. Те заговорщики, что были схвачены, получили суровые наказания. Рожер де Бретей был лишен поместий и приговорен к вечному заключению. Однако тюремный режим для него установили вполне сносный. Король присылал ему подарки: шелковую тунику, горностаевую мантию и прочее.

Судили и молодого эрла Вальтеофа, который знал о преступном заговоре, но не сообщил о нем. Судьи серьезно расходились во мнениях о мере наказания такого преступника, и Вальтеоф провел в тюрьме Винчестера долгое время. Смертную казнь ему присудили по законам его народа, по закону англосаксов. Эрл Нортгемптона был обезглавлен при большом стечении постолюдинов, которые высказывали ему несомненное сочувствие.

…Завладев английской короной, Вильгельм Завоеватель не думал расставаться с короной герцогской. Он отсутствовал в Нормандии четыре года, вернувшись туда осенью 1071 года, когда «замирение» островной страны было закончено и нового Великого Северного восстания можно было не ожидать. С мятежничеством англосаксонской знати было покончено, пусть и не окончательно. Сеть замков с нормандскими гарнизонами покрыла страну. В самом «опасном» для завоевателей городе Йорке их было построено даже два, что стало в военной истории редким случаем.

Зима 1071/72 годов прошла для английского монарха в военных трудах на южной границе Нормандии: в графстве Мэн укрепились анжуйцы. Зимой армия нормандского рыцарства вторглась в Мэн через речную долину Сарты. Королю Вильгельму не столило большого труда овладеть замками Френе, Бомоном, Сийеле-Гийомом и заставить сдаться город Манс.

В ту зиму Вильгельм Завоеватель столкнулся еще с одной серьезной проблемой. Старший сын-наследник Роберт, которого он оставил править Нормандией за себя, в отсутствие отца и матери с задачей не справился. Родитель разочаровался в сыне и стал шаг за шагом отстранять его от управления герцогством. Так в королевской семье начался разлад, который стал с годами только углубляться. Королева Матильда оказалась не в силах примирить мужа со старшим сыном. Однако в ту зиму дело до

открытого конфликта в семье еще не дошло.

…Королю Вильгельму пришлось не раз защищать границы родового герцогства, сталкиваясь при этом с самыми разными противниками. Бывший королевский эрл-заговорщик Ральф де Гаэл, бежавший из Англии, в междоусобице, которая охватила герцогство Бретань, захватил замок Доль вблизи границы с Нормандией. Бывший там Вильгельм Завоеватель такого потерпеть не мог и в сентябре 1076 года выступил в поход. Его войско состояло из нормандцев и англичан. Замок был взят в блокадное кольцо, осада Доля шла почти месяц.

Ральф де Гаэл попросил помощи у анжуйцев, к которым присоединился и король Франции, который набрал войска в Пуату. Когда союзники появились перед Долем, Вильгельм Завоеватель был захвачен врасплох, и ему пришлось отступить от замка с немалой потерей людей, лошадей и части нормандского обоза. Такая неудача в его полководческой биографии оказалась на удивление редкой: он привык побеждать и творить виктории. Случилось это в октябре 1076 года.

Исследователи считают, что Вильгельм Завоеватель поступил очень разумно. Столкновение с одним из претендентов на герцогскую корону Бретани, пусть и подкрепленным войсками из Анжу и Пуату, не было поводом для мобилизации всех военных Нормандии и Англии. Тактический отход от замка Доль серьезным поражением в ту рыцарскую эпоху считать нельзя.

Воодушевленный таким успехом мятежный эрл Ральф де Гаэл повел бретонцев, союзниками которых стали анжуйцы, в Мэн и осадил там замок Ла Флеш. Его владелец Жан, верно служивший венценосцу Нормандии, сумел продержаться до подхода войск английского короля. В бою близ замка тот одержал верх. Его противник, командовавший осадой Ла Флеша, граф Анжуйский Фульк Глотка был ранен. Так была ликвидирована очередная попытка королевских недругов разрушить прочность границ герцогства Нормандии.

…Чем меньше военных и карательных забот становилось у короля Вильгельма I Завоевателя внутри Англии, тем больше схожих забот появилось у него в собственном семействе. Все началось с распрей отца со старшим сыном Робертом. Разлад между ними начался с того, что повзрослевший наследник потребовал (не попросил) у родителя герцогскую корону Нормандии, желая править где-то самостоятельно. Причем требование высказывалось в «крайних выражениях».

Тот с возмущением решительно отказал трудноуправляемому родительским словом Роберту в испрашиваемом феоде: лишаться отцовского наследства на севере Франции Вильгельм никак не

хотел. Иначе Английское королевство, чей короной он завладел, становилось островной страной, лишившись своей важной территории на континенте. В таком случае бывший герцог Нормандии не мог влиять на дела в королевском домене Франции, Фландрии, Бретани. Он вполне реально лишался графства Мэн, других спорных земель, на которые уже «наложил руку».

Отца беспокоило в действиях сына еще одно обстоятельство: неразумный в поступках Роберт мог вполне оказаться в роли «троянского коня». При всей своей воинственности и силе, новоявленный монарх Англии уже не раз сталкивался с враждебными ему коалициями. Он хорошо знал, кем был для Гарольда Несчастного его младший брат Тостиг. Его ненависть к старшему брату, не знавшая разумных пределов, вошла в летопись Англии как синоним кровавой междоусобицы в королевском роду.

Старший сын Вильгельма Завоевателя и Матильды Роберт имел историческое прозвище «Коротконогий» (или «Короткий сапог»). Сегодня трудно судить, почему он получил от современников такое прозвище: то ли был действительно коротконогим, то ли носил короткие сапоги, удобные для езды верхом. Когда ему было около 15 лет, он помогал матери Матильде управлять Нормандией, имея титул графа Мэнского. Такое не удивительно: в далеком прошлом люди взрослели рано.

Считается, что соправление оказало на самолюбие юноши определяющее воздействие. К тому же ему были хорошо известны случаи из европейской истории, когда совсем молодые наследники престола (даже намного младше его) становились обладателями самых разных корон и титулов. И правили своими владениями, как им казалось, единовластно. Тогда Роберт и решил, что графского титула для него явно мало.

Разуверить его мать не смогла, а сын ждать печального для семьи случая не хотел и потому торопил неизбежные события. Ее старший сын еще в детстве любил бросать в лицо окружающим фразы:

– Я сам… Я так хочу… Я сказал вам…

Роберт считал, что именно его отец назначит при достижении совершеннолетия правителем Нормандии, то есть одарит герцогской короной. Считается, что о короне королевской, английской старший сын Вильгельма Завоевателя, как ни странно, не мечтал. Но отец ни с кем из трех сыновей двумя собственными коронами при своей жизни делиться не желал. Так в семье Вильгельма и Матильды вызрел серьезный конфликт, который, начавшись в 1077 году, своевременно не был потушен, а

лишь только углублялся.

Ордерик Виталий в своем труде так описывает первую ссору венценосного отца с повзрослевшим самолюбивым сыном, потребовавшим от него во владение ни много, ни мало как целое герцогство Нормандское:

– Сеньор король, отдайте мне Нормандию, которую вы пожаловали мне, прежде чем отправиться в Англию, чтобы сразиться с Гарольдом.

– Сын мой, – ответил Вильгельм, – вы просите у меня невозможного; я завоевал Англию благодаря нормандским силам; я владею Нормандией по праву наследования; я не лишу себя ее, пока жив.

– Что тогда делать мне, и как мне содержать людей, которые зависят от меня?

– Повинуйтесь мне во всем и мудро участвуйте в управлении всеми моими владениями, как и подобает вести себя сыну по отношению к отцу.

– Я не готов бесконечно оставаться вашим наемником; я желаю теперь же получить личные владения, чтобы я мог платить жалованье тем, кто мне служит; поэтому я прошу вас по всем правилам передать мне герцогство, чтобы, будучи вашим вассалом, я мог управлять им, как вы управляете Английским королевством.

– Сын мой, ваша просьба преждевременна; не пытайтесь дерзко отнять у меня власть, которую я передам вам, когда придет время, с одобрения народа и благословения церкви, если вы все еще будете этого достойны. Выберите лучших советников; избавтесь от опрометчивых людей, низко толкающих вас совершать незаконные поступки. Нормандцы – беспокойный народ, всегда готовый к беспорядкам; они внушают вам безумные требования, надеясь, что когда общественный порядок будет разрушен, они смогут делать что захотят. Не слушайте эту распущенную молодежь, но следуйте советам архиепископов Вильгельма (Руанского) и Ланфранка, а также других мудрых и многоопытных сеньоров.

– Сеньор король, я пришел сюда не для того, чтобы выслушать наставления; я получаю их достаточно от своих учителей и вполне сыт ими. Дайте мне благоприятный ответ касательно должности, которой я требую, чтобы я знал, какую жизнь могу вести. Я принял решение, и все должны об этом знать, более никому не буду служить в Нормандии, словно раб.

– Я повторяю вам, что пока я жив, я никому не отдам Нормандию, свою родину, точно так же, как я не отделю ее от Английского королевства, которое получил с таким трудом.

Господь говорит в Евангелии: «Всякое разделенное королевство обречено на разорение». Тот, кто поставил меня во главе этого королевства, перенесет меня в иное царство в тот час, когда Он пожелает. Пусть никто не сомневается в том, что покуда я жив, я никому не уступлю свое герцогство и не позволю кому бы то ни было разделить со мной мое королевство.

Выслушав окончательное решение своего отца, Роберт заключил:

– Отныне, принужденный к изгнанию, я буду предлагать свою службу в чужих странах; я ясно вижу, что в изгнании могу, если повезет, получить вознаграждение, в котором мне презрительно отказали в отчем доме…

Этот монолог Ордерик Виталий писал со слов тех, кто, возможно, был свидетелем первой публичной ссоры владетельного отца и требовательного к себе старшего сына-наследника. Но, думается, ссылаясь на описания характера Вильгельма Завоевателя, его разговор с Робертом носил более резкий, а не назидательный тон. Назидательство в рыцарское Средневековье было достоянием людей церковных, но не владетельных феодалов.

Французский историк Мишель де Боюар, рассказывая о взаимоотношениях короля Вильгельма со старшим сыном и их первой ссоре, делает следующий вывод: «С тех пор слабый Роберт Коротконогий стал весьма полезным союзником для всех врагов своего отца». Здесь автор этих строк не ошибался, поскольку знал реальные подтверждения сказанному.

В королевском доме последовала жестокая ссора, во время которой младшие сыновья встали на сторону отца. Тогда Роберт со своими людьми бежал из Лондона в Нормандию, в ее столицу крепостной город Руан и попытался там захватить цитадель. Из этой авантюры ничего путного не получилось: гарнизон проявил бдительность и остался верен своему долгу перед монархом, пребывавшим в Англии. Скорее всего, король успел предупредить начальника руанского гарнизона.

Роберт чудом избежал плена и реальной угрозы оказаться в одной из самых мрачных темниц Тауэра. Ему пришлось из наследника двух корон превратиться в изгнанника на земле Французского королевства. Поскольку у Вильгельма Английского на протяжении всей бренной жизни хватало личных врагов, то его сын довольно быстро нашел надежное убежище, где отцовские агенты не могли его достать: похитить, выкупить или совершить на него покушение. Отец в гневе на старшего сына порой доходил до крайностей.

Роберт, в свите которого осталось несколько рыцарей-

нормандцев, таких же юных, как и он, покинул отцовский двор и отправился искать счастья и всего того, в чем ему отказал родитель, сперва во Фландрию. Там ему ссудил крупную сумму денег брат графа Балдуина VI Роберт Фриз. Однако деньги разлетелись быстро, и старший сын Вильгельма Завоевателя оказался хроническим должником у ростовщиков Лотарингии, Пуату, Гаскони и германских городов.

Те давали в займы под немалые проценты охотно, поскольку просчитали, что сын правителя Англии и Нормандии может довольно скоро стать обладателем одной из отцовских корон и немалой казны. Могло случиться и так, что отец, желая вернуть мир в семейство, раскошелился бы ради неразумного сына-наследника, чтобы поддержать среди соседей собственный престиж.

В таком плачевном финансовом состоянии Роберт Коротконогий предложил свои рыцарские услуги французскому королю. Филипп I, настроенный уже враждебно по отношению к своему вассалу, владевшему двумя коронами, дал его сыну-беглецу в командование, то есть для «кормления», замок Герберуа (Жерберуа), стоявший на границе с Нормандией, напротив ее пограничной крепости Гурне.

Замок Герберуа стал не только одним из убежищ для Роберта, но и прибежищем многих врагов короля Вильгельма, как из Франции, так и из Британии. Завоеватель был вынужден заняться «делами» в Нормандии, где, собрав послушное ему баронское войско, он осадил Герберуа, надеясь быстро овладеть им.

Замок английским городом Йорком не оказался, так как его защищали не крестьяне-ополченцы, а рыцари и их вооруженные, хорошо обученные слуги, мастерски владевшие луками и арбалетами. Засевшие в замке мятежники имели немалые запасы провианта и фуража, в источниках воды не нуждались. Да и в мужестве им отказать было никак нельзя.

Вильгельм Завоеватель посчитал такое дело прямым вызовом. Собрав рыцарство герцогства, он выступил в поход и осадил Герберуа, гарнизоном которого командовал его старший сын. Состоявшаяся под стенами замка битва, больше напоминавшая множество рыцарских единоборств, известна тем, что в ней скрестили свои копья и мечи соперники – отец и сын-наследник.

Вильгельм в силу своего возраста был уже не тот воин, который блистал личной храбростью, умением владеть копьем и мечом, управлять конем, как это было в Гастингской битве. Он сильно прибавил в весе, стал медлителен, хотя большая физическая сила в нем не растерялась с прожитыми годами.

Его старший сын к тому времени действительно закалился в

воинских упражнениях и в часто проводимых рыцарских турнирах, которые в Средневековья затмили собой все прочие тогдашние виды спорта и развлечений. Поэтому он смело вызвал на поединок родителя и сумел пронзить копьем руку отца, сбросив одним ударом того на землю. Роберт собирался было добить Вильгельма, не желавшего поделиться с наследником коронами, но совершить такое кровавое злодейство не допустил один из королевских рыцарей.

Поскольку подробностей о том нет, то можно считать, что ранение было легким и хронисты не стали расписывать в деталях случившееся, ограничившись, да и то не все, лишь констатацией самого факта. Этот случай на маленькой пограничной войне почти не упоминается и мемуаристами той эпохи. Сама война чем-то из ряда вон выходящего в истории Средневековья тоже не смотрится.

Такая война на французском севере большого накала и размаха не приобрела. Боевые действия в основном велись в приграничье Нормандии, заставляя местное население или бежать подальше от пылающих селений и осажденных городов, или укрываться семьями за крепостными стенами.

После битвы под стенами замка Герберуа Вильгельм Завоеватель вернулся в столицу своего герцогства город Руан. Исследователи считают, что бароны Нормандии, да и сам французский король убедили его помириться с сыном-наследником. Бароны понимали, что это их будущий герцог, а Филипп I хотел видеть в Роберте Коротконогом послушного вассала, многим ему обязанным. Как бы там ни было, примирение (пусть временное) состоялось. Роберт Коротконогий же довольно скоро раскаялся в своем поступке.

Вильгельму Завоевателю благоразумно пришлось пойти на мировую. Исследователи не зря считают, что отца с сыном помирили бароны Нормандии, которым внутренняя смута могла только принести известное разорение междоусобной войной. Поэтому они посчитали для себя за великое благо уладить раздор в герцогской семье миром, на чем настаивали достаточно дружно.

Вильгельм и его наследник тому долго не противились, да еще под влиянием королевы Матильды. Примирение состоялось в кругу семьи и при обязательном присутствии духовенства. Думается, что договаривающиеся о мире стороны не надеялись на его прочность, поскольку «трещина» в королевском семействе оказалась незаживающей раной.

Королева Матильда в таких случаях играла роль семейного «громоотвода». Историки свидетельствуют, что она не раз становилась преградой для исполнения «варварских затей»

самовластного супруга. Матильда по-своему заботилась о целостности королевской семьи, только такое ей удавалось не всегда. На мужа она действовала самым «благородным образом», не раз заставляя его лишний раз обдумать свои решения и смиряя его жестокость, прежде всего к старшему сыну.

Здесь следует заметить, что отец и сын кровной вражды друг к другу не испытывали. Явных свидетельств тому нет, и хронисты «не растекаются по древу». К тому же тот и другой испытывали сильное влияние Матильды, любимой супруги государя и матери непутевого сына. Это немаловажное обстоятельство до самой смерти Матильды скрашивало семейные неурядицы.

В противном случае жизнь королевского семейства могла выглядеть изнутри совсем иной. История во всех частях света знает немало случаев, когда сыновья силой отбирали престолы и власть у родителей. Случись такое в семье Вильгельма Английского, то хронисты с мемуаристами такому делу удивляться бы не стали, оставив бы такое дело последующим поколениям публицистов и романистов.

Известно, что она тайно пересылала сыну немалые деньги в самые трудные дни его добровольного изгнания. Делалось это в большой тайне от мужа. Когда однажды Вильгельм Завоеватель узнал об этом, то он приказал Матильде в «сильном гневе» прекратить помогать деньгами непутевому сыну. Королева ответила супругу такими словами, вышедшими из-под пера монаха Ордерика Виталия:

– Господин мой, пусть вас не удивляет, если я нежно люблю своего первенца. Волей Всевышнего, если бы мой сын Роберт умер и был погребен, скрыт от глаз живых, и если бы я могла ценой собственной жизни вернуть его к жизни, я отдала бы для него свою кровь; я, бедная женщина, могу в этом поклясться. Как можете вы думать, что я счастлива, живя в роскоши и зная, что мой сын раздавлен бедностью? Да не буду я никогда виновна в таком жестокосердии! Как бы могущественны вы ни были, вы не можете требовать от меня этого…

Вильгельм разрешил Роберту вернуться к его двору. Были прощены и спутники сына (все родом из знатных семейств), вместе с ним покинувшие Нормандию. Когда встреча отца и сына состоялась, то обладатель двух корон повторил возвратившемуся наследнику обещание, что он получит после ухода родителя из жизни Нормандское герцогство. Монарх стал чаще привлекать Роберта к государственным делам, готовя его к будущей самостоятельной жизни.

Однако согласия между властолюбивым родителем и честолюбивым сыном долго быть не могло. Роберт вновь покинул

Англию, храня в душе мятежные помыслы. Тогда король Вильгельм Завоеватель проклял старшего сына, законного наследника, и в гневе лишил его наследства. Правда, до поры до времени. Гневные слова в строки завещания не воплотились.

Но на Роберта отцовский гнев желаемого результата не оказал, слишком был он упрям в желании «отделиться» от родителя и стать самостоятельным правителем Нормандии. Герцогская и именно нормандская корона давно стала для него путеводной звездой в жизни. О другом феоде Роберт и не мечтал. Младшие братья знали о желании старшего брата, и потому воспринимали его претензии как очевидное. Им приходилось быть готовым к таким реалиям в случае неизбежного раздела отцовского наследства…

…Лето 1082 года король Вильгельм провел в любимой им Нормандии, надеясь на то, что в Англии его наместники будут поддерживать должный порядок. Он умело «держал руку на пульсе» завоеванной страны, зная, что его личная власть может быть оспорена с оружием в руках. Здесь монарх имел в виду не столько поверженную знать англосаксов, сколько приближенных к нему людей, старавшихся сохранить привилегии самовластных феодалов. Ошибаться в них для короля было опасно.

В конце того года он получил тревожные известия с острова: его собственный сводный брат, епископ Байё Одо де Контевиль, эрл Кента стал строить ему козни. В чем они заключались, история до нас документально не донесла.

В «Англосаксонской хронике» под 1082 годом записано кратко: «Король арестовал епископа Одо. Был большой голод». И никаких разъяснений этого не из рядовых события.

Есть ряд версий относительно конфликта Вильгельма Завоевателя со своим сводным братом по матери. Тот имел серьезный конфликт с доверенным человеком короля Ланфранком, который обвинил епископа Одо в незаконном захвате земель. Дело разбиралось в суде Кента около 1076 года, но спорные земли остались за обвиняемым. Есть предположение, что Одо хотел без согласия на то короля оказать вооруженную помощь папе римскому Григорию VII, владения которого и Вечный город подвергались нападениям войск германского императора и буйству вождя нормандцев южной Италии Роберта Гвискара. Сам Вильгельм Завоеватель просьбу папы о помощи отклонил.

Епископу Байё суд предъявил обвинение в том, что он собирался «увести рыцарей Кента в иноземные королевства, за Альпы, невзирая на интересы своего короля». Суд приговорил эрла Одо де Контевиля к пожизненному заключению «за плохое

управление Кентом». Такая мера наказания в нормандском праве давалась за измену. Королевский брат был отвезен в Нормандию и заключен в Руанский замок, где он пробыл более четырех лет. Строгому содержанию заключенный не подвергался, он больше походил на «лишение права выезда» из королевского замка.

Когда епископа Байё арестовывали в зале суда, то он смело сказал своему брату в королевской короне:

– Я клирик и священник Господень; вы не имеете права осуждать епископа без папского суда.

Вильгельм на это сразу же ответил такими словами:

– Я не осуждаю ни клирика, ни епископа, а задерживаю своего эрла за плохое управление Кентом, мне принадлежащим…

Папа Григорий VII написал протестное письмо английскому монарху. Но оно было составлено в сдержанных выражениях, и потому Вильгельм Завоеватель не обратил на него никакого внимания и, вероятно, даже не стал отвечать.

Случай с епископом Одо, королевским братом, должен был не на шутку встревожить Вильгельма Завоевателя. Подозрения и обвинения пали не на какого-то нормандского аристократа, а на человека, близкого к нему. Возможно, что именно с этого времени монарх стал подозрителен к людям, близко стоящим к «его» трону.

…Вскоре Вильгельма I постигло большое личное несчастье: в 1083 году умерла его любимая жена Матильда. История свидетельствует, что именно ее советы не раз смягчали сердце Завоевателя Англии. Нельзя сказать, что муж был послушан воле супруги, но то, что он часто следовал ее советам, то это достоверные факты. Можно утверждать, что на престоле супружеская пара как бы дополняла друг друга, что хорошо понимали их современники, а не только ближайшее окружение.

К тому же Матильда умела влиять на своих сыновей, сдерживая порой их чрезмерное честолюбие и пыл. То есть она делала все, чтобы семейные распри не стали большой государственной бедой. Так до поры до времени «сдерживался» Роберт, характером больше всего походивший на своего знаменитого деда, нормандского герцога Роберта Дьявола.

День 1 ноября того года стал для Вильгельма Завоевателя символом большого личного горя: в ранние часы того дня из жизни (возможно) в городе Кане ушла королева Матильда. Подробностей ее смерти достоверных нет, известны только самые противоречивые догадки и досужие вымыслы. В ту осень во Франции, в том числе и в Нормандии, свирепствовала эпидемия чумы, которая не раз опустошала город Кан и его окрестности. Чума не делала никаких различий между простолюдинами и их правителями: все были для нее смертны.

Есть и другие версии. Королева Матильда была сильно удручена, вернее – уязвлена семейными раздорами. После очередной ссоры мужа с сыном Робертом, в 1083 году, она и ушла из жизни. Смерть жены потрясла Вильгельма Завоевателя: он потерял не только любимую супругу, но и едва ли не единственного верного спутника жизни, который благотворно влиял на него. После этого король стал на редкость неуживчивым и подозрительным человеком. Это стало одной из причин потерь близких друзей, соратников по завоеванию и покорению Англии.

Матильда словно чувствовала, что в скором времени ее родник жизни иссякнет. Она, способная рукодельница, как

свидетельствуют хронисты, своими руками соткала огромный ковер со сценами из жизни Вильгельма. Ее смерть не примирила Роберта с отцом, хотя последний, возможно, на то очень надеялся.

Матильда оставила после себя дошедшее до нас краткое завещание: аббатству Троицы передавались парадные одеяния королевы, из которых следовало сделать церковные облачения для торжеств, и личные драгоценности. То есть, это было немалое богатство для большого аббатства. К тому же такое подношение даровало ему немалый вес в церковных кругах не только Нормандии, но и Франции с Англией, делало особо почитаемым в народе, что опять же отражалось на материальном благополучии аббатства Троицы.

История не сохранила до нас словесных описаний внешности и характера любимой супруги Вильгельма Завоевателя. Отсутствуют и портретые изображения, нет даже предположительных образов. Известна лишь красивая эпитафия на латинском языке, выбитая на плите черного мрамора когда-то золотыми буквами, сохранившаяся в городе Канне, в Абб-о-Дам. Епитафия датируется концом XI века, не позже:

В этой прекрасной могиле достойно покоится
Матильда из королевского рода,
необыкновенных душевных качеств.
Ее отцом был герцог Фландрии, а матерью Адель
Дочь короля Франции Роберта
И сестра Генриха, который занимал королевский престол.
Соединенная в браке с блистательным королем Вильгельмом,
Она основала этот монастырь
и приказала построить эту церковь,
Освященную по ее инициативе, одарив ее
Столькими землями и дорогими подарками.
Преисполненная доброты,
она была ангелом-хранителем несчастных.
Раздавая свои сокровища, она была бедной для себя,
богатой для бедняков.
И так она перешла в жизнь вечную
В первый день ноября после первого часа.

Средневековые хронисты свидетельствуют, что после смерти жены Матильды король Вильгельм Завоеватель крайне ожесточился. Теперь, не имея сдерживающих начал, он свой

порой труднообъяснимый гнев направлял на собственное окружение. Опале подвергались даже те люди, которые пришли с ним на землю Англии, участвовали в Гастингской битве и своим мечом, кровью добывали правителю Нормандии королевскую корону.

Именно с 1083 года характер Вильгельма Завоевателя резко меняется не в самую лучшую сторону. Самым опасным для него стало то, что с той поры возникает все более углубляющееся взаимное недоверие и тайная вражда между самовластным монархом и его старыми боевыми друзьями, соратниками во многих военных конфликтах и походах на землях Нормандии, Англии и Шотландии. Потеря друзей больно задевала самолюбие монарха: теперь его окружала отчужденность.

Не стало прежнего взаимопонимания и послушания и в королевском семействе. Семейная крепость, над которой долгие годы трудилась королева Матильда, давала одну трещину за другой. Семейный очаг с ее уходом из жизни погас. Виной тому служил старший сын-наследник Роберт, и в немалой степени сам Вильгельм Английский.

…Пожалуй, в истории человеческой цивилизации, начиная с тех столетий, когда появилась письменность, пусть то клинопись или знаковая, папирусные листы или обожженные глиняные таблички, еще ни один правитель не додумался до того, что проделал с завоеванной Англией Вильгельм Нормандский. Ему в голову пришла действительно гениальная мысль, реализация которой позволяла новоявленному королю получать максимум налогов с населения, знать экономическое состояние страны, состояние ее военной силы и личное состояние каждого верноподданного.

Вильгельм хотел узнать, кому перешли владения англосаксонской знати, сколько в каждом поместье земли, какая собственность принадлежит каждому подвластному ему графу или барону, другим новым аристократам Англии. Иначе говоря, король Вильгельм I распорядился произвести великий поземельный розыск и составить всеобщий реестр земельной собственности в королевстве. Мировая история такого масштабного мероприятия еще не знала.

Завоеватель решил не просто подушно переписать покоренных англосаксов, а заодно и пришлых норманнов, а переписать их вместе со всей налогооблагаемой собственностью. С любой недвижимостью, значимым имуществом, а не только с землей: пашнями, пастбищами, лесными угодьями. Вначале дело обстояло так.

Сын герцога Роберта Дьявола во всем превзошел своего

неординарного отца. Король Вильгельм I Завоеватель явился в мировой истории как на редкость удачливый реформатор государственного устройства страны, которая стала его личным владением. Всю английскую землю королевства он торжественно объявил личной собственностью короля. Значительную часть ее он без излишней скромности (в эпоху феодального Средневековья такое виделось слабостью характера правителя) оставил собственным волеизъявлением себе лично. Она получила название домена, то есть коренного владения новой королевской династии, то есть семейства монарха.

Король Вильгельм объявил себя наследником и владельцем всего того, чем владели до него короли Англии, прежде всего короли Эдуард Исповедник и Гарольд Кроткий, а также всех общественных земель и городов. Исключением являлись только землевладельцы, которые имели пожалованные королевские грамоты. Все, кто не мог представить такие грамоты, лишались любых своих владений, прежде всего земельных.

Остальные «неприватизированные» земли с крестьянами на них монарх-завоеватель разделил между светскими феодалами и церковью в лице епископов, капитулов, монастырей. Английская церковь, снова вернувшаяся в лоно римского вероисповедания (но всего лишь на несколько веков), стала надежной опорой короля Вильгельма во всех внутренних смутах и междоусобицах.

Со светскими вассалами королю было гораздо сложнее. Владения на лично королевской земле получили в первую очередь те графы (и прочие сеньоры) и рыцари, которые пришли в Англию со своим предводителем из Нормандии. Однако «материально» истребить родовую англосаксонскую знать, лишить ее стародавних владений король Вильгельм I не мог. В противном случае против него восстала бы одновременно вся покоренная силой оружия чужеземная страна. Причем сомневаться в единодушии взявшихся за оружие англосаксов не приходилось.

Поэтому он поступил вполне разумно, оставив местных феодалов – английские тены (сеньоров и их вассалов) в прежних их владениях. Но теперь считалось, что всякий владелец земли с крестьянами на ней держит ее от короля. То есть любой феодал Англии получал свое владение, пусть и родовое, из рук самодержавного монарха. Тот мог запросто отнять его или передать любому другому на основании нового законоположения и наказать, таким образом, за мятеж или непослушание (или просто в силу личной неприязни) целое феодальное семейство.

Вильгельм, таким образом, умело держал в известном страхе правящее, феодальное сословие Англии и Нормандии. Лишенный,

скажем, поместья барон в одночасье превращался в человека, потерявшего источник дохода, чаще всего единственного, для себя лично и своей семьи. У него оставался обычно один путь в жизни – стать наемником. Другой путь – мятежничество – грозил смертельной опасностью.

Королевским указом вся страна была разделена на так называемые маноры, то есть поместья с усадьбой, в которой посредине находился укрепленный дом военного владетеля (лорда манора) посредине. К нему приписывались окружающие деревни с крестьянами. Манор стал нижней единицей нового территориально-административного деления Англии, отличавшегося достаточно простой точностью.

Вильгельм Завоеватель в недалеком прошлом мог не раз и по всякому поводу убеждаться в том, насколько опасны были для его власти герцога большие феоды. Поэтому в Англии, став ее почти полновластным королем, он не позволил образовываться крупным феодальным владениям (сеньориям), как это имело место во Франции. Такими крупными феодалами в его родовом владении – Нормандии являлись графы и бароны, которые постоянно поднимались на мятежи против высшей власти.

Король не мог не награждать своих наиболее приближенных многими поместьями – манорами. Равно как и не мог сильно урезать земельные владения у местной аристократии. Он нашел путь ослабить влияние на положение дел в Англии и тех и других титулованных феодальных владельцев: они получали от монарха разное число поместий.

Но эти маноры были разбросаны в разных местах, никогда не составляя территориально единого целого, опасного для королевской власти. В случае мятежа владельца такого феода было легко локализовать в одном из его замков, поместий, укрепленном доме в центре одного из маноров.

В управлении приобретенной большой территориально и по численности населения стране средневековой Европы вводится строгая централизация власти. Любые королевские вассалы находились теперь в прямой зависимости от монарха, давая ему клятвенную присягу верности. Теперь они обязывались отбывать королевскую службу, постепенно забывая при этом о своих прежних вольностях самовластных владельцев феодов. Процесс этот, как показала история той же Англии, оказался необратимым.

Но прежнее состояние забывалось феодалами с большими трудами и с частыми кровопролитиями. Вильгельму Завоевателю приходилось не раз поднимать оружие на своих верноподданных, которые брались за мечи в мятежах и смутах. Самодержавие

обладателю короны Эдуарда Исповедника и Гарольда Несчастного давалось непросто.

Вильгельм Завоеватель, строя систему личной власти над Англией, многое брал из управленческой системы в Нормандии, владельцем короны которой он оставался, как и прежде, равно как и номинально подданным французского короля. Большие и малые вассалы по высочайшим указам были обязаны три раза в год прибывать в курию, то есть лично являться к монарху в полном вооружении, со свитами и слугами. Он же в те дни – на Рождество, Пасху и Пятидесятницу – представал перед всей аристократией страны во всем блеске личной власти над ними, надевая по такому случаю английскую корону.

Подобные сборы (или съезды) английских больших и малых феодалов не имели участия в управлении страной. Она управлялась теперь не от имени таких собраний, не по их решениям, а единственно от имени его величества короля. То есть такие собрания феодалов английского Средневековья совсем не походили на старый англо-саксонский уитенагемот (съезд знати) и ничем не ограничивали личную власть монарха. Он теперь диктовал свою волю аристократии и рыцарству.

Вильгельм Завоеватель уже в первые годы своего царствования позаботился о новом территориальном делении Англии. Вся страна (и по сей день) была разделена на графства. В каждом из них управлял назначаемый королем шериф. Он руководил судом над лично свободными людьми, сурово преследовал любых нарушителей установленного правопорядка, заведовал королевскими имениями в пределах вверенного ему графства и собирал королевские доходы (налоги).

В случае войны, мятежа, народного волнения шериф созывал военный отряд вверенного ему графства и лично командовал им. Теперь монарху в случае военной угрозы государству или его личной власти не представляло больших сложностей и трудностей быстро собирать воедино части королевской армии. Шерифы, стремясь отличиться, быстро освоили этот принцип организации военной силы Английского королевства. По сравнению с Францией, не говоря уже о раздробленной Германской империи той эпохи, это стало большим историческим шагом вперед.

Однако, строя такую организацию военной силы нормандской Англии, король Вильгельм I прекрасно понимал, что без контроля с его стороны и строгости, опять же с его стороны, такая система не приживется. Или будет приживаться долго и болезненно. Поэтому он уже сразу после подобающего королевского указа стал строго взыскивать военную службу и

прочие повинности со своих вассалов любого ранга.

При Вильгельме законодательно утвердилось положение о феодальном владении землей в Англии. При нем условиями держания феодов (фьевов) были следующими: все землевладельцы – крупные и мелкие, духовные и светские, нормандцы или англосаксы – держали землю в конечном счете от короля.

Только монарх был верховным собственником всей (!) земли в Англии и сюзереном всех держателей, от кого бы непосредственно они ни получали свои фьевы. Все держатели земельной собственности, а не только непосредственные, обязаны были личной присягой королю и служили прямо ему, и никому другому.

Такое положение было закреплено так называемой Солсберийской присягой (от места ее коллективной дачи – Солсбери). В том 1087 году король Вильгельм I Завоеватель, собрав своим указом всех держателей коронной земли, потребовал от них непосредственной личной присяги и службы королю. При этом не было разницы, кто наделял землей, или сам монарх, или какой-либо непосредственный ее держатель.

Солсберийская присяга и непосредственная служба венценосцу через головы «промежуточных» лордов (крупных землевладельцев) являются особенностью средневековой Англии. В других европейских государствах той эпохи такого положения в государственном законодательстве нет. Скажем, французский рыцарь, живущий во владениях графа или герцога, мог служить обладателю королевской короны только вместе со своим сюзереном. Вне всякого сомнения, такая особенность английского законодательства способствовала укреплению и авторитета короля, и его личной власти над подданными.

Людовик I Завоеватель ввел в Англии ту же систему пожалований феодалов всех рангов своему монарху, которая существовала в Нормандии. Условия пожалования были таковы:

– Оммаж королю и личная клятва ему в верности;

– Служба с воинским отрядом определенной численности в течение 40 дней в году в пределах страны (в мирное время);

– Присутствие в королевской курии по вызову для участия в совете и заседаниях суда;

– Помощь деньгами в определенных случаях (посвящение в рыцари старшего сына короля, выдача замуж его старшей дочери, выкуп короля из плена).

Нарушение условий держания феодов каралось строго, можно было лишиться поместья. В Англии родовое наследование, по сути дела, отменялось, чего не было в континентальной

Европе. Так, барон не мог передать баронию сыну по наследству сам. Наследник мог получить баронию только от короля. В таком случае ему приходилось выплачивать монарху за допуск к наследованию особый платеж (обычно деньгами), именуемый рельефом.

Если, с кажем, у барона не было наследника по мужской линии, то принадлежавшая ему барония отходила к королю. Все фьевы были неделимы и передавались на основе майората старшим сыновьям. Английский король обладал правом опеки в случае несовершеннолетия наследника фьева. Он также имел законное право распоряжаться браками наследников и наследниц, то есть мог разрешить вступление в брак, а мог и отказать просителям в этом.

Барония представляла собой некую часть военно-административного деления Английского королевства. За каждые 200 фунтов стерлингов дохода со своих земельных владений в год барония должна была выставлять ежегодно для 40-дневной службы конный отряд в 40 рыцарей. В это число не входили их оруженосцы и вооруженные слуги. То есть в действительности такой воинский отряд был численно в несколько раз больше.

В целом в конце жизни Вильгельма Завоевателя все фьевы Англии могли дать королю 4200 рыцарей. Монарх мог выставить на войну, требующую мобилизации всех наличных сил, огромную по тем временам конную рыцарскую армию, не считая вооруженной челяди, стрелков из лука и арбалетов, копьеносцев и иных воинов, а также наемников, среди которых обязательно значились конные рыцари.

Пожалуй, для рыцарского Средневековья Англия после 1066 года виделась удивительной страной. В ней больше не было родовых баронских замков. Замки были только королевские, то есть принадлежавшие лично монарху.

Если барон не имел законного права лично владеть отцовским, родовым замком, то есть укрепленным жилищем, то в прочих отношениях король Вильгельм Английский предоставил своим служивым баронам полную свободу владения землей. Барон мог взять себе на выбор любые поместья (фьевы), а не приглянувшиеся ему передать от своего имени в держание рыцарям, которые входили в его воинский отряд.

Король предоставил баронам право держать на своих земельных владениях только рыцарей. Барон мог на определенных условиях передать поместье человеку невоенному (сокмену). Тот при этом обязывался выплачивать господину земельную ренту и выполнять обусловленные сельскохозяйственные работы.

Поскольку нормандцы были пришлыми людьми, то есть завоевателями, многочисленностью они не отличались. Поэтому в баронии сокменами были только англосаксы, «выбившиеся в люди». Большинство баронских рыцарей при короле Вильгельме I имели англосаксонское происхождение.

Это было то, что законодательно относилось к сословию баронов, феодалов средней руки. Те же вильгельмовские законы распространялись на более высокую по положению аристократию. Наследственной земли в старом понимании этих слов у нее тоже уже не было. В случае смерти вассала распоряжение его землей (манорой) автоматически переходило в руки короля, именем которого действовали в графствах шерифы, наделенные соответствующей властью.

Дальнейшая судьба такого манора (земли с укрепленным домом или замком вассала и крестьянами на этой земле) была такова. Она могла передаваться за уплату значительной денежной суммы сыну-наследнику, то есть прямому наследнику умершего королевского вассала. В таком случае он брал на себя все обязательства отца перед монархом. Менор мог передаваться и другому лицу за определенную плату в королевскую казну.

В случае смерти вассала король распоряжался судьбой членов его семьи. Вдова и дочери умершего феодала выдавались замуж, и также за плату. Часто бывало, что в продолжение какого-то времени, порой длительного, менор значительных земельных размеров под какими-то благовидными предлогами не получал нового владельца. В таком случае весь доход с этой земли шел в королевскую казну, составляя заметную часть поступлений в нее.

Казна Английского королевства значительно пополнялась самыми различными штрафами за всевозможные правонарушения, которые шерифы в графствах (они же по совместительству еще и судьи над лично свободными людьми) трактовались очень широко. И, что было весьма характерно для всей эпохи Средневековья, не подлежали обжалованию. Высшей судебной инстанцией являлся сам монарх, а он всецело полагался на своих шерифов, обычно отбираемых им лично из числа надежных для королевской власти людей.

Наиболее тяжелые штрафы (в денежном исчислении) брались за неисправность королевской службы. С этим даже английской аристократии шутить не приходилось, можно было поплатиться не только менорами (родовыми землями), но и собственной головой с карами, падавшими на всю семью ослушника королевского указа. Указ же монарха приводился в исполнение без известных бюрократических проволочек.

Вильгельма I очень интересовала «правильность и

своевременность» поступления налогов в королевскую казну. Поэтому он потребовал, чтобы каждое имение уплачивало в казну ту же подать, как и во времена короля Эдуарда III Исповедника. Земельные собственники из числа англосаксов приняли такое повеление без излишнего возмущения, поскольку такие налоги они ранее уже вносили и свыклись с их неотвратимостью.

Однако такой королевский указ возмутил новых владельцев земель из числа нормандцев. Они, как завоеватели, считали свободу от уплаты любых налогов основой своей политической свободы, то есть феодальной независимости от сюзерена. Вильгельму пришлось бороться с таким свободомыслием и неподчинением его указам уже в среде пришельцев из Нормандии и Франции. Порой принимались суровые меры: лишение владений. Такие владельцы попадали в опалу, и не все потом могли «замолить свои грехи» перед обладателем английского престола.

Но это было еще далеко в законодательстве Вильгельма Завоевателя. В те же годы были обнародованы крайне строгие законы против охоты, запрещавшие любому англичанину охотиться (или даже находиться с оружием – луком, арбалетом, копьем) в королевских лесах. Нарушителей ожидало жестокое наказание: телесное, тюремное и даже смертная казнь.

Считается, что запретные законы на охоту в Англии той поры были направлены против многочисленных разбойников, шайки которых укрывались в дремучих лесах, занимавших немалую часть территории страны. Находя в лесах достаточно надежное убежище, разбойники брали под свой контроль торговые дороги, делая их крайне опасными не только для купцов и королевских служителей, но и для простых путников. Безопасность передвижения по дорогам прямо отражалась на процветании торговли и благополучии государства.

Все большие леса Англии были внесены в число королевских лесов. Охота в них стала привилегией самого монарха, которую он мог жаловать и другим лицам, прежде всего приближенным к нему людям. Остальные «охотники» становились в случае поимки на месте «преступления» государственными преступниками и представали перед суровым до крайностей шерифским судом.

Однако жизнь показала, что даже самые суровые кары не останавливали местных жителей в желании поохотиться в лесах, объявленных королевскими. В те годы появились прообразы «вольных стрелков», героем которых впоследствии стал прославивший себя и вольных «лесных братьев» благородными поступками и метким глазом Робин Гуд. Лук и стрелы стали главным оружием тех, кто искал убежище от властей в

заповедных лесах.

…Итогом военных преобразований в Английском королевстве, проведенных Вильгельмом I Завоевателем, стало образование сословия ленного рыцарства. То есть наделенных землей рыцарей, которые пришли на Британский остров из Нормандии под знаменами своего удачливого предводителя. Специалисты определяют число такого ленного рыцарства в пять тысяч человек. Но такое значительное рыцарское (феодальное) войско при короле Вильгельме и его преемниках на престоле собиралось только в крайне редких случаях.

Среди этого ленного рыцарства оказалась и часть феодалов англосаксонского происхождения, «послушных» новому венценосцу Англии. Исследователи отмечали то, что «среди мелких королевских вассалов имеется некоторое число саксонских имен». Верхушка же аристократии страны уже состояла в своем большинстве из выходцев с континента, из Нормандии и остальной Франции.

Но надо отметить, что завоеватели, которые перевезли на остров, в полученные за службу замки и столичный Лондон, свои семьи и слуг, через полвека «растворились» среди местного населения, ассимилировавшись с ним в «англичан». Норманнская династия же осталось, ей наследовали преемники Плантагенеты…

…Вильгельм Завоеватель, добившись английской короны, старался открыто не портить отношения с ее цервью, хотя проводил касательно ее твердую и жесткую политику. Низложенные местные епископы заменялись выходцами из Нормандии и Франции. Монарх стал накладывать руку на церковные и монастырские богатства, которые шли на пополнение королевской казны. Истории документально известно, как это делалось, со слов ученого монаха Ордерика Виталия, сведущего в церковных делах Английского королевства:

«Когда епископ или аббат умирал, и Божья церковь была в трауре из-за потери своей главы, благочестивый король отправлял в скорбящий храм правомочных чиновников, которые составляли опись всего его имущества, чтобы предотвратить любые святотатственные растраты.

Затем он созывал епископов, аббатов и прочих мудрых советников и, руководствуясь их мнением, старался найти человека, наиболее способного управлять Божьим домом как в духовной, так и в материальной области».

Вильгельм Завоеватель постоянно чувствовал враждебность к нему «черного духовенства», но монастыри он старался не трогать: их обитатели в своей массе являлись выходцами из семей

земельных собственников. В первые годы правления нормандцев ни один из монастырей не пострадал от грабежей и пожаров.

Считается, что после случая в «мятежном» монастыре Петерборо многие английские монастыри подверглись ограблению и даже сожжению уже нормандцами. Без воли короля такого быть не могло. Драгоценные «трофеи», захваченные при этом, стали появляться в монастырях Нормандии.

Монастыри Англии своим укладом жизни и значением во многом отличались от монастырей Нормандии. В герцогстве каждый из них в случае войны или военного похода обязывался выставить определенное количество рыцарей, других воинов. В Англии монашество такой королевской повинности не знало. Меняя аббатов из англосаксов на тех, кто прибыл из Франции, Вильгельм Завоеватель выделял им для охраны несколько рыцарей из своей амии. Чем неспокойнее было население аббатства, тем больше настоятель-иноземец получал телохранителей в рыцарском облачении. Содержались они, естественно, за счет обители.

Замена аббатов из числа англосаксов выходцами из Нормандии и Франции шла интенсивно. В 1073 году в королевстве аббатами из числа местного населения оставалось всего двенадцать человек. Через четырнадцать лет их оставалось только три. Король Вильгельм делал все возможное, чтобы сделать английскую церковь послушной себе. В этом он находил поддержку папского Рима.

…Налоговая система, введенная в стране королем Вильгельмом I Завоевателем, не была его изобретением или каким-то новшеством. Ввести налоги ему помогло то немаловажное обстоятельство, что к ним англосаксы уже достаточно привыкли, когда приходилось платить так называемые откупные «датские деньги», хотя те к тому времени уже упразднили и больше к такому сбору власти не возвращались.

При сыновьях Вильгельма в Англии уже действовала достаточно строгая налоговая система: они, как пишут исследователи, наполнили понятие феодального господства реальным содержанием. Наследникам великого Завоевателя такое сделать оказалось легко по той простой причине, что их королевская власть была достаточно сильна, чтобы решить проблему создания цельной налоговой системы, а не устройство ее отдельных элементов, пусть и значимых для государственной казны.

По поводу отлаженной английской налоговой системы, основы которой были заложены королем Вильгельмом I и развиты

его преемниками, историк Ганс Дельбрюк высказался в таких словах:

«…Английские короли собирали денежные налоги и при помощи этих денег создавали своеобразное военное устройство, ибо благодаря завоеванию они имели деспотическую власть и производили тот ужасный нажим, при помощи которого только и можно было выжимать из народа требуемые на содержание наемной армии огромные средства».

Такой тотальный налоговый гнет, наложенный на местное, англосаксонское население пришельцами из Нормандии, разумеется, вызывал ответную реакцию. Уже при младшем сыне Вильгельма Завоевателя короле Генрихе I раздавались громкие жалобы на притеснения и вымогательства со стороны королевских властей на местах. В ответ из королевского дворца раздавались торжественные обещания улучшений жизни верноподданных и наказаний виновных в тяжелой жизни народа Англии…

…В государственной деятельности Вильгельма Завоевателя прослеживается одна значимая черта. Правитель Нормандского герцогства, завевавшего Английское королевство, разумеется, привезти на остров с континента своих крестьян не мог. Да и не думал об этом. Поэтому основатель новой династии, при всей жесткости законодательства в отношении простого люда, окончательно разорять англосаксонское крестьянство, то есть самых мелких землевладельцев и зависимых от хозяев землепашцев, не собирался.

Король, с другой стороны, ясно понимал, что ему надо всячески увеличивать население не просто страны, а именно феодов ради получения земельных ренты и налогов, которые шли в казну. Она должна была увеличиваться, а не уменьшаться в размерах поступавших туда доходах.

Вильгельм понимал и другую истину в отношения крестьянства: его следовало закреплять на обрабатываемой его руками земле, то есть отдавать в собственность владельцев феода (фьева). Это была английская форма крепостничества, которая завершала собой процесс феодализации страны. При Вильгельме Завоевателе число свободных крестьян-англосаксов (мелких землевладельцев) заметно сократилось.

По королевскому указу каждый лорд, то есть крупный землевладелец, получил право иметь судебную курию для всех своих держателей земли. То есть давалось право суда над всеми держателями земли в своих поместьях. Естественно, что такие богатые и влиятельные люди постарались подчинить себе (закрепостить) как можно больше лично свободных людей.

Показательно, что нормандцы с титулами баронов и более высоких, получив из рук Вильгельма Завоевателя значительные земельные участки с крестьянами на них, стали активно хозяйничать. В основе этого лежало естественное желание увеличить собственные доходы с поместий. Нормандцы восстанавливали разрушенные войной и временем усадьбы, осушали болота под пастбища и пашню, строили мельницы, основывали в городах рынки для сбыта сельскохозяйственной продукции.

Историки сходятся к той мысли, что итогом нормандского завоевания Англии стало ее экономическое «пробуждение», в основе которого лежало развитие феодального землепользования.

Надо отдать должное Вильгельму Завоевателю. Все лучшее и продуктивное феодальной системы земельных держаний и вассальных связей, существовавших в герцогстве Нормандия, он умело перенес в Англию. Если, скажем, феодальный строй во Франции создавался естественным путем, то в Англии он формировался усилиями свыше, то есть королевскими указами, исполнение которых строго контролировалось.

Иными словами, феодальный строй Нормандии был перенесен в готовом виде на английскую землю и там утвержден. Сделано это было вполне удачно для нормандцев, короля Вильгельма Завоевателя и его наследников.

Крепость новой королевской династии в Англии имела надежную основу. Завоеватели-нормандцы оказались на захваченной силой оружия территории среди враждебно настроенного к ним местного населения. Для того, чтобы удержаться в новых владениях, нормандцы были вынуждены всячески крепить власть своего монарха даже в условиях, когда им приходилось быть недовольными его правлением.

Можно считать, что завершение укрепления новой системы феодального миропонимания в Англии царствования Вильгельма Завоевателя по времени как-то совпадает с проведением земельной переписи. Вероятно, король хотел видеть результаты собственных трудов по переустройству страны, которую он захватил силой оружия. С другой стороны, он прекрасно понимал, что переустройство Англии под нормандский стиль является залогом долголетия его династии. О ее будущем король Вильгельм пекся несомненно, и не покладая рук.

…Новый английский король, говоривший только по-французски и не умевший читать и писать вовсе, крепко держал верховную власть в своих руках. Именно она позволила ему сотворить перепись всей страны, которая началась в 1085 году.

В 1086 году Вильгельм Завоеватель повелел издать

своеобразную перепись доставшегося ему Английского королевства под названием «Великая книга» («Книга Страшного суда»). Она называлась англосаксами еще «Книга Судного дня», «Книга последнего суда». Для покоренного народа и для истории она больше известна как «Книга Страшного суда».

В этот многотомный фолиант и были внесены имена всех (!) собственников или держателей земли в Английском королевстве с перечислением их имущества. Великий земельный розыск взыскательно продолжался шесть долгих лет, хотя основная работа была проделана в первые два года кропотливым трудом маленькой армии чиновников-переписчиков.

Народ знал проведенную перепись под названием «Книги Страшного суда». В нее вносились подробные сведения из всех областей обо всех людях, землях, личной собственности на день общения с прибывшими на место чиновниками. Целью переписи было «получение правильного дохода» в казну со всего населения страны, с ее отдельных социальных, имущественных слоев.

Перепись проводилась специально назначаемыми королевскими чиновниками, которые отправлялись в самые отдаленные уголки графств целыми отрядами. Под присягой опрашивались шерифы, бароны, рыцари, лично свободные люди, духовные лица…

Все записанные данные в опросных листах относились к трем датам: до завоевания страны нормандцами, 1066 году и на текущий, 1085 год.

Если говорить о размахе переписи народонаселения Англии, то здесь следует отметить, что из 38 графств было описано 34.

Проведенная перепись поражает продуманностью и исполнением. В итоговых документах указывались состав земель в каждом отдельно взятом графстве и в каждой сотне, доходы с этих земель, число жителей и их материальное состояние.

Процедура проведения переписи «Книги Страшного суда» выглядела следующим образом. Переписчик, прибыв в назначенный пункт, призывал к себе владельцев миноров и их управляющих. От поселений (деревень) вызывались священник, староста и несколько крестьян. Обычно ответ в каждом селении давали по шесть человек земледельцев.

Цель переписи королем Вильгельмом Английским от подданных не скрывалась. Он хотел получить максимально точное представление о завоеванной стране, о возможных доходах с нее в государственную казну и систематизировать взыскание хорошо знакомых англосаксам так называемых «датских денег».

«Великая книга» в истории известна более как «Книга

Страшного суда». По ее данным, численность тогдашнего населения собственно Англии составляла приблизительно полтора-два миллиона человек. Такая цифра включала в себя и приблизительное население четырех не описанных графств.

Исследовательница В.В. Штокмар в своем учебном пособии «История Англии в средние века», изданном в Ленинградском университете в 1973 году, приводит такие данные о социальном составе народонаселения Английского королевства на время проведения переписи и составления «Книги Страшного суда»:

«…Социальный состав населения следующий: свободные землевладельцы – 12 %, рабы – 9 %, бордарии и коттарии, малоземельные крестьяне – 32 и вилланы – около 38 %, остальные же – это знать, духовенство, горожане. Последних было около 5 %. 95 % населения жило в деревнях.

Во время переписи многие полусвободные и даже свободные, но, например, зависимые по суду крестьяне были записаны как крепостные (то есть вилланы).

Таким образом, основная масса крестьян в поместьях оказалась в положении наследственных крепостных. Крепостной-виллан оставался членом сельской общины, имел долю в угодьях и пахотный надел (иногда часть его), который он держал от своего господина – лорда менора».

Труд виллана, закрепленного за владельцем земли, становился для последнего, как правило, основным источником личного дохода последнего. Виллан был обязан три дня в неделю отбывать барщину, то есть работать на своего господина в его хозяйстве. Он платил ему продуктовый налог, исполнял различные хозяйственные работы на полях и в хозяйстве своего владельца.

Он также нес так называемые сервильные повинности, связанные с его личной несвободой: посмертный побор, брачную пошлину при выдаче замуж дочери и тому подобное. Таких поборов набиралось немало. Как правило, постоянными они не видятся, но размер их мог быть внушительным.

Проведенная перепись позволяет говорить о том, что в XI веке немалая честь англосаксонского крестьянства на севере и западе страны (в Нортумбрии и Мерсии) оставалась лично свободной. Это было одной из причин, что именно здесь Вильгельм Завоеватель и его нормандцы встречали самое сильное народное сопротивление, чего не случалось в южных областях страны (Уэссексе и Кенте).

Перепись позволила выявить, что общий доход с земель в сельской местности в переписанных графствах составлял (в овременной английской валюте) 73 тысячи фунтов стерлингов

в год. Для эпохи европейского Средневековья это была огромная сумма, свидетельствовавшая о материальном благополучии островного королевства. Доходы Нормандии в эту сумму не входили, да и значительными они быть не могли.

«Книга Страшного суда» дает достаточно полное представление о состоянии собственно коронных (королевских) земельных владений (поместий). Они были удивительно равномерно распределены по всей территории страны. Можно утверждать, что о такой географии позаботился не кто иной, как сам умудренный жизнью Вильгельм Завоеватель.

Поместья (меноры) баронов и прочих представителей владетельной знати тоже были разбросаны по различным графствам. Показательны примеры земельной собственности двух людей из числа самых богатых в тогдашней Англии. Роберт Мертонский имел 793 (!) поместья, но они были разбросаны по 20 (!) графствам. Еще один такой земельный магнат, как Одо (Одон) из нормандского города Байё, владел 493 поместьями в 17 графствах.

Анализ такой чересполосицы владений отдельных лиц позволяет историкам делать выводы, подобные следующему: «Это не давало возможности политического усиления баронам в отдельных графствах и способствовало укреплению власти короля».

Однако король Вильгельм Завоеватель дифференцированно подходил к своей земельной политике. Он понимал, что в приграничных графствах владельцы меноров, они же военачальники местных воинских отрядов, должны были жить здесь в собственных имениях. Или, иначе говоря, заботиться об охране границы Англии от покушений воинственных соседей из Шотландии и Уэльса.

Именно поэтому в четырех приграничных графствах владения крупных и малых феодалов отличались от подобных владений внутри страны. Поэтому земельные владельцы в военных целях могли здесь иметь «соединенную» собственность. Такими графствами являлись – Дарем на границе с Шотландией, Шрусбери и Честер – на границе с Уэльсом, Кент, охранявший подступы к столичному Лондону с моря.

«Книга Страшного суда» позволяет увидеть, как распределялись доходы Английского королевства с земли (73 тысячи фунтов стерлингов). На конец властвования Вильгельма I Завоевателя они распределялись следующим образом:

17 000 – короне (монарху) и королевскому двору;

Всего 1800 – на жалованье королевским чиновникам, то есть

государственному аппарату;

19 200 – церкви и монастырям (здесь самыми большими доходами обладал влиятельнейший архиепископ Кентерберийский – 1750 фунтов стерлингов);

Лишь 4000 – англосаксонским феодалам, сохранившим милость и доверие короля Вильгельма;

30 350–170 нормандским и французским баронам из числа завоевателей Англии (доход свыше 640 фунтов имели 8 баронов, от 650 до 400 – 10 баронов, от 400 до 200 – 24, остальные бароны – меньше 200 фунтов).

Получается, что в англосаксонской стране более половины доходов с земли получали лица из числа чужеземцев, говорившие на французском языке. Это был один из важнейших, показательных итогов нормандского завоевания Англии.

О французском языке следует сказать особо: он обогатил сотнями слов язык английский, и на нем еще три века говорила аристократия Британии. Английский же язык все это время считался разговорной речью простонародья, и употребление его среди знати, в том числе при королевском дворе, считалось дурным вкусом. Заслуга в таком понимании вещей была, конечно же, самого Вильгельма Завоевателя.

В коронных доходах смотрится одна показательная особенность. Да, король являлся крупнейшим земельным собственником. Но его доходы, что интересно, возрастали не от увеличения числа поместий. Доходы росли от введения системы сдачи королевских меноров местным шерифам. Те вносили в государственную казну ренту за владение поместьем (или поместьями) своего монарха. Затем эта рента, разумеется, в увеличенном значении, шерифом выколачивалась из тех, кто жил и трудился на земле, принадлежавшей короне.

Считается, что на время составления «Великой книги» со времени правления короля Эдуарда Исповедника земельная рента возросла на 30–50 %. Можно считать, что примерно на столько ухудшилось положение англосаксонского крестьянства. Именно его труд лежал в основе земельной ренты.

…Вильгельм Завоеватель, наделенный ничем и никем не ограниченной властью, сумел перестроить Английское королевство, как когда-то герцогство Нормандию, под себя. Исследователи европейского Средневековья называют «знаковые» составляющие его преобразований:

– Король стал собственником всей земли в Англии;

– Ему лично приносят присягу все держатели земли;

– Бароны не имеют права строить замки, получают земли в разных графствах, что лишает их на местах политической силы;

– Бароны лишаются силы государственной власти над подвластными им держателями земли;

– Бароны юридически лишаются права ведения частных войн, то есть права на разорительные междоусобицы;

– Король обеспечивает поддержку судам (судебным собраниям) графств и сотен, что ослабляет влияние баронов;

– В военной организации страны сохраняется пешее ополчение (фирд) свободных держателей земли (свободных крестьян), которые платят налоги королю;

– Королевский совет становится отличительным от такого же королевского совета Франции: в нем заседают не просто знатные люди, а только лица, желательные королю и проводящие его политику;

– Король правит Англией самолично посредством высочайших указов, составляемых капелланами под надзором канцлера;

– Королевские приказы адресно рассылаются шерифам, представляющим власть короля в графствах;

Логическим итогом всех этих обстоятельств для укрепления самодержавной власти, в Англии возникла монархия более сильная, чем это было при англосаксонских королях. Более того, Англия стала единой страной, чего никак нельзя сказать о Франции или Испании, Германии или Италии той эпохи.

Несмотря на «лицо» и имидж завоевателя, король Вильгельм своей реформаторской деятельностью добился в той или иной мере поддержки своей власти самыми широкими кругами англосаксонского населения. Разумеется, о единении помыслов высшей власти и желаний простого люда говорить не приходится. Иначе бы мятежные феодалы, прежде всего из числа англосаксов, не получили бы такой сильной поддержки среди местного населения.

Реформаторская деятельность Вильгельма Завоевателя имела хорошее финансовое обеспечение. И дело здесь было не только в налаживании разумной налоговой системы в стране. На первых порах король «вкладывал в Англию» значительные доходы, получаемые им от герцогских доменов в Нормандии.

Вильгельм Завоеватель, еще будучи герцогом Нормандии, начал строить собственную церковную политику. Она была направлена на подчинение церкви королю, а не далекому папе римскому. С одной стороны, при нем церковь (аббатства, монастыри) стали получать большие земельные владения. С другой стороны, решительно отвергались все папские претензии на главенство в английской церкви.

Когда на папском престоле появился Григорий VII, король

Вильгельм Английский отказался принести ему вассальную присягу, что сделали почти все монархи Западной Европы. Из Лондона в Рим пришло заявление, что никто, кроме короля, не может контролировать дела английской церкви и что без его разрешения священникам нельзя повиноваться папе и его указам.

Иначе говоря, церковь Англии получила при Вильгельме Завоевателе автономию от Рима, что не могло сказаться на позиции папства по отношению к Англии. В последующем такую же самостоятельную церковную политику будут проводить и наследники Вильгельма Завоевателя.

…«Великая книга» как бы подвела итог завоеванию Англии Вильгельмом Нормандским и юридически закрепила переход собственности из одних рук в другие руки. То есть из рук англосаксонской знати в руки завоевателей-нормандцев, составивших новый слой земельной аристократии Английского королевства.

В наше время эта книга является одним из главных и достоверных источников по истории Великобритании той эпохи. Известный английский историк Джеромы Блэк так оценивает этот уникальный исторический документ раннего Средневековья:

«Сведения об Англии начала этого периода мы черпаем в “Книге Судного Дня” (1086 г.), обзоре страны, составленном по приказу Вильгельма Завоевателя, пожелавшего составить представление о своих владениях и о владениях своих подданных.

По ее записям мы можем оценить, в какой степени нормандцы сменили английских землевладельцев. В результате завоевания 1066 г. и подавления последующих восстаний произошла социальная революция на уровне элиты. Она не оказала существенного влияния на положение основной массы населения. Жизнь обычных людей продолжала определяться нуждами сельского хозяйства и демографическими ритмами.

На основании этой книги можно судить, какое влияние на расселение и экономическую деятельность оказывали особенности местности. Так, например, плохо заселены были торфяники юго-восточного Линкольншира: болотистые области привлекали разве что солеваров. В Норфолке плодородные осушенные речные долины были заселены гораздо лучше, чем возвышенности междуречий; а легкие почвы было гораздо проще возделывать, чем тяжелые…»

Уникальное творение воли короля Вильгельма I Завоевателя благополучно дожило до наших дней. Оно поражает своей достоверностью не только исследователей и историков, но и самих жителей сегодняшней Великобритании. Такой законодательной деятельностью могут похвастаться только

немногие монархи Средневековья.

Можно утверждать, что в современной ему Европе король Вильгельм Английский как никто другой знал подвластное ему государство. И прежде всего его хозяйственную, податную составляющую. Иначе говоря, о собственной казне он заботился рачительно, пополняя ее не только воинскими трудами и законодательными актами. Он смог «приучить» податное население, в первую очередь землевладельцев, к регулярной уплате налогов.

Финансы Англии в конце правления Вильгельма I не знали «неразберихи», имели ясно выраженные составляющие, что вело к регулярному пополнению королевской казны. Своим наследникам и последующим монархам Англии король Завоеватель оставил стройную систему налогообложения и сбора денег, доставки их в Лондон.

Именно такое законотворчество сделало короля Англии человеком лично весьма состоятельным, а государственная казна при нем довольно неплохо переносила все возможные финансовые потрясения и непредвиденные расходы. По сравнению с соседкой Францией Английское королевство действительно стало богатым. Более богатым, чем это видится в историческом 1066 году.

Порой пишут, что завоевание Англии нормандцами пошло ей в будущем на пользу. Так что имя герцога Вильгельма Нормандского, искателя королевской короны, история со временем во многом оправдала. Он действительно на будущее закладывал основы могущества Британии.

Вильгельм Завоеватель обладал неоспоримым искусством организации государственной власти, что он продемонстрировал сперва в Нормандии, а затем в Англии, устраивая в ней свое королевство. Здесь исследователи из разных эпох и стран вполне единодушны. Так, известный русский историк Р.Ю. Виппер в курсе лекций по истории Средних веков, прочитанном в Московском университете, отмечал:

«…Вильгельма Завоевателя следует считать крупнейшим организатором, а преобразованную им Англию – передовым по своему устройству государством того времени.

Замечательные свойства проведенной им реорганизации выступают при сравнении Англии конца XI века с французской империей Карла Великого и германским королевством Оттона I. В империи Карла авторитет центральной власти в отношении отдельных областей был весьма слаб, контроль над управлением графов осуществлялся только при посредстве разъезжающих государевых посланцев – органа шаткого и непостоянного. В

королевстве Оттона монархия опиралась на епископов, но участие их имело то неудобство, что духовные лица принадлежали еще к другой вненациональной организации и не находились в полном и безусловном распоряжении главы государства.

В противоположность этим более ранним организациям Вильгельм держал все нити управления в своих руках, имея в лице шерифов таких чиновников, которых он назначал и сменял по своему усмотрению. Важнейшей новизной проведенного им устройства было правило, в силу которого все вассалы, как высшие, так и второстепенные, зависели прямо от короля, сеньоры не могли подчинить себе подвассалов. В этом отношении Вильгельм провел последовательно до конца тот порядок, которому дал основание Конрад II своей конституцией о феодах, где положение мелких вассалов было обеспечено их правом обращаться непосредственно к королю. Наконец, для укрепления авторитета монархии, как власти центральной, было очень важно то обстоятельство, что сразу установилось начало наследственности, принцип династический: о выборе короля или даже об утверждении его сеньорами тут и речи не поднималось.

Централизация Англии удалась благодаря тому, что устройство это было введено в завоеванной стране победоносным вождем вполне ему подчиненного войска. От такого порядка были еще очень далеки французские короли, которым в наследие досталась слабая организация Каролингской монархии и которым пришлось потом с большими усилиями объединить раздробленную страну и восстановить авторитет центральной власти».

…Став королем Англии, Вильгельм Завоеватель много времени проводил в родной ему Нормандии. Думается, что там он чувствовал себя больше как дома, чем в туманной Англии, где ему долгое время приходилось заниматься наведением порядка. Теперь Вильгельм Английский мог вести себя во Французском королевстве как властитель, равный парижскому правителю.

Жизнь в любимой Нормандии означала для него, прежде всего, воевать. Недругов здесь у него всегда хватало. Равно как и соседей, у которых мечом можно было отобрать изрядный кусок чужих земель. В 1073 году обладатель двух корон – королевской и герцогской – отвоевал для себя и своей династии (то есть для сыновей) область Мэн, то есть немалое графство.

Пока правитель Нормандии находился на противоположных берегах Ла-Манша, эта французская провинция (ее феодалы) предприняла попытку выйти из-под его власти.

В 1076 году король Английский и герцог Нормандский (ее

короной Вильгельм I продолжал законно обладать) вторгся в соседнюю Бретань, с которой воевал уже не раз.

Он решил преподать урок герцогу Бретанскому, предоставившему убежище мятежному графу Норфолкскому. Однако урок, даваемый силой оружия, на этот раз не получился. Под давлением французского короля Филиппа I обладатель двух корон Вильгельм Завоеватель, из опасения, что против него выступит едва ли не вся Франция, был вынужден вывести свои войска из Бретани.

В 1077–1082 годах в английской королевской семье начались династические раздоры. В те годы в Нормандии время от времени поднимал мятежи против отца Роберт Коротконогий, старший сын и наследник короля Вильгельма Английского. Нормандские бароны в большом числе становились на сторону королевского сына, обещавшего им, среди прочего, прежнюю феодальную свободу, урезанную родителем Роберта.

Однако герцогу Роберту после гибели родителя не довелось стать монархом в Англии – трон достался его брату Вильгельму, ставшему Вильгельмом II. Вопрос этот для историков спорный: они расходятся во мнении, желал ли старший сын великого отца стать обладателем и Туманного Альбиона. Думается, что, скорее всего, нет, поскольку герцогская корона Нормандии являлась пределом его мечтаний с начальной юности, когда ему пришлось стать добровольным беглецом.

Вильгельм Завоеватель еще при жизни поражал современников масштабностью некоторых своих королевских указов. Так, в 1086 году он созвал на, если так можно выразиться, общее собрание всех предводителей в деле покорения Англии. По его указу собралось около 60 000 (!) человек знатного происхождения и положения. Все они, по крайней мере, владели таким земельным участком (с крестьянскими семьями), который по доходам позволял содержать боевого коня (стоившего весьма дорого) и полное рыцарское вооружение.

Все собравшиеся публично поклялись в вассальной верности монарху. После этого король Вильгельм распустил вассалов, для которых он был благодетелем, и из Англии отправился в Нормандию, куда его влекли военные дела.

К тому времени воинственный венценосец сильно изменился внешне. По совету лекарей он теперь редко покидал постель, долго спал или нежился среди подушек и мехов, и воздерживался от обильной пищи. Тем самым Вильгельм старался избавиться от своей чрезмерной тучности.

От малоприятных забот о своем пошатнувшемся здоровье его вскоре отвлекли грабительские по отношению к нему поступки

французского короля Филиппа I. Тот, «не уважая» английскую корону, вдруг стал покушаться на графство Вексентское, находившееся на территории Нормандии. Случайностью такое назвать никак нельзя.

Последние годы жизни английский король Вильгельм I Завоеватель провел в родной Нормандии, защищая ее пределы от покушений монарха Франции и его вассалов. Владетельная знать из числа его недоброжелателей (в том числе пребывающих в Париже) почему-то считала легким делом оторвать то там, то здесь кусок территории Нормандии. Вильгельму приходилось быть на войне так, как это он делал в юности. Только годы были уже не те: походные невзгоды давали о себе знать, но король держался все так же бодро и энергично.

В 1087 году французский король Франциск I силой оружия захватил пограничное Вексенское графство в Нормандии. Король Вильгельм I Английский принял вызов, забросив все заботы о своем пошатнувшемся здоровье. Так началась одна из длинной серии англо-французских войн Средневековья. Причиной ее стал захват французами Вексена. Но это только официальная версия тех военных событий.

По другой версии, высказываемой тогда недоброхотами монарха Англии и Нормандии, война началась сразу столь яростно не из-за захвата Вексенского графства. Вильгельм якобы сильно обиделся тем, что его французский собрат где-то в Париже публично назвал его «толстяком». Сильно располневший Вильгельм таковым себя не считал и обиду без достойного ответа снести не мог.

В итоге той войны двух королей, один из которых обладал еще и герцогской короной, Вексентское графство снова стало частью земель Нормандии. Нормандское баронство и рыцарство ликовало от такой победы над французами, будучи готово идти и дальше от границ герцогства. Вильгельм Завоеватель в тех событиях еще раз продемонстрировал несомненный талант полководца рыцарской эпохи.

Исход войны двух больших монархов решил несчастный случай. После взятия укрепленного французского города Манте стареющий английский король Вильгельм I получил смертельное ранение при падении с коня (так пишут многие историки, публицисты). Случилось это 9 сентября 1087 года. Дело обстояло следующим образом.

Вильгельм Завоеватель ушел из жизни в 60 (или почти в 60) лет. Для той эпохи это был весьма преклонный возраст, да еще с учетом того, что обладатель двух корон последние годы не слезал с коня, участвуя то в одном, то в другом военном предприятии.

История донесла до нас обстоятельства его смерти, которые какими-то особенными или таинственными не смотрятся.

Английский венценосец воевал на земле Франции, чаще всего на границах герцогства Нормандии. Войско норманнов захватило французский город Мант (Монт) и, разграбив его, разрушило, как говорится, до возможных пределов, предав огню. Это было сделано в устрашение другим городам на границах владений Вильгельма I Завоевателя, население которых не открывало своих крепостных ворот перед врагом французского короля и не сдавалось на милость победителя без боя. Король-полководец хотел, чтобы впереди его армии конных рыцарей и пеших лучников шел страх жестокого наказания за оказанное сопротивление.

Наемники Вильгельма Английского потрудились в Манте, как говорится, на славу, безжалостно истребив не только защитников города, но и немалую часть мирных горожан. Цветущий французский город был превращен в дымящиеся развалины – столь жестоким оказался приговор, вынесенный Манту из уст царствующего норманна.

В феодальных войнах начальной эпохи европейского Средневековья такая картина «истребления города» для современников уже стала привычной. Поэтому винить устроителя такого немилосердного варварства историкам особо не приходится. Подобных случаев земля Франции, равно как и земля соседней Англии и Британских островов, знает более чем достаточно. Города уничтожались, и порой проходили десятилетия, чтобы на старом пожарище вновь начинала теплиться городская жизнь.

Когда варварское дело было сделано, Вильгельм Завоеватель решил осмотреть то, что осталось от Манта, то есть «потешить» взор победителя, как это обычно делалось в таких случаях. Когда он проезжал по одной из улиц (вернее – улочек) сожженного города, его конь споткнулся на обломках одного из разрушенных зданий. Толчок был резок. Пожилого годами короля резко бросило на луку седла, хотя он, опытный наездник, удержался на коне, не дал себе свалиться на землю, покрытую пеплом и дымящимися головешками.

По другим сведениям, 60-летний король неудачно упал с лошади на городской улице (в том же городе Манте) и пропорол себе живот. То есть при падении он получил открытую рану, которая оказалась для него смертельной, поскольку была неизлечимой. В более позднее время в таком случае потребовалось бы хирургическое вмешательство, и человек мог получить немалые шансы на жизнь.

Встать и передвигаться самостоятельно Вильгельм Английский уже не мог. Больного (или раненого) короля с великим бережением доставили (перенесли?) в город Руан. Там он провел свои последние дни в окружении лекарей и придворных-норманнов. В течение шести недель он страдал от боли, и с каждым днем его состояние только ухудшалось.

При том сильном ударе о луку седла всадник получил, как вскоре стало ясно, сильную травму. Она вызвала мучительную болезнь, излечить которую придворные врачи оказались бессильны: ничего не помогало, хотя монарх Англии обещал врачевателям все, что они могли (разумеется, в разумных пределах) пожелать. Болезнь стала прогрессировать: боли «внутри» не проходили, а только усиливались с каждым днем.

Все лето 1087 года Вильгельм Завоеватель провел в столице герцогства Нормандия городе Руане, любимом им с детства. Здесь, в монастыре Сен-Жервез, он тяжко страдал от сильных болей в животе. Его лечили всем, что было известно медицине эпохи Средневековья: порошками, корешками, заклинаниями, различными настоями и напитками.

К постели короля Англии собирались из самых разных мест Европы известные врачеватели. Но, думается, все они уповали на удачу, на крепкий организм монарха, что подавало им некоторые надежды на успех лечения. Если бы дела со здоровьем у Вильгельма пошли на поправку, то его интересная для исследователей судьба получила бы продолжение. Но тяжесть полученной травмы и возраст все больше и больше давали о себе знать.

В течение шести недель обладатель двух корон сильно страдал от все усиливающейся боли. Однако болезнь только прогрессировала, ежечасно давая о себе знать. В Вильгельме Завоевателе в последние дни его жизни проявилось чувство добропорядочного христианина. Но он просто решил «умалить» свои немалые грехи и не видеть «загробную жизнь в самых мрачных красках».

Умирая, король Вильгельм много времени проводил в утешительных беседах с иерархами церкви. Известно, что он считал сделанные им и его рыцарями, простыми воинами надругательства над храмами и священниками главной причиной приближающейся с каждым днем смерти. Считается, что прижизненные «труды» королевы Матильды не пропали даром: ее супруг на пороге смерти все чаще вспоминал ее увещевания. Теперь он замаливал грехи, которых за ним (по его памяти) набиралось немало.

Английский король (он же герцог французской Нормандии)

послал большие деньги в разрушенный им город Мант на восстановление сожженных по его приказу церквей. Затем он своим высочайшим указом выпустил из тюрем подвластных ему земель заключенных, независимо от того, за какие грехи и преступления они были брошены в темницы.

Но это были еще не все его предсмертные добродетели: Вильгельм Нормандский повелел раздать от своего имени большую в денежном выражении милостыню тем подданным, которые в ней нуждались. Делались богатые вклады в монастыри и храмы. Но все эти меры не «помогали» больному.

Последние дни его сыновья-наследники – Роберт и Генрих не отходили от постели умирающего отца. Средний сын, Вильгельм Рыжий (Руф), выехал из Руана в Англию еще до смерти родителя. Потом скажут, что он словно предчувствовал ход событий и единственно правильно рассчитал такой ход большого шахматиста, как убытие в последние дни жизни родителя из Нормандии на противоположный берег пролива Ла-Манш. Можно утверждать, что он не мечтал о герцогской короне, надеясь на нечто большое, то есть на королевскую корону. Расчет его оказался удивительно верен.

Братья, как и аристократическая знать Англии и Нормандии, понимали, что в эти последние дни великого Завоевателя решается и их судьба. От того, в чьи руки попадут и английская королевская корона, и нормандская герцогская корона, на севере Европейского континента зависело многое. Даже очень многое: новые монархи решали судьбы многих людей и «утверждали» жизнь в своих владениях.

В ожидании смерти короля Вильгельма Завоевателя его окружением, в столичном Париже, в ближней (Западной) Европе понималось, что из жизни уходит один из крупнейших государственников той эпохи, талантливый политик и полководец в истории средневековой Англии.

Но судьбе будет угодно оставить в завоеванной им стране после смерти одно единственное каменное творение – каменную тюрьму-крепость Тауэр. Высящаяся по сей день посреди старой части Лондона на берегу Темзы огромная мрачная каменная башня с 1078 года напоминает жителям столицы Великобритании о том времени, когда Английским королевством разночтимо правил по происхождению бастард Вильгельм I Завоеватель.

…Умирающий король всерьез задумался о престолонаследии: кому отдать, завещать то, что он, незаконнорожденный, получил во Франции, и то, что завоевал и удержал за собой вооруженной рукой по ту сторону пролива Ла-Манш. Корон Вильгельм I имел всего две (герцогскую и королевскую), а сыновей-наследников у

него было три, и каждый из них имел полное династическое право стать венценосцем.

Средний сын Вильгельм шел по стопам родителя. Был прирожденным военным вождем, обладал твердым характером и в каких-то серьезных мятежных помыслах против отца замечен не был. Но родителю ясно виделось, что Вильгельм-младший не задумается обнажить меч против своих братьев, если его обойдут в наследстве. Причем он и его сторонники при дворе и в английском войске, прежде всего выходцы из Нормандии, не остановятся в раскручивании междоусобицы ни в Английском королевстве, ни в Нормандском герцогстве. То есть дело за гражданской войной в этих двух вполне самостоятельных государствах средневековой Европы не станет.

Но достоверно известно, что в преданности себе среднего сына Вильгельм Английский не сомневался, что тот доказывал не раз. Будь он один у него, отец не стал бы задумываться над тем, что и сколько отдать ему в наследство. Более того, Вильгельм-младший во многом старался походить на отца в поступках, командовании войсками, в отношении к покоренной Англии и ее старой аристократии, стремлении опираться при властвовании, прежде всего, на чужеродных для англосаксов норманнов.

Совсем иной фигурой смотрится в истории старший сын Роберт. Это был «отъявленный мятежник», поднимавший в полном смысле этого слова меч на родного отца и однажды нанесший ему тяжелую рану в рыцарском поединке. Можно было даже говорить о кровавой мести между этими двумя людьми. Однако отец простил мятежного Роберта, который пытался вооруженной рукой лишить отца власти в Нормандии, и ее герцогской короны.

Такое смотрится в истории европейского Средневековья вполне обыденным делом. Скорее всего, это и стало причиной того, что Вильгельм-старший решил простить непутевого сына-наследника и «вернуть его в лоно семьи», сурово, однако, покарав его мятежных сторонников из числа графов и баронов Нормандии. Таким образом, король лишил мятежного отпрыска реальной военной силы, чтобы не дать ему соблазна подняться вторично на мятеж против родителя, который не хотел крамолы в собственном семействе.

Третий сын, самый младший, Генрих по своей молодости не обладал ни способностями старших братьев, ни чрезмерным честолюбием. К тому же он ясно понимал, что в наследство ему будет дано только то, что останется при дележе отцовского достояния между старшими братьями. Корон же тот имел не три, а только две. Столичные города – Лондон и Руан ему никак не

доставались. И потому Генрих смирился со своей судьбой младшего сына Вильгельма Завоевателя, понимая, что отец в силу вышеизложенных обстоятельств постарается его не обидеть.

Чувствуя приближение смерти и потеряв всякие надежды на своих врачевателей, умирающий Вильгельм призвал к себе в монастырь Сен-Жервез сыновей. Вильгельма-младшего среди них уже не было. Они прибыли туда с небольшими рыцарскими свитами, которые в случае семейного раздора вряд ли бы смогли справиться с королевской охраной и повлиять мечом на отцовское завещание.

Завещание было высказано отцовскими устами и заверено его печатью на листе бумаги в присутствии многочисленных свидетелей, наиболее важными из которых являлись монахи Сан-Жервезской обители. Вильгельм-младший, как старший из наследников, получил английскую корону. Ему не пришлось в Лондоне скрывать своей радости: отец отписал старшему сыну главную долю собственной «недвижимости» в виде территории целой страны с ее населением, столицей, портовыми городами с богатым купечеством и многочисленной армией, боеспособной, хорошо снаряженной и опытной. Государственное управление в завоеванной Англии к тому времени было уже хорошо отлажено.

Вильгельм Рыжий «вступил» в царствование в Туманном Альбионе намного раньше, чем это ожидалось в Руане. Получив быстрое известие о кончине отца, он первым делом с отрядом близких и верных людей захватил королевскую казну, которая хранилась в Винчестере. Теперь она охранялась преданными ему воинами и не могла «уплыть» к братьям, прежде всего к неукротимому в поступках и замыслах Роберту.

Такой шаг сразу укрепил позиции Вильгельма Рыжего: «У кого деньги, у того и власть». Были сделаны выплаты повышенного жалованья королевскому войску, подарки знатным и влиятельным людям королевства, прежде всего столичного Лондона.

После этого в Лондоне начались официальные церемонии. Через семнадцать дней Вильгельм Рыжий был торжественно коронован в Вестминстерском соборе архиепископом Ланфранком, тем ученым монахом, который так помог Вильгельму-старшему завоевать Англию и стать ее королем.

Перед смертью отец дал Вильгельму-младшему письмо к архиепископу Ланфранку, в котором выражалась просьба помочь среднему сыну стать английским королем. Архиепископ, во многом обязанный своим иерархическим возвышением венценосному покровителю, постарался сделать все как надо.

Благодаря авторитету этого церковного иерарха собственно

коронование прошло без всяких возможных осложнений. Хотя в подобных случаях в истории Средневековья бывало всякое, порой проливалась кровь враждующих сторон. Но архиепископ Ланфранк с великим искусством держал руку на пульсе Английского королевства: ему не нужны были случайные люди на престоле. И папе римскому тоже.

Но без «но» коронование на английский престол среднего сына Вильгельма Завоевателя не обошлось. В первые дни царствования сопротивления Вильгельму Рыжему, прежде всего вооруженного, в истории Британии не просматривается. Однако когда встал вопрос о подданстве баронов-норманнов, ситуация вышла из-под его контроля. Объяснялось такое следующим образом.

Старший брат новоиспеченного монарха Англии получил от отца в наследство родовое герцогство. Часть баронов, прибывших в Альбион с Вильгельмом Завоевателем, составила заговор в пользу герцога Роберта (история умалчивает о том, был ли он инициатором заговора против брата, с которым его мало что связывало, даже родственные узы). Решался вопрос о подданстве нормандских баронов, оказавшихся в Англии. События в стране стали разворачиваться не в пользу короля Вильгельма Рыжего.

Во главе баронского заговора встал сильный и влиятельный человек в лице Одона из Байе, брата по матери Вильгельма Завоевателя. Восстания баронов и их рыцарей против власти нового монарха одновременно вспыхнули в Норфолке, Сомерсете и в ряде других мест. Однако король Вильгельм Рыжий показал такую твердость и решительность действий, которой от него мало кто и ожидал.

Англия раскололась на два враждебных лагеря местных аристократов. Большинство баронов и их рыцарей средней и восточной Англии встали на сторону нового венценосца, рядом с которым в такое опасное время находился влиятельный архиепископ Ланфранк. К тому же в распоряжении короля находилось феодальное ополчение, отряды пехоты и лучников и… государственная казна.

События в Англии после начала баронского мятежа развивались быстро. Мятежники были последовательно разбиты в местах сборов их сил, прежде всего в Норфолке и Сомерсете. Владетельный феодал Одон из Байе был изгнан с острова вооруженной рукой и обратный путь ему в Англию был заказан.

Герцог Нормандии воинственный Роберт в тех событиях, которые, казалось, шли ему на пользу, оказался удивительно пассивен. Руку помощи мятежным баронам и своему дяде он так и не подал, хотя в Лондоне это и ожидалось: повторного

вторжения норманнов в Англию с французского берега Ла-Манша не состоялось.

Так Вильгельм II Рыжий утвердился на отцовском королевском престоле. Интересно, что Вильгельм Завоеватель не рассматривал Англию как свою вотчину, как родовое владение. Он считал, что не вправе передать ее корону в наследство одному из своих сыновей, то есть Вильгельму-младшему. Однако родитель в завещательном документе высказал пожелание, чтобы его Руф (Рыжий) правил Англией, если только сможет это сделать. И что архиепископ Ланфранк ему в том поможет.

Старший сын, неблагодарный Роберт получил все-таки Нормандию, родовое владение семьи, и стал ее законным герцогом. То есть мятежник получил то, чего желал, по отцовскому благословению. Хотя история свидетельствует, что в долгой семейной междоусобице отец и сын пролили много крови преданных рыцарей и рядовых воинов, взяли жестоким штурмом не один хорошо укрепленный замок.

Можно считать, что мятежник Роберт был весьма доволен получением из огромного отцовского наследства той части владений, которую он так желал получить еще при жизни Вильгельма-старшего. Ему вполне хватало забот во Французском королевстве, в котором герцог Нормандии воевал до последних дней своей достаточно бурной жизни. Англия же забот ему не доставляла.

Младшему сыну Генриху не досталось ни короны, ни собственных феодальных владений, хотя замки и селения у него, конечно же, были в немалом числе. Как-никак, он являлся же полноправным королевским сыном. Вильгельм Завоеватель завещал ему большую сумму денег (5000 фунтов серебра), и Генриху пришлось удовольствоваться такой отцовской милостью. С денежным наследством он обходился бережливо, уповая на будущее.

Следует заметить, что в жизни он был, как говорят в наши дни, реалистом. Родитель не стал ради него дробить ни королевство Англию, ни герцогство Нормандию. Поэтому Генрих стал ждать и выжидать того момента, когда судьба ему улыбнется, и он тоже станет обладателем короны.

Генрих действительно дождался своего. Его брат Вильгельм Рыжий словно торопил события в истории Англии. В 1089 году, после смерти архиепископа Ланфранка, он начал нешуточную борьбу с влиятельной церковью. Он тянул с назначением нового примаса страны, забирая огромные в денежном исчислении доходы пустующего престола архиепископа в казну, то есть себе. Эту же систему монарх практиковал и со всеми церковными

бенефициями, вызывая большое негодование папы римского и иерархов римской церкви.

Конфликт короля с церковью продолжался до 1093 года, то есть четыре года. Он закончился тем, что Вильгельм Рыжий, изрядно обогатившийся, покаялся и передал вакантный Кентерберийский престол ученому монаху Ансельму, дав ему ряд обещаний, чтобы успокоить церковные круги Англии, которые стали все чаще высказывать неодобрение действиям монарха.

Уже вскоре король Вильгельм Рыжий забыл о данных обещаниях, чего и следовало от него ожидать. Он потребовал от архиепископа Ансельма феодальной помощи, удержал за собой значительную часть из немалой собственности Кентерберийского престола. Более того, он не пустил нового архиепископа в Вечный город за посвящением у папы римского.

Так возник новый серьезный конфликт церкви и монарха Англии. В довершение всего Вильгельм-младший решительно заявил, что ни один папа римский (который ставил себя выше всех европейских венценосцев) не будет признан в Англии, как глава церкви, без разрешения короля. Все же в 1097 году Вильгельм Рыжий отпустил архиепископа Ансельма в Рим. Но как только тот покинул Альбион, все доходы Кентерберийского престола вновь оказались в его руках.

В последние годы правления Вильгельма Рыжего архиепископ Ансельм предпочел оставаться в Святом городе, под защитой папского престола. Эти события стали началом длительной борьбы в Англии между церковью и государством в лице короля. Они явились в эпоху Средневековья частью общеевропейского спора между папством и светскими государями, стремившимися к независимости от папского Рима и к самодержавию. В итоге папы римские этот спор проиграли.

Сын Вильгельма Завоевателя, сидя на отцовском троне, поистине творил чудеса при пополнении своей казны. Казначеем при нем был капеллан Ранульф Фламбард, вошедший в историю средневековой Европы как «универсальный финансист». В ту эпоху беззакония и самовластия он творил на английской земле всевозможные беззакония, выжимая деньги из кого только можно было: свободных крестьян, ремесленников, купечества, землевладельцев средней руки, самоуправляющихся городов.

Более того, именно капеллан Фламбард стал инициатором отбирания церковных доходов в королевскую казну, от чего в первую очередь пострадал архиепископ Ансельм, крупнейший тогда церковный феодал Альбиона. Можно только гадать, как ненавидели капеллана-казначея церковные иерархи и папский Рим. Такие же чувства питали к нему и подданные английской

короны, которых Ранульф Фламбард, за спиной которого зримо стоял монарх, доводил до нищенства и разорения. В те годы, пожалуй, в Англии трудно было отыскать более безжалостного слугу короля, чем этого человека в рясе.

Вильгельм Рыжий, как и его отец, раз за разом усиливал суровость законов и наказаний за их нарушения. Это коснулось, прежде всего, законов об охоте и об охране заповедников. Англия той эпохи изобиловала девственными лесами, богатыми зверями и дичью. Но охотиться на них разрешалось только королю и светским феодалам. Они же давали разрешения на рубку леса.

Ужесточение лесных законов вызвало такое сильнейшее недовольство свободного крестьянства, что дело дошло до открытого восстания 1095 года. Народное возмущение было жестоко подавленно властями, заботившимися о полной неприкосновенности заповедных королевских лесов.

Сын Вильгельма Завоевателя озаботился расширением своего домена, то есть личных королевских земельных владений. Воюя с соседями Англии на острове, он добился некоторых успехов, пусть и меньше желаемых, на границе с Шотландией и Уэльсом. Следует заметить, что Вильгельм Рыжий относился к числу рыцарствующих монархов, желая воевать с кем угодно, но только ради собственной выгоды.

Именно такое желание сделало его врагом родного младшего брата. Король Англии решил возвратить под свою руку часть Нормандии, которая когда-то была родовым владением его отца. Сговорившись с герцогом Робертом, он вооруженной рукой отнял у Генриха в западной Нормандии многие его личные феоды – земли с поселениями крестьян и рыцарскими замками.

Так между двумя сыновьями Вильгельма Завоевателя из-за неуемной корысти одного из них «пробежала черная кошка». Вполне возможно здесь не обошлось и без советов капеллана Ранульфа Фламбарда, который продолжал увеличивать доходы своего хозяина, изыскивая к тому все новые и новые пути. Генрих затаил на старшего брата нешуточную обиду, хотя внешне продолжал с прежним почтением относиться к нему как к старшему брату и обладателю королевской короны.

Вскоре Вильгельм Рыжий выгодно «уладил» свои братские отношения с герцогом Робертом Нормандским. Тот в 1096 году по-родственному заложил свои земли английскому королю за огромные деньги в 10 тысяч марок серебром. На эти деньги старший сын Вильгельма Завоевателя собрал значительный рыцарский отряд и во главе него по призыву папы римского отправился в Крестовый (1-й Крестовый) поход в Святую землю, в Палестину.

Уже тогда всем было ясно, кроме самого развоевавшегося герцога, что выкупить обратно Нормандию у среднего брата он никогда не сможет. И если сможет, то разве что в мечтах или за пиршественным столом. Сборы крестоносца в поход, переход на Восток морем и война на палестинской земле полностью истощили туго набитый английским серебром кошелек герцога Роберта. Но он пока не задумывался о будущем, которое для него и других участников 1-го Крестового похода оказалось скорым.

Первым из сыновей Вильгельма Завоевателя из жизни ушел его средний сын, которому он завещал английскую корону. В 1100 году Вильгельм Рыжий, охотившийся с большой свитой в королевском Новом лесу, был насмерть сражен метко пущенной неизвестной стрелой. Лучник, убивший короля, и инициаторы покушения не были найдены. Собственно говоря, никакого следствия по этому неотложному делу наряжено не было.

На следующий день придворные удивительно спешно похоронили короля в Винчестере без всякой торжественности и пышности, что полагалось его светскому сану. В тот день многие церкви в Англии отказались звонить по убитому королю, и никто не принуждал их к этому.

Детей Вильгельм Рыжий не имел, и потому английский престол оказался пуст. Но претендентом на корону оказался его младший, «обиженный» брат Генрих, который в то время находился в Англии, был гостем короля и даже вместе с ним охотился в Новом лесу. Но в силу веских обстоятельств возложить на него вину за убийство Вильгельма Рыжего тогда никто не решился, да и это было после содеянного ни к чему.

Генрих действовал так, как в год смерти отца поступил Вильгельм-младший. После убийства брата он прямо с охоты во главе отряда верных людей поспешил в Винчестер и захватил там королевскую казну. Это и решило вопрос о том, кому занять освободившийся престол: нормандские бароны избрали королем младшего сына Вильгельма Завоевателя, несмотря на протесты сторонников старшего брата Роберта, воевавшего в Святой земле.

Через два дня после трагического случая на охоте Генрих короновался в Вестминстерском соборе, чтобы править страной долго, целых 35 лет, то есть больше трети XI столетия. Он сразу же обратился к подданным с высочайшим манифестом, известным в английской истории как «Хартия вольности Генриха I».

Генрих I в своей коронационной хартии обещал много: церкви – свободу, феодалам, большим и малым – соблюдение их привилегий и прав, а прочему простому люду – «законы короля Эдуарда Исповедника», которые уже давно канули в лето и о

которых, в общем-то, в Англии основательно подзабыли.

Его обещания в первый день царствования выглядели так. Сообщая жителям Англии о своей коронации, Генрих I торжественно заявлял, что ничего своевольно не будет продавать из церковных имений. И что, не в пример погибшему брату, не будет брать в королевскую казну доходов с церковных бенефиций (владений) в периоды вакансий в должностях архиепископов и других церковных иерархов.

Феодалам всех рангов король Генрих I обещал уничтожить «худые обычаи» – чрезмерные рельефы и плату за разрешение на браки баронских дочерей-наследниц и вдов, которых в английское Средневековье было всегда много. Он обещал не назначать произвольных денежных залогов для баронов-преступников, что являлось для королевской казны немаловажной статьей регулярных доходов.

Повинности самой многочисленной феодальной касты – мелкопоместного, а порой и безземельного рыцарства должны были отныне ограничиваться только военной службой королю. И этой службой рыцарство Англии теперь было обязано только одному своему монарху, а не владетельным, большим феодалам из числа высшей аристократии страны.

Генрих I, не в пример своему брату Вильгельму Рыжему, хорошо изучил внутреннее состояние Альбиона. Именно поэтому он, заявляя о восстановлении «законов короля Эдуарда», как бы брал под свою защиту от произвола землевладельцев-баронов местное население из англосаксов. Они составляли подавляющую часть народонаселения страны. Таким образом, Генрих I надеялся найти у него поддержку в ожидавшейся борьбе против нормандской знати, получившей при его предшественнике немалые права и привилегии.

Почему новоиспеченный король Генрих I так особенно пекся о поддержке англосаксонского населения? Ответ здесь прост: к тому времени, хотя и прошла треть века, между англосаксами и завоевателями-нормандцами еще не исчезли этнические и языковые различия. Они оставались значительными, разделяя народонаселение страны на два несоразмерных слоя. В случае смуты в королевстве это могло сыграть решающую роль.

Это особенно остро ощущалось в силу того, что французский язык оставался языком королевского двора и большей части феодальной знати. Тот же французский язык наряду с латынью являлся языком страны и закона. Английский язык продолжал оставаться повседневным языком крестьянской массы, большинства горожан и рыцарства.

В ту пору о каком-то слиянии французского и английского

языков и этнических различий на территории Альбиона говорить не приходилось. Этот процесс по многим причинам шел очень медленно, и о его завершении можно говорить при изучении истории Британии только где-то в начале XIII столетия, и никак не раньше.

Генрих I, на удивление современникам и исследователям, отлично изучил отцовскую систему правления чужеродной Англии. Он старался докопаться до самых тонкостей королевской власти, чего не делали его старшие братья, особенно Вильгельм Рыжий. Не зная других достойных примеров высшей власти, Генрих I решил возвратиться к политической системе родителя. Действительно, средневековый правитель Вильгельм Завоеватель был достоин подражания если не другими венценосцами Западной Европы, то своими сыновьями-наследниками.

При Генрихе I, который досконально изучил отцовскую систему обеспечения королевства надежной и достаточной военной силой. В этом отношении младшего сына Вильгельма Завоевателя вполне можно назвать продолжателем дела военной организации страны. Лучшим тому примером может служить его королевский «Указ о вооружении Англии», уникальный по своему содержанию исторический документ. (См. приложение.)

С другой стороны, Генрих I пытался отменить все вышеизложенные «новшества» в политической системе Вильгельма Рыжего, построенные на прямом произволе его законной власти. История свидетельствует о том, что в общих чертах внутренняя политика короля Генриха I находила поддержку у влиятельной церкви, владетельных баронов и англосаксонского населения страны. По крайней мере, феодальных мятежей и сильных народных возмущений Англия, в непростую на сей счет эпоху Средневековья, избежала. Равно как и кровопролитий, чем так богата ее история не только XI столетия.

Король Генрих I сразу же предпринял попытку примирения с церковью, которая так враждебно относилась к его неизвестно кем убитому брату Вильгельму Рыжему. По просьбе монарха к нему на встречу прибыл архиепископ Ансельм Кентерберийский, которому в торжественной обстановке был дан ряд обещаний. Можно было считать, что затянувшийся конфликт с церковью был улажен, хотя противоречия были лишь сглажены.

По примеру своего именитого отца, Вильгельма I Завоевателя, воцарившийся Генрих I Английский решил усилиться за счет европейских наемников. То есть, он стал «зачинателем» в среде европейских монархов в сфере заключения прочных договоров с теми владетельными аристократами,

которые обладали военным опытом, располагали «твердым ядром полученных по наследству воинов-феодалов, собственными запасами оружия». Такие знатные владельцы обязывались перед монархом (совсем не обязательно своим) выставлять определенное количество войск для ожидавшегося военного похода или в случае какой-то иной надобности в военной силе.

Первый такого рода известный договор в европейском Средневековье историки связывают с именем младшего сына Вильгельма I Завоевателя, достойного продолжателя отцовских королевских традиций. В 1103 году Генрих I заключил с графом Робертом Фландрским договор о наемничестве. Последний обязался перед королем Англии за плату в 400 марок серебра в год выставить монарху Британского острова 1000 рыцарей в полном вооружении и с тремя конями каждый. То есть речь шла о временном приобретении целого рыцарского войска.

Как и отец, Генрих I составлял договор о найме тысяч рыцарей из Фландрии детально и хорошо продуманно. Он оказался недействителен для французского короля, который являлся сюзереном графа Роберта Фландрского. Рыцари должны были быть готовы через 40 дней после получения графом извещения из Лондона. Король Англии, со своей стороны, в назначенный срок обязывался выслать за ними суда для перевозки морем рыцарей с их конями, слугами и походным имуществом.

По договору, пока фламандцы находились в Англии на службе местного монарха, тот обязывался давать им довольствие и возмещать их материальные убытки, так же как своей собственной свите. К таким убыткам могла, скажем, относиться гибель коня в ходе королевской службы. Так материально рыцари-наемники из Фландрии были приравнены к английским (уже не нормандским) рыцарям.

Этот известный в истории Средневековья договор был подкреплен особым актом. Согласно ему, бароны и кастеляны графа Фландрского признали свои вассальные обязательства по отношению к королю Англии. Показательно, что преемники на тронах Британии и Фландрии через 50 лет, в 1163 году, возобновили действие этого договора.

Казалось бы, такую новую страницу в истории рыцарского Средневековья открыл король Генрих I Английский, а не его отец. Но исследователи связывают корни такого наемничества на континенте именно с именем Вильгельма I Завоевателя, создавшего в 1066 году действительно наемную рыцарскую армию для покорения страны на противоположном от Нормандии берегу пролива Ла-Манш.

Договор же между Генрихом I и Робертом Фландрским стал лишь официальным оформлением в документе того, что уже было три с лишним десятка лет назад. И тогда в армии вторжения, созданной герцогом Нормандии, находилось немало фламандских рыцарей с их оруженосцами, слугами и стрелками из лука и арбалета. Только при Вильгельме I такие соглашения о найме военной силы (рыцарских и иных отрядов, прежде всего лучников) заключались устно, под высокое слово нанимателя. Англию завоевала армия, которая называется не нормандской, а наемной.

…Младшему сыну Вильгельма Завоевателя королю Генриху I пришлось много воевать с родным братом Робертом Нормандским. Одно из сражений между ними состоялось 28 сентября 1106 года при крепости Тенгибрэ (Теншбре), в которой защищался гарнизон правителя Нормандии. Собственно говоря, это было столкновение двух крупных отрядов конных рыцарей. Однако в том деле король имел немало пеших воинов – лучников и копьеносцев. Они предназначались для осады крепости.

Когда на выручку защитником Тенгибрэ подоспел герцог Нормандии, то вопрос о снятии осады с крепости решался в полевой битве. Противники атаковали друг друга разрозненными конными рыцарскими отрядами. Король Генрих I не пустил в бой пехоту, создав из нее сильный резерв. Считается, что он создал такой пеший резерв на случай, если его рыцари не выдержат накала боя, начнут отступать или побегут с поля битвы.

Генрих I приказал своей свите спешиться и стать в ряды пеших воинов. И сам он сошел с коня, став рядовым воином в пешем строю англонормандцев. Таким образом, их войско получило устойчивость и «ядро» строя на случай поражения и отступления. Но благодаря своему численному превосходству королевские рыцари одержали верх и без помощи пеших отрядов.

Битва двух рыцарских войск при Тенгибрэ (спустя 40 лет после высадки Вильгельма Завоевателя в Певенси) стала эпизодом гражданской войны в Нормандии. Вернее – войны феодальной. Итогом сражения стало присоединение герцогства Нормандии на долгие годы к владениям английской короны.

Роберт Коротконогий попал в плен к брату (вместе с 400 своими рыцарями) и, перевезенный в Англию, был заключен в тюрьму (замок) Кардиффа, как мятежник, пожизненно. Правда, условия тюремного заключения в 28 лет для него выглядели весьма мягкими, если не считать, разумеется, повышенной бдительности стражи. Свободы от младшего брата мятежный духом Роберт так и не дождался.

Удачно воевал Генрих I и против французского короля Людовика VI. 20 августа 1119 года между ними состоялось решительное по результатам сражение при Бренвиле (Бремоле). В битве участвовало всего 900 человек. Это были исключительно конные рыцари: 500 со стороны англичан и 400 со стороны французов. Генрих Английский одержал верх благодаря прочной сомкнутости своего отряда. В битве пало только три человека (!). В плен попало 140 (!) французских рыцарей. Этому есть свое объяснение: рыцари враждебных армий обоюдно щадили друг друга.

Победа в битве у Бренвиля оказалась на стороне рыцарствующего английского короля Генриха I. Французский монарх Людовик VI вскоре после этого подписал с сыном Вильгельма Завоевателя предложенный противником мир. Он был подписан сторонами на условиях победителя в Бренвильской баталии.

Такова была история наследования владений и богатств короля Вильгельма I Английского, он же – Вильгельм I Нормандский. Его смерть еще долго отзывалась на английской и французской земле делами и поступками прямых и последующих наследников двух престолов. Можно сказать, что фундамент новой государственности, заложенный им в двух ведущих государствах европейского Средневековья, оставался прочным на целую историческую эпоху.

Вильгельм Завоеватель считается основателем Английского королевства: в жилах монархов Британии до сих пор течет его кровь. Со дня своей смерти и по сей день во многом спорный образ короля Вильгельма I олицетворяет собой историю средневековых Англии и Франции.

…Поделив, таким образом, свои владения, войска и казну, Вильгельм I Завоеватель, настрадавшись в постели, с известным облегчением души 9 сентября 1087 года отошел в мир иной. Известно, что сыновья его не оплакивали и торжественных похорон отцу-венценосцу не устраивали. Что опять же явилось для истории в соответствии с традициями, пусть и самыми скверными, феодальных семейств Средневековья, делом обыденным, пусть и непристойным.

Когда король Вильгельм испустил последний вздох, его Руанский дворец вмиг опустел. Убедившись, что монарх действительно мертв, его свита, епископы и клирики, члены семейства и бароны Нормандии спешно отправились по своим семействам охранять замки, дома и поместья. Все они страшно боялись смуты в умах подданных и междоусобицы между братьями-наследниками. Причина такого страха видится вполне

естественной и реальной: из жизни ушел гарант общей безопасности в герцогстве.

Великий герой в истории Английского королевства и французского герцогства Нормандии сразу после смерти подвергся, на удивление потомкам, унизительным оскорблениям. Вроде бы верные слуги, не имея над собой никакого надзора и даже страха наказания, ограбили тело своего недавнего благодетеля, от которого еще вчера зависела их бренная жизнь, судьба и благополучие.

С умершего владыки алчные слуги сняли не только массивные перстни, но и прочие драгоценные украшения в виде золотых цепей, булавок и прочих деталей одежды и головного убора. Сняли с усопшего монарха даже дорогую по стоимости одежду, чтобы продать ее какому-то преуспевающему руанскому торговцу всяким барахлом из подобной «военной добычи». Усопшего короля оставили и без башмаков, на которых были золотые (или позолоченные) пряжки.

Более того, те же королевские слуги обчистили и сам дворец, став собственниками всего того, что можно было вынести и даже вывезти из него. После этого они, как пишет хронист, разлетелись кто куда, «как ястребы со своей добычей». Именно так описал день смерти короля Вильгельма I Завоевателя известный своими сочинениями Ордерик Виталий.

Знали ли о том сыновья Вильгельма Завоевателя, будущего героя рыцарских баллад и романов? Возможно нет, возможно да. Но им было уже не до умершего отца, проводить которого в последний путь ни Вильгельм-младший, ни мятежник Роберт, ни «младшенький» Генрих не пожелали даже ради известного приличия. Хотя бы для истории, чтобы не очернить в сознании будущих потомков собственные имена. Ведь они тоже стали историческими персонажами Средневековья.

Первый, Вильгельм-младший, отплыл на королевском паруснике в Туманный Альбион, спеша короноваться в Лондоне, который ожидал смены монархов. К церемонии в Вестминстерском аббатстве было уже все готово, не знали только главное: кому из трех братьев достанется английская корона, самое ценное в наследстве Вильгельма Завоевателя.

Второй, Роберт, с суровым видом восседая на отцовском престоле, приводил к присяге себе своевольных графов и баронов Нормандии, созвав их самым срочным порядком в столичный город Руан. Клятва давалась на Библии в присутствии священников. Это, как думалось новому обладателю короны норманнов, должно было хоть как-то сдерживать владетелей феодов от будущих мятежей и непослушаний.

Третий, Генрих, «сидел» на мешках со звонкой монетой, размышляя о том, в какое дело вложить свалившееся на него огромное денежное богатство: то ли прикупить землицы к своим замковым владениям, то ли нанять войско из рыцарей и арбалетчиков и пуститься в какую-нибудь военную авантюру. Отцовские деньги требовалось вложить во что-то как можно быстрее, пока о них не вспомнили занятые собой старшие братья, с которыми тягаться в военной силе Генриху не приходилось.

В столице Нормандии городе Руане весть о смерти правителя произвела на всех впечатление как удар грома. Она навела на руанцев такой ужас, что в течение трех часов ни один человек не решался приблизиться ко дворцу злосчастного покойника. Все словно понимали, что смерть Вильгельма Завоевателя станет зловещим предзнаменованием грядущих серьезных перемен. Хорошего от них ждали немногие люди.

Наконец, руанцы стали отходить от потрясения. Духовенство собралось с силами, помня о своем предназначении в такой час, и попыталось организовать похороны правителя. Но не тут-то было: добродетельный архиепископ Вильгельм по прозвищу Добрая Душа не сумел найти возницу и повозку, чтобы перевезти тело герцога и короля в город Кан.

Итогом трудов руанского архиепископа в истории Средневековья стало появление простого нормандского воина (солдата) по имени Херлуин. Трудно сказать, чем он был обязан лично Вильгельму Завоевателю. Или старый служака просто исполнил свой солдатский долг перед усопшим венценосцем, которого боготворил. Но именно Херлуин оказался тем человеком, которого безуспешно разыскивал в городе Руане архиепископ Вильгельм Добрая Душа.

Солдат (говоря современным языком) Херлуин нанял повозку (дроги), погрузил на него усопшего в бозе властелина и доставил его к причалу. Он же нанял судно, шедшее в город Кан. Тот же Херлуин нанимал (за свои деньги? за деньги архиепископа?) людей, чтобы по христианскому обычаю обмыть тело умершего, как-то обрядить герцога, и могильщиков.

Ограбленное тело короля Англии и герцога Нормандии в простой повозке, без всяких торжественных по такому случаю церемоний и даже без привычной личной стражи, повезли на городское кладбище. Думается, немногие жители Руана догадывались о том, кого бесславно везут по узеньким, кривым улочкам столицы герцогства.

Вильгельма Английского оплакивать не приходилось: правил подданными он жестокосердно, судил правых и неправых только с личной выгодой, казнил людей немало по любому поводу и без

повода, когда был в праведном гневе большого рыцарствующего феодала. С такими правителями, не имевшими в сердце жалости, люди Средневековья расставались с «легкой душой», не надрываясь в плаче и прощальном крике.

На канском кладбище бездыханный Вильгельм Завоеватель «испил последнюю чашу посмертных унижений»: кладбищенский сторож привычно долго торговался с королевскими слугами, ставшими по воле случая большими скупцами (они тратили «собственные» деньги) из-за цены на простую могилу, которую предстояло еще выкопать. Слуги усопшего монарха торопились отделаться от покойника, «уже ни на что не годного». Сторож же хотел иметь собственную выгоду от сделки с землекопами-могильщиками.

На кладбище обладателю двух корон пришлось «унизиться» еще раз. Впрочем, чего-то удивительного в том не видится, поскольку дух времени витал и над Нормандией, только-только потерявшей еще одного своего правителя.

Хронисты свидетельствуют о последней чаше позора, которую пришлось испить ушедшему из жизни королю Вильгельму Завоевателю. Когда его тело опускали в могилу, священник по традиции спросил собравшихся, не имеет ли кто-то претензий к покойнику, дабы тот мог спокойно уйти в мир иной. Тогда из толпы вперед выступил какой-то безвестный нормандский дворянин (неизвестно, был ли он бароном или простым рыцарем) и громко объявил собравшимся:

«Земля, на которой вырыта эта могила, по роду принадлежит мне. Это была моя собственность, отнятая королем Вильгельмом беззаконно. Это моя земля, и я готов продать этот кусок земли».

Священник, руководивший похоронной церемонией, надо отдать ему должное, нашел выход из такой конфликтной ситуации. Он обратился к присутствующим и предложил им сброситься на тот кусок земли, на котором была вырыта могила для усопшего короля Англии и герцога Нормандии. Спешно были собраны по кругу нужные деньги, на которые у истца было выкуплено то, что он готов был продать тут же, не отходя от свежевырытой королевской могилы…

…До нас дошло немного описаний внешности Вильгельма Завоевателя, к части которых следует относиться с известной осторожностью. Авторы их, как правило, относились с большим почитанием к основателю новой королевской династии Англии. Потому вышедшие из-под их пера словесные портреты Вильгельма явно приукрашены, и потому можно утверждать, что внешне он выглядел иначе.

О прижизненных достоверных изображениях история

умалчивает: время мастеров кисти еще не пришло, хотя спустя века портреты английского короля Вильгельма I Завоевателя появлялись не раз. Но о достоверности образов на них говорить не приходиться, поскольку все они являются вымыслами художников, хотя в основе, конечно же, лежит историческая информация, дошедшая до наших дней.

Так, безвестный автор труда «О кончине герцога Вильгельма», утверждает, что его герой был «роста выше среднего, но не чрезмерно». Известно, что во время кровавых войн католиков и гугенотов аббатство Сент-Этьен, где находится последнее прибежище Вильгельма Завоевателя, в мае 1562 года, его останки были безжалостно уничтожены. Само аббатство подверглось страшному разорению.

Из останков английского короля сохранилась только левая бедренная кость. В 1983 году эта кость была эксгумирована. Специалисты установили, что рост ее обладателя, согласно таблице Мануврие, должен был равняться 1 метру 73 сантиметров. То есть этот человек для своего столетия был действительно высок ростом. Тогда в Западной Европе люди были маленького роста. Специалисты считают, что средний рост мужчины равнялся 165 сантиметрам, а женщины – 150 сантиметрам.

Исследование кости показало, что следы сухожилий свидетельствуют, что это был физически сильный человек. В том же труде «О кончине герцога Вильгельма» говорится, что Вильгельм Завоеватель был «телосложения крепкого и могучего». Это можно подтвердить тем, что он в юности и молодости регулярно занимался воинскими упражнениями, которые вырабатывали в рыцаре силу, выносливость и способность переносить любые тяготы походной жизни. То есть, как воин, одетый в железные доспехи, рыцарь являл собой образ натренированного долгими годами конного бойца-поединщика эпохи Средневековья.

Безвестный автор также сообщает, что у Вильгельма был хриплый голос, и что он много и возбужденно говорил. Авторы хроник часто показывают, что герцог, как человек веселый, любил пошутить, но шутки порой бывали весьма свирепого характера. В то же время есть сообщения о «постоянном непоколебимом спокойствии Вильгельма», человека, который в истории Средневековья совершил одно из самых знаменитых завоеваний.

Что касается внешности супруги Вильгельма Завоевателя, ставшей сперва герцогиней, а затем королевой, то нам о том почти ничего не известно. Хронисты-современники как-то прошли мимо этого исторического образа. Ее могила на клиросе церкви

Аббе-о-Дам была вскрыта в 1961 году. Антропологический анализ показал, что Матильда была крайне миниатюрной женщиной, ростом менее полутора метров и очень худой.

Художники же спустя много столетий после ее смерти рисовали королеву Матильду Английскую, словно сговорившись, высокой, довольно дородной и величественной. Но в жизни она была совсем иной, поражая современников не своей внешностью, а коронами, которые ей уготовила судьба.

…До нашего времени дошли далеко не все прижизненные характеристики Вильгельма Завоевателя, как и те, что были составлены его современниками. В «Англосаксонской хронике» за 1087 год ее составитель вставил в текст этого исторического документа не, скажем, королевский указ, а строки народной поэмы о короле Англии Вильгельме I. Считается, что эта далеко не хвалебная поэма выражала чувства большинства населения страны. В переводе на русский язык она звучит так:

Он строил замки
И жестоко притеснял бедняков.
Король был очень силен
И лишал своих подданных
Многих марок золота и сотен серебряных ливров,
Которые он отнял силой и крайне несправедливо
У своего народа,
причем это даже не было ему действительно нужно.
Он погряз в алчности
И жертвовал всем ради своей страсти к наживе.
Он стал строго защищать дичь
И создал для этого (заповедные) леса.
Тому, кто поймал оленя или лань,
Выкалывали глаза.
Он защищал оленей и кабанов и был привязан к ним так,
Словно был их отцом.
Больше того, он позволял свободно бегать зайцам.
Могущественные жаловались на это, слабые сетовали,
Но в своей жестокости он не заботился об их недовольстве.
Они должны были полностью соблюдать волю короля,
Если хотели жить, сохранить свои земли,
Или имущество, или же королевскую милость.
Увы! Какое несчастье,
что человек может поддаться такой гордыне,
Возвеличиться и поставить себя над всеми остальными!
Да будет Господь Всемогущий милосердным к его душе

И дарует ему прошение его грехов.

…Вильгельму Завоевателю никак нельзя жаловаться на еще прижизненное внимание к себе со стороны хронистов не только Нормандии, Англии и Франции: он был большую часть своей жизни заметной звездой на политическом небосклоне Западной Европы. По нему монархи, как говорится, «часто сверяли свои часы» и измеряли поступки, беря за пример для себя его дела и поступки.

Хронисты, особенно в конце XI столетия, писали очень много об этой великой личности, которая повернула судьбу Британии на свой лад. После смерти Вильгельма Завоевателя многие из них стали давать для будущих поколений историческую оценку его великой личности и противоречивых деяний на государственном и военном поприще. Один из таких хронистов писал:

«Он был строгим и очень жестоким человеком, и никто не осмеливался делать что-либо вопреки ему. Он сажал на цепь тех эрлов, которые выступали против его воли. Он изгонял епископов из их епархий и аббатов из их аббатств, он бросал тэнов в тюрьму и не пощадил даже своего брата, которого звали Одо…

Без сомнения, в его время народ много угнетали и чинили много несправедливостей».

Таков был, по мнению хрониста, король Вильгельм I Английский, который носил историческое прозвище Завоеватель. Не сказать о его военных деяниях – значит не отдать должное его рыцарским достоинствам и несомненной властности государя. Тот же хронист продолжает:

«…Уэльс был в его власти, и он строил там крепости и полностью контролировал его жителей. Благодаря своей силе он подчинил себе также Шотландию. Земля Нормандии принадлежала ему по праву наследования, и он правил графством Мэн; если бы он прожил на два года больше, то покорил бы и Ирландию одной своей расчетливостью и без оружия».

…Вильгельм Завоеватель прославился не только победой в сражении при Гастингсе и покорением Англии, но и тем, что дал начало той британской королевской династии, которая правит Великобританией и по сей день. То есть он стоял у ее истоков. Нормандская династия вошла в новую королевскую династию Плантагенетов следующим образом.

Вильгельм I Завоеватель имел, как сказано выше, трех сыновей. Старшим был Роберт, герцог Нормандии, который прав на английскую корону не получил. Средний сын Вильгельм

Рыжий правил Англией с 1087 по 1100 год, когда он, не оставив наследника, был убит. На английском престоле его сменил младший брат Генрих I, правивший королевством до 1135 года.

В истории сегодня братья известны как Роберт III Куртгёз, Вильгельм II Руфус и Генрих I Беклерк. (Прозвища их даны по произношению на английском языке.)

У короля Вильгельма Английского была еще дочь Адель, которая была выдана замуж за одного из крупных французских феодалов Стефана, графа Блуа, умершего в 1154 году.

У короля Генриха I наследницей оказалась дочь Матильда. Ее первым мужем стал германский император Генрих V. Во втором браке внучка Вильгельма Английского была замужем за Жоффруа Плантагенетом, графом Анжу. Их сын Генрих занял престол своего дяди под именем Генриха II Плантагенета, став основателем новой королевской династии в истории Великобритании.

В Средние века английский королевский престол наследовали его сыновья Ричард I Львиное Сердце (убит в 1199) и Иоанн Безземельный (умер в 1216). Далее венценосцами в династии Плантагенетов стали: Генрих III (умер в 1272), Эдуард I (умер в 1307), Эдуард II (убит в 1327), Эдуард III (умер в 1377; за год до этого умер его сын-наследник Эдуард, Черный принц) и, наконец, Ричард II (убит в 1400).

В каждом из них текла кровь норманна Вильгельма Завоевателя. Собственно говоря, названные выше средневековые монархи Англии этим и гордились. И хотя есть расхожая поговорка о том, что «яблоко от яблони падает недалеко», не все царствующие Плантагенеты имели нрав, величие и способности своего великого предка, что и сказывалось на их непростых в истории королевских судьбах.

Королю Эдуарда III наследовал внук Ричард II, сын Эдуарда, который не имел сыновей. После его гибели в схватку за английский престол вступили две герцогских династии, которые вели отсчет от двух младших братьев отца – Джона Гонта, герцога Ланкастера, и Эдмунда, герцога Йорка. Но борьба двух фамилий – Ланкастеров и Йорков, вылившихся в длительную войну Красной и Белой роз, – другая станица в истории Англии эпохи Средевековья.

…Кратко же династическое древо человека, покорившего мечом Туманный Альбион, выглядит так. Людовик Завоеватель, обладатель двух корон – Нормандии и Англии, стал в истории Великобритании основателем Нормандской династии. Из трех его сыновей, – Роберт (герцог Нормандии), Вильгельм Рыжий (убит в 1100 г.) и Генрих I (умер в 1135 г.) – двое последних владели

английской короной.

Дочь Адель носила корону графини. Она была замужем за Стефаном, графом Блуа. Правителем этого графства стал их сын Стефан Блуасский (умер в 1154 г.).

Вильгельм Рыжий наследников после себя не оставил. Дочь Генриха I дважды была замужем. Первым мужем ее был германский император Генрих V, вторым – Жоффруа Плантагенет, граф Анжу. Сын от второго брака, Генрих II Плантагенет (умер в 1389 г.) был королем Англии, основав новую династию Плантагенетов.

Генрих II имел трех сыновей, два младших из них были английскими королями – Жоффруа, Ричард Львиное Сердце (убит в 1199 г.) и Иоанн Безземельный (умер в 1216 г.). Венценосного наследника после себя оставил только самый младший из братьев.

Далее английский трон поочередно занимали следующие прямые потомки Иоанна Безземельного: Генрих III (умер в 1272 г.), Эдуард I (умер в 1307 г.), Эдуард II (убит в 1327 г.), Эдуард III (умер в 1377 г.), принц Эдуард Черный скончался в 1376 г. Его сын, последний король из династии Плантагенетов, наследницы Нормандской династии, Ричард II был убит в 1400 году.

После этого наступила эпоха кровавой борьбы за английскую корону между герцогствами Ланкастер и Йорк. Их предводителями стали младшие сыновья короля Эдуарда III Плантагенета Джон Гонт, герцог Ланкастер и Эдмунд, герцог Йорк. Так в истории Великобритании началась эпоха королевских династий Ланкастеров, Йорков, Тюдоров и Стюартов…

…Когда говорится о месте личности Вильгельма I Завоевателя в истории Франции и Британии, Европы и даже шире пределов континента, то обычно говорят о Крестовых походах. И не потому, что в первом из них участвовал со своим немалым рыцарским отрядом герцог Роберт Нормандский, старший сын основателя новой английской династии. Речь идет совсем о другом.

Показательный пример нормандского правителя Вильгельма, который успешно не только завоевал, но и удержал за собой Англию, дал европейским политикам из числа воинственных монархов, больших феодалов и окружения папы римского прекрасную подсказку решения поистине стратегических задач. Это была задача сохранения Европейского континента от геополитических устремлений завоевателей из мусульманского мира в лице Сельджуков, Альморавидов, Альмохадов.

Европейский христианский мир беспокоила судьба своего

восточного форпоста – Византийской империи, которая на рубеже X и XI столетий стала быстро терять свои позиции и военную силу. Нужно было что-то такое, что могло бы остановить продвижение народов Востока на континент с территории Ближнего Востока, из Северной Африки. Здесь и пригодилась «подсказка», данная современникам не кем-то иным, а именно воцарившимся в Лондоне нормандским герцогом Вильгельмом I Завоевателем.

Суть этой великой исторической подсказки, имевшей двоякое поучение и имевшей удивительное жизненное звучание, заключалась в следующем.

Во-первых, завоевательный поход герцога Нормандии (его зря порой называют авантюрным) и покорение Англии показал, что в средневековой Европе оказалось много людей, которых легко было увлечь на любое военное предприятие. Но только на такое предприятие, даже откровенно несбыточное и рискованное, которое сулило этим людям богатство и славу. О богатстве же Востока европейцы знали не понаслышке. Страны Востока казались им сказочно богатыми, легендарными, таинственными.

Именно личного обогащения и военной славы желало европейское рыцарство в Средневековье. В рыцарстве давно образовался постоянно растущий слой людей, которые уже не обладали земельной собственностью и замками. Такие люди вечно «искали работу», а за хорошие деньги были готовы направиться за «работодателем» хоть на край света.

Во-вторых, завоевание Туманного Альбиона офранцузившимися потомками датских викингов показало, что европейские жители – очень богопочитаемые люди. Христианское вероучение одержало на западе Европы победу. Не случайно именно оттуда в Святую землю хлынул поток пилигримов, захлестнувший даже таких людей, каким был герцог Роберт Дьявол, отец Вильгельма. А современники отзывались о нем как о «зверовидном» грешнике, и даже хуже.

И в-третьих, можно утверждать, что именно (или больше всего) Вильгельм I Завоеватель разработал «технологическую схему» вторжений в чужие земли под папскими знаменами. Он сумел провести серьезную идеологическую подготовку завоевания Англии, методику дачи соратникам всех званий, Риму – обещаний всего желаемого.

Более того, Вильгельм добился перед вторжением от римского папы «отпущения грехов тяжких», то есть освобождения от духовного наказания за массовые убийства непокорных, отнятие королевской власти у законного обладателя ею, за все беды, который он принес народу Альбиона. Для воинственного

рыцаря, защитника христианского мира, это имело не просто огромное, а еще и определяющее значение. Теперь он мог не чувствовать за собой вины совершаемых кровавых преступлений.

Можно сказать, что Крестовые походы на Восток, в Святую землю, в Палестину, в Иерусалим выглядят менее убедительно, чем поход в Англию завоевателя герцога Вильгельма Нормандского. Но это только на первый взгляд. Рыцари-крестоносцы тоже мечтали и стремились не только к личному обогащению и военной славе. Они жаждали создания собственных монархий.

Такие христианские монархии с коротким сроком существования действительно были созданы на мусульманском Востоке. Это были графство Эдесское, королевство Иерусалимское, княжество Антиохийское. В их создании и защите участвовали в первую очередь рыцари-крестоносцы северной Франции, в том числе выходцы и из Нормандии.

Что дало Британии ее завоевание пришельцами из Франции, англичанам – покорение нормандцам под предводительством герцога Вильгельма I Завоевателя? Суждений здесь много, и, как правило, они сводятся к тому, что это был положительный исторический процесс. Можно утверждать, что с «легкой руки», одетой в кольчужную рыцарскую перчатку, Английское королевство шагнуло на Европейский континент и стало утверждать себя в общем контексте европейской политики и перспективы.

Таковы были заслуги Вильгельма Завоевателя перед европейской историей. Они во многом реалистичны, хотя порой мифологичны. Но это не вина героя данного повествования, а умозрительный результат писаний тех, кто славил своим пером человека, завоевавшего Туманный Альбион, заложив на будущее основы Великой Британии.

Если же поставить непростой вопрос: кем в действительности был для нас выходец из Нормандии, он же Вильгельм I Английский, то, думается, здесь последнее слово за читателем, любителем всемирной истории.

Литература

Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962.

Барлоу Ф. Вильгельм II и нормандское завоевание Англии. СПб., 2007.

Блэк Дж. История Британских островов. СПБ., 2008.

Богданович М.И. История военного искусства и замечательнейших походов. Военная история средних веков. СПб., 1884.

Боюар М. Вильгельм Завоеватель. СПБ., 2012.

Быкова А.Ф. История Англии с XI века до начала мировой войны. Изд. 3-е. СПБ., 1918.

Виппер Р.Ю. История средних веков. Курс лекций. СПб., Минск, 2001.

Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Т. 4. СПб., 1883.

Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. Воронеж, 1998.

Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966.

Де-Дюк В. Жизнь и развлечения в средние века. СПб., 1997.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 3. Средневековье. М., 1938.

Джонс Г. Викинги. М., 2003.

Дуглас Д. Вильгельм Завоеватель. Викинг на английском престоле. М., 2005.

Дюпуи Р.Е., Дюпуи Т.Н. Всемирная история войн. Т. 1. СПб., 1997.

Зюмтор П. Вильгельм Завоеватель. М., 2001.

Иванов В.Д. Повести древних лет. М., 2010.

Кан А.С. История Скандинавских стран. М., 1971.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. М., 1968.

Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история с IV века. М., 1897–1903.

Левицкий А.Я. Города и городское ремесло Англии X–XII. М., 1960.

Лэннинг Майкл Ли. 100 великих полководцев. М., 1999.

Маколей Т.Б. Рассказы из истории Англии. СПБ., 1858.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.

Мельникова Е.А. Меч и лира. Англосаксонское общество в

истории и эпосе. М., 1987.

Мишо Г. История крестовых походов. М., 2003.

Мортон А.Л. История Англии. М., 1936.

Павлов В. Основные эпохи в истории Англии. СПб., 1880.

Памятники истории Англии. М., 1936.

Пти-Дютайн Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X – XIII веков. М., 1938.

Пузыревский А.К. История военного искусства в средние века (V–XVI столетия). Ч. 1. СПб., 1884.

Разин Е.А. История военного искусства. Т. 2. М., 1938.

Руа Ж. История рыцарства. М., 1996.

Рыжов Н. Все монархи мира. Западная Европа. М., 2000.

Тьерри О. История завоевания Англии норманнами. СПб, 1868.

Харботл Т.Б. Битвы мировой истории. Словарь. М., 1983.

Хейер Ж. Вильгельм Завоеватель. М., 2002.

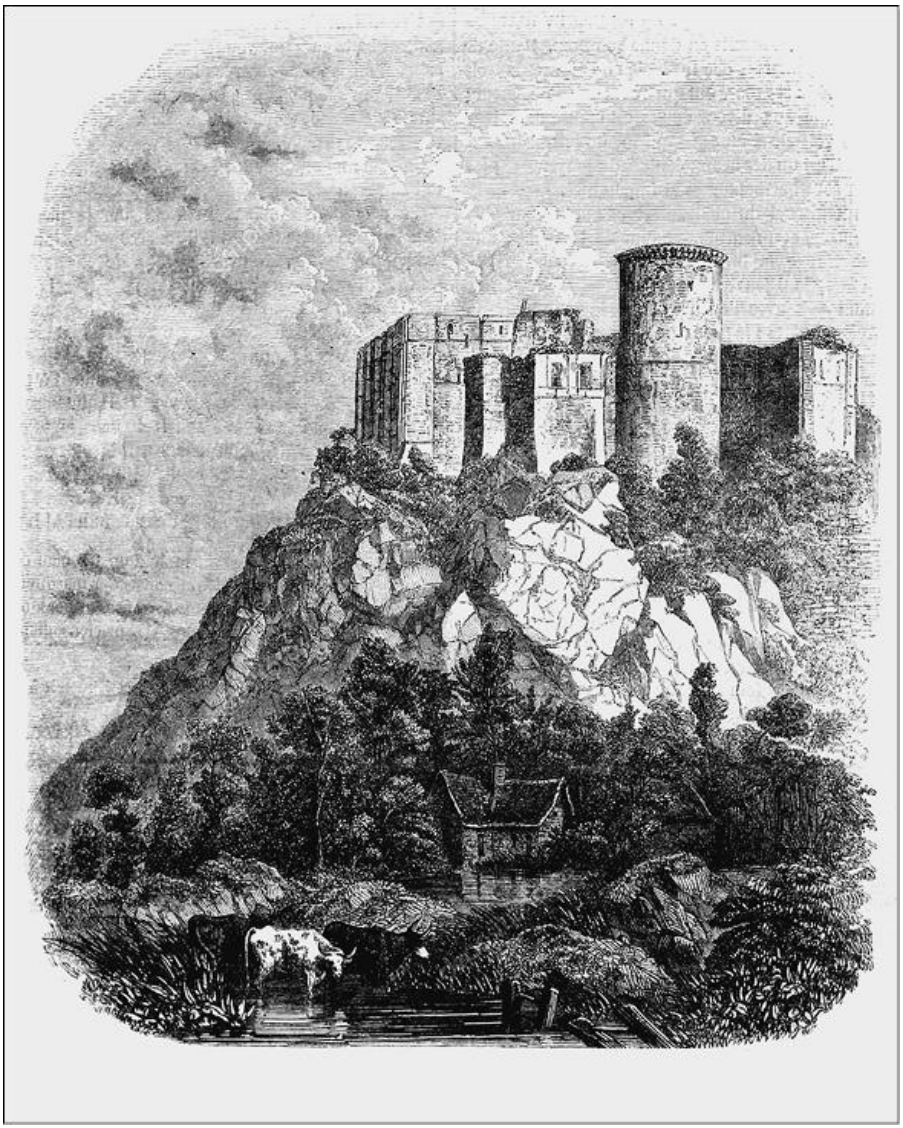
*Шишов А.*В. Все войны мира: Средние века. М., 2004.

Шишов А.В. 100 великих военачальников. М., 2003.

Шишов А.В. 100 великих полководцев Средневековья. М., 2010.

Штокмар В.В. История Англии в Средние века. Л., 1973.

Иллюстрации

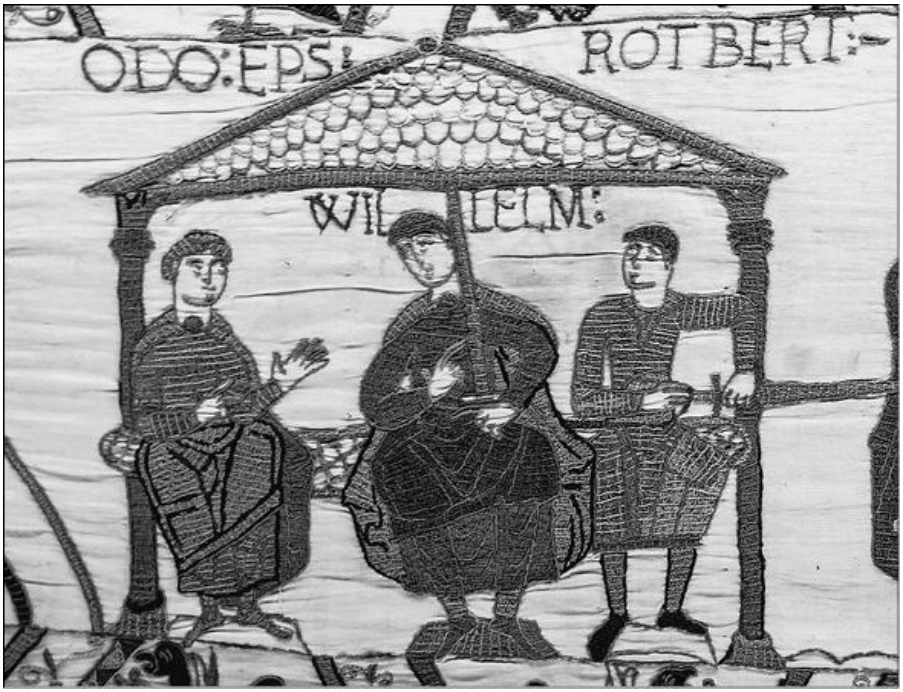
Замок Фалез. Гравюра конца XIX в.

Роберт I, герцог Нормандский, отец Вильгельма. Фрагмент скульптуры из Фалеза

Герлева, виконтесса де Контевилль, мать Вильгельма Завоевателя

Сыновья Герлевы: Вильгельм, герцог Нормандский, Одо, епископ Байё, и Роберт, граф де Мортен. Фрагмент гобелена из Байё. 1070-е гг.

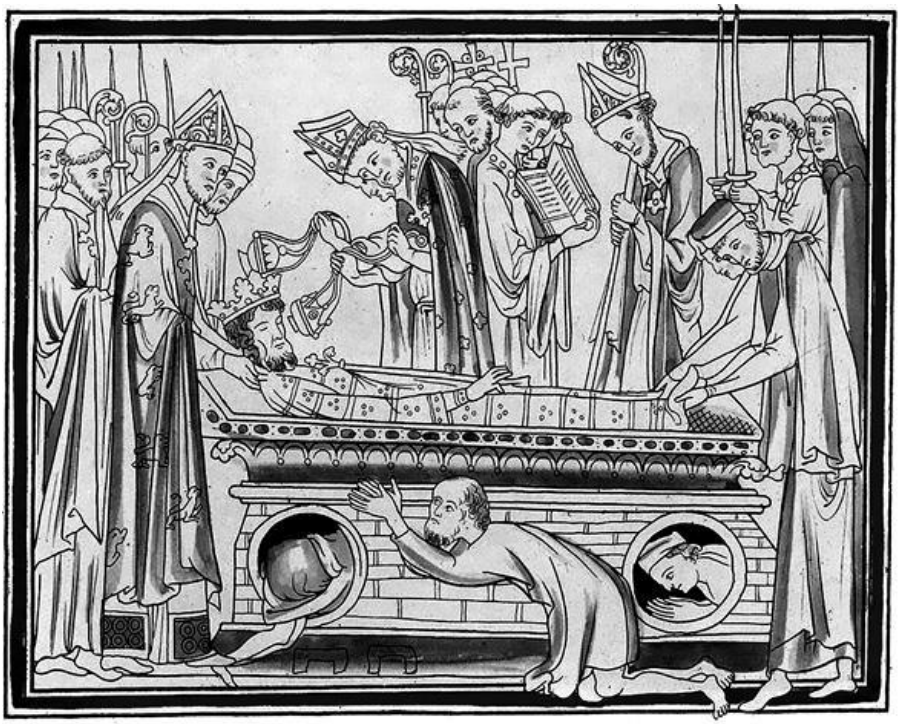
Король Франции Генрих I. Художник М.-Ж. Блондель. 1837 г.

Вильгельм I наносит поражение французам и посылает вестника к королю Генриху I Французскому. Миниатюра XIV в.

Король Англии Эдуард Исповедник на троне. Фрагмент гобелена из Байё. 1070-е гг.

Похороны короля Эдуарда Исповедника. Миниатюра XIII в.

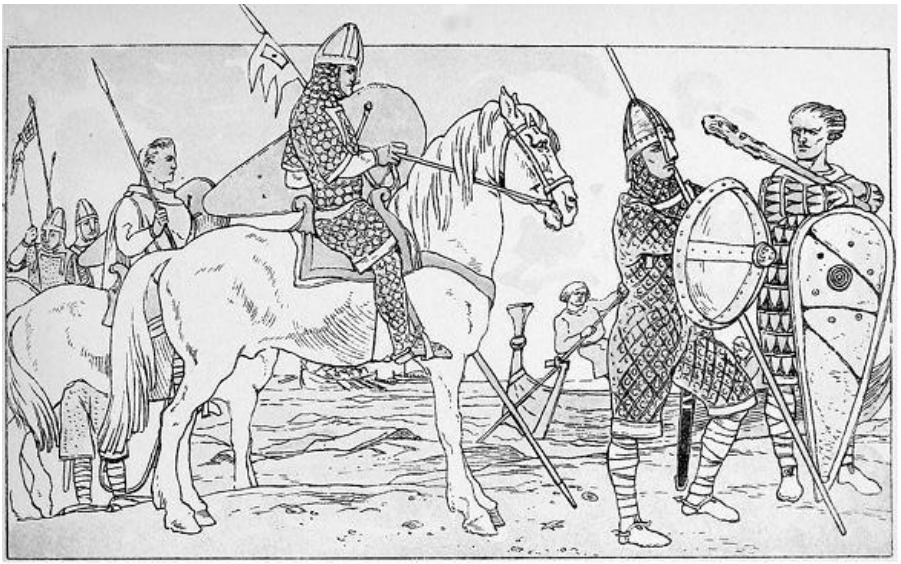

Нормандские корабли пересекают пролив. Фрагмент гобелена из Байё. 1070-е гг.

Войска Вильгельма Завоевателя высаживаются в Англии. Миниатюра начала XV в.

Вооружение и одежды нормандских и английских воинов. Реконструкция 1905 г.

Король Англии Гарольд и Вильгельм I в битве при Гастингсе. Миниатюра конца XIII в.

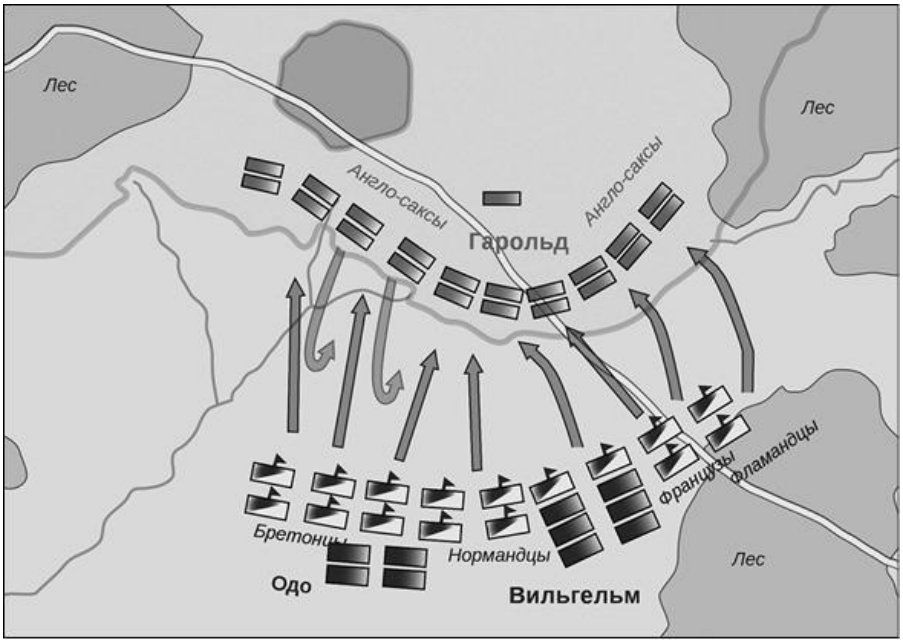
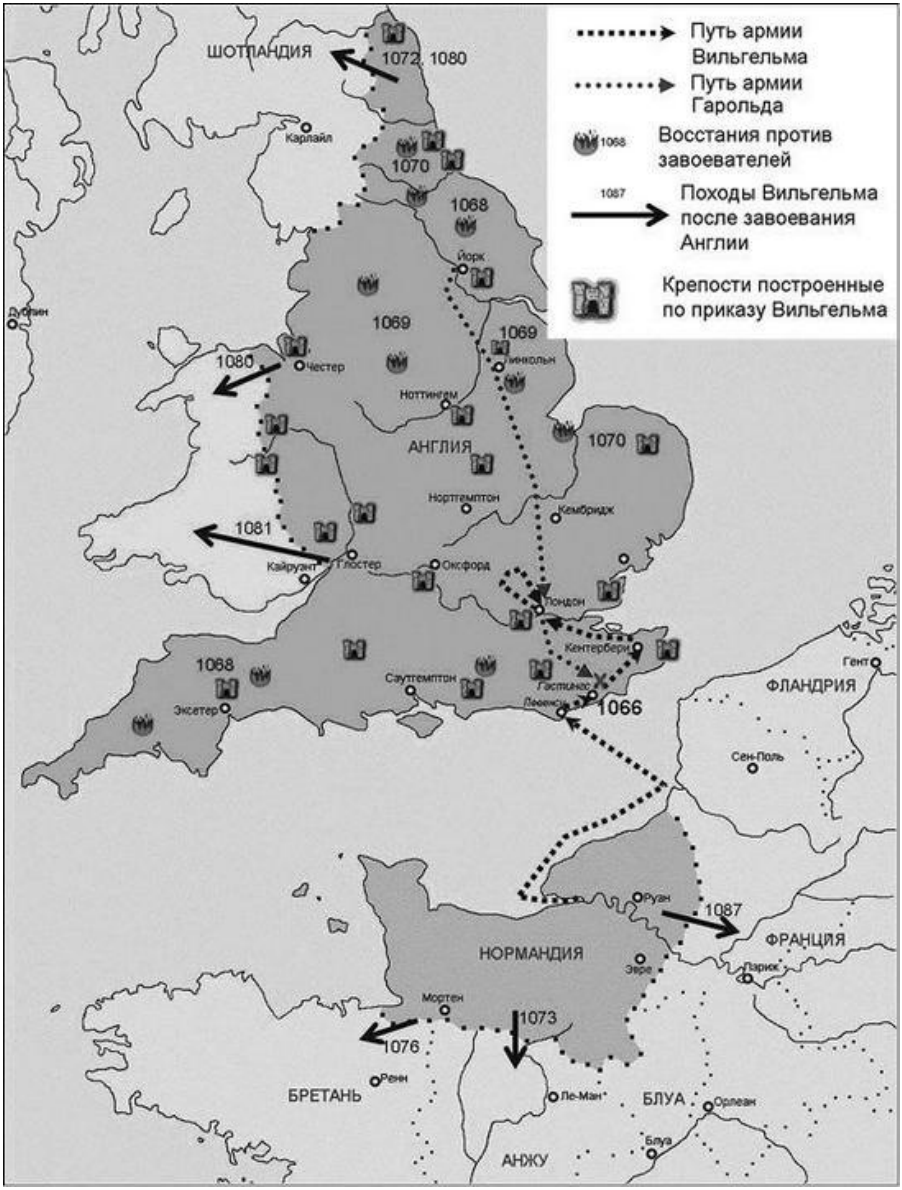

Схема битвы при Гастингсе 14 октября 1066 г.

Смерть Гарольда в битве при Гастингсе. Фрагмент гобелена из Байё (надпись по-латыни «Harold Rex Interfectus Es» – «Король

Гарольд убит»)

Нормандское завоевание Англии в 1066 и восстания англосаксов 1067–1070 гг.

Вестминстерское аббатство в XI в., изображенное на гобелене из Байё. 1070-е гг.

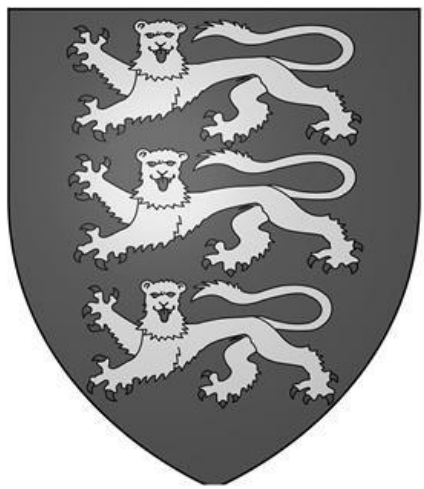

Коронация Вильгельма Завоевателя в Вестминстерском аббатстве. Миниатюра XIII в.

Вильгельм I на коне в окружении рыцарей. Миниатюра XIV в.

Гербы Вильгельма I – как герцога Нормандского и короля Англии

Матильда Фландрская вышивает гобелен. Художник. Дж. М. Кронхайм. 1868 г.

«Белая башня» – Лондонский Тауэр. С миниатюры XV в.

Монеты Вильгельма I Завоевателя

Книга Страшного суда

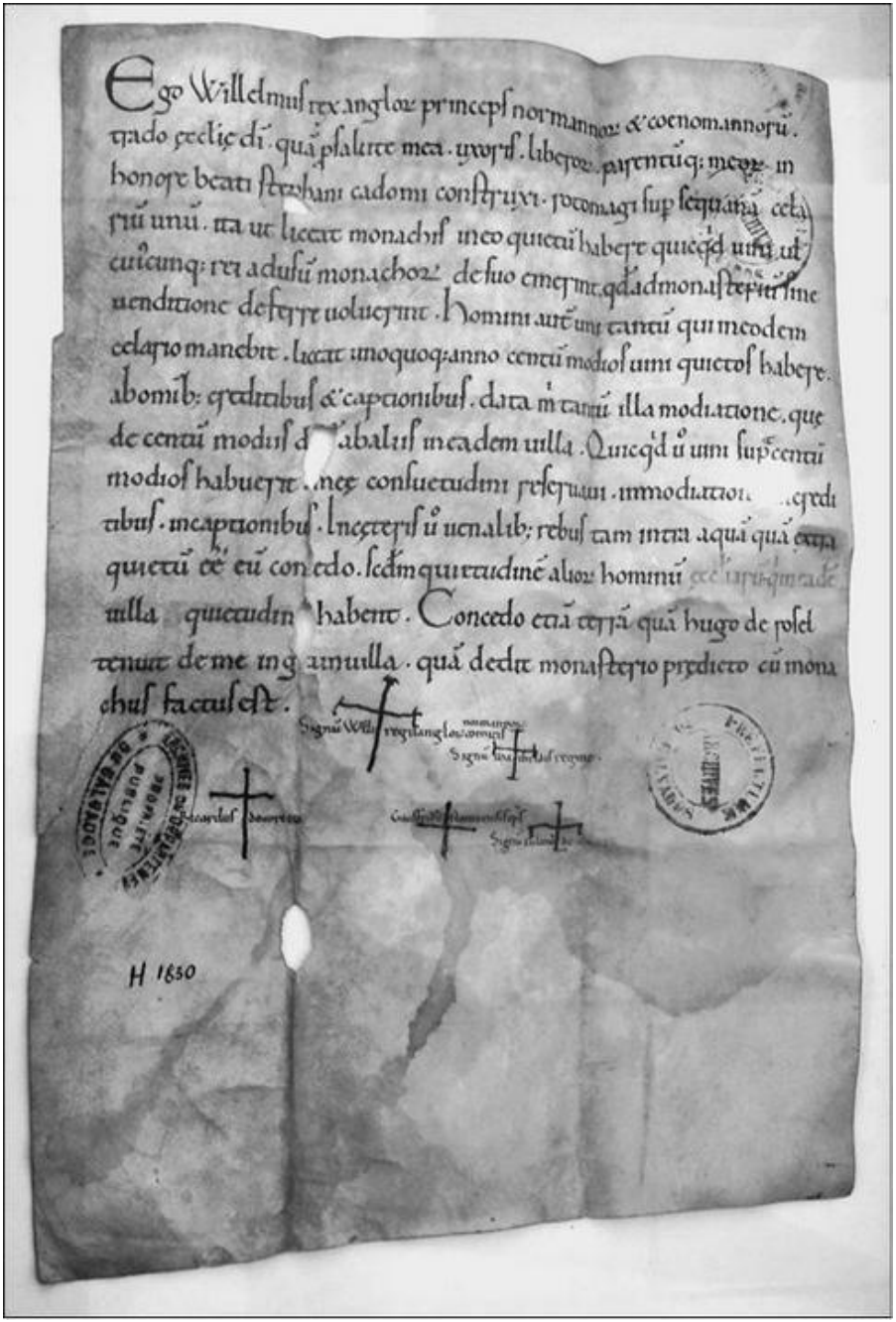

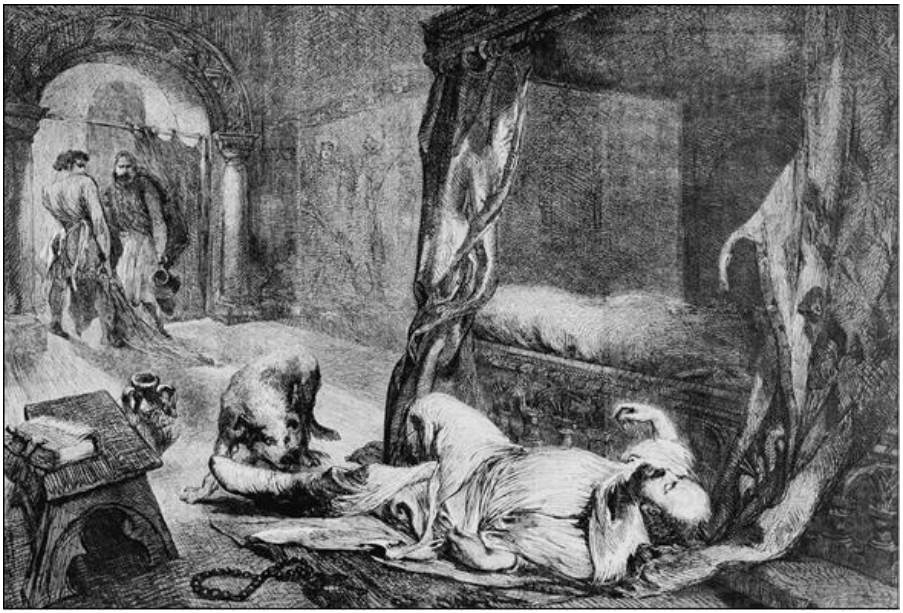

Печати Вильгельма Завоевателя и их прорисовка

Дарственная грамота церкви Сент-Этьенн в Кане (Нормандия) с подписью Вильгельма I

Смерть Вильгельма Завоевателя. Гравюра Дж. Гилберта. 1861 г.

Надгробие Вильгельма I в церкви Сент-Этьенн в Кане